

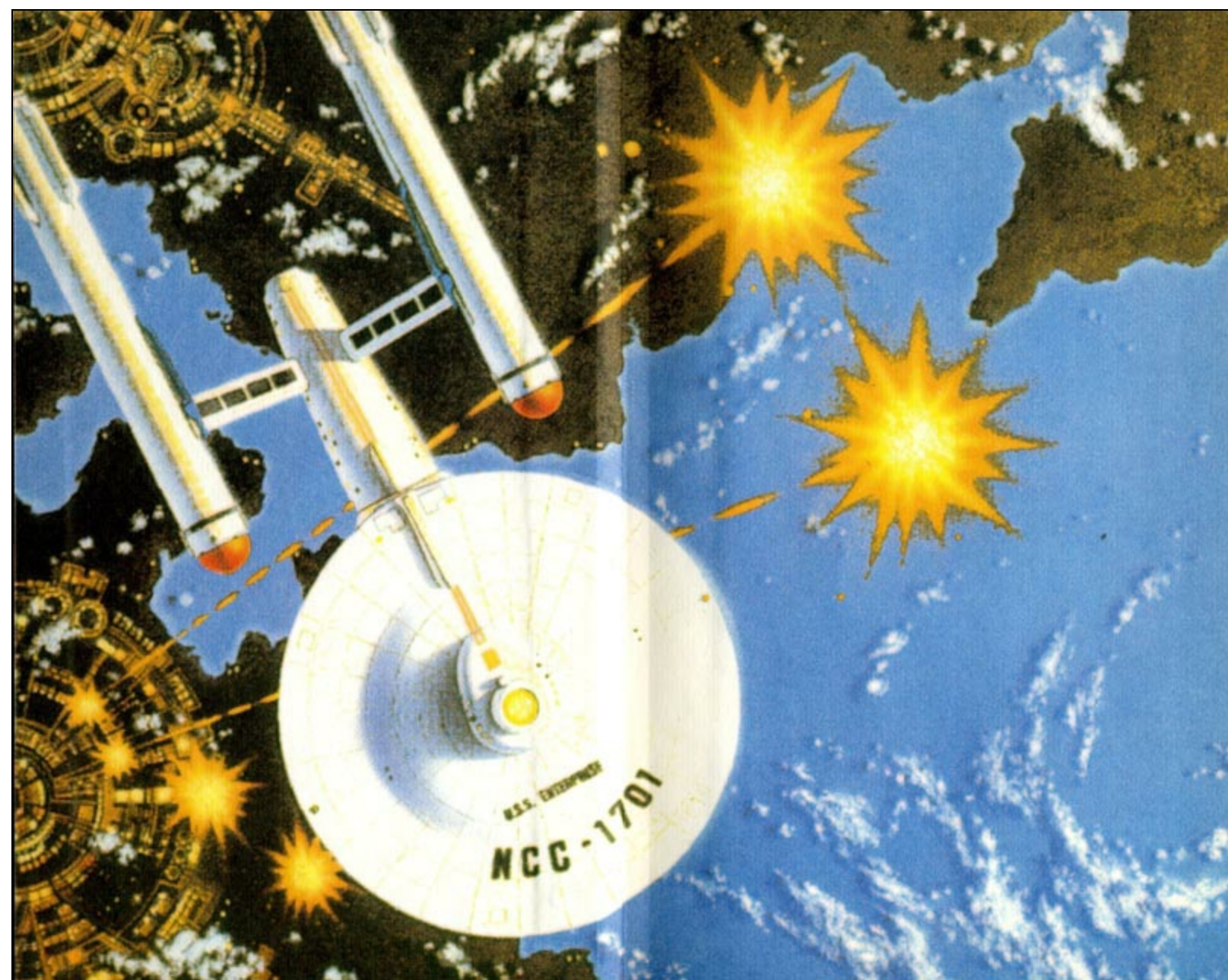
МАКСИМ ГОЛИЦЫН

ВРЕМЯ
ПОБЕЖДАЮЩИХ

Волна жестоких убийств, совершаемых мутантами-тугами, захлестнула планету. А тут еще и исчезновения тысяч людей в разных уголках земного шара. Руководство Особого отдела полиции сбилось с ног, пытаясь выстроить все эти странные события в логическую цепочку. Кому поручить расследование всей этой чертовщины, терроризирующей население Земли? Конечно же, инспектору Олафу Матиссену, обладающему уникальной способностью притягивать к себе самые немыслимые неприятности. И вот он вместе с напарником-инопланетянином отправляется в Гиблые Земли — эпицентр ядерной катастрофы, так страшно изменившей облик планеты.

Максим Голицын

Время побежденных

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

МАКСИМ ГОЛИЦЫН

ВРЕМЯ

ПОБЕЖДЕННЫХ

Мексиканское нагорье

20 сентября 2017 года

Полночь

Рэдклифф, расслабившись, откинулся на спинку стула и устало потер лицо. Месяцы напряженной работы были позади. Вот она — пусковая установка, плод инженерной мысли лучших специалистов Земли. Сколько было споров, тонких дипломатических ходов, сколько протоколов подписано, сколько средств вложено.

Наконец-то все страны научились действовать сообща, переступив через мелкие политические амбиции — пусть и перед лицом великой опасности. Теперь человечеству больше не угрожает Харон — огромный астероид, преодолевший космические бездны, чтобы здесь, на краю Галактики, столкнуться с небольшой, но населенной разумными существами планетой — Землей.

Пусковая установка ракеты с ядерной боеголовкой огромной мощности должна сработать, вызвав взрыв в строго рассчитанной точке далеко за пределами земной орбиты. Просто не может не сработать!

Рэдклифф отодвинул стул и вышел из комнаты, освещенной лишь смутно мерцающими огоньками датчиков.

Душная, неподвижная тропическая ночь тут же окружила его. Прикосновение воздуха, напоенного пряными запахами, было точно объятия пылкой и нежной женщины. Небо — темное и глубокое — мерно мерцало привычными созвездиями. Даже не верилось, что оно может скрывать смертельную угрозу, что где-то там, в непроглядной тьме и адском холоде неумолимо движется навстречу Земле смертоносный осколок какого-то давно погибшего мира.

Звуки шагов перекрыли одуряющий треск цикад. На крыльцо приземистого здания, сооруженного рядом с шахтой, скрывающей пусковую установку, вышел Моралес, один из крупнейших физиков-ядерщиков своего времени. Стройный и гибкий, с ленивой грацией пантеры, он производил на несведущего человека впечатление танцор а-жиголо.

— Не спится? — он дружелюбно подмигнул Рэдклиффу. — Все в порядке. Мы успели. Тютелька в тютельку. Тебе надо расслабиться, дружок. Поехали вниз, в долину, и я покажу тебе парочку симпатичных и весьма значных заведений.

— Да я и сам не прочь, — Рэдклифф с удовольствием потянулся. — После времени «ноль». Договорились?

— Договорились.

«Я слишком устал, — подумал Рэдклифф. — Слишком много работы, бессонных ночей, бесконечных расчетов... Слишком велик груз ответственности. Но скоро и впрямь можно будет позволить себе расслабиться. Сегодня в пять утра все будет позади».

Рассеянно улыбаясь, он представил себе, как раскроется жерло шахты и из него медленно выдвинется смертоносная боеголовка ракеты. Смертоносная — но на этот раз по странной иронии судьбы именно она даст человечеству шанс на спасение.

И реактивный снаряд, вырвавшись на свободу, полетит по заранее рассчитанной траектории, преодолеет земное тяготение и где-то за орбитой Земли столкнется с мрачным Хароном.

Будет взрыв, странный взрыв, бесшумный, поскольку космическое пространство глухо и немое; взрыв, которого никогда еще не видела ни одна живая душа и, надеюсь, больше не увидит, настолько мала вероятность, что подобное событие повторится в обозримом будущем.

Он вдохнул полной грудью пряный ночной воздух.

И вдруг что-то изменилось...

Южная ночь, мерно дышащая вокруг, осталась на первый взгляд такой же — звуки, запахи, — но все вдруг наполнилось непонятной тревогой, словно черное облако окутало плато, под которым была спрятана шахта с ракетной установкой. Казалось, тьма наполнилась шепотом, повторявшем на неведомом языке одни и те же слова, один и тот же призыв...

И что-то в Рэдклиффе, какая-то сторона его души, вняло этому призыву. Внезапно с холодной, отчетливой ясностью он понял, что должен делать. Он развернулся и деревянной походкой направился обратно, туда, где мерцал огоньками командный пульт. Эти огни, их расположение раздражали его, сводили с ума своим мерцанием, и он точно знал, как прекратить эту чудовищную пытку.

— Ты куда? — окликнул Моралес.

— Голова заболела, — механически отозвался Рэдклифф.

И это было правдой.

Голова болела нестерпимо, точно ее сжимало раскаленным обручем, и он торопился предпринять что-то, пока мозг не выжгло дотла, превратив в кучку обугленной мертвой материи. Он точно знал, что может прекратить это и как этого добиться.

Задыхаясь и смаргивая, чтобы отогнать багровую пелену, застилающую глаза, он ринулся к пульту.

Задействовать управление было не так-то просто, но не для Рэдклиффа — ведь он сам отлаживал программу запуска, и коды ее включения теперь стояли перед глазами, точно отпечатанные лазерным принтером.

Почти вслепую он положил пальцы на клавиатуру компьютера.

Он не знал, сколько прошло времени — минута? десять минут? вечность? — когда услышал за спиной чьи-то шаги и встревоженный голос спросил:

— Эй, Рэд, что ты делаешь?

Только теперь он смог оторвать взгляд от пульта, к которому его тянуло точно магнитом.

За креслом стоял Моралес.

Физику стоило лишь кинуть взгляд на показания дисплея, чтобы его острый ум осознал, что произошло.

— Что ты сделал, подонок?

Рэдклифф недоуменно поглядел на него — ведь он сделал то, что нужно, то, что от него требовалось, — разве не так?

— Что ты натворил, безумец! — Моралес подскочил к инженеру и стал трясти его за плечо. — Сделай хоть что-нибудь! Прерви процесс! Мы же все взлетим на воздух!

Рэдклифф огляделся. Почему Моралес так на него кричит? И почему они вновь оказались в Центре управления? И что показывают приборы?

О Боже, что на приборах!

Отшвырнув руку Моралеса, он в лихорадочном темпе попытался остановить запуск.

Но было поздно.

Глубоко под землей в своей смертоносной колыбели начали сближаться урановые полушария.

Взрыв потряс воздух — взрыв и огненный смерч, сметающий все живое на сотни километров окрест...

За какой-то миг испарилась, распалась на радиоактивные атомы последняя надежда человечества. Миллионы людей по всему миру ощутили этот взрыв — землетрясение, страшный, чудовищный толчок, разрушивший и хрупкие башни небоскребов, и крепкие, сработанные на века дворцы во многих городах Земли, а потом и увидели зловещее зарево, охватившее полнеба...

Началась новая эра человеческой истории — горькая эра.

ЧАСТЬ 1
ПОЛНОЧЬ

25 октября 2128 года

2 часа ночи

...Мрак и ярость... Неведомая черная тень надвинулась на меня. Я отчаянно пытался бороться, но мой противник ледяной рукой сдавил мне горло — я едва мог дышать. Наконец, после немыслимого усилия, мне удалось вырваться, и я потянулся к кобуре — но она была пуста. А он усмехался — я не столько видел, сколько чувствовал зловещую усмешку на его лице, вернее, зловещий оскал... Задыхаясь, в последнем усилии я отбросил от себя тяжелое тело и размахнулся, целясь в ненавистную морду... но пальцы прошли сквозь нее, как сквозь туман... что-то донеслось извне — какой-то посторонний звук, странно знакомый во всем этом кошмаре... Он мешал мне сосредоточиться, назойливо напоминал о чем-то...

Я очнулся.

Телефон все продолжал надрываться в крошечной тьме. В который раз я привычно проклял себя за то, что поленился переставить его поближе к постели. Ругаясь, я опустил ноги на холодный пол, и острый каблук дамской туфельки впился мне в босую пятку. Как, черт подери, зовут эту девицу? Тина? Таня? Все из головы вылетело.

Ну и набрался же я вчера вечером!

Прихрамывая, я добрал до аппарата, ощупью нашел телефон на столике и снял трубку.

За окном тьма египетская. Который час, интересно? И кому это неймется посреди ночи?

Тем не менее я, должно быть, подсознательно уже был готов к тому, что голос в телефонной трубке принадлежит не какому-нибудь идиоту-шутнику, а моему шефу — человеку семейному, положительному и серьезному до тошноты.

— Олаф?

— Он самый, босс, — уныло отозвался я.

Черт, до чего же башка трещит!

— Так, значит, ты еще способен связно разговаривать? А Карс уверял меня, что ты вчера...

— Босс, — сказал я, — Карс хоть и свой парень, ни черта не понимает в человеческой физиологии. Он решил, что раз я вчера вечером перебрал, то вырублюсь по крайней мере на неделю. Трепаться ему нужно поменьше... Вот увижу его, разберусь.

— Для этого тебе придется прийти в контору, — усмехнулся Антон.

С меня слетели последние остатки сна. Я насторожился.

— Он что, уже у вас?

— Вот именно.

Тут я понял, что дело плохо. Вообще-то это неудивительно. Наш отдел на то и существует, чтобы трепать своим сотрудникам нервы, а уж если доблестный добропорядочный Антон Стаковски звонит посреди ночи своему крайне беспутному, но весьма талантливому подчиненному, то подчиненный этот ему скорее всего нужен не для того, чтобы совместно распить бутылочку в тиши уютного начальственного кабинета.

— Сейчас буду, — ответил я, прекращая дальнейшие расспросы. У нас это не принято.

И ощупью стал натягивать джинсы. Чтобы найти и пристегнуть кобуру мне тоже не понадобился свет — это я мог сделать даже с закрытыми глазами.

Девицу эту — Тину или Таню — я будить не стал. Надеюсь, у нее хватит ума захлопнуть

дверь, когда будет выметаться отсюда. На то, что она приберет развал, оставшийся после вчерашнего, я не особо рассчитывал. Тут уж одно из двух — либо секс-бомба, либо хозяйственная клуша. Эта была секс-бомба.

Все еще ежась от ночного холода, я вывел из гаража свой «Пежо». От Аллегаттен, где я снимал квартиру, — крохотной улочки, на которой не было ничего, кроме двухэтажных гостиниц да частных домиков, и никто не тревожил ночного покоя даже в наше смутное время, — до Парквейн, где разместилась наша контора, можно было дойти пешком за пару минут, но я рассудил, что, может, вызовом в контору ночное происшествие не ограничится и скорее всего придется пилить еще куда-нибудь. Контора, понятное дело, располагала своим автомобильным парком — по-моему, на данный момент не было в мире организации, которая бы снабжалась всякой техникой лучше, чем мы, — но я притерпелся к своей лошадке.

Въезд на Парквейн был перегорожен шлагбаумом — весь квартал занимали муниципальные службы, но на самом деле охранялось только здание комитета: то ли мы отгораживались от добропорядочных граждан, то ли они от нас — чем не чумной карантин, ей-Богу! Патрульный шагнул к машине и направил фонарик мне в лицо. Я зажмурился от ослепительного света. В ночном патруле сегодня стоял кадар. Почти все кадары кучковались в нашей конторе и еще в десятках таких же контор, разбросанных по всему земному шару. Не то чтобы они избегали людей — земляне к ним притерпелись, и даже те из нас, кто никогда сам лицом к лицу не сталкивался ни с одним кадаром, чуть не ежедневно имели сомнительное счастье лицезреть их по телевизору. Но по-настоящему вращать в земную жизнь кадары не смогли, как ни старались, как ни учили языки и обычаи. Того и гляди ляпнут что-нибудь не то или ненароком сотворят что-нибудь этакое — растаскивай потом драки в барах, где пьяные мужики впятером лезут на одного кадара, а тот только отмахивается от них и глазами хлопает... Правда, нужно отдать им должное, отмахиваются они здорово — видно, их там, на инструктаже, не только языкам учат, и, где у нас, у землян, самые уязвимые точки, им ох как известно...

В общем, я решил, что любоваться моей рожей патрульному надоело, и полез за пропуском. Кадары почти все для меня на одно лицо, я узнаю только своих: Карса, например, да еще пару-другую, а значит, и все земляне скорее всего, с точки зрения кадаров, ходят друг на друга. На всякий случай я сказал:

— Привет, красавчик.

Что было неправдой. Уж кем-кем, а красавчиком он не был. Да и никто из них.

Он официально произнес:

— Инспектор Матиссен?

Выговор у него был странноватый — видно, из новеньких.

— Для тебя Олаф, дорогуша, — отвечаю любезно.

Он вернул мне пропуск и холодно сказал:

— Проезжайте.

Вообще-то кадары — ребята бесхитростные и всяких тонкостей вроде насмешки не понимают, но этот вроде обиделся.

Шлагбаум поднялся, и я въехал в святая святых.

Наш Особый отдел приписан к полицейскому комиссариату. Так всем удобнее — и им, и нам тоже: не надо держать отдельный штат экспертов и осведомителей, и многие сведения можно получить, не поднимая излишнего шума. Да и сами мы часто не знаем, какое дело

окажется нашим, а какое можно будет отдать бравым парням, состоящим на муниципальном обеспечении.

К ним коридор за дверью ведет направо, к нам — налево. У них на стене намалеван указатель «Полицейское управление». К нам указателя нет. Кому надо, те и так знают, что именно располагается за пуленепробиваемой дверью.

Я-то эту дорогу знаю хорошо. Слава Богу, не первый год тут вкальваю.

Коридор казался пустым, но я отлично понимаю, что бесстрастные глаза телекамер фиксируют каждое мое движение. Забреди сюда кто по ошибке из полицейского управления, из сумрака тут же материализовался бы охранник — человек или кадар — и вежливо, но твердо выпроводил бы незваного посетителя в правое крыло... а уж потом расспросил бы, что ему тут, собственно, было нужно.

В просторной комнате сейчас было непривычно темно и тихо. Днем-то народ кишмя кишит, бегают оперативники, эксперты, девицы какие-то носятся — то ли секретарши, то ли курьерши... а сейчас — безлюдно, столы за полупрозрачными перегородками словно кладбищенские плиты. Дальний конец комнаты-пенала смутно освещен — там мерцал холодным светом экран интеркома и горела одинокая настольная лампа. За матовым стеклом маячили смутные силуэты. Я протопал туда.

Босс мой сидел за столом. Вероятно, его точно так же, как и меня, подняли посреди ночи, но по его виду этого уж никак не скажешь. Что бы ни случилось, он всегда выглядит спокойным и невозмутимым. Помню, попали мы с ним как-то в одну переделку — не по нашему непосредственному ведомству, а помогая соседям — коллегам из муниципалки; нужно было обезвредить свихнувшегося террориста, захватившего автобус с трупной разъездного театра. Он тогда успел вырубить парня раньше, чем тот выдернул чеку из гранаты — и даже галстук у него на сторону не съехал.

Рядом с ним топтался Карс — мой напарник. Лица у кадаров вообще почти ничего не выражают, но я знал Карса уже достаточно долго, чтобы понять, что он встревожен.

Увидев меня, Антон поднял голову и рассеянно кивнул. Карс, не отрывая взгляда от распечатанных сводок, помахал мне четырехпалой рукой.

— Что ж ты заложил меня, чучело? — обратился я к нему.

— Заложил? — он на миг удивленно на меня вытаращился. — Ах да... понимаю. Ты хочешь сказать... Антон меня спросил: что ты делал вчера вечером, а я ему сказал, что ты уже после второй бутылки ничего не делал, а...

— Ладно-ладно, — поспешно прервал я. Вот в чем беда кадаров — ну не разбираются они в тонкостях человеческого общения, и все тут. И самое забавное — что Карс вроде бы ничего плохого в виду не имел.

— Погляди, Олаф, — Антон перебросил мне через стол пачку фотографий и несколько распечатанных сводок.

Я вопросительно взглянул на него.

— Вы думаете, это наше дело, шеф?

Он хмыкнул.

— А сам-то ты как думаешь?

Я проглядел фотоснимки — один за другим.

— Да... похоже...

— Помнишь тот случай месяц назад? В Ставанге? Почерк похож, верно? У нас уже тогда возникли подозрения.

— Думаете, один и тот же, шеф?

— А сам ты как думаешь?

Я еще раз проглядел фотографии, и, хоть я, казалось бы, ко всему притерпелся, меня замутило.

— Туг, — уверенно сказал Антон, — руку даю на отсечение, туг.

— Не стоит рисковать, шеф, — серьезно возразил Карс, — кругом полно всяких психов. Может, и этот просто свихнулся, вот и все. Помните, был уже один такой случай? В Копенгагене? Все тогда были уверены, что это туг, и дело нам передали, а когда мы его наконец подстрелили, выяснилось — просто маньяк.

— Как же, помню, — вставил я. — Старина Таум тогда чуть не плакал; как же — такой псих, и никаких тебе видимых отклонений. Я сам его и подстрелил, кстати.

— Ладно, — устало сказал Антон, — хватит болтать. Дело передали нам. На месте разберетесь. Поезжайте. Свяжетесь со мной из Фьорде. Тамошние власти уже в курсе. Они вам и помогут, если что.

— И заметь, он расширяет поле деятельности, — добавил Карс, — сначала была Ставанга... от Бергена рукой подать.

— Нашего филиала там нет, — продолжил Антон, — Фьорде — город небольшой, в целом благополучный, обычно муниципальщики сами справлялись... В общем, нужны вы им. Приедете — сразу свяжетесь с местным полицейским управлением. Если еще что-нибудь понадобится...

— Знаю-знаю... тут же связаться с вами.

— В общем, шевелитесь. — Антон склонился над столом и начал что-то писать на листке бумаги. — Подробней с материалами ознакомьтесь по дороге. Да... и еще... у нас теперь новый психолог. Арно услали на переподготовку. Захватите его по дороге — и сразу туда. Он уже в курсе. Вот адрес.

Я поглядел на бумажку, скатал ее в комоч, кинул в пепельницу на соседнем столике и попал.

— Непонятно, зачем нам вообще нужны эти психологи. Толку от них никакого.

— Это тебе так кажется, — холодно возразил Антон.

— Ладно, — говорю, — нам действительно по дороге. Пошли, Карс.

— Удачи вам, ребята, — напутствовал Антон, — и возьмите вы его поскорее, Бога ради. Сколько работаю, а все привыкнуть никак не могу.

Я помахал ему рукой, и мы с Карсом двинулись к выходу.

Напарник мой покорно сел на место пассажира. Вообще-то он предпочитает вести сам, а уж когда я с похмелья, то и вовсе мне не доверяет, но сейчас, видно, понял, что ненароком настучал на меня шефу, вот и мучается. Демонстрирует мне, какой он покладистый. Я тоже не стал поминать ему грехи — что было, то прошло.

Уселюсь, я врубил зажигание.

— Олаф...

— Ну, — пробурчал я.

— А эта девушка? Такая, с этими... как ты их называешь? Буферами...

— Ну?

— И как?

— Полный улет, — успокоил я его.

— У вас странные брачные ритуалы.

— О Господи, Карс, — вздохнул я, — где тебя готовили, черт возьми?

— На базе. Ускоренный курс.

— Оно и видно, что ускоренный. Ну при чем тут, скажи на милость, брачный ритуал? Да если уж ты телевизор наш не смотришь, хоть бы книжки почитал для разнообразия!

— Я читал одну книжку, Олаф, — с готовностью отозвался мой напарник, — хорошая книжка. «Анатомия и физиология человека» называется.

— Не то ты читаешь. Это же голые факты. Никакой романтики. А ты бы что-нибудь художественное почитал, роман какой-нибудь. Ну, хотя бы эту... «Даму с камелиями»...

— Но ведь это же выдумка, Олаф. Вранье... зачем же его читать?

Ну что ты тут скажешь?!

Мы с Карсом работаем на пару уже больше года. Прислали его сюда, когда стало совсем уж худо. До этого я работал с другим напарником — человеком... Тут достал его раньше, чем я успел достать туга. А потом на его место назначили Карса. Самое странное, что мы с ним сработались — из нас вышел неплохой тандем.

Я вот иногда думаю — если бы не Катастрофа, мы давно бы уже и сами вышли в космос, и тогда, возможно, не кадары наши бы нас, а мы — кадаров, и не было бы у них орбитальной базы, и не мучилось бы человечество завистью, наблюдая, как спускаются с неба их легкие корабли... Правда, кое-кто поговаривает, что, не будь Катастрофы, и тугов не было бы, а значит, необходимости в помощи кадаров — тоже. Никто бы никого тогда не искал, не было бы никакого контакта, а занимались бы все своими собственными делами... Всем бы было спокойнее.

Я вздохнул...

Катастрофа потянула за собой все, что обычно приносят катаклизмы такого размаха, — экономический хаос, неразбериху, крушение политических систем, озверевшие толпы, для которых не существует ни границ, ни законов... И как только уцелевшие страны стали выбираться из того беспредела, в который они были отброшены, как только удалось кое-как наладить жизнь, сойти с грани голода и хаоса, на которой несколько лет балансировало человечество — вот тогда и появились туги...

«Пежо» вильнул на ухабистой дороге, выправился и замер у подъезда respectableного особняка. Нас, похоже, уже ждали — свет на втором этаже горел, и, когда я нажал на кнопку звонка, замок щелкнул и дверь отворилась.

Сначала я подумал, что все-таки ошибся адресом — на пороге стояла бабенка, довольно хорошенькая, хоть и не в моем вкусе — слишком худошавая. Густые волосы с медовым отливом падали на прямые плечи, на меня внимательно смотрели глаза чудесного золотисто-карего оттенка... Одетая она была в черный, наглухо застегнутый комбинезон и вид имела суровый и неприступный.

Странно, что она при полном параде сейчас, глубокой ночью, — мелькнуло у меня в голове. Место тут, в общем, спокойное, но сейчас мало кто отважится шляться по ночам...

Тем не менее я сказал:

— Привет, детка. Мне нужен доктор Перелли. Скажи ему, что машина ждет у подъезда.

— Я Перелли, — произнесла она глубоким мелодичным голосом.

Видно, жена, а может, и дочка...

— Мне нужен доктор Перелли, — сказал я терпеливо, — «Эс» Перелли — так там было написано. «Эс» — это «синьор», верно?

— «Эс» — это Сандра, — сказала она, — Сандра Перелли. И доктор — это тоже я.

Я ошеломленно уставился на нее.

— Доктор Сандра Перелли, криминалист-психолог, — холодно представилась она. — Сейчас специализируюсь по тугам — прошла полугодовую подготовку.

— В Нью-Йорке?

— Нет, в Петербурге.

— А... у Караваева?

— Верно, — все еще холодно подтвердила она.

— Слышал о нем. Говорят, он один из лучших.

— Во всяком случае, мировая величина, — вмешался Карс, которому надоело сидеть в машине. — Нам нужно спешить, Олаф.

Я спохватился:

— Доктор Перелли, позвольте представить вам моего напарника. Карс — доктор Перелли.

Она протянула для пожатия свою хрупкую, но сильную руку. Пожалуй, в ней все-таки было нечто — какая-то изюминка. Скрытый южный темперамент тлел в ней, словно огонь под ледяным покровом, не прорываясь до поры до времени наружу. Карса она восприняла спокойно — наверняка уже имела дело с кадрами. В нашей работе иначе нельзя...

— Очень приятно, — сказала она, — можете называть меня Сандрой. Нам придется работать вместе, так что формальности отбросим. Это и есть ваша машина, инспектор Матиссен?

И она подозрительно посмотрела на мой обшарпанный «Пежо».

— Зверь, а не машина, — успокоил я ее. — Не смотрите, что он с виду такой тихий, он на все способен. Кстати, ко мне это тоже относится.

С тем же холодным подозрением она оглядела с головы до ног и меня. Мне этот взгляд не понравился. Какой-то он был... слишком уж профессиональный, что ли.

— Надеюсь, что так, — сказала она с сомнением, — впрочем, поглядим. Я готова ехать, господа. Надеюсь, с материалами я смогу ознакомиться по дороге?

Я кивнул, и мы сели в машину.

Сандра расположилась на заднем сиденье. Еще когда она пригнулась, чтобы забраться в машину, я заметил, что она неплохо сложена. Тоненькая, но вполне аппетитная, а обтянутый черным комбинезоном зад выглядел просто соблазнительно. Интересно, а какова она на ощупь? Я едва удержался, чтобы не хлопнуть ее по заду. Меня остановила четко обрисовавшаяся под курткой кобура с пушкой и охотничий нож, который висел на поясе этой амазонки. А я-то, дурак, думал, что нам придется таскать за собой толстого лысого увальня-профессора! Этой палец в рот не клади — откусит! Вон какие зубки беленькие.

Я дал газу, и мы, покружив немного в сонных улочках и слегка поугав мирных граждан, выбрались наконец на магистральное шоссе, ведущее из Бергена во Фьорде.

Оно было пустым и темным, свет наших фар еле-еле пронизывал тьму, отбрасывая в мелкой водяной пыли призрачный ореол. Ни одного огонька, ни одной встречной машины, и лишь иногда, точно безумные привидения, выплывали нам навстречу из тьмы покрытые фосфоресцирующей краской дорожные знаки.

На Сандру, однако, эта мрачная атмосфера несколько не подействовала.

— Материалы у вас? — деловито спросила она.

Карс, не оборачиваясь, протянул ей конверт.

Вытащив из внутреннего кармана крохотный фонарик, доктор Перелли стала

просматривать снимки. Я ждал сдавленного взгласа, выражающего ужас и отвращение, но его не последовало. Она и впрямь была не из слабаков, эта докторша.

— Почерк, типичный для туга, — спокойно сказала она, — горло перерезано... да... спереди, вплоть до шейных позвонков, вот на этом снимке хорошо видно, поглядите, инспектор...

— Спасибо, я уже видел, — успокоил я ее.

Она продолжала:

— Брюшная полость вскрыта, внутренние органы... да, неплохо он поработал...

— Это может быть и имитатор, — заметил Карс, — вы — очень впечатлительный народ. Стоит только кому-нибудь выкинуть что-то из ряда вон выходящее, пусть даже гадость какую-то, как тут же обязательно найдется псих, жаждущий повторить этот подвиг.

— «Гадость» — это ты верно выразился.

Карс пожал плечами. Думаю, он перенял этот жест у нас, у людей, — как и многое другое, впрочем...

— Какие у тебя планы, Олаф? Сначала едем на ферму, потом в местный участок, правильно?

— Не знаю, зачем он нам нужен. Тела-то уже везут к нам, я думаю. Но можно и в участок.

— Свидетели есть? — деловито спросила Сандра.

— Непосредственных нет, разумеется. А тело нашел живущий по соседству фермер. Он и вызвал полицию.

— Я бы хотела поговорить со свидетелем. Потом — в морг.

Я усмехнулся.

— Приятная нам, одним словом, предстоит программа!

«Пежо» мой петлял по горной дороге, где за каждым темным поворотом открывался новый темный поворот. Когда-то горные дороги содержались в идеальном порядке, а теперь ограничивающие столбики покосились, краска на них облупилась, и мне приходилось глядеть в оба, чтобы не выскочить за ограждение. Черный зев тоннеля, который распахнула перед нами гора, раньше был обозначен фонариками, а внутри, по разделительной полосе, отражателями; нынче же свет фар метался по стенам, выхватывая из тьмы замшелые серые своды с застывшими потеками ржавчины. У стены догнивал полуразвалившийся остов автомобиля — его так и не удосужились убрать. На какой-то миг тьма полностью поглотила нас — светились лишь огоньки на приборной доске, да где-то сзади смутно мерцал фонарик Сандры. Мы словно попали в зловещую черную дыру, из которой нет выхода. Но выход все-таки был — тоннель внезапно кончился, и мы вновь оказались под слепым темным небом. Осень давно вступила в свои права — небо было обложено непроглядными тучами, склоны насупившихся гор тоже были темными, и лишь внизу, у подножия, тускло мигали огоньки, отражаясь в свинцовой воде фьорда.

Мы выехали к паромной переправе.

Темная полоса северной недоброй воды, надвое рассекающая горные хребты, была пуста — паром ушел. У причала скопилась небольшая очередь — не то что в былые времена; один обшарпанный грузовичок, легковушка да парочка отблескивающих черным лаком и хромированной арматурой мотоциклов. Конструкция их не изменилась, пожалуй, с позапрошлого века — владельцы и так считали их совершенством. Я опустил стекло и высунулся в окошко — в лицо мне тут же ударил холодный солоноватый ветер с моря.

— Эй, приятель, — окликнул я вахтенного, который, натянув на голову капюшон дождевика, лениво прогуливался взад-вперед по причалу, — паром когда будет?

— Часа через два, не раньше, — мрачно ответил тот, — он по ночам ходит редко.

Я огляделся. Огни у автомобилей были погашены, мотоциклы подставляли небу пустые седла. Видимо, владельцы нашли себе поблизости гнездышко поуютней, чем причальные доски.

Я вновь окликнул мрачного стража переправы.

— Может, подскажешь, где тут можно переждать и выпить чего-нибудь горяченького?

— Опять выпить, Олаф? — забеспокоился Карс. — Может, на сегодня хватит?

— Кофе, парень, — успокоил я его, — я имею в виду кофе. Я ведь за рулем, верно?

— Вот это меня и беспокоит, — сказал Карс.

— Говорю тебе, все в порядке. И дама замерзла...

— Обо мне не волнуйтесь, — отозвалась Сандра.

— Пошли-пошли, — сказал я, — я угощаю. Так куда подгребать?

Смотритель неопределенно махнул рукой куда-то в сторону; там, на урезе воды, расположилась низкая одноэтажная постройка, из смутно освещенных окон, перекрывая нестройные голоса, доносилось разухабистое завывание музыкального автомата. Приятное местечко, одним словом, уютное такое...

Я оставил своего верного конька дожидаться в молчаливой очереди таких же стальных зверушек, а сам выбрался на мокрый настил и потопал на звуки музыки. Спутники мои последовали за мной. Карс благоразумно заткнулся — все, что считал нужным, он уже высказал в машине, а когда приходится общаться с внешним миром, всем заправляю я, а он — на подхвате. Это обычная практика такой вот совместной работы, насколько мне известно.

Сандра шла рядом со мной, откинув голову и засунув руки в карманы. Ее изящные ноги, обутые в низкие сапожки, уверенно ступали по настилу. Выглядела она привлекательно — даже очень, — словно яркая тропическая птица ненароком залетела в наши унылые края, и в глубине души у меня шевельнулось смутное, но недоброе предчувствие — уж слишком обращала на себя внимание ее экзотическая красота.

Я толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь; в помещении было полутемно и дымно, я уже подошел к стойке бара и лишь тогда понял, что предчувствия мои оправдались. Сам виноват — профессионал должен прислушиваться к внутреннему голосу.

У стойки расположились Ангелы Ночи. Это их мотоциклы стояли на причале.

Ангелы — крутые ребята. Они носятся по матушке-Земле на своих железных конях, нигде не задерживаясь надолго. Туги страшны тем, что невидимы, что разят исподтишка, не угадаешь, кем может оказаться тихий и незаметный тип за соседним столиком в баре или доброжелательный попугайчик в автобусе; но Ангелы Ночи — те никогда не маскируются. Они наводят страх одним своим видом. Затянутые в черную кожу, татуированные, вооруженные до зубов, одним только своим именем они наводят страх на живущих в отдалении мирных скотоводов и владельцев лососевых ферм.

Их было пятеро. Пятеро здоровенных бритоголовых мужиков в кожаных жилетках на голое тело расселись у стойки как хозяева, тогда как шофер грузовичка и еще один типчик, видимо водитель малолитражки, робко жались в темном углу и явно чувствовали себя неуютно.

Шкурой чую драку, но тут уж ничего не поделаешь, ретироваться поздно. Стоит лишь

повернуться к этим типам спиной, как в них тут же просыпается инстинкт хищника, преследующего беззащитную жертву. Я покосился на своих. Они держались хорошо, спокойно, словно ничего не замечали. Я подошел к стойке и постучал монетой по исцарапанной пластиковой поверхности. Тихий неприметный бармен возник бесшумно, как летучая мышь. Я перебросил через стойку десять крон, и он проявил неожиданную ловкость, поймав монету на лету.

Я заказал себе двойное виски и повернулся к Сандре.

— Что вы будете пить, доктор?

— Пожалуй, шерри, — ответила она.

— Шерри для дамы и имбирного пива джентльмену.

Кадары не слишком западают на алкоголь, но пиво почему-то любят.

Бармен кивнул и деловито удалился.

— «Джентльмену», — послышался издевательский голос.

Я обернулся.

Рядом со мной возник один из Ангелов — здоровенный бугай с накачанными мышцами. Встретив мой взгляд, он словно ненароком толкнул меня плечом — не будь я готов к чему-то в этом роде, я отлетел бы к противоположной стене.

— Не нравится мне этот джентльмен, — сказал он с ухмылкой, — а вот дамочка, наоборот, нравится. Верно, ребята?

Те с готовностью загоготали.

— Может, дашь попользоваться?

— Олаф, — тихонько сказал Карс у меня за спиной, — мы, кажется, опять влипли.

— Не впервой, — отозвался я сквозь зубы.

Я небрежно расстегнул плащ, выставив кобуру на всеобщее обозрение, и стал ждать развития событий.

Оно не замедлило последовать. Особый отдел саморекламой не занимался, а оружие сейчас носили многие — на него даже специального разрешения не требовалось, нужно же людям как-то обороняться, поэтому громилу вид оружия не слишком насторожил. Таких обычно нелегко испугать — для этого у них недостаточно фантазии. Им просто в голову не приходит, что найдется кто-нибудь еще покруче. А потому он неторопливо, вразвалочку подошел к Сандре и опустил лапу ей на плечо. Что меня всегда поражало в таких вот молодчиках — это их самоуверенность. У них и сомнение не закрадывается в том, что любая особа женского пола в возрасте от десяти и до девяноста с лишком будет от них в восторге. Казалось, и Сандра не исключение — она нежно поглядела на затянутого в черную кожу бугая своими медовыми глазами и на краткий миг прильнула к нему — на очень краткий миг, потому что он тут же охнул и сложился пополам.

Прежде чем он успел опомниться, я двинул его рукояткой пистолета в ухо — и он отрубился уже надолго.

И тут началась потасовка.

Малый, которого я вырубил (не без помощи доктора Перелли), несмотря на свои внушительные габариты, был «шестеркой», мелкой сошкой, а теперь на меня пошел их вожак. Я сразу засек, кто у них тут заправляет, — этого требовала элементарная предосторожность, — у него и реакция была побыстрее, и повадка пожестче, а взгляд напоминал рыщущие глаза жестокого и быстрого хищника. В таких вот бандах на несколько тупых исполнителей всегда найдется один мужик с воображением — он-то и правит бал.

Я увидел, как он молниеносным движением татуированной руки выхватил скрытый полураспахнутой кожаной жилеткой обрез, и уже накрепко напряг мышцы, готовясь опередить его, как кто-то опередил меня. Раздался тихий, почти незаметный в общем гаме хлопок — и на груди вожака Ангелов Ночи расцвело красное пятно, а сам он начал медленно клониться вперед и наконец упал, уткнувшись головой в сапожки Сандры. Второй было тоже дернулся за оружием, но не успел. Карс с завидной ловкостью запустил ему в голову бутылкой, а пока тот соображал, что же, собственно, произошло, завел ему руку за спину, вывернув ее в суставе так, что противник взвыл от боли. Глядя на кадара, нипочем не догадаешься, на что он способен, но, если уж надо действовать, он многим тренированным бойцам даст сто очков вперед. Я не стал дожидаться, пока оставшиеся двое допрут, что на сей раз нашла коса на камень, а, подхватив табурет, обрушил его на голову ближайшего «ангелочка». Тем временем каблучки Сандры обрабатывали его напарника. Не прошло и двух минут, как все было кончено — на полу шевелились и постанывали бесформенные кучи. Сандра уже успела спрятать пистолет в кобуру и теперь поправляла прическу, а бармен наконец вылез из-под стойки, где он все это время благоразумно укрывался.

— Н-надо бы вызвать полицию, — выдавил наконец он.

— Не стоит беспокоиться, приятель, — и я помахал у него перед носом раскрытым удостоверением, — я и есть полиция.

Бармен бросил взгляд на печать, на четкий штамп «Особый отдел» и вытянулся в струнку.

— Простите, инспектор! Готов оказать посильную помощь!

— Ты несколько опоздал, — заметил я, — впрочем, можешь принести мне еще виски. Куда мой стакан подевался, ума не приложу.

— Конечно, инспектор, — заторопился тот, — за счет заведения!

И вновь исчез за стойкой.

Я махнул рукой. В конце концов, мы заслужили угощение.

— Давай, приятель, — сказал я, — тащи все вон за тот столик. И выруби ты, Бога ради, эту гадость!

Он недоуменно на меня вытаращился.

— А! Вы имеете в виду музыку?

— Если это ты называешь музыкой.

— Я посмотрю, что там у них есть, — и Сандра грациозно проследовала к музыкальному автомату, брезгливо обходя красные пятна на обшарпанном полу. Наконец из ящика полилась мягкая мелодия, томная, как южная ночь.

Мы расположились за боковым столиком — там было полутемно и почти уютно, не видно того развала, который сейчас царил в баре. Я слышал, как бармен связывается по радиотелефону с констеблем из ближайшей деревни. Не очень-то мне хотелось ввязываться в это дело, объясняться, давать показания, но я по опыту знал, что и там никто не горел желанием бежать сюда сломя голову на исходе ночи ради каких-то мерзких типов, ныне уже покойных; никто, естественно, не питал особой любви к этим бандитам, терроризирующим окрестности. К тому времени, как полиция прибудет на место — если она вообще прибудет, — паром уже отчалит и мы вместе с ним.

Что ж — фрау с воза...

— Знаешь, что меня удивляет, Олаф, — заметил Карс, с удовольствием отхлебывая свое пиво, — стоит только нам где-нибудь появиться, как почему-то сразу начинается... завируха.

Я правильно сказал?

— Почти. Ты, наверное, хотел сказать — заваруха.

— Ну да. Заваруха. Ты обладаешь прямо поразительной способностью притягивать к себе неприятности.

— Вы тоже, кадары, не из воскресной школы вышли. Вон как ты ему врезал.

— Нас учат обороняться, Олаф. Ты же знаешь. Меня инструктировали на базе — по возможности не применять оружия, а использовать подручные предметы. Чтобы не возбуждать ненависть коренного населения. Хотя, честно говоря, Олаф, коренное население и так нас не любит.

— А чего ты, собственно, от нас хочешь? Вы, кадары, были и остались для людей чужаками, да еще появились вскоре после Катастрофы, когда все пошло наперекосяк. Да и сейчас еще все паршиво. А раз дела идут паршиво, кто во всем виноват — естественно, кадары.

— Неприятности начались немножко раньше нашего появления, Олаф.

— Вот ты и объясни это людям. А о том, что неприятности начались раньше, кто сейчас помнит, кроме Особого отдела?

— Может быть, если бы вы предоставили нам экономическую помощь, внедряли бы свою технологию, к вам бы и относились получше, — вмешалась Сандра.

Карс повернулся к ней.

— Тебе, наверное, неизвестно, но нам разрешили тут работать только на правах консультантов. Когда ООН открыла нам сюда доступ, то было специально оговорено, что мы не имеем права использовать здесь свои технологии. Нам даже оружие не разрешено сюда завозить. Если бы ты знала, какой таможенный досмотр проходит каждый крейсер... Когда я высадился, при мне была только одежда да еще справочник...

— Знаю-знаю. «Анатомия и физиология человека».

— Представителей ООН можно понять, если вдуматься, — раздался незнакомый голос, — они боялись военной экспансии. А мы, когда шли первые переговоры, были не в том состоянии, чтобы суметь отразить внешнюю агрессию.

— Кресла свои они потерять боялись, — автоматически ответил я, — при своем уровне развития, при такой технологии, кадары, если бы захотели, взяли нас как миленьких, мы бы тогда и не пикнули... — А уж потом поднял голову, чтобы разглядеть собеседника.

Невзрачный мужичонка в очках. Задрипанный такой.

Но общий облик и повадка выдавали в нем культурного человека. Этим хлюпикам в наше суровое время, когда нужно уметь за себя постоять, приходится особенно тяжело — так что неудивительно, что у него такой жалкий вид, у бедняги.

— Прошу прощения? — Он нервно протер очки. — Я могу присесть за ваш столик?

Я было открыл рот, чтобы вежливо посоветовать ему отваливать покуда цел, — но меня опередила Сандра.

— Прошу вас, — сказала она с неожиданным радушием.

И почему это женщины всегда испытывают симпатию к таким вот мозглякам, не понимаю. Материнский инстинкт в них просыпается, что ли?

— Вы ведь парома дожидаетесь, верно? — спросил он. — Я тоже. Позвольте представиться — Бьорн Берланд, историк. Просто поразительно, до чего ловко вы разделались с этими мерзкими типами. Я не ошибаюсь — вы из полиции?

— Что-то вроде.

— Вот я тут ненароком слышал ваш разговор... Вы понимаете, я занимаюсь прошлым веком. В основном первой его половиной.

Больше он не заставил себя уговаривать — отодвинул стул и уселся.

— А, — сказала Сандра, — Смутным временем?

— Да. Сразу после Катастрофы. Двадцатые-тридцатые годы. Архивные материалы, пресса... иногда мемуары, дневники... Благодатная тема для историка, но нелегкая — с тех пор ведь мало что сохранилось. Первый контакт, встреча двух цивилизаций тоже приходится как раз на этот период. Вот я и заинтересовался. Никогда не приходилось самому общаться с кадрами, понимаете ли... Я, в общем, кабинетная крыса.

— Очень приятно познакомиться, — неуверенно отозвался Карс.

— Я и не думал, что придется выбраться в Берген. Но там удалось обнаружить новые материалы. Целый архив. Был похоронен под завалами Технологического центра, а теперь, когда у городских властей дошли наконец руки до реставрационных работ, выяснилось, что там, в подвале, была спрятана вся университетская библиотека. От нее мало что осталось, конечно, но все равно — без специалиста не обойтись.

Он снова нервно протер очки.

— Конечно, я не мог отказать... понимаете... когда я еще ребенком узнал о кадрах, я был просто потрясен. Вся беда в том, что сейчас мы мало об этом задумываемся — воспринимаем их присутствие как само собой разумеющееся. А ведь было время, — он повернулся к Карсу, — когда вы казались нам чем-то сверхъестественным.

— Я мало что читала о том времени, — вмешалась Сандра, — но мне кажется, первый контакт должен был вызвать потрясение. Шок. Столько веков человечество думало, что оно одиноко по Вселенной, искало братьев по разуму — и вдруг они пришли сами.

Бьорн явно оживился. Похоже, это был его любимый конек.

— Знаете, когда-то, в молодости, я жалел, что опоздал родиться. Мечтал оказаться свидетелем первого контакта. Наверное, поэтому и стал историком, начал работать с архивными материалами — и тут выяснилась одна интересная вещь...

Он обвел слушателей торжествующим взглядом.

— Не было никакого потрясения — никакого шока, ничего... Конечно, это оказалось из ряда вон выходящим событием, сенсацией, но не больше... Когда кадры появились, человечеству было просто не до них — слишком много навалилось собственных внутренних проблем. Ведь первый контакт пришелся как раз на годы после Катастрофы, на Смутное время — голод, эпидемии... хаос.

— Еще бы, — сказал я, — своя рубашка ближе к телу.

— Вот именно, — с горечью заметил историк, — потому и довели дело до Катастрофы. Пока спорили, на базе какой страны создавать супербомбу — боялись, что найдутся желающие использовать ее не по назначению, или, заполучив установку такой мощности, начнут шантажировать остальные государства, пока торговались, заключали соглашения — астероид благополучно себе шарахнул и дело с концом. А тут еще эта странная история...

— Вы имеете в виду взрыв установки? — спросила Сандра.

— Вот именно.

— Почему странная? — удивился Карс.

— Ну, вы, наверное, и сами знаете... Когда наконец установка для расстрела Харона была создана, когда уже установили ядерные боеголовки; все было отлажено, столько денег угрохали... и вдруг она ни с того ни с сего при загадочных обстоятельствах взрывается;

взрывом тогда смело половину Мексиканского нагорья... что, конечно, порядка не добавило. Большая часть Латинской Америки и сейчас запретная зона — там черт знает что творится...

— А я думал, это астероид...

— Какой там астероид! Да его падение вызвало и то меньше разрушений. Он, конечно, наделал дел — ведь уничтожить его так и не смогли. Правда, его расстреляли в атмосфере — вот все, что сумели сделать в этой общей панике, но обломки все равно упали на Землю.

Я повернулся к Бьорну:

— И что, так до сих пор и неизвестно, кто это сделал? И почему? Кому понадобилось взрывать установку? Ведь от этого никто не выиграл!

Бьорн вздохнул и начал рыться в карманах в поисках мелочи.

— Так и неизвестно. Ведь ни один свидетель не пережил этот взрыв. Мы можем только гадать. По некоторым предположениям — диверсия, хотя вы правы — непонятно, кому могла пойти на пользу диверсия такого масштаба. Но даже если и так, если принять эту гипотезу, возникает множество вопросов. Всех, кто работал на установке, проверяли на лояльность более чем тщательно, охрана там была великолепная — мышь не проскочила бы... Лично я склоняюсь к тому, что это была просто нелепая случайность. Знаете, одно из тех совпадений, которые поворачивают ход истории...

— Куда-то не туда он повернулся, этот ход истории, — сказал я. — Ладно, ребята, пора собираться. Спасибо за компанию, профессор.

Он кивнул и отошел к стойке — расплачиваться. Мы, не дожидаясь его, вышли из нашего временного приюта в недружелюбный холод северной ночи. Ветер изменил направление и теперь дул с фьорда, швыряя в лицо запахи ржавого железа и гниющих водорослей. Глухая осенняя ночь все еще длилась. Я поднял воротник куртки и огляделся. Вдалеке на маслянистой черной воде отсвечивали тусклые огоньки — приближался паром. Все расселись по машинам и только пять черных «Харлеев» с пустыми седлами сиротливо остались стоять под дождем. Служитель поднял шлагбаум, пропуская нас на пристань, а сам вышел вперед, чтобы принять причальный канат. Путешествие продолжалось.

* * *

03 июля 2031 года

От комиссара полиции г. Сочи

капитана В. Анджапаридзе

мэру города господину А. Акопяну

Дорогой Ашот! Понимаю, что у тебя сейчас своих неприятностей хватает, и пишу я тебе вовсе не за тем, чтобы кланчить очередную дотацию нашему управлению, хотя, видит Бог, мы отчаянно нуждаемся и в людях, и в оборудовании.

Две недели назад я направил следователя Краснова на расследование убийства в Приморском районе. Ты и сам этот район знаешь — он всегда был неблагополучным, и я не раз просил тебя почистить его хорошенько — снести все

эти временки, которые там самовольно понастроили беженцы, все эти б ар акимар акимар акимар, а людей оттуда переселить в пустующие корпуса санатория «Орианда». По крайней мере, если бы мы сосредоточили всю эту кучу народа в одном месте, за ними хоть наблюдать было бы можно. Это же известный во всем городе перевалочный пункт контрабанды и наркотиков.

Так вот, он (Краснов, я имею в виду) был занят расследованием убийства. Там что ни день, то поножовщина, что ни ночь — труп, сброшенный в море; словом, дело обычное, но это было уж очень поганое какое-то, даже наши ребята из медэкспертизы пребывали в некотором шоке. Говоря официальным языком, имело место глубокое рассечение хрящевых структур горла — то есть гортани и трахеи. Убита женщина, и сначала мы полагали, что имеем дело с преступлением на бытовой почве. Так его Краснов и начал расследовать. Тем не менее еще через несколько дней в том же районе была сходным образом вырезана целая семья, и мы поняли, что имеем дело скорее всего с маньяком. Сам знаешь, как сложно вычислить маньяка — никаких внешних проявлений, полная непредсказуемость. Одним словом, Краснов решил, что он может оказаться из абхазских беженцев — знаешь, каким-нибудь малым, у которого в конце концов просто поехала крыша от всех этих ужасов, что там творятся. С трудом связались с тамошними властями, и, к нашему удивлению, все подтвердилось — да, на территории Нового Афона зарегистрированы точно такие же преступления. Следы вроде бы совершенно отчетливо вели туда, но тут Краснова словно что-то подтолкнуло — ты же его знаешь, он следователь опытный и никогда не пренебрегает предчувствием, — запросил Киев. Говорит, сам не знает, что его заставило это сделать.

Ашот! И в Киеве, и в Краснодаре, и в Севастополе — буквально везде, по всему южному региону, были зарегистрированы аналогичные преступления. И это явно не один и тот же человек. Одному такое сотворить просто не под силу. Время этих преступлений часто практически совпадает в разных городах, удаленных друг от друга. Может, это секта какая-нибудь?

Ашот, я тебя умоляю, свяжись с вышестоящими инстанциями — пусть проверят, не были ли зарегистрированы подобные преступления и в других местах. Может даже, сможешь мне связаться с коллегами из Европы или Северной Америки?

Ашот, слушай, это очень серьезно. Мы столкнулись с чем-то, чего я не понимаю. Может, придется создавать координационный комитет или что-то в этом роде, но так этого оставлять нельзя!

В преферанс к Рубинштейнам в субботу играть не приду — мы по уши в дерьме. Если бы в сутках было двадцать восемь часов, я успевал хотя бы выспаться. Мой привет Ануш и девочкам. Постарайся не выпускать их на улицу без охраны.

Надеюсь, ты свяжешься со мной, как только сможешь. Официальную докладную записку я тебе уже отправил, но разве там все скажешь?

Ашот, поверь моему опыту, мы натолкнулись на что-то страшное.

Пожалуйста, помоги.

Валико.

Переправа

25 октября 2128 года

6 часов утра

Паром, надсадно гудя, пересекал водное пространство, зажатое между мрачными, громогудящими к небу скалами фьорда. Ни одного огонька не светилось вдаль — только за спиной тускло мерцали фонари пристани, которую мы недавно покинули, да окна бара, а над головой горел красный сигнальный фонарь, укрепленный на низкой мачте. Переправа занимала полчаса, и мы, оставив машину мокнуть на палубе под морозящим осенним дождем, спустились в гудящее нутро парома, где располагался буфет. Тут по крайней мере было тепло и относительно чисто. Из попутчиков я заметил только профессора — он, нахохлившись, склонился над стойкой, попивая кофе с коньяком; да еще того шофера-дальнобойщика, чей грузовичок стоял тогда на причале. Он молча сидел в углу, явно не желая вступать в разговоры, тогда как историк кивнул нам как старым знакомым. Я помахал рукой ему в ответ и заказал у сонной девицы за стойкой хот-дог с жареным луком и чашку кофе. Девица была настолько сонная, что, подавая Карсу его порцию, рассеянно заметила:

— Странный у тебя вид, парень. Перебрал, что ли?

Сандра у меня за спиной хихикнула, а Карс, предпочитая не вступать в объяснения, уселся в углу. Эти паромы ходят тут с незапамятных времен, и традиция велит содержать их нутро в относительном комфорте — тут были чистые столики и довольно удобные диванчики, на которых вполне можно было прокемарить остаток пути — что я и сделал. Когда еще удастся поспать? Потому я даже не заметил, как мы пересекли фьорд, — паром причалил к точно такой же пристани, как та, которую мы оставили позади, разве что «Харлеев» тут не было и бар — или что там из себя изображало это низкое строение — стоял темный, с выбитыми окнами.

— Хочешь, я поведу машину? — предложил Карс.

Я покачал головой:

— Сменишь меня чуть позже.

Не люблю встречать рассвет в дороге: лиловый сумрак, сквозь который еле-еле пробивается свет фар, нагоняет на меня какую-то тоску. Хочется оказаться дома, под одеялом, и желательно в компании какой-нибудь покладистой красотки... А потом хорошо бы, чтобы она встала, надела полупрозрачный пеньюар, сварила кофе и принесла мне его в постель... А я бы еще подумал — вставать или нет...

Карс прервал мои размышления. Мы как раз ехали вдоль берега — дорога шла низом, петляя среди каменистых осыпей, вдающихся в море. Иногда на поворотах фары нашей машины выхватывали пляшущие у кромки темные волны и горы мокрого плавника. Потом мимо нас пронеслась лососевая ферма — вешки, выступающие из воды, поплавки, все это сейчас было еле видно в ночном сумраке. Дверь домика смотрителя была распахнута, и сквозь нее был виден тусклый огонек керосиновой лампы, освещавший дощатую стену.

— Останови машину, Олаф.

Я резко затормозил, и автомобиль развернуло боком на мокром асфальте.

— Что стряслось?

— Погляди туда...

Проезжая, я решил, что домик пуст потому, что зритель отправился обозреть свои владения, но сейчас я его увидел. Он лежал перед домом, и мне не надо было чересчур всматриваться — я и так знал, что горло у него перерезано от уха до уха...

— Мы повторяем его путь, — пробормотал я.

Сандра молчала. Свет, отброшенный из окошка домика, плясал на черной воде.

Карс сказал:

— Тут есть поблизости телефон? Надо бы связаться с Антоном.

Его спокойный голос странно контрастировал с искаженным лицом покойника и лужей крови, влажно блестящей на асфальте.

Я поглядел на дорожную карту.

— За поворотом находится заводик по переработке рыбы. Там должен быть телефон.

— Останешься здесь, Олаф?

— Да, — сказал я, — осмотрю окрестности. Сандра?

— Я остаюсь, — сказала девушка.

— Ладно, — ответил я, — поезжай. И скажи ему заодно, пусть сам разбирается с местной полицией. У нас нет на это времени.

«Пежо» мигнул на прощание фарами и стал карабкаться вверх по шоссе, напоминая гигантского жука со сверкающими глазами.

Сандра за моей спиной ни с того ни с сего произнесла:

— Я вот подумала... почему никто не пользуется радиотелефонами? Во всяком случае, вне города. Ведь раньше, до Катастрофы, по-моему...

Я рассеянно ответил:

— Слишком велика ионизация атмосферы. У таких аппаратов не хватает мощности пробиться сквозь помехи.

— А раньше?

— До взрыва не было таких атмосферных возмущений. А теперь, после Катастрофы, что ни день, то магнитная буря...

Я включил фонарик и медленно пошел по дорожке прочь от дома, светя себе под ноги.

Тонкая ручка Сандры легла мне на локоть. Девушка испуганно прошептала:

— А вдруг он еще здесь?

Я чуть передвинул фонарик, и луч уперся в гравий.

— Видишь? Это — следы протекторов. У убитого — пикап. Вон он стоит. А это легковушка.

— Он ехал на машине?

— Да. Нам навстречу. Сейчас он, наверное, уже в Бергене. Ехал по той же дороге, что и мы, а когда на него находило, останавливался и убивал. Как часто?

— Что?

— Ты же психолог! С какой частотой на него накатывало?

— После каждого припадка он должен был чувствовать сильную слабость... потом приходил в себя... ехал дальше. Часов пять, не меньше. Может, еще больше.

— Ясно. Значит, до Фьорде больше трупов не будет?

— Похоже на то.

«Пежо» вновь возник из тьмы и, мигнув фарами — на этот раз в знак приветствия, — остановился около нас.

— Ну что? — спросил я.

— Порядок. Дозвонился. Пришлось их всех перебудить. — Он вздохнул. — Они меня испугались, Олаф.

— Что поделаешь. — Я немного подумал, а потом утешил его: — Не расстраивайся, человека они бы испугались еще больше.

И то правда. В каждом незнакомце — будь он даже самой уважаемой наружности — сейчас подозревают туга, а даже если он и не туг, то мало ли маньяков, да и просто бандитов шляется по окрестностям.

— Нашли что-нибудь?

Я пожал плечами.

— Он приехал на машине. Просто остановился, вошел и убил...

Я поглядел на мелкие волны, лизавшие каменный берег, и вздохнул.

— Просто так убил, ни с того ни с сего. А мы так до сих пор и не знаем, почему это происходит. Вот если бы вы, кадры, предоставили нам больше информации... Вы же обещали помочь!

— Не забывай, что именно мы научили вас нейтрализовывать зет-соединение в крови у тугов, Олаф. Иначе их бы не удержали никакие тюремные стены.

— Что с того? Распознавать их с первого взгляда вы тоже до сих пор не умеете! А что толку махать кулаками уже после драки?

— Немножко терпения...

— Да мы уже сто лет терпим...

Я хлопнул дверцей, усаживаясь на пассажирское место рядом с водителем — слишком был зол, чтобы рулить.

— Ладно, поехали. У нас не так уж много времени...

Карс, ни говоря ни слова, тронул машину с места, и одинокая ферма осталась позади, лишь какое-то краткое время молчаливым укором светился дрожащий огонек в окне... Что за пакость, ей-Богу!

* * *

«Вечерняя Москва» от 15 августа 2031 года

Экстренный выпуск

«Итак, свершилось!»

Сегодня, в 21.00, изумленные телезрители, сидящие у своих экранов, увидели, что трансляция прервалась и привычную картинку сменило... лицо странного существа, которое тем не менее обратилось ко всем на правильном и вполне литературном русском языке.

Мистификация? Ловкий ход научно-фантастического фильма — из тех, что были так популярны в последние десятилетия благополучного XXвека?

Но нет... мощный сигнал, прервавший трансляцию всех радио- и телепередач местных станций по всей планете, действительно шел из космоса. Его источником оказался тот неопознанный объект, обращающийся на околоземной

орбите, который еще полгода назад засекли наши обсерватории, — так называемый объект Сапрыгиной (по имени впервые обнаружившего объект астронома-любителя). То, что поначалу принимали за небесное тело, захваченное в плен земной гравитацией, оказалось космической инопланетной станцией!

Кадары — так называют себя инопланетяне — появились на телеэкранах всех развитых стран мира, обратившись к гражданам на основных языках Земли. Уже несколько лет они, явившись из глубин космоса, изучали нашу планету на расстоянии и теперь, ознакомившись с историей и современным положением дел, предлагали землянам помощь и сотрудничество. Из источников, близких к правительственным кругам, мы узнали, что там рассматривается вопрос о приеме на Земле делегации кадаров, для чего при ООН создается специальная комиссия по контакту, куда будут входить представители всех крупнейших держав, в том числе и России. Впервые человек пожмет руку братьям по разуму, прибывшим из глубин Вселенной. Впервые за всю историю человечества мы получим возможность ответить на вопросы, которые издавна тревожили воображение ученых и писателей-фантастов! Первая встреча пройдет при закрытых дверях, но кадары уже объявили, что не намерены таиться от остального мира. Возможно, недалек тот день, когда мы будем привычно раскланиваться, встретив в библиотеке, в музее или даже в ресторане существо, столь непохожее на нас.

* * *

Фьорде

25 октября 2128 года

6 часов вечера

До окрестностей Фьорде мы добрались лишь к вечеру. Сам городок маленький, смотреть не на что — автобусная станция, супермаркет и кучка одноэтажных домиков. До Катастрофы места тут были обжитые — поля, огороды, овечьи пастбища на склонах гор; сейчас все это заросло молодым еловым лесом. Побережье выглядело неуютным — серые валуны, мрачные распадки и свинцовая гладь фьордов с холодной тяжелой водой. Над кромкой дальних гор полыхало зловещее зарево заката, его багровые оттенки рождали у меня недобрые предчувствия...

Странно, что ферма, пострадавшая от нападения неуловимого и загадочного убийцы, располагалась здесь — вдали от цивилизации. На первый взгляд, именно тут маньякам сплошное раздолье, на деле же туги обычно предпочитают действовать в крупных городах — скопление людей действует на них возбуждающе, точно наркотик... Этот, видимо, был исключением из правила — он тяготел к простой, неприхотливой сельской обстановке, — стоит только вспомнить тот, первый случай в Ставанге.

Когда мы добрались до места, уже вечерело и низкий домик, притулившийся среди громадных серых валунов, выглядел совсем уж уныло... Словно все тут повымерло.

Собственно говоря, так оно и было.

Я притормозил «Пежо» у низкой ограды. С самого начала мне было ясно, что тут ловить нечего — тела давно увезли, улик никаких тут обычно не оставляет. Елки-палки, да если бы не наша докторша, мы с Карсом давно уже попивали бы пиво в баре при местном полицейском управлении; так нет, приспичило ей, дурехе, осмотреть место происшествия. Правда, было тут и у нас одно дельце, но им можно было бы заняться и с утра — никуда бы свидетели не убежали. А теперь — когда мы еще до города доберемся... Это раньше тут была благодать — этаким северный рай, на каждом шагу — гостиница, за каждым поворотом дороги — бар... Нынче места тут неприветливые, почти дикие... и о них разные дурные слухи ходят... Не только в одних тугах дело — говорят, нечисть какая-то в здешних местах водится. Я, правда, не слишком в это верил — если бы мы прислушивались к каждому паническому слуху, что время от времени волной проносятся по окрестностям, то я бы уже свихнулся за милую душу. С другой стороны, весь мой многолетний опыт подсказывал, что и пренебрегать слухами не следует. Поэтому я на всякий случай проверил, как вынимается пистолет из кобуры, а уж потом толкнул калитку — она заскрипела, словно жалуясь на то, что ее позабыли смазать...

Мы вошли во двор — я впереди, Сандра за мной, а Карс прикрывал нас с тыла. Мне не пришлось отдавать никаких распоряжений своему напарнику — мы с ним настолько сработались, что понимаем друг друга без слов. Правда, ни один человек не может с уверенностью утверждать, что он способен до конца понять кадару, и тем не менее я предпочитаю, чтобы спину мне прикрывал именно Карс, а не какой-нибудь необстрелянный лопух-землянин.

Во дворе все было как обычно, словно ничего и не случилось — газонокосилка

притулилась к альпийской горке, блюдце параболической антенны слепо таращилося в небо рядом с аккуратно сложенным стогом сена...

Впрочем, нет — вот они, темные пятна на крыльце, уже слегка размытые ночным дождем.

— Здесь его нашли, хозяина, — прокомментировал Карс, — он, наверное, пытался бежать, может, звал на помощь.

— Да... от туга не убежишь...

Сам дом — низенький, бревенчатый — тем не менее выглядел добротно. Таких построек и в городе немало; должно быть, потому, что именно они — устойчивые, массивные — уцелели после Катастрофы. Я толкнул тяжелую дверь. Погасший камин зиял черной пастью, на настенных полках тускло поблескивала медью кухонная утварь старинной работы. Бросался в глаза царящий в комнате беспорядок — словно кто-то методично, но с завидной энергией крушил все вокруг. Обивка кресел вспорота, на полу — осколки битой посуды, скатерть изодрана на мелкие клочки... Даже кровати и те сдвинуты со своих мест, а массивный буфет и вовсе лежит на полу, из открытых дверок высыпалось хрупкое содержимое.

— Неплохо он потрудился, — Сандра поежилась, как от ночного холода.

Я вздохнул:

— Всегда одно и то же...

Она извлекла из кармана фонарик и медленно начала двигаться вдоль стен, светя во все углы.

— Что ты ищешь? — с любопытством спросил Карс.

— Сама не знаю... — честно ответила она. — По одной из гипотез... туги действуют под влиянием «спящих» генов — тех, что у обычных людей никак себя не проявляют. Отсюда и избыток такой животной энергии... Ведь это же надо какую ярость испытывать, чтобы все так перевернуть...

— Ну и что?

— Я все надеюсь, что мы найдем что-то такое... какую-то логику в этом безумии.

Я с сомнением покачал головой:

— Какая логика может быть в безумии?

Карс вдруг нагнулся.

— Вот что надо искать... то, чего здесь раньше не было. То, что появилось недавно, незадолго до нападения. Погляди, Олаф!

И он протянул мне в своей четырехпалой руке какую-то бумажку.

Я развернул ее. Это был проспект, рекламирующий новый тостер последней модели. Новенький, глянцевоый...

Я кивнул.

— Я ждал чего-то в этом роде.

Сандра удивленно взмахнула своими густыми ресницами.

— Чего?

— Ну кто может шляться по таким отдаленным местам, не вызывая ни у кого особых подозрений? Скорее всего какой-то комми...

Неожиданно девушка охнула и схватила меня за рукав.

— Гляди! Что это там?

Все стекла в окнах, кроме одного, были выбиты, и в этом одном виднелось низкое небо,

которое закат окрасил в багровые тона, уходящая к горизонту свинцовая водная гладь да островерхие ели.

И там, на фоне зловеще пылающих туч, смутно вырисовывался темный силуэт.

Я успел заметить его лишь мельком, когда он на миг припал к стеклу снаружи, заглядывая в комнату, но сразу понял, что это существо не было похоже ни на человека, ни на кадар... в жизни не видел ничего подобного!

Я выхватил пистолет из кобуры, целясь в оконный проем, но оно уже метнулось в сторону и пропало из виду. Раздался резкий, скрежещущий вой — странный звук, от которого кровь стыла в жилах.

— За ним!

И я с пистолетом в руке кинулся к выходу, краем глаза успев заметить, как какая-то тень перемахнула через забор.

Оба моих спутника выскочили следом за мной, но я уже понял, что мы опоздали — загадочное существо успело затеряться в густых лесных зарослях, окружающих ферму.

— Ушел, — огорченно произнес Карс за моей спиной.

Я повернулся к нему.

— Ты хоть когда-нибудь слышал про нечто подобное?

Он пожал плечами.

— У меня нет никаких сведений, Олаф. Я имею в виду официальные сведения. Не помнишь те слухи, которые одно время ходили в городе?

— А, рассказы того дурака-газетчика?

— Получается, не такой уж он дурак, Олаф. Меня на инструктаже перед высадкой предупреждали, что все северяне — твердолобые скептики.

— А меня на инструктаже, когда я только приступал к работе в отделе, предупреждали, что ни одному кадару нельзя доверять!

— И это ты мне говоришь! После того, как мы...

— Вы что, оба с ума посходили? — возмутилась Сандра. — Вам больше заняться нечем, кроме как стоять тут и поливать друг друга грязью?

Я ухмыльнулся.

— Обычное дело, леди. Когда кадар и человек работают в паре, еще и не то можно услышать. Ладно, что у нас на очереди? Здесь, похоже, больше ловить нечего.

— А кто нашел тела? — спросила Сандра.

— Рыбак. Треской промышляет. Его семья живет по соседству — по местным меркам, конечно. Пара километров вдоль побережья.

— Вот с ним и надо бы поговорить. Тут проехать можно?

Я кивнул.

— Можно. Я смотрел на карте. Дорога плохая, грунтовая, но ничего, справимся.

Оказалось, мы прибыли как раз к обеду. Дородная Брунгильда поставила на стол жареную селедку, приправленную головками вареного лука, — чудовищное сочетание, но вполне обычное для этих краев. Хозяин — рыжеволосый великан, которому очень шло его грозное имя Тор, — настороженно покосился на меня, с одобрением скользнул взглядом по соблазнительным формам Сандры и наконец мрачно уставился на Карса. Брунгильда тихо охнула, а выводок светловолосых детишек так и застыл, открыв рты.

— Не бойтесь, он не кусается, — успокоил я их. — Это всего-навсего кадар.

— Только этих нам и не хватало, — мрачно сказал хозяин. — Ладно, что с вами делать,

проходите. Вы, так я понимаю, из полиции.

Говорил он на том упрощенном англо-немецком, который прижился после Катастрофы почти повсюду в Европе, но при этом ухитрился натолкать туда столько норвежских слов, что я еле мог разобрать его речь.

— Ты попал в самую точку, приятель, — одобрительно кивнул я.

— Это я сразу понял, — сказал он. — Раз уж вы притащили с собой кадара, то вы наверняка либо из инспекции по охране среды, либо из полиции. У нас тут своих-то отродясь не водилось. Что ж, садитесь, раз пришли. Может, он не побрезгует нашей жратвой.

Вы сами-то когданибудь ели целую головку вареного лука? Мне вот пришлось. Уж очень неудобно было отказываться. Сандра не выдержала — сказала, у нее на лук аллергия. А Карс слопал свою порцию и даже не поморщился. Кадары вообще неприхотливы в еде. Иногда мне кажется, им без разницы, что лежит на тарелке.

— Пива? — спросил хозяин несколько угрожающим тоном. — Хорошее пиво. Сам варю.

— Сам варишь, сам и пьешь, — сухо заметила хозяйка.

— Умолкни, женщина, — и хозяин с грохотом поставил на стол здоровенный жбан. Его каменная физиономия несколько оживилась — видно, не часто у него выпадала возможность выпить в компании.

Он, точно угадав мои мысли, буркнул:

— Сосед-то мой, бедняга... Ему уж больше пивка со мной не пить... нет больше моего соседа.

Он глубоко вздохнул и разлил пиво по огромным кружкам.

— Ну ладно! Сколь!

— Будем здоровы!

Я осторожно отхлебнул пиво. Оно оказалось на удивление приличным. Во всяком случае, я ожидал худшего. Я только-только начал расправляться со своей кружкой, как этот викинг осушил свою, утер рукавом пену и наполнил вторую.

— Хорошее у вас пиво, хозяин, — заметил Карс.

— Надо же, кадар, а соображает! — Хозяин одобрительно хлопнул моего напарника по плечу своей лапицей, да так, что тот чуть не упал с табурета. — Мы еще сделаем из тебя человека!

Не знаю, как отнесся Карс к подобной перспективе, но я понял, что еще одну кружку мне физически больше не вместить, и решил приступать к делу.

— Судя по сводкам, это вы вызвали полицию? И нашли тело тоже вы?

— Верно. — Он мрачно оглядел комнату. — Убери детей, женщина! Я буду рассказывать инспектору.

Брунгильда выставила детей из-за стола. Те удалились с явной неохотой — не каждый день выпадает такое развлечение.

— Опасная жизнь тут, — все с той же мрачностью продолжил хозяин, — живем на отшибе. Что у нас есть — телефон, телевизор... генератор... Вот и вся цивилизация. Лично я больше надеюсь на эту старушку.

И он кивнул на висящую на стене двустволку.

— Раньше у нас тут всегда спокойно жилось. Дед, правда, рассказывал, что были и лихие времена — сразу после Катастрофы, когда по округе шастали всякие банды... Люди тогда мерли как мухи, да вы и сами знаете... Но потом все утряслось. Живем мы тихо, никто

нас не трогает, мы никого не трогаем... А тут мало того, что маньяки всякие бродят, так еще и какая-то нечисть завелась. Шастает вокруг... воеет.

— Может, это тролль, — пискнул голосок из-за двери.

— Пошел вон! — гаркнул хозяин. — Я тебе покажу тролля! Сказано, убери сопляков, глупая баба!

— Ночью-то ты по-другому запоешь, — зловеще откликнулась Брунгильда.

— Вот и живи с ними, со стервами. — Хозяин был явно обескуражен таким поворотом событий. — Ладно. Так о чем бишь я? Мы, значит, обычно собирались по вечерам с Алвиком, покойным, пивка попить, в картишки перекинуться... Какие тут у нас еще развлечения? В тот вечер он не пришел, одним словом. Звоню я, значит, ему... Никто не отвечает. Ну, думаю, дело неладно — куда им деваться, на ночь-то глядя.

Он горестно вздохнул.

— Моя вина. Темно уже было, побоялся я туда выбираться. Пошел только утром. Подружку свою прихватил, — он одарил двустволку нежным взглядом, каким явно не баловал жену, — и пошел. Прихожу — мать родная! Калитка не заперта, дверь нараспашку, а сам Алвик, значит, на крыльце лежит в луже крови.

Он вновь наполнил кружку.

— Мертвый он был, понятное дело — все горло перерезано. Я поглядел, понял, что ему, бедняге, уже ничем не поможешь, и прошел в дом. Ну, а там еще хуже... Все семейство его... В том же виде. Они, видно, пытались защищаться, да где там! Ну, я поглядел-дел-поглядел да и вызвал полицию.

— Оттуда? — спросил я.

— Нет. Там у них телефон был вдребезги разбит. Такой, извиняюсь, бардак там был.

— Знаю... Видели.

Он мрачно поглядел на меня поверх кружки и хриплым шепотом спросил:

— Как вы думаете, кто это сделал? Это тот?

— Кто — тот?

— Ну тот, который воеет?

Я покачал головой:

— Это сделал человек. Я видел фотографии. Это — сталь, а не зубы и когти.

— Здесь не было никого чужого? — спросил Карс.

— Чужого? Да тут, кроме нас с Алвиком, вообще никого не было. Тут у нас жизнь простая, суровая...

— Может, приезжал кто-то? Торговец? Коммивояжер? Искатель приключений какой-нибудь заезжий?

Он изумленно заморгал рыжими ресницами.

— Верно! А я и забыл. Комми приезжал — торговал какими-то эректо... электроприборами. Я и послал его — ни к чему мне эти новомодные штучки. Коптильню для сельди я еще от прадеда унаследовал, а с печкой баба моя еще, слава Богу, способна управиться.

— Вот тебе твой туг, — тихонько сказал Карс.

— Приличный такой с виду мужик, городской.

— На чем он приезжал? — спросил я. — Марку машины вы не заметили?

— «Фольк», что ли. А может, не «фольк». Малолитражка какая-то. Черного цвета.

— А номер?

— А хрен его знает. Бергенский номер.

Я поднялся из-за стола.

— Спасибо за пиво, хозяин. Нам пора.

Он тоже из вежливости попытался встать, но потерпел неудачу.

— Послушайте, — сказал он, — а может, заночуете тут? Комнаты свободные у нас есть.

Куда вы по темноте потащитесь? А завтра с утра и поедете.

Я поглядел на громовержца и понял, что ему не по себе. Неустрашимый Тор боялся.

Я вопросительно взглянул на Сандру. Она равнодушно покачивала носком своего сапожка. Ее чистый профиль четко вырисовывался на фоне потемневшего окна.

— Ладно, — сказал я, — может, вы и правы. Утро вечера мудренее.

* * *

Осло, Норвегия

Газета «Северная звезда»

от 30 июня 2128 года

**Наш собственный корреспондент из Фьорде
сообщает**

Легенды о чудовищных существах, обитающих рядом с человеком, издавна тревожат воображение людей. Лох-несское чудовище, снежный человек, вампиры и оборотни населяли окружающий мир задолго до Катастрофы... Затем традиция подобных историй прервалась — реальный кошмар заслонил собой все предания и легенды былых времен. Однако означает ли это, что загадочные создания существуют только в нашем воображении? Или же в каких-то труднодоступных местах и впрямь обитают те, кого просвещенный человек посчитал бы персонажами легенд и преданий?

Недавно мне пришлось столкнуться с подобной загадкой самому.

Места вокруг Фьорде глухие и безлюдные — этот район, почти не затронутый последствиями Катастрофы, тем не менее никогда не был пригоден для нормальной жизни — бесплодная заболоченная местность, поросшая чахлам ельником. В последнее время это недружелюбное место приобрело еще более дурную славу — по окрестностям пронесся слух, что оно облюбовано нечистью. Суеверное местное население обвиняет существо, поселившееся в окружающих Фьорде болотах во всех несчастьях, случившихся поблизости, — от гибели скота до исчезновения людей. Мало кому посчастливилось видеть виновника этих преступлений — молва приписывает ему пугающий ящероподобный облик и леденящий душу рев. Он приходит по ночам, говорят очевидцы, и бродит вокруг человеческого жилья, словно поджидая новую жертву.

Естественно, я заинтересовался и предпринял самостоятельное расследование. Две недели я провел в крохотной избушке лесника, затерянной в глухих северных лесах. К сожалению (или к счастью), мне не удалось самому увидеть это загадочное существо, однако как-то посреди ночи я был разбужен

странным ревом. Выбежав во двор, я увидел, что ограда вокруг хижин в некоторых местах повалена, а на влажной почве отпечатались странные следы, которые даже выдавший виды лесник не мог приписать ни одному из известных животных. «Землемер приходил», — мрачно сказал он мне. Оказывается, по одному из древних местных поверий, незадолго до конца света землю заполонят странные создания и первым из них будет Землемер, который придет для того, чтобы проложить путь остальным. Конечно, читатели нашей газеты — люди просвещенные и не верят ни в детские сказки, ни в мрачные предания, но, возможно, нам стоит разобраться в том, что происходит в Богом забытых уголках нашей планеты.

Свен Расмусен, спецкор.

Там же

26 октября 2128 года

2 часа ночи

...Комната, которую нам предоставил хозяин, оказалась всего-навсего жалкой каморкой со скошенным потолком. В потолке было прорезано единственное окно, сквозь которое виднелось лишь низкое небо да горы, поросшие темным лесом, — до самого горизонта ни единого огонька, словно Земля вернулась к началу времен и человечеству еще не было места на этой планете. Поэтому, когда вновь раздался жуткий надрывный вой, я в первый миг воспринял его совершенно естественно — только такие звуки и могут раздаваться на дикой планете в диком лесу. Потом, несмотря на чудовищное количество влитого в себя пива, до меня дошло, что нахожусь-то я все-таки не в каком-нибудь юрском периоде вонючем, а в нашем просвещенном двадцать втором веке, — и меня точно подбросило с жесткого матраса. Судя по топоту и суматохе в доме, вой этот услышал не я один — грозный Тор в полном боевом облачении уже стоял в сенях с двустволкой наперевес. Карс, которого нелегко застать врасплох, застегивал ремень пистолетной кобуры.

— Ну что ж, ребята, — сказал я, — пошли посмотрим, кто это тут бродит по ночам. Я с детства, понимаете ли, страх как любопытен.

— Ты уверен, что это так необходимо, Олаф? — с сомнением спросил Карс. — Может, он пошумит и уйдет...

Тор удивленно вытаращился на моего напарника:

— Эй, парень, что, все кадары такие трусы?

Я вынужден был вступиться:

— Он не трус. Когда деваться некуда, бросается как лев. Просто... он осторожен, вот и все.

— Просто у него в отличие от вас есть голова на плечах, — раздался холодный голос.

Я поднял глаза. Сандра спускалась по лестнице, величественная и недоступная, точно дева-воительница.

— Вот бабе-то, может, соваться туда и незачем, — с сомнением сказал хозяин.

Я похлопал его по плечу.

— Это не баба. Это доктор психологии.

Он уважительно икнул и с видимым почтением сказал:

— Фонарик возьмите, доктор. Там темно, извиняюсь, как в этом...

— В анусе, — вежливо подсказала она.

— Чего?

— Хватит вам, — вмешался я, — пошли.

И, вытаскивая свою пушку, я осторожно двинулся вперед. Тор держался рядом со мной. Двустволка в его огромной лапице казалась игрушечной. Я кивнул Карсу, и он привычно пристроился в тылу. Ударом ноги я распахнул тяжелую дощатую дверь. Снаружи действительно была адская темень, которую не в силах оказались прорезать робкие лучи наших фонарей; они лишь урывками выхватывали из тьмы то бледный от лишайника ствол засохшей ели с сучьями, торчащими в разные стороны, точно гнилые зубы, то гору

валежника, то серый, весь в трещинах, поросший мхом валун. Я чувствовал себя неудобно. В каком-нибудь притоне, в портовом кабаке, где в любой миг могла вспыхнуть дикая пьяная драка, или на пустынных ночных улочках самого криминального района в любом европейском городе я был бы как рыба в воде... Но вот так носиться по лесу неведомо за кем...

Хозяин наш с треском проламывался сквозь кусты, точно обезумевший медведь, — тоже мне, абориген, Кожаный Чулок хренов! Он наделал столько шума, что, будь на месте того странного создания, за которым мы охотились, любое мало-мальски нормальное животное, оно бы давно уже благополучно удалилось в сторону, противоположную источнику звука. Но это и впрямь было нечто иное — я услышал, как оно передвигается гигантскими прыжками нам навстречу. Фонарик в руке у Сандры дрогнул, и луч на миг выхватил из мрака оскаленную морду, покрытую ороговевшими пластинами, и пару глаз, блеснувших рубиново-красным отраженным светом.

Нервы у психолога не выдержали, она жалко охнула и, отбросив фонарик, метнулась в сторону. Чудовищная тварь — за ней. Особенно разбежаться тут было, собственно, негде, поскольку нижние ветки елей, увешанные спутанными бородами лишайников, переплелись так плотно, что продрагаться сквозь них человеку, пусть даже доктору психологии, было практически невозможно. Зато ночного гостя это не останавливало — периодически исторгая из горла все тот же скрежещущий вой, он не разбирая дороги несся напролом, нам навстречу.

Я понял, что дело дрянь. Пистолет мой хорош против любого сукина сына, разгуливающего на двух ногах, но против этой живой брони... Я обернулся. Хозяин застыл рядом со мной, точно его божественный тезка поразил его молнией. Просто удивительно, до чего быстро едут с катушек такие вот крикливые и вспыльчивые увальни. Я выхватил у него двустволку — он и не сопротивлялся, просто потянул ее на себя, но тут же и выпустил. Я вскинул ружье, пытаюсь получше прицелиться в мелькавшую между черных стволов черную массу, и тут за моей спиной темноту прорезал тонкий луч фонарика — он уперся в оскаленную морду твари и больше не упустил ее, точно приклеился.

— Давай, Олаф, — раздался у меня за спиной спокойный голос Карса, — пока я его держу.

Я чуть передвинул стволы и повел ими в ожидании удобного момента. Когда пылающие глаза скользнули в просвете меж двумя деревьями, я нажал на курки, ударив одновременно из двух стволов. Торопливо восстановив равновесие после чудовищной отдачи, я перезарядил ружье. Но новых выстрелов не потребовалось. Жуткий, раздирающий душу визг потряс прибрежные скалы, голова монстра вздернулась, тело начало крениться набок и наконец рухнуло, с треском проламывая спутанные ветви.

По-прежнему держа ружье наготове, я побрел по путеводному лучу фонарика, чтобы как следует осмотреть нашу добычу, но первое, на что я наткнулся, была Сандра, которая сидела на земле и тихо всхлипывала. Она упала, зацепившись о выступающий из земли узловатый корень, и, если бы не выстрел, зверь сумел бы ее достать в два прыжка, задайся он такой целью. Я нагнулся и помог ей подняться. В первый раз мы оказались так близко друг от друга; на какой-то миг она прильнула ко мне, но потом, спохватившись, отстранилась.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Да, — холодно сказала она, — и не нужно меня поддерживать. Я еще, слава Богу, в состоянии идти без посторонней помощи.

Но тут взгляд ее упал на задранную в темное небо чешуйчатую морду, на оскаленные зубы... Она вновь охнула и прижалась ко мне.

Я обернулся к Карсу.

— Спасибо, напарник.

— Да что же это такое творится, — пробормотал Тор. Он тоже медленно приходил в себя и сейчас явно испытывал некоторую неловкость.

— Ну, — сказал я, — поглядим на вашего тролля.

Существо лежало у серого валуна, почти сливаясь с ним. Луч фонарика выхватил из тьмы белесые чешуйчатые пластины... разверстую пасть с раздвоенным языком... выпученные глаза с вертикально поставленными зрачками. Пятипалая суставчатая лапа все еще скребла когтями по земле.

Сандра передернулась.

— Боже мой, какая дрянь, — прошептала она и крепче ухватилась за мою руку.

Я подобрал обломок ветки и поддел чудовищную голову. Она вяло перевалилась набок, открыв плотно забранное пластинами ушное отверстие.

— Вы когда-нибудь видели нечто подобное, доктор?

Она покачала головой.

— Этого просто не может быть... просто не может быть...

Я оглянулся на Карса.

Он молчал.

Хозяин наш так и застыл — приоткрыв рот, он таращился на нашу добычу.

Я похлопал его по плечу.

— Ну что, парень, придется тебе еще раз побеспокоить нашу доблестную полицию. Пусть вертолет пришлют, что ли, — иначе его не загрузить.

Карс неожиданно встрепенулся:

— Я пойду с ним. Свяжусь с Таумом — пусть займется этой штукой.

— А вы уверены, что эта работа как раз для ваших доблестных экспертов? Они только и умеют, что трупы кромсать! — неожиданно уперлась Сандра. — И вообще, какое к этому имеет отношение полиция? Тут ученые нужны, а не ваши дуболомы!

— Господь с тобой, — примирительно сказал я, — какие ученые? Где ты их возьмешь? Из Питера своего выпишешь?

— Его можно будет потом передать ученым, — сказал Карс, — а пока пусть старина Таум с ним поработает. И, кстати, если нам пришлют грузовой вертолет, то мы вполне сможем и машину на нем переправить.

Я подмигнул Сандре.

— Видите, доктор, как удачно все получилось!

— Пошли, ребята, в дом! — Хозяин наконец оправился от потрясения. — Это надо обмыть.

* * *

Базе от агента 18-15

Срочно

Слухи подтвердились. У них уже появились зооморфы. Наши предположения, к сожалению, оправдались — все идет по той же схеме, что и всегда. Советую усилить наблюдение — возможно, на этот раз нам удастся что-нибудь засечь. Мы ведь попали к самому началу. Я в свою очередь постараюсь провести более глубокую рекогносцировку и в случае удачи извещу вас немедленно. Связь по обычному каналу.

Берген**26 октября 2128 года****11 часов утра**

— А, привет, — сказал старина Таум.

Я помахал ему рукой, но без особого энтузиазма. Уж больно тут было паршиво. С потолка лился холодный ослепительный свет, воняло карболкой и формалином. Трупы на каталках были прикрыты белыми простынями, но привлекательней от этого не становились. Но сейчас Таум в своем царстве колдовал не над обычным жмуриком — на столе распласталось убитое нами прошлой ночью странное создание, оно было разделано точь-в-точь как гигантская лягушка, а сам Таум в белом халате, забрызганном пятнами странного желтого цвета — судя по всему, кровью этого монстра, — сосредоточенно копался в его внутренностях. Зрелище было омерзительное, но больше всего меня поразило то, что доктор Перелли, затаенная в накрахмаленный белый халатик, который соблазнительно подчеркивал ее высокую грудь, с тем же упоением погрузила свои ручки, обтянутые резиновыми перчатками, во вспоротое нутро чудовища.

— Уж прости, старина, — отозвался я, — не стану пожимать тебе руку. Обойдемся и так.

— Присядь, Олаф. — Вид у старика Таума был озабоченный. Он то и дело откладывал скальпель, чтобы сделать пометку в своем блокноте теми причудливыми иероглифами, которыми обычно пользуются кадары, если их записи не предназначаются для посторонних глаз.

Я придвинул к себе стул, стоявший рядом с одной из каталок, и уселся на него. При этом простыня, покрывающая каталку, чуть съехала, и из-под нее показалась желтая ступня.

— Вы надолго углубились в изыскания? А я как раз хотел пригласить доктора Перелли пообедать. Тут в порту есть отличный китайский ресторанчик. Морская кухня, омары, цветы лотоса — все такое. Креветки в тесте у них получаются замечательные — пальчики оближешь.

— Да мы тут только что перехватили, Олаф, — она кивнула на пустой пакет из-под сэндвичей. — Наскоро, правда. Не хотелось отрываться.

Странный народ эти медики. Я сам как-то видел, как ассистентка нашего хирурга — прелестное нежное создание, — откусывая от яблока, которое держала в одной руке, другой рукой ловко манипулировала скальпелем, вскрывая брюшную полость утопленника недельной давности.

— Где Карс? — нетерпеливо произнес Таум. — Он мне нужен.

— Он работает с картотекой. Наш туг-то скорее всего коммивояжер, вот он и пытается выяснить, нет ли у полиции на примете какого-нибудь комми... Если у тебя есть новости, ты с тем же успехом можешь рассказать их и мне.

Он, казалось, колебался.

— Не знаю, говорит ли тебе это что-то... Анатомия у этой твари более чем странная. Ни на что не похожа. А вот биохимия...

— Ну, что биохимия? И говори попроще. Я-то не доктор наук.

— Очень напоминает биохимию туга в момент помрачения. Адреналин просто зашкаливает. И зет-соединение...

Я уставился на него:

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего я не хочу сказать, — с досадой отозвался Таум. — У этой твари биохимия туга, вот и все. Понимай как хочешь.

Телефон зазвонил неожиданно — в этой стерильной мертвенной обстановке звук казался настолько нелепым, что я невольно вздрогнул. Я вопросительно посмотрел на Таума — в конце концов, это была его вотчина, но он только рассеянно кивнул и вновь углубился в свои исследования — переливал какую-то омерзительную на вид жидкость из одной пробирки в другую.

Я поднял трубку — и не прогадал: звонил Карс.

— Олаф? Я, кажется, его вычислил!

— Да ты что! Как это тебе удалось?

— Скажи спасибо Сандре. Это была ее идея.

— Бегу.

— Жду тебя через полчаса на пристани. Знаешь, там, где рыбный рынок.

Я поглядел на часы. Времени у меня было достаточно — отсюда я на своей верной лошадке за десять минут доберусь.

— Ну что? — рассеянно спросила Сандра. Похоже, тварь, над которой она колдовала, интересовала ее в данный момент гораздо больше, чем я, а заодно и все туги на свете.

— Он говорит, вроде удалось вычислить этого туга. Говорит, ты ему что-то посоветовала.

— А... значит, помогло?

— Да что помогло-то, объясни по-человечески!

— Понимаешь, раньше считалось, что зет-соединение появляется в крови у туга скачком, сразу и в большой концентрации. Но по теории Караваева оно скорее всего сначала вырабатывается малыми дозами. И содержание адреналина поначалу тоже возрастает незаметно. Поэтому туг еще до первого помрачения начинает ни с того ни с сего вести себя странно — по последней статистике туги чаще становятся виновниками транспортных аварий... или зачинщиками драк в общественных местах. Человек просто срывается с катушек, а потом гадает — что это такое на него нашло.

— А! Так ты считаешь, надо искать добропорядочного обывателя — тихоню, тюфяка, который всю жизнь вел себя тише воды ниже травы, а потом вдруг озверел?

— Ну да. А там уже дело за малым — вычислить всех коммивояжеров, которые за последнее время — года два, не больше — привлекались по всяким мелким делам, отбросить тех, у кого нет черной малолитражки, ну и...

— Сандра, ты гений!

Я обнял ее за плечи. Несмотря на гнетущую атмосферу морга, от девушки веяло смолистым терпким ароматом, точно от сосны в жаркий летний день.

Она встряхнула пышными бронзовыми волосами и досадливо поморщилась:

— Ты не вовремя, Олаф.

— Да, но, может, ты потом выкroiшь минутку?

Она чуть отодвинулась и внимательно поглядела на меня. Чуть заметная улыбка тронула ее губы — улыбка тигрицы, за мягкостью которой скрывается сила и страсть.

— Может быть, — только и сказала она, но сердце у меня забилось в два раза чаще обычного.

— Сандра... мне кажется, что ты — именно та девушка...

И тут только я сообразил, что морг, набитый трупами, — несколько неподходящая обстановка для подобных признаний. Старина Таум тоже не способствовал моему вдохновению — он отложил свои стекляшки и теперь наблюдал за нами с холодным любопытством, словно и мы были подопытными экспонатами.

Я досадливо махнул рукой:

— Ладно! Отложим этот разговор!

Рыбный рынок в Гавани сам по себе достоин внимания. Море и его обитатели меньше всего пострадали от Катастрофы, и единственное новшество по сравнению с былыми временами — это будка контрольного пункта на причале и инспектор в серебристом защитном костюме и со счетчиком Гейгера в руках — он проверяет привезенный в Гавань улов на радиоактивность и выдает сертификаты. Сколько я помню, он всегда здесь — недремлющий страж новой эры; может, это не всегда один и тот же человек, но кто же различит, что на деле скрывается под оболочкой из плотной защитной ткани!

Тут же, неподалеку от контрольного пункта, под яркими навесами стоят прилавки, на которых шевелят жабрами и плавниками многочисленные обитатели моря — загадочные скаты с плоскими непроницаемыми рылами; камбалы, похожие на обросшие слизью морские камни; чудовищные глубоководные химеры, в чьих глазах-блюдцах отражается северное небо. Тут всегда шумно: полно рыбаков, продавцов, покупателей, просто праздных гуляк и даже заезжих богатых туристов из Европы — очень богатых, потому что остальным пока не до путешествий. Даже ка- дары тут бывают, и потому никто не обратил особого внимания на Карса, который со скучающим видом уставился на огромного бурого омара, распластанного на прилавке, — ни дать ни взять праздный придурок-референт из ООН. Я и сам принял бы его за лоха, но его выдавал жесткий, настороженный взгляд и пистолетная кобура, которую мог обнаружить лишь мой наметанный глаз. Я подошел к прилавку и начал торговаться с дородной продавщицей в оранжевом прорезиненном фартуке, прицениваясь к горке вареных креветок, похожих на розовые карамельки. Наконец она уступила мне пять монет, я сгреб креветки в бумажный пакетик и пристроился рядом с Карсом. Сегодня был выходной и народу — не протолкнешься. Приехали даже жители Северных островов, которые испокон веку ходят в суконных, расшитых бисером жилетках. Мужики у них там щеголяют в черных высоких шляпах, а бабы — в белых крахмальных чепчиках.

— Ну что? — спросил я тихонько.

Карс, не глядя в мою сторону и не разжимая губ, ответил:

— Его еще нет. Я говорил с его квартирной хозяйкой. Он каждое воскресенье шастает на этот рынок. Тут передвижная выставка цветов приезжает. Цветы он любит.

— Ты его видел?

— Фотографию видел. В участке взял. Не бери головой, узнаю.

— В голову.

— Чего?

— Ты хотел сказать «не бери в голову».

— Какая разница, Олаф? Что в лоб, что на лбу, правильно? погоди минутку...

Он насторожился. Я бросил рассеянный взгляд, следуя за его подсказкой, но ничего не смог разглядеть из-за какой-то лихой старушки в щедро украшенной цветами широкополой

шляпе. Старушенция, заслонившая мне обзор, наигрывала на старинной шарманке какую-то хреновину. Вальс, наверное...

Я вытянул шею, пытаюсь вычислить, на кого Карс все-таки смотрит, но все заслоняли цветы и вишенки на шляпе шарманщицы.

— Вот он, — вполголоса произнес мой напарник, — у той чугунной бухты. Оперся на нее...

— Ага... — Я наконец расширил поле обзора и увидел массивную чугунную причальную тумбу — к ней было пришвартовано одно из суденышек островной общины, и белоголовые детишки в клетчатых коричневых платках уже выносили на палубу корзины с уловом.

У тумбы стоял человек — не знай я, что тут может выглядеть как угодно, нипочем бы не заподозрил именно его. Прилично одетый, наглухо застегнутый средних лет типчик с прилизанными волосами, тонкие пальцы горожанина, не знающие физической работы, — не верилось, что именно они держали нож, выпустивший кровь одной семье в Фьорде и еще одной — в Ставанге... Что ж, все бывает...

Стоял он очень удобно. Судно болталось на натянутом канате — если он не в помрачении, ему сроду не одолеть распахнувшееся перед ним водное пространство. Одним прыжком на палубу тут не перескочишь... Сзади вот, правда, толпа народу, но если припереть его к этой чугунной дуре... Вполне может получиться.

Я кивнул Карсу:

— Если мы с тобой возьмем его в клещи... Ему никуда не деться. Мы его живо заломаем. — И, сохраняя беззаботный вид, двинулся, намереваясь раствориться в толпе, пока Карс обходил прилавок с другой стороны, как вдруг — елкин корень! — почувствовал у себя в кармане чью-то руку.

Я резко повернулся.

Парень — почти мальчишка, — застигнутый на месте преступления, уже потащил было руку (а вместе с ней — и мой бумажник) обратно, как вдруг до него дошло, что я его засек. Он резко дернулся, и пальцы его наткнулись на жесткую кожу кобуры у меня под мышкой.

Он так и застыл, приоткрыв рот и вытаращив глаза.

Я схватил его за плечо.

— Сукин сын, щипач вонючий... — я говорил внушительно, но тихо, стараясь не привлекать внимание окружающих, — а ну вали отсюда!

Тот икнул.

— Простите, сударь. Я не знал, что вы легавый!

Последние слова он почти выкрикнул, и люди, стоящие поблизости, уже стали на нас оборачиваться. Далеко в толпе мелькал лысый череп Карса — он уже подобрался к подозреваемому в полной уверенности, что и я действую аналогичным образом. Ему и в голову не пришло, что с его опытным напарником может случиться такая вот идиотская история.

Тем не менее шум, поднятый нами, заставил человечка у причальной тумбы насторожиться. Он растерянно оглянулся, увидел приближающегося к нему Карса и кинулся бежать, проталкиваясь сквозь толпу. Карс, секунду промедлив от неожиданности, кинулся за ним.

Я отпихнул от себя мальчишку-карманника.

— Считай, что тебе повезло, убудюдок. Проваливай! И больше мне на глаза не

попадайся.

И тоже ринулся вдогонку. Преследование оказалось делом нелегким, поскольку толпа была явно на стороне беглеца. Для большей части людей туги — это нечто из области страшных слухов; а вот кадаров недолголюбивают, как вообще всех чужаков. С точки зрения праздного зеваки, в данный момент два поганых легаша, один из которых вдобавок еще и не человек, травят какого-то ни в чем не повинного бедолагу. А потому каждый сукин сын, который попадался на пути, так и норовил подставить ножку или пихнуть меня как бы ненароком локтем — я еле удерживал равновесие. Тем временем чертов туг уже успел удалиться от меня на порядочное расстояние и теперь петлял меж выставленных на тротуаре низких ящичков с бегониями и асфоделиями.

Наконец ему удалось выбраться из толпы на относительный простор и он, уже не разбирая дороги, кинулся бежать. Карс, который следовал за ним на расстоянии нескольких метров, вытащил пистолет, но стрелять не мог, поскольку поблизости было полно прохожих, я тем более не мог стрелять, потому что вдобавок рисковал попасть в своего напарника.

Еще несколько минут этой бестолковой погони, и перед глазами у меня замаячил лес мачт — они медленно раскачивались, вычерчивая плавные дуги в сером небе, а фонарики, горевшие на верхушках, бросали пляшущие отсветы на серую воду гавани.

Мы оказались на территории яхт-клуба.

Тут совершил невероятный прыжок и перемахнул на палубу одной из яхт, пришвартованных неподалеку. Судорожным движением он сбросил причальный канат и уже кинулся к мотору, чтобы завести его, — и тут Карс впервые получил возможность прицелиться. Человечек на борту на миг поднял голову, и его испуганные глаза — глаза затравленного животного — встретились с непроницаемым взглядом Карса. Он все понял. Всхлипнул, отошел от мотора и поднял руки.

Я крикнул:

— Стой где стоишь. Хорошо. А теперь медленно, очень медленно подойди к борту и брось мне конец.

Он, по-прежнему трясясь и всхлипывая, проделал все, что ему велено.

Я поймал конец и подтянул яхту к причалу — между сваями с набитыми на них автомобильными камерами и просмоленным бортом лодки оставалась лишь узкая щель воды.

— Прыгай на берег, — велел я.

Человечек заколебался, занес ногу над бортом и вдруг, отчаянно и безнадежно махнув рукой, камнем упал в темный проем, где внизу плескались, ударяясь о сваи, свинцовые волны.

— Вот сука! — восхитился Карс.

Я вздохнул.

— Держи пушку наготове. Сейчас попробую его достать.

— Ничего у тебя не выйдет, Олаф! — запротестовал Карс. — Тебя же прижмет к причалу. Заживо раздавит.

— Не прижмет. Видишь?

Человечек так и не всплыл, но пузыри поднимались не из щели, а откуда-то из-под правого борта — видимо, его отнесло течением.

Я отстегнул кобуру, снял ботинки и прыгнул. Хронометр остался на запястье — ну и черт с ним, он воды не боится.

Вода обняла меня, точно женщина, но она оказалась плохой любовницей — холодной и беспощадной. Я вынырнул на поверхность, набрал побольше воздуха и вновь нырнул, направляясь туда, где пускал пузыри туг-утопленник. В зеленоватом сумраке было трудно что-либо разглядеть, над головой — свинцовая рябь, и в этом призрачном освещении я увидел темную фигуру — туг двигался замедленно и плавно, точно выполнял пируэты какого-то призрачного танца. В два гребка я оказался подле него — он медленно повернулся вокруг своей оси, и я увидел бессмысленные, остановившиеся глаза.

Готов.

Я резким движением схватил утопленника за волосы и поволок на поверхность. Он не отбивался — наверняка нахлебался воды под завязку.

Всплыть оказалось не так-то просто — сначала я ударился макушкой о днище лодки, но наконец, когда уже было подумал, что удача мне изменила, все же вынырнул на поверхность, волоча туга за собой.

Карс, который так и оставался на берегу — по- моему, кадары не умеют плавать, хоть ни за что не признаются в этом, — уже держал наготове причальный канат. Кинул он его довольно метко, потому что ухитрился попасть мне между глаз. Тем не менее я, очухавшись, ухватился за конец, обвязал утопленника под мышками и махнул Карсу рукой.

Он потянул, а я помогал ему, упираясь ногами в вертикальную стену набережной. Постепенно мы вылезли наверх — туг лежал на асфальте, под ним натекла здоровенная лужа, а вокруг уже стал собираться народ.

Я перевернул пойманного лицом вниз, подставил колено и как следует встряхнул. Он пару раз дернулся, извергнув поток воды — она только что из ушей не текла, — и слабо закашлялся. Я не стал ждать, пока он оживет окончательно, а завел ему руки за спину и застегнул наручники — теперь, даже если на него накатит, с ним нетрудно будет управиться.

— Вызывай патрульную машину, Карс, — сказал я, пинком поднимая бывшего утопленника на ноги.

Карс достал радиотелефон, а я тем временем оделся и застегнул кобуру. Мокрым я был насквозь, но это меня меньше беспокоило, чем отсутствие пистолета — без него я чувствовал себя все равно что голым.

К этому времени я уже усек, что дело неладно — толпа смыкалась вокруг нас мрачным кольцом, и люди все прибывали. До меня доносилось:

— Покою от этих легавых нет...

— Ты только погляди на этого урода! Вот гады, ходят тут как у себя дома!

— Кадары, убирайтесь домой! Вас сюда не звали!

— Верно...

— Смотри, до чего они довели этого беднягу!

В таких случаях лучше не встречать в перебранку, а делать вид, что ничего не происходит, — и я стал медленно подталкивать пленника к проезжей части, куда вот-вот должна была подкатить патрульная машина.

Какой-то здоровенный тип с удочкой толкнул меня в плечо, да так, что я споткнулся и еле удержал равновесие.

— Покоя не дают простым гражданам. Гляди, гляди, уже и наручники нацепили!

— Отпустите его, слышите, вы?

Дело зашло слишком далеко, а патрульной машины все не было. Красные островерхие домики на противоположной стороне улицы застыли в равнодушном молчании, и я не

выдержал.

Толкнув Карса и арестованного к решетчатому ограждению, я вспрыгнул на парапет и достал пушку.

— Уймитесь, идиоты! — закричал я, набрав в легкие побольше воздуха. — Кого вы защищаете? Это вас от него надо защищать! Ведь это же туг! На его счету восемь трупов!

Плотное кольцо людей, окружавшее нас, дрогнуло, по нему пронесся странный ропот — так первый порыв ветра перед бурей колеблет застывший в мрачном ожидании лес.

Человечек рядом с Карсом трясся и испуганно озирался — он уже пришел в себя и отлично понимал, что к чему.

— Туг! — Здоровяк с удочкой развернул свой заряд ненависти на сто восемьдесят градусов. — Эта сволочь — туг! Бей его, ребята!

И он, размахивая окованным в жезл удилицем, стал приближаться к арестованному. Толпа двинулась за ним. В этом неторопливом движении было столько угрозы, что меня продирали озноб.

Карс молчал — и правильно делал. В таких случаях он всегда предпочитал уступать инициативу мне — заступничество чужака лишь подстегнуло бы толпу. Он лишь незаметно положил руку на кобуру и подошел ближе к арестованному.

— Никто никого не тронет, — внушительно произнес я и для верности помахал в воздухе пистолетом. — Мы отвезем его в участок, там и разберемся.

— Знаем, как вы разбираетесь! — выкрикнул кто-то из толпы. — Эти сволочи, вместо того чтобы поставить ублюдка к стенке, увезут его к себе на Базу. Исследовать будут!

Вообще-то в этих словах была доля истины, но только доля, да и, честно говоря, это было не его дело, а потому я возразил:

— Никто никого не увозит. Но все должно быть по закону. Самосуда я не допущу. А раз уж ты такой храбрый, давай — я снимаю с него наручники, и ты разбираешься с ним. Один на один.

Туг у меня за спиной дергался и трясся, и я боялся, что он завопит: «Не надо!» — и тем испортит мне всю наглядную агитацию. Но он, видно, был так напуган, что из горла его несся какой-то нечленораздельный хрип, который мой противник принял, видимо, за угрожающее рычание. Он ступешался и исчез в толпе.

Впрочем, толпа все напирала. Люди уже здорово разогрелись, урезонить их было невозможно — они шумели и размахивали кулаками. Не знаю, что бы было, если бы из-за угла не выехала, воя и сверкая мигалкой, полицейская машина.

Двое дюжих полицейских с электрическими дубинками в руках сдерживали напирющую толпу, пока мы с Карсом заталкивали арестованного в машину. Бедняга уже сообразил, что дело — швах, и даже не пытался сопротивляться.

Наконец дверцы захлопнулись, и автомобиль, по-прежнему гудя и мигая, медленно двинулся по набережной. Разъяренные граждане заглядывали внутрь, стучали кулаками по бронированным стеклам, но все же, хоть и неохотно, расступались, давая нам проехать. Наконец мы оставили возмущенную толпу позади, и машина, вырвавшись на простор, набрала скорость. Арестант так и сидел, зажатый между двумя стражами порядка в касках и бронежилетах.

Один из них покосился на пленника.

— Вот это — туг? — недоуменно спросил он. — Этот хлюпик?

— По всем показателям — да, — сказал я, — но наверняка еще неизвестно. Приедем в

участок, обрабатываем его.

— Оставьте его со мной наедине на пару минут, — сказал полицейский и бросил выразительный взгляд на свои здоровенные кулачищи. — Уж я его обработаю!

— Не бойсь, — успокоил я его, — мы и сами кое-что умеем!

Человечек в наручниках охнул и закатил глаза.

Машина миновала шлагбаум и остановилась перед дверью участка. Доблестные стражи порядка направились к себе, а мы повели нашу «жертву» в родной отдел.

Антон, который по такому случаю отменил воскресный отдых в семейном кругу, уже ждал нас у двери камеры.

— Все-таки взяли, — проворчал он, бегло оглядев нашего пленника. Но я отлично знал, что от его небрежного, ленивого взгляда не ускользнула ни одна мелочь.

— Что, обязательно было поднимать такой шум? Вы же переполошили половину города!

— Может, и нет, — сказал я честно, — промашка вышла. Но мы боялись, что на него накатит и он опять что-то натворит. Это он с виду такой тихий.

— Посмотрим...

— Хотите присутствовать при допросе, шеф?

— Нет, — ответил он, — хватит с меня этой дряни. У меня сегодня у тещи день рождения, чтоб ей пусто было! Если я в пять ноль-ноль не буду резать пирог за праздничным столом, она мне такое устроит! Это тебе не туг какой-нибудь паршивый — это сущий дьявол. К утру положите отчет мне на стол, И без приключений, вы, братья-разбойники. На кого ты похож, Олаф? Ты что, купался?

— Вы попали в самую точку, шеф, — сокрушенно признался я. — А где Сандра? Э... доктор Перелли, я хотел сказать!

— Опять ты путаешь служебные отношения с личными, — вздохнул Антон. — Я отлично помню, как в прошлом году к нам инспекторша из Канады приезжала. Опытном, понимаешь, хотела обменяться. Что ты с ней сделал, спрашивается, казанова недорезанный? Она же в любовном угаре у меня все файлы в машине стерла! А потом, когда ты ее бросил, до смерти перепугала беднягу Таума — забрела в прозекторскую и устроила ему там истерику. Он еще потом меня спрашивал, входит ли это в наши брачные ритуалы. А эта... секретарша в комиссариате? Да на тебя сам комиссар жаловался... Она же потом полгода работать не могла, на всех документах царапала сердце, пронзенное стрелой!

— На этот раз все серьезно.

— Ты каждый раз это говоришь. Ладно, лишь бы твой бурный темперамент не мешал делу. И с чего это считается, что норвежцы холодны, как арктический лед?

Я выразительно посмотрел на шефа и проследовал в комнату для допросов.

* * *

*Выдержка из протокола закрытого
совещания комиссии ООН
от 10 ноября 2031 года, Женева*

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— ...говорю вам, мы нуждаемся в помощи... пусть даже в помощи инопланетян... Вы все знаете, с какими трудностями столкнулось человечество за последнюю четверть века. Взрыв на Мексиканском нагорье и последовавшее за ним падение астероида вызвали катастрофические землетрясения и глобальные изменения климата. Население Африканского континента и Латинской Америки находится в критическом положении из-за обрушившихся на них голода и эпидемий — и мы не в силах им помочь, потому что у нас своих неприятностей по горло. Социальные потрясения привели к тому, что в ряде стран установились военные диктатуры, и, как следствие, обострилась международная обстановка во всем Северном полушарии. В довершение еще одна печальная новость — мы пока не сделали ее достоянием общественности, но теперь, боюсь, наш прямой долг уведомить о ней все человечество — Интерпол подтвердил сведения, полученные нами за последнее время из самых разных источников. Нам угрожает серьезная опасность.

Помощник генерального секретаря:

— Вы имеете в виду тугое?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Да, если принять это условное название.

Представитель Межнационального комитета безопасности:

— А я вообще не понимаю, при чем тут туги? И при чем тут вы? Это — дело нашего комитета.

Помощник генерального секретаря:

— Очень хорошо. Если это — дело вашего комитета, может быть, вы объясните присутствующим, о чем идет речь? Многие до сих пор не в курсе. Конечно, какие-то слухи ходят, но всегда лучше иметь дело со сведениями, полученными из компетентных источников.

Представитель межнационального комитета безопасности:

— И все-таки, какое отношение это имеет к данному вопросу?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Самое непосредственное. Я потом объясню.

Представитель Межнационального комитета безопасности:

— Хорошо... Около двух лет назад к нам практически отовсюду начала поступать информация об однотипных преступлениях. Эти преступления отличались особой жестокостью, характерным почерком и полным отсутствием какого-либо видимого мотива. Все это настолько не укладывалось в какие-либо логические рамки, что вызывало в памяти мистические темные обряды — преступники получили условное на звание «туги» по ассоциации с сектой приверженцев богини смерти Кали. Когда нам с большим трудом удалось выявить и идентифицировать первых тугое, выяснилось самое ужасное — эти люди, совершившие чудовищные злодеяния, не сохранили никаких воспоминаний о том, что сделали. Они понятия не имели о своей второй сущности — как правило, это мирные, добропорядочные граждане, которые приходили в ужас, узнав о том, что они совершили.

Вопрос из зала:

— Вы хотите сказать, что туги не сообщают, что делают?

Ответ:

— Ну да... Они действуют в состоянии транса, который мы условно называем «помрачением». Данные судебной экспертизы показали наличие в крови у тугое определенного, прежде неизвестного, химического компонента — так называемого зет-соединения. Именно оно и вызывает состояние помрачения. Одновременно в организме возрастает содержание адреналина — туги обретают чудовищную силу, и справиться с ними в этом состоянии практически невозможно.

Вопрос:

— То есть это не социопаты? Не маньяки в обиходном смысле слова?

Ответ:

— Нет. Ниоим образом. Некоторые ученые предполагают, что это — мутация, вызванная повышенным радиоактивным фоном. Но туги, как правило, — взрослые люди, пережившие Катастрофу, а мутация возникает только у потомства, и ее распространение требует длительного времени. Так утверждают наши ученые, во всяком случае.

Вопрос:

— Что же, они бесчинствуют по всему земному шару?

Ответ:

— Да. Практически во всех странах, с которыми сохранилось доступное сообщение.

Голос из зала:

— Но это же абсурдно с научной точки зрения!

Помощник генерального секретаря:

— Давайте отложим научную дискуссию, тем более что ни к какому результату мы все равно не придем. Господин Шварц, спасибо за сообщение. Господин Мерилайнен, прошу вас, продолжайте.

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Собственно, я завел речь о тугах именно потому, что кадры предлагают нам свою помощь. Они, хоть и не сообщают подробностей, уверяют, что в свое время уже сталкивались с подобным явлением.

Представитель Межнационального комитета безопасности:

— Не сообщают подробностей? А имеет ли смысл вообще доверять пришельцам? Вы же не знаете, какие цели они в действительности преследуют! Ведь они, насколько мне известно, до сих пор отказываются дать какую-либо информацию о своей родной планете — даже о ее местонахождении. И потом, какую помощь?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Консультации... оборудование. Я обращаюсь к генеральному секретарю: может, имеет смысл позволить им организовать на Земле свое представительство? В нашем положении нужно соглашаться на любую помощь, откуда бы она ни исходила.

Вопрос из зала:

— А где у вас гарантия, что мы можем не опасаться экспансии кадаров?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Потому что мы все же в состоянии контролировать их пребывание на Земле. Предположим, мы, как они предлагают, переоборудуем два-три крупных аэропорта под посадочную площадку для их транспортников. Все их грузы будут проходить жесткий таможенный контроль. За орбитальной базой мы уже установили постоянное наблюдение... В конце концов, мы можем установить эмбарго на ввоз их технологий.

Вопрос:

— Но без технологий что они нам смогут дать?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Смогут оказать нам консультативную помощь. Разработают методы, благодаря которым мы сможем обнаруживать и распознавать тугое... Они говорят, что уже встречались с чем-то похожим. А у нас нет никакого опыта. Сами мы этому пока не научились. Еще несколько лет — и человечество не в состоянии будет справиться с этой новой опасностью.

Вопрос:

— И вы полагаете, что в сложившихся условиях пришельцев на Земле встретят с распростертыми объятиями — даже если они действительно пришли с миром?

Полномочный представитель Комиссии по контакту:

— Разумеется, нет. Человеку свойственно настороженно относиться к чужакам. Но сейчас, по крайней мере, найдутся официальные структуры, которые согласятся принять помощь, откуда бы она ни пришла. Тем более что кадары неплохо знакомы с земными обычаями — они довольно давно принимают с орбиты наши теле- и радиопередачи. Они даже наши основные языки ухитрились выучить. Да и от людей они не так уж отличаются — по крайней мере внешне. Они вполне могут освоиться в земном обществе.

Председатель:

— Вот это меня и беспокоит...

Берген

26 октября 2128 года

14 часов

— Да вы не волнуйтесь, — мягко сказала Сандра, — выпейте воды. Может, кофе?

Человечек кивнул. Вид у него был пришибленный, и не знай я, на что он способен, я бы, пожалуй, пожалел его — казалось даже странным, что руки у него все еще были схвачены наручниками.

Сандра сидела напротив него за прочным массивным столом.

— Ральф Густавсон, коммивояжер, верно? — Она заглянула в бумаги. — Работаете на фирму «Торнадо». Электроприборы, кухонные принадлежности?

— Да, — человечек кивнул. — Все верно.

— Что вы делали позавчера, Ральф? Вспомнить можете?

— Я... — он нервно сглотнул. — Как обычно... разъезжал по окрестностям... предлагал образцы товара.

— Вы ездили в Фьорде, Ральф?

— Фьорде? Да... кажется.

— Что значит «кажется», Ральф?

— Ну, ездил.

— И кому же вы предлагали свой товар? Кому-то в городе?

— Да... потом поехал по окрестностям. Фермеры... охотней покупают всякие бытовые приспособления, чем горожане.

Сандра бросила через стол пачку фотографий. Человечек трясущейся рукой взял одну из них, поглядел и в ужасе отбросил ее прочь.

— О Господи!

— Что на фотографии, Ральф?

— Эти люди... Я не могу на это смотреть!

— У тебя нежная душа, верно, Ральф? — усмехнулся я.

Сандра досадливо поморщилась.

— Погоди, Олаф! Что на этой фотографии, Ральф?

— Это — люди...

— Это уже не люди, Ральф. Это — мертвые тела. Трупы, проще говоря. Убитые. Как они убиты, Ральф?

— Они... им... — Он всхлипнул. — Я не могу!

— Зачем ты ездил в Фьорде, Ральф?

— Предлагать образцы... не помню.

— А почему ты, когда увидел полицейских, прыгнул в воду? Чего боялся? Ты решил утопиться?

— Я подумал... они знают...

— О чем они знают, Ральф?

Маленький человечек всхлипнул.

— Я помню... я ехал по дороге. Потом — провал. Я знал, я догадывался... Это — вот

это... — Он неловко закованной в наручники рукой подхватил фотографию и впервые внимательно уставился на нее. На секунду лицо его изменилось, глаза расширились, и страшная тень, стирающая человеческие черты, прошла по нему. Но лишь на миг — он разжал пальцы, и фотография, плавно кружась, упала на кафельный пол камеры. Он повернул голову, с ужасом поглядел на свои скованные руки и заплакал.

Я нажал кнопку звонка.

Два здоровенных охранника бесшумно возникли в дверях, точно посланцы судьбы. Они молча подошли к столу, отцепили наручники от металлических скоб, укрепленных на столешнице и пристегнули их к своим запястьям.

Я проводил взглядом удаляющиеся фигуры и обернулся к Сандре. Она устало провела рукой по глазам.

— Вот в чем весь ужас! Ведь они не сознают, что делают. Может, где-то в глубине души догадываются, что с ними что-то неладно, но гонят от себя эти мысли.

— Сущие ангелочки, верно?

— Ах нет, Олаф, но, когда эти две личности, не знающие друг о друге, приходят в столкновение, многие не выдерживают... сходят с ума.

Я похлопал ее по плечу.

— Одна радость — это продолжается недолго. Ни один из них еще не дожил до старости. Представляешь — туг-долгожитель!

Она вздохнула.

— Жуткое время... Кто угодно — самый с виду нормальный человек, близкий друг, родственник — может обернуться чудовищем!

— Ладно, — сказал я, — что толку попусту расстраиваться? Пошли развеемся. У меня у самого на душе тошно.

Она подняла свое побледневшее, но от этого еще более привлекательное лицо.

— Ты, кажется, обещал показать мне город?

Я поклонился.

— Синьора, я к вашим услугам. Прошвырнемся?

Городской центр, который выходил на залив, в прошлом веке сильно пострадал от ураганов и цунами, обрушившихся на побережья после Катастрофы, но повыше, на горных склонах, город раскинулся во всей своей красе, и белые домики нежно розовели в лучах заходящего солнца. Мы зашли в старинную церковь, там пожилой органист священнодействовал над клавишами, а потом прогулялись по узким улочкам, где, расставив руки, можно было дотронуться до стен домиков, стоящих на противоположных сторонах тротуара. Окна, прикрытые зелеными ставнями, глядели на закат, фонари над дверями мягко светились в своих кружевных металлических оправках. Здесь все было так же, как двести или триста лет назад, — все эти бесхитростные домики уцелели, тогда как гордые многоэтажные гиганты конца XX века рухнули от первого же сейсмического толчка. К примеру, Технологический центр — огромный куб из стекла и бетона — так и пролежал в развалинах все это время, и завал начали разгребать лишь в последние годы; именно там, под руинами, и отыскивались, по словам нашего нового знакомого — профессора Бьорна Берланда, — какие-то интересные архивы Смутного времени. Мы погуляли вдоль плоского берега искусственного озера, где до сих пор красовалась статуя какого-то кумира XX века, вышагивающего по водной глади, — то ли Пристли, то ли Пресли. Он вроде был какой-то певец и вообще не норвежец — и чего ему ставить памятник, спрашивается?

Китайский ресторан располагался в старом квартале; золотистые драконы смотрели с алых стен, и хрупкие китайки, похожие на фарфоровые статуэтки, плавно передвигались с подносами в руках под изысканную восточную музыку.

Мы уселись за столик, устланный белой, как арктический лед, накрахмаленной скатертью, на котором в низкой плоске курилась ароматическая свеча. Я заказал подогретое вино, грибы с маринованными побегами лотоса и запеченные в тесте креветки. Сандра довольно ловко управлялась с китайскими палочками, еда была горячей, соус — острым, музыка располагала к откровенности — вечер обещал быть удачным. Я надеялся, что романтическая обстановка, напоенная пряными экзотическими запахами, сумеет снять напряжение последних дней и превратить сурового доктора судебной психологии в нежную, податливую женщину.

Однако мои ожидания не оправдались: то, что безошибочно действовало на всех моих случайных приятельниц, не произвело на Сандру никакого впечатления. Она, казалось, чувствовала себя в этой экзотической обстановке совершенно свободно, и голова ее была занята отнюдь не романтическими мыслями.

— Странная история, Олаф, — сказала она, задумчиво отпив глоток вина, приправленного изысканными пряностями, — помнишь существо, которое ты подстрелил в Фьорде?

— Еще бы, — неохотно отозвался я. — Конечно, помню. Уж на что я ко всему привычный, а у меня и то мороз по коже.

— Так вот. Перед уходом я заглянула к Тауму. Он был явно чем-то обеспокоен. Знаешь, обычно трудно угадать настроение кадара...

Я кивнул. Мы больше года работали в паре с Карсом, и лишь опыт постоянного общения помогал мне читать хоть какие-то эмоции на его непроницаемом лице.

— Таум не особенно хотел об этом говорить, но все же, когда я начала на него нажимать, признался, что это существо его очень тревожит. Дело в том, что оно по своей анатомии оказалось гораздо ближе к человеку, чем это кажется на первый взгляд. Таум сказал, что в крови у него он обнаружил зет-соединение. Причем в огромной концентрации.

Я удивленно уставился на нее.

— Ты что же, хочешь сказать, что это — мутировавший туг? Что-то в этом роде?

Она покачала головой:

— Не знаю, Олаф. Но боюсь, нас ждут тяжелые времена.

Она нахмурилась, сведя в одну линию свои четкие брови.

— Я давно хотела тебя спросить, Олаф...

Я распрямил плечи... Наконец-то!

— Спрашивай, детка.

— Терпеть не могу, когда меня называют деткой. Скажи, ты ведь довольно давно работаешь с Карсом, верно? — Я кивнул. — И вы вроде неплохо ладите?

— Неплохо. Считается, что смешанные пары вообще работают эффективнее. Те качества, которые есть у меня, отсутствуют у него, и наоборот. Мы дополняем друг друга.

— Я не о том. У вас нет секретов друг от друга — Карс, как мне показалось, полностью в курсе твоих личных дел, и все такое... Он мне рассказывал про какую-то твою бабу с «буферами», по его выражению.

Вот сукин сын! Я мысленно дал себе клятву, что двину его в его кадарскую морду, как только встречу эту сволочь на узкой дорожке.

— Он что-то напутал, Сандра... Понимаешь, инопланетянин, новичок, наших обычаев не знает...

— Хватит, Олаф, я не о том... Я хотела спросить — он тебе когда-нибудь рассказывал о своей родной планете?

— Нет... — Я задумался. — Я знаю, что она находится около беты Водолея. Впрочем, он покинул свой дом еще очень молодым, по нашим меркам — подростком и воспитывался на стационарной базе — она расположена у экватора Марса; потом его в спешном порядке подготовили и отправили на Землю. Он практически сразу попал в наш отдел... Ну вот и все.

— Олаф, заметь, ведь это — одни общие сведения. Они знают о нас гораздо больше, чем мы о них.

— Ну, не стоит так все драматизировать. Ведь без кадаров мы бы так и не научились нейтрализовывать тугов — это они предложили способ обезвреживать зет-соединение. Они помогли наладить работу нашей организации — у землян на это не хватило бы сейчас ни средств, ни сил. Если бы не их вмешательство...

— Один вопрос, Олаф. Почему они это делают? Из каких соображений?

— Помогают слаборазвитому народу. Посылали же мы в девятнадцатом веке миссионеров ко всяким там людоедам...

— Это диктовалось нашей религией. А какая религия у кадаров?

— Понятия не имею. И вообще религия была только предлогом. Скорее тут дело в экономике. В государственной экспансии.

— Ты сам сказал.

Я поднял голову и поглядел на нее. В ее мрачных глазах дрожал огонек свечи.

Сердце у меня заныло от недоброго предчувствия, и, словно вторя моим мыслям, за спиной у меня бесшумно возникла миниатюрная китаянка.

— Вы Олаф Матиссен? — спросила она голосом, мелодичным, как китайский колокольчик. — Вас к телефону.

Я встал, отодвинул стул.

— Прости, — сказал я Сандре, — я сейчас вернусь.

Но, по правде говоря, сам я этому не верил. Раз уж меня ухитрились отыскать в ресторане — дело дрянь. Что-то наверняка стряслось, и плакали все мои виды на сегодняшний вечер. А ведь так все отлично начиналось!

Ресторан этот недаром считался приличным — кабинки для переговоров тут были закрытые, так что клиенты могли утрясать свои дела, не опасаясь чужих ушей. Я взял трубку, ожидая услышать Карса или Антона, но, к удивлению моему, говорил незнакомец.

— Инспектор Матиссен? — спросил возбужденный мужской голос в трубке.

— У телефона.

— Уж не знаю, помните ли вы меня... Это Бьорн Берланд, историк.

— А! Здравствуйте, профессор.

Теперь я его узнал — тот самый малый, который ждал вместе с нами паром. Он еще занимался Смутным временем. Сам не знаю, почему я его запомнил — должно быть, по какому-то инстинкту, велевшему мне запоминать все, что так или иначе встречается на пути.

— Рад, что вы снова в Бергене, профессор. Как продвигается работа?

Казалось, он колеблется. Какое-то время в трубке слышалось лишь его частое дыхание.

— Профессор?

— Ваш напарник сказал мне, что вас скорее всего можно найти здесь. Простите, я

наверняка отрываю вас от частных дел. Он сказал, что это ваш любимый ресторан и что если уж вы собрались куда-то вести девушку, то наверняка сюда.

Вот сволочь!

— Он не ошибся, — уныло ответил я.

— У меня к вам просьба, инспектор. Вы не могли бы приехать ко мне? Срочно.

— Что-то стряслось? — неохотно спросил я. Черт бы его побрал, он что, до утра не мог потерпеть, что ли?

— Да... пожалуй. Я говорил вам, что разбираю архивы. И наткнулся кое на какие любопытные документы. Я подумал, может, вы... понимаете, мне больше не к кому обратиться...

Я вздохнул.

— Дело не терпит?

— Не знаю... мне кажется, за мной следят... Я боюсь, инспектор!

О Господи, свихнулся он, что ли? Беда в том, что мы не можем пренебрегать ничем — любой глупостью, любым ложным сигналом... Таково правило нашего отдела, и пока его еще никто не отменял.

— Хорошо, — сказал я, — я выезжаю. Куда ехать?

— В Музей естественной истории. Там мне выделили кабинет, понимаете ли. На первом этаже, комната пять. Вахтеры уже ушли. Пожалуйста, поторопитесь!

Я знал этот музей — массивное серое здание неподалеку от рухнувшего Технологического центра. Весной там цветут рододендроны, заливая все вокруг розовым и алым светом, а сейчас его караулят лишь темные туи да сосны... Приятное место, да уж больно безлюдное по вечерам. Про парк, расположенный поблизости, ходят дурные слухи — на ночь жители окрестных домов запирают бронированные двери, и на всех окнах там решетки... Я взглянул на часы. Было уже без четверти десять.

— Я буду через пятнадцать минут. Не волнуйтесь. Запритесь и ждите меня. Я назовусь.

— Хорошо... — Он, казалось, колебался. — И еще — приезжайте один.

— Это еще почему?

— Без напарника. Я потом объясню. Не ставьте никого в известность. Просто приезжайте поскорее.

— Я буду через пятнадцать минут. Не волнуйтесь.

Я повесил трубку и вернулся к столику. Китаяночка как раз убрала тарелки из-под закусок и принесла сладкое — яблоки в охлажденном сиропе, кофе и коньяк.

Сандра вопросительно взглянула на меня. Я пожал плечами, присел к столу и торопливо отхлебнул крепкий, дымящийся, черный, точно деготь, кофе.

— Ничего не поделаешь... надо идти.

— Что случилось, Олаф?

— Помнишь того профессора, которого мы тогда встретили на переправе? Берланда?

— Да... — насторожилась она.

— Это он звонил. Похоже, он чем-то напуган. Я так и не понял — чем.

— Может, мне поехать с тобой, Олаф?

Я покачал головой — отчасти потому, что предпочитаю при возможных осложнениях не таскать за собой женщин, особенно привлекательных женщин, отчасти из-за того, что тогда, на переправе, она, как мне показалось, смотрела на профессора с большей симпатией, чем того заслуживает случайный попутчик.

— Нет, не нужно. Не думаю, что там и вправду что-то серьезное. Просто психованный тип. Чего ждать от ученого?

— Он не произвел на меня впечатления психованного типа, — возразила она, — приятный, воспитанный человек.

А я что говорил! Когда этим дурехам попадается какой-то хлюпик, который и пушку-то сроду в руках не держал, они сразу говорят, что он «воспитанный». Будто все остальные ведут себя как разнузданные павианы!

Я потрепал ее по плечу.

— Что бы там ни было, я и сам разберусь. А ты не торопись — видишь, опять пошел дождь. Тут тепло, уютно, музыка играет. А там, снаружи, льет и льет.

— Говорят, раньше, до Катастрофы, все было по-другому, — вздохнула она. — Говорят, у нас в Италии триста дней в году светило солнце. А теперь и мы забыли, как оно выглядит.

— Только не в Бергене, — возразил я, — тут всегда так было. У нас говорят, бергенец рождается с зонтиком в руках. Ладно, мне пора. Утешься тем, что можешь допить и мою порцию.

Я подозвал китаяночку, которая приблизилась забавной семенящей походкой, расплатился и вышел из освещенного красными фонариками уютного ресторана на дождь и ветер. Стоило лишь мне захлопнуть тяжелую дверь, меня обступила тьма, ветер с залива швырнул в лицо мелкую водяную пыль. Я поднял воротник и направился к своей старушке, предварительно отключив сигнализацию — мало ли вокруг ублюдков, мечтающих надругаться над чужой машиной? А я был привязан к своей красотке; машина — это вам не женщина, ее не каждую неделю меняешь.

Конечно, если бы что-то хоть намеком подсказало окружающим, что это — полицейский автомобиль, я мог бы спать спокойно — мало кто любит связываться с полицией, — но наш отдел предпочитает себя не рекламировать.

Машина тронулась с места и медленно поползла в гору по узким улочкам — спешить тут было опасно; мокрый асфальт мостовой блестел точно смазанный маслом. Площадь перед музеем была пуста, памятник, изображающий какого-то мужика в тужурке, угрожающе вытаращился на меня позеленевшими буркалами. Все окна приземистого массивного здания были темными, и только одно — на первом этаже — отбрасывало тусклый прямоугольник света на залитую водой брусчатку. Я толкнул тяжелую дверь — она оказалась незапертой, и смутное предчувствие неладного охватило меня. В коридоре было пусто — мои шаги эхом раскатились по пустынным сводам. На какой-то миг мне почудилось, что я слышу не просто эхо — словно где-то вдалеке кто-то быстро пробежал мимо, — но звук тут же стих.

— Профессор! — крикнул я.

Молчание.

Из приоткрытой двери комнаты номер пять в коридор вырывалась узкая полоска света.

Первое, что бросилось в глаза, когда я вошел, — это царивший в комнате хаос. Странно, там, во Фьорде, на ферме тоже все было перевернуто, но там все было иначе. Туг, которого в другой жизни звали Ральф Густавсон, крушил все в припадке помрачения, не оставляя ни одной целой вещи; порыв безумца, обуреваемого только одним-единственным желанием — крушить и резать. Здесь же разгром осуществляла методичная и, я бы даже сказал, хладнокровная рука. Кожаная обшивка кресла была вспорота крест-накрест; ящики, выдвинутые из стола, лежали кверху дном; книги, сброшенные с полок, громоздились на

полу бесформенной грудой. Словно кто-то поспешно, но тщательно обыскивал комнату — вот как это выглядело. Не было лишь того, из-за чего, собственно, и поднялась вся эта суматоха, — архива, с которым работал Берланд.

Зато было еще кое-что.

Я заметил его не сразу — обыскивая комнату, преступник сдвинул с места массивный стеллаж, и теперь он заслонял лежащее на полу тело. Сначала я увидел нелепо вывернутый ботинок, торчащий из-под стола, а уж потом и самого Берланда. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять, что с ним случилось. Вся левая сторона груди у него была разворочена и почернела от запекшейся крови. Стреляли явно с близкого расстояния. Судя по степени убойности, оружие убийства явно смахивало на «магнум».

Я нагнулся и дотронулся до шейной артерии Берланда. Пульс еще бился — слабый, прерывистый... Это явно была агония. Веки раненого слабо дрогнули; мутный взгляд остановился на моем лице и внезапно стал осмысленным; губы приоткрылись и из них вместе со свистящим дыханием вырвалось:

— Инспектор...

Я наклонился еще ниже.

— Все в порядке, профессор. Сейчас я вызову помощь...

— Нет... мне уже ничто не поможет... они... не успел... дельфин...

Он явно бредил. Я успокаивающе похлопал его по плечу:

— Хорошо-хорошо, не волнуйтесь.

Он вдруг отчетливо произнес:

— Только вы... Больше никто! — И, торжествуя улыбнувшись, добавил: — Я так и думал.

Глаза его закрылись, он вздрогнул, вытянулся, и через миг жизнь покинула его.

Я подошел к телефону, подхватил беспомощно раскачивающуюся трубку и набрал номер нашего ведомства.

* * *

22 декабря 2031 года

Помощнику генерального секретаря ООН

Джеку Лундгрену

от доктора физико-математических наук

Юджина Ионеску

Дорогой Джек!

До меня дошли слухи о закрытом совещании в Женеве и, что самое главное, о результатах этого совещания. Вы все-таки решили открыть этим пришельцам допуск на Землю. Я понимаю — другого выхода у вас не было, и все это очень смахивает на хорошую мину при плохой игре. Конечно, мы сейчас не в том положении, чтобы вступить в вооруженную конфронтацию с пришельцами из космоса. При том уровне технологий, который у них имеется, они просто сотрут нас с лица земли. Но, может, вам все-таки стоило бы немного затянуть

переговоры — ты ведь старый дипломатический волк! Я понимаю, установить эмбарго на ввоз новых технологий — это до некоторой степени выход. По крайней мере, это позволит нам хоть как-то контролировать их деятельность на Земле. Но, может, нам вообще стоит задуматься — а что это за деятельность такая? Мы с тобой достаточно прожили на этом свете, чтобы не строить иллюзий: если кто-то предлагает вам бескорыстную помощь, значит, он рассчитывает получить выгоду. Мы тут, на Земле, и между собой-то договориться не можем — кто же сумеет понять, что на уме у пришельцев? Тем более что они, по крайней мере внешне, мало чем отличаются от людей — вполне естественно, мы ждем от них человеческих чувств и человеческих реакций. Джек, а что, если это их внешнее сходство — просто маска? Личина? Как мы угадаем, что за этим скрывается на самом деле? Что они вообще рассказывали тебе о своем родном мире? Ничего? А если и рассказывали что-то, то как проверить достоверность этих сведений?

Джек, я ученый. Я верю только в то, что можно проверить на опыте, только в то, что известно достоверно. А достоверно мы имеем следующую цепочку событий: совершенно необъяснимый (какие бы версии ни выдвигали наши доблестные газетчики) взрыв ракетной установки на Мексиканском нагорье; падение Харона и тот хаос, который за этим последовал; появление тугое и их стремительное и страшное распространение по всему земному шару; и, наконец, появление пришельцев. Весьма вероятно, что между этими событиями нет никакой связи. Но если есть, Джек, может, стоит задуматься, не стоит ли за этим чья-то направляющая рука? Я постараюсь кое-что выяснить — не знаю, что из этого получится, но тем не менее советую тебе поразмыслить над моими словами. Привет Рэйчел и Бобу. Надеюсь увидеться в Баден-Бадене; в Женеве сейчас слишком неуютно.

Твой Юджин.

* * *

«Нью-Йорк тайме»

от 2 февраля 2032 года

Вчера за рабочим столом скончался от паралича сердца видный ученый, лауреат Нобелевской премии в области точных наук, автор фундаментальной монографии «Разум в зеркале Вселенной» доктор Юджин Ионеску. Редакция выражает соболезнование родным и близким покойного. Отпевание в среду в католической церкви на Двенадцатой авеню. Цветов не приносить.

Берген**27 октября 2128 года****10 часов утра**

— Говорю тебе, это не по нашему ведомству, — проворчал Антон, — я передал это дело направо.

Направо — то есть полиции. Наш отдел, как я уже говорил, располагается слева по коридору.

— Он был убит потому, что я ему не поверил, — настаивал я. — Если бы я бросился туда со всех ног, как он просил, может, я успел бы его спасти или, по крайней мере, схватил бы убийцу. Это моя вина, шеф.

— Олаф, кто бы его ни убил, это не туг. И ты это отлично знаешь. Почерк не тот. Значит, нашему отделу сюда нос совать нечего, у нас и без того хватает неприятностей.

— Но я обязан...

— Ты обязан выполнять мои распоряжения, — сухо сказал Антон, — а я обязан отчитываться перед начальством. У меня, знаешь, тоже начальство имеется. И не собираюсь я вешать на отдел убийство какого-то очкарика. Да мало ли во что он впутался? Может, склад наркотиков в музее устроил?

— Антон, ты прекрасно знаешь, что это не так. Я проверял — отзывы о нем самые положительные. Это был вполне добропорядочный человек, ученый с мировой репутацией.

— Дорогой мой, сейчас не так уж сложно стать ученым с мировой репутацией. Да кто теперь вообще занимается наукой? Горстка идиотов?

Антон если уж упрется, его с места не сдвинешь. А тут он, видно, раз и навсегда решил, что дело с неопределенным исходом на наше ведомство вешать нечего, раз уж есть возможность этого избежать. Наскоком его не возьмешь — тут нужно терпение. А потому я спокойно сказал:

— Антон, он занимался Смутным временем. А ты не хуже меня знаешь, когда было отмечено первое появление тугов. Может, при раскопках Технологического центра всплыли какие-то документы?

— Может, — неохотно согласился Антон, — и где же эти документы?

— Исчезли...

Он неопределенно хмыкнул, но я видел, что в его сонных глазах под тяжелыми веками мелькнула искорка.

— Он тебе вроде бы что-то сказал перед смертью.

— Да... но я ничего не понял. Бред какой-то.

Он вздохнул.

— А где Карс?

— Работает с тугом. Ты же знаешь, он должен отчитаться перед своими.

— И когда он освободится?

— Может, сегодня. Может, завтра.

Почему Бьорн так настаивал, чтобы я пришел один? Почему без Карса? Не доверял? Боялся? Ведь он сам признавался, что пришельцы с детства были его коньком. Вот еще одна

загадка. Но шефу я ничего говорить не стал — пусть прояснится хоть немного.

Он какое-то время мрачно изучал поверхность стола, потом поднял голову.

— Ладно. Можешь пока заняться этим делом. Но на свой страх и риск. Мешать я тебе не буду. Но и на помощь не рассчитывай. Хочешь, подключайся к ребятам из муниципалки.

— Не надо. У них — свои методы, у меня — свои.

Это они, заламывая преступнику руки за спину, нежно шепчут ему на ушко: «У вас имеется право не отвечать на вопросы». Наши ребята — никогда.

— На свой страх и риск, понял? — угрожающе повторил Антон.

Врет он все. Если кто-нибудь из нашего отдела попадает в передрагу, уж он-то в лепешку расшибется, чтобы вытащить любимого соотрудничка. Но я не стал его злить и молча кивнул.

— И куда же теперь? — В глазах у шефа появился проблеск интереса.

— Позвоню Стампу, может, он что-то знает; например — архивы. Раз они исчезли, значит, рано или поздно должны где-нибудь появиться. По закону сохранения вещества.

— Ты не умничай, — проворчал шеф, — и держи меня в курсе, ладно?

Все-таки сдался, сукин сын. Я подавил усмешку, кивнул Антону, сохраняя серьезное лицо, и вышел.

... Логово Стампа больше всего напоминало мне нору земляного паука — так оно было опутано всяческими проводами и хрупкими приспособлениями, грозящими вот-вот рухнуть при каждом резком движении, а сам Стамп — паука, сидящего в центре этой паутины. Подобно пауку он покидает свое убежище крайне неохотно и лишь в исключительных обстоятельствах, а так — все больше передвигается в своем моторизованном инвалидном кресле от одного ключевого узла к другому.

Стамп — калека. Болезнь, скрутившая его тело, сохранила в целости мозг, и у него одна из самых классных голов, какие мне только встречались. При желании он мог бы стать консультантом при какой-нибудь частной фирме и зашибать неплохие бабки, но его, как и положено настоящему пауку, никогда не тянуло на свет; все больше — в темные углы, где можно, дергая за ниточки, затевать всякие темные дела. Он обосновался в припортовом районе города, оборудовав под жилье старый склад, до сих пор воняющий протухшей треской и сырыми опилками, закрыл окна пуленепробиваемыми ставнями, навесил бронированную дверь и укрепил над ней глазок телекамеры. Думаю, он сотрудничает с нами лишь потому, что ему нравится вести двойную игру — только так он может получить острые ощущения, которые не в состоянии предоставить ему его хилое тело, а так он все больше промышляет посредничеством, сводит поставщиков наркотиков с покупателями, нанимает киллеров по просьбе всяких добропорядочных заказчиков, которые ни его самого, ни исполнителей сроду в глаза не видели, да и не увидят никогда. Он продает и покупает все, что продается и покупается, и предает всех, кого можно предать. Устройства, которые он мастерит своими негнуцимися пальцами, способны подключаться к любой телефонной станции, проникнуть в любую, хоть трижды засекреченную компьютерную сеть.

Конечно, я ему позвонил, прежде чем зайти. Говорить что-либо не было нужды — я просто набрал определенный номер и, подождав, пока прозвучит тройной зуммер, бросил трубку.

Порт вообще отвратительное место. Говорят, тут можно встретить гигантских крыс величиной с кошку, но скорее всего те, кому они померещились, просто были под кайфом. Гораздо опаснее другие крысы — на двух ногах, которые днем забиваются в щели, а ночью

выползают наружу, и уж, конечно, не для того, чтобы полюбоваться лунным светом. И дня не проходит, чтобы из залива не выловили чей-то труп, а уж просто о поножовщине, мордобое и изнасилованиях и говорить нечего. Ни одна приличная женщина в этот район по доброй воле не сунется ни днем, ни тем более ночью, а мужчины, если их гонит сюда нужда, оставляют дома бумажник и берут пистолет. То еще местечко, одним словом.

Стампа никто из здешней швали и пальцем не трогает. Боятся.

Иногда я подозреваю, что он и есть тот загадочный Координатор-невидимка, который держит в своих руках все Северное побережье. Как бы то ни было, это не мое дело — пусть у ребят из муниципалки голова болит.

Автомобиль свой я оставил у въезда в порт и прошел пешком — тут не следует привлекать к себе излишнего внимания.

Подойдя к приземистому одноэтажному строению, я остановился. Никаких признаков жизни в наглухо задраенных окнах я не заметил, но отлично знал, что бесстрастные глаза искусно спрятанных телекамер фиксируют каждое мое движение.

Наконец что-то щелкнуло, и обшарпанная дверь отворилась, обнажив свою стальную изнанку. Я вошел внутрь.

Никаких обычных источников света тут не было — лишь тускло мерцали экраны мониторов да вспыхивали сигнальные лампочки на пультах. Я стоял, ожидая, пока глаза мои привыкнут к темноте, когда в углу что-то тихо зажужжало и инвалидное кресло на колесах медленно выехало на середину огромного помещения.

— Присаживайтесь, — сказал Стамп.

Он и впрямь напоминал паука — его руки и ноги были вывернуты под непривычными углами к телу, а голова на тощей шее выдвинута вперед. Лишь приглядевшись, можно было заметить, что по странной иронии судьбы он был потрясюще красив — у него было тонкое одухотворенное лицо греческого бога, оскорбительно водруженное на искалеченное тело.

— Присаживайтесь, инспектор, — насмешливо повторил Стамп, — почувствуйте себя как дома.

Чувствовать себя как дома тут было трудновато — бедлам, да и только. Из стульев я заметил лишь инвалидное кресло Стампа. Я было ухватился за ящик, показавшийся мне наиболее безопасным, но этот шут крикнул:

— Умоляю вас, не сюда! Ведь это же радиомина!

Я пожал плечами и остался стоять. По-моему, он именно этого и добивался.

— Почему это инспектора Особого отдела так волнует смерть какой-то ученой крысы? — неожиданно спросил Стамп.

Ну конечно, ему и это известно. Подслушивает переговоры полиции, что ли?

Я слишком хорошо знал этого типа, чтобы пытаться с ним хитрить, — попробуйте перехитрить, например, хорька. Потому я честно сказал:

— Может, для тебя слово «обязательства» пустой звук, но дело именно в этом. У меня перед ним остались кое-какие обязательства.

— Доблестный инспектор обхаживал очередную телку и не поспел к решающей схватке, — нагло усмехнулся Стамп.

Я кротко ответил:

— Примерно так.

— И что же вас теперь интересует? Убийца? Или пропавший архив?

— Если мы найдем убийцу, то найдем и архив, — сказал я, — или наоборот.

— Что в бумажках?

— Он был историком, Стамп. Ничего такого, что могло бы заинтересовать твоих знакомых.

— Это верно.

Стамп подумал.

— Тебя очень удивит, если я скажу, что не знаю, кто это сделал, — сказал он наконец.

Я и вправду удивился.

— Да ты что!

— Вот те крест! Это — первое. Второе — недавно я получил заказ на восемь «стражей». Целых восемь! И если чисто гипотетически связать эти два факта...

Я мысленно охнул. Про «стражей» всем известно, но ни один из них никогда не попадал в руки ни к одному нашему сотруднику. Это миниатюрное устройство представляет собой крохотный передатчик, который крепится к височной кости носителя. При помощи импульсов, которые он подает, заказчик получает возможность управлять человеком на расстоянии да еще и ориентироваться в обстановке, окружающей исполнителя, — прибор транслирует на приемник все, что происходит вокруг. В критический момент заказчику достаточно нажать на кнопку, и миниатюрный прибор взрывается, впрыскивая своему носителю смертельную дозу цианида. Стоит такой «страж» астрономическую сумму, которая не всякому наркокартелю по карману. А тут — целых восемь!

— Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с какой-то хорошо организованной группой? — спросил я.

— Я ничего не говорил, — усмехнулся Стамп.

— Объясни, зачем хорошо организованной группе понадобился старый архив?

Он покачал головой:

— Слишком много вопросов, инспектор. По-твоему, я знаю все?

— А то нет?

Он снова ухмыльнулся.

— Но эти бумаги пользуются спросом, должен заметить. Говорят, один тип в баре надрался и рассказывал, что кое-кто уже этими бумажками интересовался.

— Какой тип?

— Некий Кармайкл. Знаешь такого?

— Немного... А он тут при чем?

— Ну, считается, что у него большие связи.

Это уже интересно. Те, кто искал эти бумаги, раз уж они связались с Кармайклом, понятия не имели о Стампе. Скорее всего это кто-то со стороны, кто-то не знающий здешнего расклада. Они наняли Кармайкла только потому, что тот не брезгует никакой работенкой и беззастенчиво рекламирует сам себя. Я вздохнул:

— Ладно. Поговорю с ним. Значит, кто-то еще завелся в этом омуте. Поглядим, что за рыбка такая.

Стамп, нажав на какую-то невидимую кнопку, развернул свое кресло и, подъехав вплотную ко мне, уставился снизу вверх блестящими глазами мне в лицо. Взгляд его своими гипнотическими свойствами смахивал на взгляд змеи — почему-то при виде его мне всегда на ум приходили какие-то ассоциации из мира животных.

— Похоже, ты влип, Олаф, — сказал он. — Если архивы у них, плохо. Но еще хуже, если архивов у них нет.

Я разозлился.

— Что ты хочешь сказать? Может, хватит говорить намеками?

— Тебе фамилия Ионеску ничего не говорит?

Я отупело потряс головой.

— Если бы у вас, легавых, были бы такие же мозги, как мышцы...

— Стамп, — сказал я, — давай не переходить на личности. Я наведу справки. Ты этого хочешь?

— Мне-то какое дело? Валяй наводи.

Я вздохнул.

— Спасибо. Что ж, пойду проведаю Кармайкла. Он все там же ошивается?

— Там же! — Стамп, казалось, потерял всякий интерес к происходящему. Он резко развернул свое кресло и завозился у одного из пультов. Я понял, что больше из него ничего не вытянешь, и направился к выходу. При моем приближении дверь щелкнула и автоматически отворилась, пропуская меня. Я был уже на пороге, когда Стамп сказал мне вслед:

— Эй!

Я обернулся.

Отблеск красной сигнальной лампы высвечивал его лицо падшего ангела.

— Привет напарнику.

Он никогда не тратил слов понапрасну, и все, что он говорил, имело некий определенный смысл — за этим пожеланием явно скрывался какой-то намек. Но какой?

...Кармайкл обычно ошивался в баре «Веселая сардинка», расположенном на молу, выступающем далеко в море. Вонючее место, но для многих темных личностей оно служило чем-то вроде конторы для деловых переговоров, и всякой швали тут вечно болталось полным-полно. Я толкнул ногой стеклянную дверь, кивнул Уле, мрачно восседавшему за стойкой, и, велев принести мне виски с содовой, устроился за столиком с видом на залив. Наступал вечер, солнце нависло над ртутными водами, точно раскаленный шар, с моря потянуло холодом...

В баре было тихо, только в углу дремал, положив голову на руки, какой-то хмырь.

Уле воспринял мое появление спокойно — уж не знаю, откуда этим барменам всегда все известно (а Уле вдобавок был еще и владельцем этого довольно доходного местечка), но и сам он, и все его постоянные клиенты отлично знали, что инспектор Матиссен приписан к Особому отделу, а Особый отдел не занимается всякой шушерой и ни наркотики, ни подпольная продажа оружия, ни даже заурядные убийцы меня не интересуют. Особый отдел занимается только тугами — а их все боятся как зачумленных — и в кишачих крысами трущобах, и в грязных барах, где темные личности ворочают миллионами, и в благополучных кварталах Трольдхагена; может, нас не слишком любят, да и какой идиот любит полицейских, но терпят...

Уле поставил передо мной стакан с янтарной жидкостью, в которой холодно поблескивал кубик льда. Стакан, в виде исключения, был почти чистый.

Он уже собрался возвращаться за стойку, но я остановил его.

— Кармайкл когда будет?

Уле взглянул на старомодный круглый циферблат часов, укрепленных над стойкой.

— Через полчаса, наверное. Он каждый вечер тут.

— Не знаешь, с кем он в последнее время вел переговоры?

Уле неопределенно хмыкнул.

— Вот он придет, у него и спросишь.

Я медленно прихлебывал виски, стараясь растянуть свою порцию. Настроение было гнусное, в самую пору как следует надраться, но «Веселая сардинка» не то место, где можно позволить себе расслабиться. За стеклом сгущались сумерки, солнце медленно погружалось в воды залива, и бар постепенно стал заполняться людьми — тут были мрачные широкоплечие докеры в брезентовых робах; лихие моряки с французского траулера; подтянутые молчаливые контрабандисты и лощеные томные сутенеры с настороженными жесткими глазами. Девушки в новомодных платьях из крупной ячеи, больше смахивавших на рыболовные сети и соблазнительно подчеркивающих их пышные нордические прелести, лениво бродили между столиками, подсаживаясь то к одному, то к другому...

Одна из них небрежно облокотилась на мой столик — славная рыжеволосая веснушчатая деваха, чудом ухитрившаяся сохранить в этом гнилом месте сельскую свежесть.

— Похоже, ты тут новенькая, крошка. — Я сделал знак Уле, чтобы он принес ей выпивку, а себе велел повторить. — Что-то я тебя раньше не видел. Как тебя зовут?

— Барбара, — она заученно улыбнулась пухлыми яркими губами.

— Барби, значит... — Я подумал, что она наверняка придумала себе имя позвучней. Все они выдумывают.

— А меня зовут Олаф.

Она нахмурилась.

— Уле говорил, что ты коп.

— Верно. Но ты меня не бойся. Я не по твою душу. Мне нужен Кармайкл.

Девушка хихикнула.

— Это еще зачем? От него тебе не будет никакого проку...

— Так, спросить кое о чем.

— Вообще-то он назначил мне свидание, — заметила Барбара, — но, похоже, опаздывает. Все мужчины такие свиньи... — Она спохватилась и нежно добавила: — Ты, конечно, исключение. Закажи мне еще выпить.

— И я не исключение, — успокоил я ее и подозвал Уле. Черт его знает, что он ей в действительности наливает вместо анисовки, спрайт, что ли, но меня это не касается. Десять лишних монет меня не разорят.

В баре уже стоял страшный шум. Чтобы подозвать Уле, мне пришлось порядком поупражнять глотку. Дым коромыслом, народу — не протолкнешься. Я отмахивался от Барби, то и дело норовившей расстегнуть на мне рубашку, и пытался высмотреть в этом бедламе знакомую рожу Кармайкла. Но его не было.

Я прихлебывал виски, прислушиваясь к долетающим до меня обрывкам разговоров...

— ...Пять кусков, не меньше... Но ты с ним поосторожней, он парень со странностями. Говорят, он вообще не парень, а прооперированная баба...

— Странная, понимаешь, история вышла. Кореш у меня есть такой — туповатый он, честно говоря, мужик, двух слов связать не может... а тут вдруг проснулся и начал чесать на каком-то языке. Пошел к врачу, а тот говорит — первый раз такое слышит. Станный язык какой-то... аркадский? акадский? Мертвый язык, говорит.

— Что такое — мертвый?

— Ну... дохлый. На нем с сотворения мира никто не говорит.

— Это что... я недавно сам видел, как один мужик сквозь стену прошел.

— Что ты пил, приятель?

— А вот ни грамма! Посмотрел на меня, усмехнулся и прошел.

— Странные дела, по слухам, творятся... Мне говорили...

У стойки уже скопилась такая толпа, что Уле только и успевал разливать выпивку по стаканам. Я дернул Барби-куколку за рыжую прядку и направился к нему, проталкиваясь сквозь возбужденно гомонящую публику. Бросив на мокрую пластиковую поверхность стойки двадцатку, я взглянул на часы. Елкин корень! Без четверти восемь! А ведь Кармайкл тут обычно торчит с шести вечера — как на службу ходит. Уле, встретившись со мной взглядом, покачал головой.

— Где он живет?! — крикнул я, пытаюсь перекрыть шум, царящий у стойки.

— Что?! — крикнул в ответ Уле.

— Кармайкл! Я спрашиваю, где он живет?

— Знаешь такой красный кирпичный доходный дом на набережной? Там еще недавно португальца зарезали. Этого, как его там...

— А, знаю... Ладно, пойду проведаю. Не нравится мне все это.

Я еще не успел повернуться к двери, как вдруг почувствовал, что обстановка в баре изменилась — точно внезапно врубили высокое напряжение. Я видел, как напряглись мышцы на бычьих шеях докеров, а Уле замер с бутылкой в руке, приоткрыв рот. Потом, несколько опомнившись, он обратился ко мне:

— Ты что, Олаф, совсем свихнулся? Какого черта тут делает твой напарник?

Я обернулся.

В дверях стоял Карс. Он растерянно озирался, пытаюсь отыскать меня в толпе.

— Убери его отсюда, если не хочешь неприятностей, — сказал Уле, — ребята не любят чужаков.

Привлекая взгляд Карса, я помахал рукой, давая понять, что заметил его и сейчас выйду, но этот дурень решил, что я приглашаю его войти, и начал пробиваться сквозь толпу.

Люди молча расступались, смыкаясь за его спиной. Наконец Карс подошел к стойке и встал рядом со мной. Он помахал рукой, подзывая Уле, но тот сделал вид, что ничего не заметил, и, повернувшись спиной, стал расставлять бутылки на подвесной полке.

— Какого черта ты сюда приперся? — процедил я сквозь зубы.

— Я беспокоился, Олаф. О тебе с утра ничего не известно, кроме того, что ты пошел к Стампу. Я закончил работу, позвонил Стампу, он сказал, что ты скорее всего пойдешь сюда.

— Ты что, самоубийца?

Он виновато сказал:

— Я знаю, сюда мне лучше бы не соваться. Но я беспокоился, от тебя давно не было известий.

Я взял его за рукав и уже собрался двинуться к выходу, как вдруг на плечо мне легла тяжелая рука.

— Эй, приятель, — обратился ко мне мрачный тип в пропахшей рыбой брезентовой робе, — скажи своему дружку, чтобы убирался вон. Мы не потерпим тут этих тварей.

— Земля для землян! — выкрикнул кто-то у меня за спиной.

— Верно!

Я примирительно сказал:

— Да мы уже уходим. Кому охота торчать тут, глядя на ваши гнусные рожи.

И, скинув с себя мозолистую руку борца за всепланетную безопасность, начал

пробиваться к выходу, по-прежнему продолжая нежно поддерживать Карса под локоток.

Но, похоже, уйти спокойно нам не светило. Несколько человек сомкнулись, загораживая нам дверь. Дрянь дело! Инстинктивно я потянулся к кобуре, но тут же заставил себя опустить руку — не хватало мне еще завязать перестрелку в баре у Уле. Да после этого я и носа не смогу сунуть в портовые кварталы, а мне тут еще работать и работать... Если я в данный момент уцелею.

— Не шумите, ребята, — сказал я внушительно, — мы уже уходим. Дела у нас, понимаете.

— Валяй, инспектор, — усмехнулся высокий, гибкий как хлыст малый. Он, по-моему, зарабатывал на кусок хлеба с маслом, промышляя живым товаром. — Хочешь — иди. Мы тебя не держим. А вот дружок твой останется здесь. Мы с ним хотим кое о чем потолковать.

— Полегче, приятель, — я смерил его взглядом, прикидывая, куда удобней будет врезать, если начнется заварушка. — Он мой напарник.

— Дерьмо он, а не напарник, — буркнул второй противник, со сложением и ухватками портового грузчика.

Я одобрительно кивнул:

— Люблю изящные выражения. Свежо и оригинально!

Грузчик обиделся:

— Ну ты, не больно-то умничай.

Я увидел, что в руке у него тускло блеснул кастет, и понял, что драки не избежать. А значит, надо бить первым, пока этот ублюдок еще раскачивается.

Я чуть повернулся и вмазал труженику порта в челюсть. Сильно размахнуться я не мог, потому что сбоку на меня напирал какой-то распаленный лох, но все-таки кое-чего добился: грузчик охнул и закатил глаза. Я метнулся к ближайшему столику, схватил за горлышко массивную бутылку и шарахнул ее о подоконник. Это произвело некоторое впечатление; толпа, окружившая нас, слегка расступилась, и только торговец живым товаром, гибко уклонившись от смертоносных обломков стекла, выхватил нож и медленно пошел на меня. У меня не было времени смотреть, что там делает Карс, но я по опыту знал, что мой напарник отбивается с той нечеловеческой ловкостью, которая в тяжелую минуту просыпается во внешне ленивых и медлительных кадарах; кто-то отвалился, скуля и зажимая разбитый нос, кто-то еще пытался сопротивляться, но, не в состоянии уследить за молниеносными движениями противника, лупил вслепую и без особого результата.

Мой противник держал нож профессионально, мягко зажимая рукоятку в полуоткрытой ладони, и я подумал, что торговля живым товаром явно была вершиной его карьеры, а начинал он с самых низов, как и положено деловому человеку. Я медленно двигался, не спуская глаз со сверкающего лезвия, — остальные зачинщики отступили в ожидании схватки. Короткий выпад — но я успел уклониться, полоснув по руке, держащей нож, своим нехитрым оружием, и рукав суперлоновой сорочки моего противника, за которую тот, видно, выложил немалые денежки, окрасился кровью.

— Бей его, суку! — крикнул кто-то у меня за спиной. — Бей копа!

Я сделал обманное движение, гипнотизируя сутенера отблеском стекла, и въехал ребром ладони левой руки ему в горло. Раздался глухой чавкающий звук, рука, державшая нож, разжалась, и мой противник медленно осел на пол. Лишь теперь я мог бросить взгляд на Карса — тот уже пробился к выходу и стоял, придерживая тяжелую дверь, чтобы я мог беспрепятственно проскользнуть наружу. Но мне нужно было еще до этой двери добраться, а

это оказалось не так-то легко. Кто-то успел сориентироваться и ухватил меня за плечо. Я стряхнул руку и, выдвинув локоть, не глядя, коротко и резко ударил типа, стоявшего за моей спиной. Тот ослабил хватку, но в это время кто-то еще набросился сбоку и чья-то рука взяла в захват мое горло. Еще немного, и удары сгрудившихся вокруг меня завсегдаев этого великолепного местечка сшибли бы меня с ног, как вдруг руки, держащие меня, дернулись и пальцы с обломанными грязными ногтями бессмысленно загребли по воздуху. Я на миг освободился, и в эту самую минуту кто-то подтолкнул меня в спину.

— Шевелись! — раздался незнакомый голос рядом со мной.

Я ринулся к двери, бросив короткий взгляд на моего спасителя, и, к своему удивлению, узнал в нем того типа, который все это время кемарил в углу за столиком. Сейчас он вовсе не казался таким уж пьяным.

Выяснить, какого черта он, собственно, лезет не в свое дело, времени не оставалось. Мы вывалились наружу, вытолкнув топтавшегося у двери Карса, точно пробку из бутылки с шампанским; а за нами, вопя и размахивая кулаками, вывалилась вся возбужденная толпа.

— Сюда, — сказал мой спаситель и махнул рукой за угол. Даренному коню в зубы не смотрят — я побежал за ним, увлекая за собой Карса. Мы перемахнули через какой-то забор, нырнули под какие-то сваи, оказались под стеной цеха по засолке трески и, миновав его, втиснулись в узкий проход между складами. Гомон толпы, поначалу отчетливо различимый, постепенно затихал — наш спутник великолепно ориентировался в лабиринтах порта. Даже в окружавшей нас темноте он передвигался совершенно свободно. Мы бежали в полном молчании, боясь привлечь внимание преследователей, но наконец наш проводник вновь произнес:

— А теперь сюда, — и отодвинул какую-то доску в абсолютно глухой с виду ограде. Мы протиснулись сквозь образовавшееся отверстие и оказались на набережной. Тут по сравнению с недавней бурной потасовкой все выглядело на редкость спокойно — тусклые фонари освещали мощеные тротуары и отбрасывали слабые отблески на пляшущую черную воду; окна тянувшихся вдоль набережной домов, чьи стены словно вырастали из вод залива, угрожающе таращились пустыми глазницами.

— Поторопитесь, — сказал незнакомец, — предпочитаю избегать открытых мест.

Я счел за лучшее послушаться, и мы передвинулись вплотную под стену дома, скрывшись в его густой тени. Я и сам с трудом мог различать своих спутников — лишь глаза Карса отблескивали во тьме красноватым светом, как всегда у кадаров в момент возбуждения.

— Вы что, с ума сошли? — спросил наш спаситель. — Нужно же быть полным идиотом, чтобы притащить кадара в портовый кабак.

— Да куда я его не тащил, — ответил я с досадой, — он сам приперся.

— Вы что, первый год на Земле? — раздраженно обратился он к Карсу. — Не знаете, куда можно соваться, а куда — нет?

— Я думал, что-то случилось с Олафом, — оправдывался тот. — Он утром ушел и пропал. А он — мой напарник.

— Оно и видно, — сухо сказал незнакомец. — Ладно, что было, то прошло. А меня зовут Хенрик. Вы Кармайкла ищете?

Недаром он все это время просидел за столиком, бессмысленно таращась в пространство — он явно не пропустил ни одного слова из моей беседы с Уле.

— Положим, — неохотно ответил я. Не люблю, когда посторонние суются в мои дела.

— Он мне тоже нужен, — отрезал Хенрик. — Пошли. Проведаем его.

— То-то он обрадуется, — пробормотал Карс.

Мне было наплевать, обрадуется Кармайкл или нет, — я знал его как довольно гнусного типа и вовсе не стремился с ним любезничать, но на всякий случай сказал:

— Послушай, приятель, если тебе так уж нужен Кармайкл, какого черта ты увязался за нами? Сходил бы один, навестил его с глазу на глаз.

— Вы знаете, где он живет, — коротко ответил Хенрик, — а я нет. И мне Уле сроду не сказал бы; это он с вами такой любезный.

Я осторожно потрогал челюсть, и она отозвалась ощутимой болью.

— Боюсь, все в прошлом. А зачем тебе нужен Кармайкл?

— По делу, — отрезал Хенрик. — Я же не спрашиваю, какая тайная сила влечет к нему тебя. Тем более, как я слышал, нет в нем ничего особенно привлекательного. Довольно мерзкий тип.

Я колебался лишь секунду. Дело и так было из рук вон плохо; не хватало мне еще постороннего подозрительного субъекта, который путается под ногами. Но без него мы бы не выбрались из этой заварушки. Я искоса поглядел на Хенрика — особой симпатии он не внушал, уж слишком жесткое у него было лицо... впрочем, кто из нас ангел?

— Ладно, — сказал я, — но я не могу отвечать за твою безопасность.

— Уж как-нибудь сам разберусь, — ответил Хенрик, — ты, судя по всему, и за свою ответить не можешь. Так куда идти?

— Недалеко, — ответил я, — это здесь, на набережной.

— А, это та дешевая гостиница, про которую ты когда-то рассказывал, — вмешался Карс, — ты еще говорил, что это настоящий половник.

— Чего? — удивился Хенрик.

— Клоповник, — пояснил я, — он вообще-то хорошо объясняется по-нашему. Только иногда путается. В основном в этих... ну, переносных смыслах.

— Метафорах?

— Во... верно. А так его можно понять, — вступился я за своего напарника.

— Посмотрим... — сказал Хенрик, — вы имеете в виду вон тот красный кирпичный дом? Ну, там действительно настоящее клопиное гнездо.

Дом выглядел, как десятки других таких же домов на набережной: мрачная кирпичная коробка с узкими окнами-бойницами. От остальных домов, располагавшихся по соседству, его можно было отличить лишь по тому, что во многих его окнах и сейчас горел свет; клопы — ночные насекомые.

Я поудобнее передвинул кобуру, чтобы при нужде вытащить пушку как можно быстрее, и шагнул в темный, пропахший мочой подъезд. Лампочка над дверью была вывернута, но под лестницей светилось окошко — там располагалась будочка консьержа (если можно считать представителем этой солидной профессии одноглазого негра с заячьей губой). Он снял ноги в грязных ботинках со столика и мрачно спросил:

— Вы к кому, ребята?

— К Кармайклу, — ответил я за всех (Карс на этот раз благоразумно предпочел держаться в тени). — Есть одно дело.

— Майка дома нет, — басом отозвался страж подземного мира. — Ясно?

— Парень, — ласково сказал я, — я его целый вечер прождал в «Сардинке». Он там назначил мне встречу. И не явился. Ясно? А если он не в баре, то, значит, дома. И наоборот.

Где же ему, спрашивается, еще быть?

— Говорю тебе, нет его. Никаких признаков жизни.

Я вздохнул и кинул на столик десятку. Сплошные расходы сегодня, и даже на счет управления их не спишешь — ведь официально я этим делом не занимаюсь.

Консьерж сгреб десятку своей лапой и сказал:

— Проходите. Комната триста сорок восемь. Третий этаж.

Я кивнул, и мы стали подниматься по лестнице, причем Карс продолжал аккуратно держаться в густой тени. Слава Богу, нам не нужно было пользоваться лифтом, чья черная пасть исторгала всю гамму запахов общественной уборной.

Комната номер триста сорок восемь располагалась в длинном темном коридоре, в который выходило еще сорок девять таких же комнат. Большинство дверей были закрыты, но изнутри доносилась лихая музыка, громкие голоса и визгливый женский хохот. И только в триста сорок восьмой было темно и тихо. Как сказал этот одноглазый цербер — никаких признаков жизни.

Я жестом велел своим спутникам подождать и, выхватив пушку, подобрался вплотную к двери и резко ударил по ней ногой. Дверь отворилась — она была не заперта. Я пригнулся, осматриваясь и готовясь в случае необходимости открыть огонь, но внутри было по-прежнему тихо. Освещение не работало, и только багровая вывеска заправочной «Тексако», располагавшейся на противоположной стороне улицы, бросала сквозь распахнутое окно зловещие отблески на дешевую обстановку мебелированной комнаты. В этом призрачном красном свете я увидел темную фигуру, раскинувшуюся на незастеленной кровати. Поза была настолько неестественной, что мне хватило одного взгляда, чтобы понять — мы опять опоздали.

Я подошел поближе к кровати, и искаженное лицо, в котором я с трудом мог узнать Кармайкла, уставилось на меня мертвыми глазами. В них плясали багровые буквы вывески. Я протянул руку — тело уже успело остыть.

Я повернулся к своим спутникам, молчаливо наблюдавшим за происходящим, и уныло произнес:

— Я вас поздравляю!

— Что, Олаф, опять покойник? — восхитился Карс.

— Нам везет, — сказал я, — и как это нам удастся всегда поспевать к развязке?

Хенрик подошел ко мне и, чиркнув зажигалкой, поднес ее поближе к лицу покойного.

— Не очень-то он хорошо выглядит, бедняга, — спокойно заметил он.

В его словах была доля правды — если труп вообще может хорошо выглядеть. Лицо у Кармайкла было искажено, точно от ужаса, глаза вылезли из орбит.

— Отчего он умер? — спросил Карс у меня за спиной. — Есть какие-нибудь видимые травмы?

Я покачал головой.

— Трудно сказать. Сначала я должен осмотреть его как следует. Поищи-ка выключатель.

Свет, который испускала свисавшая с потолка лампочка без абажура, был тусклым, но после царившей тьмы даже он заставил меня на миг зажмуриться. Когда я открыл глаза, то смог наконец хорошенько оглядеть комнату — омерзительное, запущенное жилище, в котором нищета и грязь мешались с неожиданной роскошью: в углу стояла суперсовременная стереосистема, на замызанной скатерти — початая бутылка дорогого

коньяка. Тело Кармайкла, лежавшее поперек кровати, тоже комнату не украшало.

Пока я раздумывал, стоит ли сразу вызывать полицию или порыться тут еще немного, Хенрик, оглядывавший труп с брезгливым интересом, окликнул меня.

— Эй, инспектор, погляди! Что это у него?

Я подошел поближе.

На висках покойника виднелись чуть заметные синяки круглой формы. Рубаха была расстегнута, и я увидел точно такие же отпечатки над ключицами.

— Видел когда-нибудь такое?

— Похоже на отпечатки электродов, — ответил я, — нейростимулятор оставляет такие.

— Кто-то его очень внимательно расспрашивал, — заключил Хенрик, — а уж от чего он помер — то ли от того, что кто-то перегнул палку, то ли еще от чего, — это уж пусть медики решают. Я бы все-таки на твоём месте вызвал полицию, инспектор.

— Тебе-то что за дело?

Тот пожал плечами.

— Не люблю, когда неожиданно умирают люди, с которыми у меня деловые отношения. Но ты меня сюда не впутывай. Услуга за услугу, ладно?

Я обернулся к Карсу, который стоял, сокрушенно озираясь вокруг.

— А ты что скажешь?

— Не знаю, Олаф. Если кто-то и убил его, то с тех пор прошло несколько часов. Труп успел остыть.

— Как ты думаешь, привратник мог кого-нибудь заметить?

Карс пожал плечами.

— Тут есть окно, Олаф. И оно открыто.

Я высунулся в окно — широкий карниз выходил прямо на пожарную лестницу. Удобно, ничего не скажешь.

— Странно, что никто ничего не слышал, — заметил Хенрик. — Нейростимулятор — болезненная штука. Он, должно быть, кричал как резаный.

— Стереосистема.

— Что?

Я кивнул на мигающий зеленым огоньком ящик в углу.

— Они врубили музыку. На полную катушку. А к шуму тут привыкли.

— Меломаны... — проворчал Хенрик.

Я вздохнул и подошел к телефону. Трубка аккуратно лежала на рычаге — кто бы тут ни действовал, страстью к разрушению он явно не пылал.

* * *

Базе от агента 18–15

Донесение

Боюсь, я не смогу контролировать ситуацию — события пошли по непредсказуемому пути. Я бы предположил, что в действие вмешалась третья сила, но кто именно, мне пока установить не удалось. Сопредельные службы

работают слишком грубо и, выражаясь земным языком, наломали дров. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

* * *

Берген

27 октября 2128 года

9 часов 30 минут

— Олаф, ты мне надоел, — сказал Антон, — зачем ты приволок еще один труп?

Шеф приехал вместе с полицией, хотя ему я ничего говорить не стал — побоялся нарваться на неприятности. Но он все равно прибыл в управление. Похоже, он пользовался любой возможностью вырваться из тисков уютного семейного круга. Однако, если и так, виду он не подал — тут же накинулся на меня с упреками.

— Обе эти смерти взаимосвязаны, — настаивал я.

— Это твои домыслы.

Я взглянул на часы. Без двадцати десять. Вроде не так уж и поздно, и я даже подумал о том, что имеет смысл позвонить Сандре — я так и не видел ее со вчерашнего вечера, — но потом передумал. Только тут до меня дошло, что я чертовски устал. Даже слова шефа долетали до меня сквозь какую-то пелену.

— Если бы совпадало хотя бы оружие убийства, я, пожалуй, согласился бы с тобой. А тут — два совершенно разных трупа; причем один абсолютно целенький. А может, он умер своей смертью?

— Вот и отдайте его Тауму, — устало сказал я. — Пусть он поглядит, какой смертью наш покойничек умер. А утром поговорим. Я иду баиньки — сумасшедший день сегодня выдался. Да и вчерашний был не легче, если честно.

— Жду тебя в десять утра в конторе, — сухо сказал Антон, — тогда и обсудим все на свежую голову. Может, соизволишь мне тогда объяснить, почему ты все время перебегаешь дорогу ребятам из муниципалки?

— Да они же сами мне спасибо скажут, — оправдывался я, — кто бы им находил свеженьких покойничков, если бы не мы с Карсом?

— А то у них своих покойников нет, — заметил Антон, — и потом, вся эта история с Карсом... что это за драка в кабаке?

— Если бы он сам туда не сунулся, ничего не было бы, — честно сказал я.

— Зря они настаивают на том, чтобы их представители работали оперативниками, — вздохнул шеф. — Только лишние хлопоты. Сидели бы, бумажки перебирали.

Я счел за лучшее вступиться:

— Да нет, он неплохой напарник.

— Тебе виднее. А теперь убирайся с глаз моих. И чтобы хоть до утра никаких новых трупов. Договорились?

— Да я не выйду из квартиры, — заверил я его.

Я и сдержал слово. Но это не помогло.

* * *

от 26 октября 2128 года
«Случайность или диверсия?»

Сегодня в 7.00 утра мощный взрыв разрушил посадочную полосу аэропорта Кеннеди, предназначенную для приема «Шаттлов» с орбитальной базы кадаров. Пострадавших нет, но движение по маршруту Земля — База будет остановлено по меньшей мере на неделю. Ни одна группировка не взяла на себя ответственность за взрыв, и, по словам полиции, достаточно велика вероятность, что он носит случайный характер — поблизости располагались склады горючих веществ, которые службы аэропорта обещали убрать еще в прошлом году. Тем не менее напомним, что год назад разрушению подверглась также штаб-квартира Комитета по контакту при Организации Объединенных Наций. Тогда тоже никто не принял на себя ответственность за эту акцию. Полиция тем временем предпочитает отмалчиваться. Надолго ли ее хватит?

*Берген**27 октября 2128 года**Полночь*

Я добрался до дома лишь к полуночи — к этому времени я настолько вымотался, что готов был проклинать все на свете. Понятно, муниципальщики отнеслись ко мне не в пример мягче, чем к любому другому возможному свидетелю, но формальности еще никто не отменял, и отвечать на вопросы мне все равно пришлось. Сонный дежурный офицер, который записывал мои показания, поделился со мной кофе и бутербродами. Страдать пришлось мне одному. Карса никто не трогал; кадры не подчиняются земным властям, допрашивать их можно лишь в присутствии официального представителя дипломатического корпуса — не станут же его тащить сюда из Осло ради такой мелочи, как труп какого-то городского подонка. Хенрик смылся, не дождавшись приезда полиции. Я его за это не винил — кем бы он ни был, Кармайкла он уж точно не убивал.

Дома все было как обычно — я машинально проверил замок на случай, если кто-нибудь интересовался мной в мое отсутствие. Но замок оказался в порядке. Девицы той и след простыл — наверное, она радовала своим присутствием какого-нибудь счастливого с более размеренным образом жизни. Я вытянулся на кровати, философски размышляя о том, что человеку моей профессии следует избегать устойчивых привязанностей. Спокойное течение моих мыслей прервал телефонный звонок. На сей раз я проявил предусмотрительность и поставил телефон на пол рядом с кроватью — достаточно было протянуть руку.

Голос у Сандры был таким же четким и нежным, как черты ее лица.

— Олаф! Тебя не было целый день. Я уже начала беспокоиться, но Антон сказал мне...

— Все в порядке, де... доктор. Просто выдался нелегкий день.

— Кого-то опять убили, Олаф?

— Так, по мелочи. Сделай мне одолжение, зайди завтра к Тауму. Там у него свеженький жмурик лежит — мне хотелось бы знать, что именно его уложило.

— Ладно... Олаф?

— Да, мэм?

— У меня какое-то дурное предчувствие. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

На миг у меня мелькнула мысль пригласить ее проверить, но я тут же отбросил эту идею — сейчас я явно не годился для романтических встреч.

— Все в порядке, — заверил я ее. — Я просто слишком устал. Завтра увидимся в участке.

Она неуверенно сказала: «Спокойной ночи» и положила трубку.

Я провалился в черную пропасть сна и проспал бы, наверное, до полудня, если бы судьба вновь не усмехнулась мне своей зловещей ухмылкой.

Многолетняя практика приучила меня никогда не вырубаться полностью. Поэтому, когда «дежурный пункт» в сознании тревожно засигналил, я сразу открыл глаза — между мной и окном маячила какая-то черная фигура.

Я осторожно повернул голову, не выпуская из виду темный силуэт. Незванный пришелец неуверенно озирался: попав в темную комнату, он не сразу сориентировался в обстановке.

Тем не менее это явно был профессионал. В моей захлавленной квартирке он ни разу ни на что не наткнулся и не издал ни единого звука. Двигался он с той плавной стремительностью, которая достигается годами тренировки. Ну, я тоже кое-чему научен... посмотрим...

До кобуры я даже не пробовал дотянуться — он успел бы раньше. Оставалось рассчитывать только на собственные силы. Я напряг мышцы, выжидая. В руке, затаенной в черную перчатку, что-то блеснуло. Оружие было направлено в мою сторону... ну что же!

Я бросился на пол и, сгруппировавшись, оттолкнул обеими ногами стул, который, загремев, полетел под ноги незваному гостю. Тот среагировал быстро — отскочил, по-прежнему держа в руке оружие. Но я был уже на ногах. Темнота давала мне некоторое преимущество: в комнате у меня черт знает что творится, но я-то знаю, где что лежит, как свои пять пальцев. Сам устраивал этот бардак.

На полу возле кровати стояла початая бутылка виски. Я подхватил ее и швырнул в прищельца, целясь в кисть руки, сжимающую оружие. Он легко уклонился, но пистолет на миг дрогнул, ушел в сторону, и я, поднырнув, ударил ночного гостя в пах. Тот охнул и сложился пополам. Я завел руку, сжимающую оружие, за спину, и пистолет выпал из ослабевших пальцев. Я подобрал его — маленькая штучка, стреляет иглами с миниатюрными ампулами — либо снотворное, либо нервно-паралитическая дрянь... Времени рассматривать пистолет внимательно у меня не было. Я сунул его в карман пижамной куртки и взглядом поискал что-нибудь достаточно прочное, чтобы связать прищельца. Ничего подходящего поблизости не было. Пришлось оборвать шнур от настольной лампы. Им я скрутил нападавшему руки, а ноги стянул брючным ремнем — знаю я эти их штучки, сам видел, как эти тренированные парни выскальзывают из пут точно ужи. И лишь потом, добравшись до выключателя на стене, включил свет. Лампа вспыхнула, осветив моего противника.

Я его видел первый раз в жизни.

Совершенно незнакомый мне тип, великолепно сложенный, тренированный — неплохой образчик человеческого рода.

На всякий случай я не глядя нацупал свою пушку, наставил ее на него и лишь потом вежливо сказал:

— Ну, здравствуй, ублюдох.

Естественно, он не ответил. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже давно копыта откинул — с такой ненавистью он на меня уставился.

— Что ты тут забыл? — спросил я. — Зубную щетку?

Он молчал.

— Может, я тебе не нравлюсь? Может, я соблазнил твою сестру? Разбил ей сердце? У тебя есть сестра?

Он молчал. Видимо, сестры у него не было.

— Так что же все-таки, приятель, тебе здесь нужно?

Ответа не последовало. Вот это меня как раз не удивляло — такие парни никогда не говорят. Понятное дело, я знал несколько очень действенных приемов, но сам никогда ими не пользовался. А вот на мне в свое время кое-что пробовали. Неприятная штука — даже смотреть на это противно. А потому я просто сказал:

— Ладно. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Но ты ошибаешься. Я тебя и пальцем не трону. Вся беда в том, что я, до некоторой степени, лицо официальное. Я сейчас просто наберу кое-какой номер — и пусть с тобой разговаривают наши гуманисты из управления.

Они, может, тебя даже бить не будут. Просто попробуют выяснить, что ты за птица такая. При современной технологии это, знаешь ли, не так уж и трудно — картотеки всякие, отпечатки пальцев, сетчатки...

И я снял телефонную трубку.

Мне ответил сонный голос дежурного.

Я сказал:

— Это Матиссен. Послушай, приятель, мне нужна машина и пара-другая крепких ребят. Ко мне тут появился один визитер... а мне его принимать не с руки. Пусть они побалуются... Погоди...

Дежурный начал что-то там говорить на другом конце провода, но я его уже не слушал. Мой подопечный вдруг резко дернулся в своих путах, словно старался их разорвать, упал со стула, выгнулся дугой и замер.

Я, продолжая держать пистолет наготове, осторожно подошел к нему. Он не двигался. Я перевернул его на спину — лицо его посинело, глаза выкатились. Не слишком приятное зрелище.

Я вернулся к телефону и вновь поднял трубку.

— Не стоит торопиться, — сказал я дежурному, — пришлите лучше носилки.

— Врача?

— Уже не надо. Он мертв.

— Да что там случилось, Олаф?

— Сработал «страж». Кому-то очень не хотелось, чтобы он начал разговаривать.

— Смертник?

— Да.

— Не расстраивайся, Олаф, — успокоил меня дежурный, — тут уж ничего не поделаешь.

Он был совершенно прав. Даже если бы моего визитера доставили в участок, сохранить жизнь ему не удалось бы. «Стражи» взрываются при любой попытке их извлечь. Я действительно ничего не мог поделать.

Машина прикатила быстро. Я почему-то ожидал, что приедет Антон, но его не было. Зато прибыл Таум. Иногда мне кажется, что на своей родной планете кадры ведут ночной образ жизни — или вообще не спят. Я никогда не видел, чтобы они выглядели сонными или невыспавшимися. Рядом с Таумом шла Сандра — она сменила свой облегающий комбинезон на деловой костюмчик, а сапожки — на изящные туфельки на каблукках. Смотреть на нее было одно удовольствие. Вот только мертвое тело на полу несколько портило общую картину.

Лицо умершего — посмертную маску ярости и страха — я прикрыл простыней.

— А где Антон? — тупо спросил я. В голове у меня все шло кругом.

— Он сказал, что ему надоело, — объяснил Таум. — Он говорит, ты разбрасываешь вокруг себя трупы десятками.

Я вздохнул.

— Во-первых, это преувеличение. А во-вторых, мне и самому тошно.

— Я его, конечно, заберу. — Таум был настроен по-деловому. — А что ты, собственно, хочешь выяснить?

— Его убили при помощи «стража». Знаешь о такой штуке?

— Олаф! — тихонько охнула Сандра. — Но это же...

— На меня охотится кто-то очень серьезный, — кивнул я.

— Что ты хочешь узнать в первую очередь? — повторил Таум.

— Я не думаю, что нам сейчас удастся узнать хоть что-то, — сказал я, — его убили, чтобы он молчал. Но, по крайней мере, можно попытаться установить его личность. Не мне тебя учить, как это делается.

— Я запрошу Интерпол, — сказал Таум, — Особому отделу они не откажут.

— Да... и не очень копайся...

Я взглянул на часы. Четыре утра. Они что, все сговорились будить именно по ночам? Ладно, во всем есть свои плюсы. Я повернулся к Сандре.

— Не составишь мне компанию? Тут поблизости есть симпатичное заведение — оно работает всю ночь. Мне надо расслабиться. Оправиться от потрясения.

— А по виду и не скажешь, что ты в шоке, — заметила она.

Я пояснил:

— У меня никогда ничего нельзя прочесть по лицу. На вид я холоден и неприступен, как норвежские скалы. Но на самом деле я страшно переживаю.

Она слегка пожала плечами.

— Ладно. Но я еще хотела поработать с твоим первым покойником.

Я озадаченно уставился на нее:

— О Господи, а я и забыл, что был еще один! Так что же с ним? Тебе уже хоть что-то известно?

— Таум еще поколдует. Но, похоже, кое-что ясно — на нем действительно пробовали нейростимуляторы. Но умер он не от этого.

— Я знал случаи, когда умирали именно от этого, — заметил я.

— Да. Но он умер от того, что ему ввели препарат, парализующий деятельность сердечной мышцы.

— От этого умирают?

— Да. Это соединение трудно обнаружить в организме — оно очень быстро разрушается. И если бы его нашли, скажем, только утром, уже ничего нельзя было бы выяснить.

— Кто-то работает на совесть, — задумчиво сказал я.

Притихшим ночным городом мы спустились по узкой горбатой улочке и, оказавшись в переулке Валькендорфс, неподалеку от набережной, направились к неприметному подвальчику в угловом доме. Никакой вывески над дверью не было — хозяин не любил посторонних и уважал покой постоянных клиентов. Внутри царил полумрак, в котором дружелюбными огоньками отсвечивали бутылки на стойке бара. Похоже, сколько существовал этот подвал, тут всегда располагался винный погреб или кабачок — стены были выложены грубой каменной кладкой, в углу громоздились дубовые бочки с медными кранами, а крохотное стрельчатое окошко под потолком было забрано частой решеткой. Подошедший официант сказал: «Привет, Олаф», поставил на стол вазочку с солеными орешками и зажег свечку в низком стеклянном бокале.

— Похоже, тебя тут знают, — заметила Сандра.

— Город маленький.

— В библиотеке с тобой тоже так здороваются? — ехидно спросила она.

— Библиотека? Это что еще за штука такая?

Она постучала кончиками пальцев по бокалу — тот отозвался приглушенным звоном.

— Опять валяешь дурака? Ты можешь хоть иногда говорить серьезно?

— В любую минуту.

— Что было нужно этому типу?

Я задумался.

— Это как-то связано со смертью Берланда. Может, кто-то думает, что он разговорился перед смертью...

— А что он сказал?

— Чушь какую-то.

— Олаф, ну сам подумай — почему вдруг поднялся такой шум вокруг старых архивов? Тут что-то не то! Это же не физик-ядерщик, не конструктор, даже не политик. Просто историк. Что может быть безобидней?

— Труп.

— Что?

— Самая безобидная на свете штука — это труп.

— Опять дурака валяешь. Послушай, а это здание — ну, Технологический центр, — оно когда рухнуло? Во время Катастрофы?

Я покачал головой.

— Нет, позже. Оно не само рухнуло — его взорвали. Где-то в середине прошлого века, по-моему.

— Взорвали? Почему?

— Да не почему. Просто оно грозило упасть, одно крыло просело. Власти оцепили район и взорвали. По крайней мере, обошлось без жертв. Надеялись восстановить, но все руки не доходили.

— Значит, если там хранились какие-то архивы...

— То они могли захватывать всю первую половину прошлого века. Ну и что?

Она заглянула в опустевший бокал, и я подлил ей еще вина.

— Вот и я думаю, ну и что?

Я взглянул на окно. Светало. Официант подошел по первому моему знаку — кроме нас, посетителей не было. Я расплатился, и мы поднялись по крутым каменным ступенькам на улицу. Переулки были пустынные, ставни в домах закрыты, вершины гор, окружающих гавань, затянуты низкими облаками. Пошатнувшись на выщербленной ступеньке, Сандра прижалась ко мне. Я обнял ее за талию, и она не отстранилась. Я отвел золотистую прядь, скрывающую маленькое ухо, и сказал:

— Может быть, зайдём ко мне?

К некоторому моему удивлению, она не стала возражать. Я думал, что мне придется дольше ее обхаживать, и в голове у меня мелькнула мысль, что моему успеху немало способствовал очередной покойник. Женское сердце не способно устоять, когда герой постоянно подвергается смертельной опасности. От переулка Валькендорфс до дома идти было всего ничего, но мы шли медленно, потому что все время целовались. Тело у нее было восхитительно-упругим и податливым — не женщина, а находка! Как я и предполагал, ее неприступный вид ученой дамы был только маской, под которой она весьма ловко скрывала свое истинное лицо. Черт возьми, я доставлю ей несколько приятных минут! Ну и себе заодно.

Все так же не спеша мы подошли к моему жилищу и поднялись на второй этаж по лестнице. Тут только я заметил, что из-за двери выбивается полоска света. Я никак не мог

вспомнить, выключил ли я его перед уходом — не до того было, — но на всякий случай я жестом велел Сандре держаться у меня за спиной, а сам, выставив перед собой пистолет, резко толкнул дверь ногой.

Когда я увидел, что происходит в комнате, в глазах у меня потемнело.

На постели, одетая лишь в аромат духов «Адское адажио», сидела давешняя куколка Барби из «Веселой сардинки».

Она томно поглядела на меня и сказала:

— Привет, дорогуша.

Я предпочел бы обнаружить в постели очередной труп.

— Ты уверена, что не ошиблась адресом, крошка? — наконец спросил я.

Она не ответила — просто лениво повернулась на бок и подперла голову рукой.

Сандра, которая все это время держалась за моей спиной, отстранила меня, прошла вперед и встала передо мной, уперев руки в бока.

— Что ты собирался мне предложить? — спросила она хриплым от злости голосом. — Развлекься с тобой на пару с вот этой... с этой портовой шлюхой?

— Эй ты, полегче! — возмутилась Барби. — Думаешь, раз уж ты с виду такая приличная дама, то уж и из другого теста сделана?

— Ах так! — Сандра развернулась и вlepила мне пощечину. Рука у нее, надо сказать, была довольно тяжелая. Потом с изысканной вежливостью сказала:

— Спасибо за угощение.

И пулей вылетела из комнаты.

Я ошеломленно смотрел ей вслед.

— Ну ладно, — сказала с постели Барби, — эту стерву мы спровадили...

Я подобрал лежащие на полу шмотки (одевалась она по минимуму) и сказал:

— Одевайся.

Она недоуменно захлопала ресницами:

— Но, Олаф...

— Я сказал, одевайся! Быстрее, пока я не вытолкал тебя на улицу нагишом.

Она лениво начала одеваться. При этом она чувственно изгибалась и всячески старалась показать, что никуда не торопится.

Меня так и подмывало врезать ей как следует, но я не дерусь с женщинами. Как правило.

— Какого черта ты сюда забрела?

Она хихикнула.

— Решила устроить тебе сюрприз. Ты мне сразу понравился. Вот, думаю, настоящий мужик. Не то что все эти придурки.

Она уже полностью оделась (если слово «полностью» подходит к ее весьма откровенному наряду) и теперь прихорашивалась перед зеркалом.

Мне это надоело. Я взял ее за плечо и подвел к двери.

— Выметайся.

Она вильнула бедром и искоса на меня посмотрела.

— А может...

Я дал ей коленкой под зад и выставил за дверь. Потом сел и налил себе двойную порцию коньяку — я нуждался в моральной и физической поддержке.

К шести утра окончательно стало ясно, что жизнь у меня не сложилась, и я позвонил

Антону и попросил выходной. Сначала он для порядка на меня выверился и сказал, что давно уже мечтал, чтобы меня перевели куда-нибудь на Аляску, но потом смягчился и велел отдыхать. Я немного прибрался в комнате, чтобы ликвидировать следы ночного разгрома; сварил себе кофе и принял душ. Понемногу я приходил в себя и наконец обрел способность хоть как-то рассуждать. Операции по поимке тугов и то проходили спокойней, чем последние два дня, — было ясно, что я вляпался в какую-то историю и в покое меня оставлять не собираются. Меня будут преследовать, пока не получат желаемое — вот только что именно? На всякий случай я обыскал комнату, но не нашел ничего такого, что могло бы заинтересовать давешнего посетителя. Тут только мне пришло в голову, что Барби-детка могла забрести сюда вовсе не потому, что я показался ей таким уж сногсшибательным образчиком мужского пола. Очень может быть, что она рассчитывала обыскать комнату в мое отсутствие, а может, и обработать меня уж ее-то я ни в чем не подозревал. Возможно, мне следовало бы расспросить подробнее — но где искать таких вот ночных бабочек по утрам, я понятия не имел. Вероятно, она где-то жила, а раз так, то и адрес имелся, но его наверняка знал только ее сутенер, а вот с ним-то я и не имел счастья быть знакомым. «Веселая сардинка» Уле отворяла свои гостеприимные двери лишь после полудня. Ладно, времени у меня достаточно. Ближайшая пиццерия уже открылась, и я решил заскочить туда позавтракать. Я уже оделся и застегнул ремень с кобурой, как вдруг короткий звонок известил меня, что кто-то просится внутрь. Я выглянул в окно — у крыльца стоял Карс. На всякий случай я окинул взглядом окрестности — но в переулке больше никого не было. Лишь соседка из третьего номера поливала герани в ящике у двери, но и она при виде моего напарника фыркнула и ушла в дом.

Я нажал на кнопку дистанционного замка и открыл дверь.

— У тебя опять неприятности, Олаф? — спросил мой напарник, появляясь на пороге.

Я вздохнул.

— Так... по мелочам. А ты зачем заявился с утра пораньше? Я как раз собирался пойти позавтракать.

— Я так и подумал, — сказал он и поставил на стол коробку с пиццей. — Я по дороге забежал к Марио.

Пиццерия Марио находится поблизости от управления — кадары там постоянно пасутся. Хозяин уже привык. Забавно, до чего они быстро приспособились к земной еде. У них даже появились свои пристрастия — кто предпочитает китайскую кухню, кто итальянскую.

Пока я поглощал пиццу, Карс рассказывал:

— Удалось опознать парня, который на тебя напал. Это некий Франц Морро, американский гражданин. Член экстремистской террористической группировки «Черный крест», приговорен к смертной казни за организацию взрыва в нью-йоркской подземке, похищен из камеры смертников. С тех пор находится в розыске. Что еще? Скорее всего подвергался психотехнической обработке. Опасный тип, одним словом. Но наверняка — пешка. Исполнитель.

— Кто за ним стоит, узнать не удалось?

— Скорее всего какая-то организация. Возможно, удастся что-нибудь узнать, проследив каналы приобретения «стражей». Это не так легко сделать, но я связался с нашим представителем в Осло, он обещал нажать кое на кого.

— С чего бы ему стараться? Вы же не занимаетесь нашими террористическими

организациями!

— Какая разница? Главное, что он обещал помочь. А у него большие связи. Потом — услуга за услугу — они запросили тело того существа, что мы подстрелили в Фьорде.

— А это им еще зачем?

— Не знаю, Олаф. По-моему, они забеспокоились. Говорят, в Сибири и в Южной Африке есть целые территории, где люди избегают появляться.

— Наверняка это какой-нибудь мутант, — сказал я, — а вообще, они поздно спохватились; про некоторые места давно уже рассказывают всякие страсти — про ту же Латинскую Америку, например. Когда там рвануло, люди оттуда драпанули, а возвращаться боятся... Про тех же, кто там остался, странные вещи рассказывают.

Мой напарник, казалось, потерял интерес к этой теме — воображение у кадров скудное и всякие тайны и страшные истории их занимают лишь с чисто практической точки зрения. Зато он, как обычно, проявил нездоровый интерес к моей личной жизни.

— Послушай, Олаф, а что ты сделал с Сандрой? Когда я выходил из управления, она пробежала мимо, вся в слезах.

«Неужели и эта пошла жаловаться Антону?» — подумал я.

— Да ничего я с ней не делал, — досадливо ответил я, — так уж вышло... Послушай, Карс, это ты оттого суешься в мои дела, что у тебя своей личной жизни нет. Зря вы сюда своих баб не завезли. А на что они вообще похожи, ваши женщины?

— Ну, они поменьше ростом, более... изящные, я правильно говорю? И очень любят командовать. На базе много женщин. И все они занимают высокие посты.

— Что же они сюда, к нам, не прилетают?

— Согласно нашей традиции, — серьезно сказал Карс, — общаться с разумными существами на других планетах могут только мужчины. Потому что это связано с опасностями и нарушением многих наших морально-этических норм. Мужчины это могут перенести, а женщины — нет. И все равно многим приходится удаляться потом в самоизгнание для очищения и медитации.

— Если вы так уж страдаете, какого черта вы вообще к нам суетесь? Зачем вам это?

— Потому что пройти мимо разумных существ, когда они нуждаются в помощи, нельзя. По нашим представлениям, разум во Вселенной — великая ценность. Вы поступили бы так же, пусть даже ценой некоторых жертв.

— Может, и поступили бы... откуда мне знать? У нас-то нет своего космического флота... — с горечью заметил я.

Я допил кофе, кинул одноразовую тарелку в мусорное ведро, но промахнулся.

— Ладно. Пожалуй, стоит наведаться в «Сардинку». Тебе туда идти незачем, да и мне, честно говоря, опасно. Но днем там обычно пусто. Надеюсь, сумею отыскать эту девицу.

— Какую девицу? — удивился Карс.

Я уныло ответил:

— Не твое дело.

Я уже натянул куртку и двинулся к двери, как вдруг телефонный звонок заставил меня остановиться.

— Это инспектор Матиссен? — Голос в трубке был вроде смутно знаком, но я никак не мог сообразить, кому именно он принадлежит.

— Он самый, — откликнулся я.

— Это Хенрик.

— Да. — Этому-то что, черт побери, надо?

— Мне нужно с вами увидеться. Есть дело.

— Ладно, — сказал я, — где?

— Флоен. Смотровая площадка.

Я пожал плечами.

— Ладно, — повторил я, — когда?

— Часа вам хватит? Я буду ждать у парапета.

— Да что вам нужно-то? — Составь я в порядке убывания список тех, с кем жаждал срочно поговорить, Хенрик в нем занял бы одно из последних мест.

— Хочу предупредить вас кое о чем. Вы в опасности, инспектор. В большой опасности.

То ли он меня припугивал, то ли и вправду что-то знал. Хочешь не хочешь, а поговорить с ним придется. Хотя, если честно, он не внушал мне доверия.

— Знаете некую Барби? — спросил далекий голос. — Рыженькая такая. Так вот, ее сегодня выловили из залива. С утра пораньше.

— Ждите, — сказал я, — приеду.

— Что там, Олаф, — Карс был обеспокоен, — кто это был?

— Хенрик. Помнишь того малого, который вчера помог нам выбраться из заварушки?

— Помню. Темная лошадь. Я правильно сказал?

— Лошадка. Хотя какая разница? По сути, ты прав. Я поехал.

— Тебе лучше не ездить одному, Олаф. Это опасно.

В действительности сейчас опасно было иметь дело со мной — за эти два дня я успел повидать несколько человек, и многие из них к настоящему моменту уже были мертвы. Но он был мой напарник. А значит, делил со мной все — и опасности, и удачи.

— Уговорил, — сказал я. — Поехали.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — сказал мой напарник, — хотя, честно говоря, Олаф, если у человека две головы, он немножко странно выглядит.

— Слушай, — сказал я, — заткни свой кладезь народной мудрости. Сил уже нет.

— Я стараюсь, чтобы у меня была живая разговорная речь, — обиделся Карс.

Наверное, их начальство, кем бы там оно ни было, дало им инструкцию по возможности врасти в наше общество, вот они и вызубрили всякие поговорки и пословицы. Лучше бы их учили современному сленгу, ей-Богу! А то этот дурень поначалу и половины не понимал из того, что я говорю.

Мы загрузились в машину и поехали. Смотровая площадка располагалась на верхушке горы Флоен, и подъездные дороги к ней отсутствовали. Скорее всего до Катастрофы туда вел серпантин, но большую часть горных дорог завалило. Если стратегически важные автострады, соединяющие между собой города и крупные поселки, все-таки удалось расчистить, то со всякой мелочью и возиться не стали. Зато отладили фуникулер, который на протяжении тридцати минут полз к верхушке горы, разворачивался на своем подвесном тросе и возвращался обратно. По выходным, а летом и по будням, просторная кабинка всегда была полна народа — со смотровой площадки открывался отличный вид на раскинувшийся внизу город и окружающие его фьорды, — сейчас же, кроме нас, на посадочной платформе никого не было.

Раздался скрежет, и из темноты тоннеля, приближаясь к нам, выползла кабина фуникулера, сверкая сигнальными фарами, словно глазами какого-то загадочного пещерного животного. Несколько человек вышли из дверцы, открывшейся на противоположной

стороне, и настала наша очередь двигаться на посадку.

Я перепрыгнул с сырого бетонного пола посадочной платформы на пружинящий пол кабинки, которая чуть покачивалась на своем тросе. Карс последовал за мной. Еще несколько секунд кабинка продолжала плавно покачиваться на месте, поджидая пассажиров, но больше никого на площадке не было — наконец она загудела и двинулась вверх. Фары погасли, и нас охватила тьма.

Минут десять кабинка ползет по тоннелю в полной темноте, и я слышал, что у некоторых слабонервных пассажиров из-за этого даже случаются нервные припадки. Организаторы аттракциона утверждали, что это делается специально для дополнительных острых ощущений, но сам я что-то в это слабо верил. На самом деле они, по-моему, просто экономят на освещении.

Какое-то время мы ехали в полном молчании, лишь где-то вдалеке гудели моторы и поскрипывал трос; потом я услышал еще один звук, которого раньше не было...

...еле слышный шорох, мягкий звук шагов по резиновому покрытию пола.

С нами в кабине был кто-то третий.

В полной темноте я не мог разобрать ни кто это, ни где он находится. Я даже не слышал его дыхания. Очевидно, он запрыгнул с платформы в самый последний момент и какое-то время держался снаружи, цепляясь за переборку, а потом перемахнул через бортик и оказался внутри кабины.

Я легонько тронул Карса, стоявшего рядом со мной, за плечо. Слов не требовалось — кадры видят в темноте лучше, чем земляне. Он мягко повлек меня вдоль бортика, в угол, противоположный тому, где укрывался незнакомец.

Я ничего не видел, но словно шестым чувством ощутил, что он двинулся следом. Стоило кабине вырваться на свет, я сумел бы с ним разобраться, но здесь, в полной темноте, я ощущал себя совершенно беспомощным. Вдруг Карс резко толкнул меня в сторону, и я тут же почувствовал скользкий удар по печени. Не толкни меня мой напарник, удар бы пришелся впрямую. Тепловые очки у него были, что ли?

Почувствовав удар, я автоматически уклонился и, схватив противника за ногу, резко потянул на себя. Но тому удалось сохранить равновесие — двигался он на редкость быстро, всякий раз оказываясь немного не в том месте, где я ожидал его найти, — иной темп, иной ритм... Драться вслепую вообще нелегко, а тут я никак не мог угадать очередное его движение.

Карс держался в стороне, видимо, боясь помешать мне, но наконец, когда противник мой вплотную прижал меня к бортику, ринулся вперед. Тело, напирющее на меня, дернулось и обмякло — скорее всего Карс, подгадав, обрушил ему на голову кулак.

Схватка происходила в глубоком молчании — обе стороны стремились помешать противнику ориентироваться по звуку, и от этого казалось, что все происходит в дурном сне.

Что-то это мне напоминало — давешний ночной кошмар, что ли? Тот, с которого все началось.

Еще одно неуловимое движение моего напарника — я скорее почувствовал его по слабому движению воздуха, чем увидел, и тут же — приглушенный мягким покрытием пола звук падения.

Фигура у моих ног беззвучно дернулась — и все замерло.

Вдалеке показалось бледное пятно света. Фуникулер приближался к выходу на поверхность. Пятно было смутным, день выдался дождливый, и горы были окутаны густым

туманом, скрывавшим окрестный пейзаж. Слабый свет разлился по кабинке и наконец высветил дальний ее угол, где лежало тело.

Если что-то в этой жизни еще могло меня удивить, то, пожалуй, только вот это. Я невольно вскрикнул и обернулся к Карсу. Мой напарник был поражен не меньше моего — я первый раз видел его в таком волнении. Он дрожал мелкой дрожью, цельные роговые пластины, заменявшие кадарам зубы, мелко стучали. Я схватил его за плечо и встряхнул.

— Приди в себя! Это он напал на нас! Это не твоя вина.

— Какая разница, Олаф, — наконец выговорил он. — Я убил кадара. Убил своего.

* * *

Было это тридцать лет назад. Как-то вечером мне позвонил мой старый друг — полковник Остапенко и сказал, что у него есть ко мне одно дело. Я очень обрадовался — полгода назад распустили контингент миротворческих сил ООН на Балканах, и я остался без работы. У меня была хорошая профессиональная репутация, и мне поступали самые разные предложения, но большая часть их шла из очень сомнительных источников. Достаточно сказать, что мне предлагали тренировать живой материал, прошедший психотехническую обработку в подпольной клинике, — то есть готовить так называемых зомби. Я отказался, хотя мне сулили немалые деньги. На всякий случай я отправил жену и дочку к тестю на Валдай, потому что методы давления через близких родственников дают почти стопроцентные результаты. Второе предложение исходило от очень солидного и уважаемого в обществе человека, который на самом деле занимался сбытом радиоактивных пищевых продуктов, — я должен был координировать их доставку в различные точки Москвы. Но я не хотел связываться с криминальными структурами, которые стремительно набирали силу, жирея на народной беде. Я надеялся, что в своей стране мне найдется работа по сердцу — именно об этом я мечтал. Однако вскоре произошел случай, переменявший мою судьбу, — как-то, прогуливаясь по Гоголевскому бульвару, я встретил своего бывшего командира, полковника Остапенко, и пожаловался ему на то, что никак не могу найти себе места в этой жизни. Он обещал подумать, чем тут можно помочь. Потом долгое время он со мной не связывался, и я даже грешным делом решил, что он забыл обо мне. И вдруг — звонок! Меня вызывают на закрытое совещание. «Игорь, — сказал Василий Остапенко, — я наконец-то нашел для тебя стоящее дело». Он-то и рассказал мне, что при Министерстве обороны организуется какой-то спецотдел и там требуются люди с моими данными. С утра пораньше, в свежевыглаженной форме, я явился по указанному адресу. Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, Арбатскую площадь привели в порядок и даже восстановили по старым фотографиям кинотеатр «Художественный», но тогда это место было одним из самых запущенных в Москве, в особенности потому, что высотные здания на Новом Арбате рухнули, не выдержав землетрясений и ураганов, которые двадцать лет назад сотрясли всю планету. Их обломки торчали точно гнилые зубы, и местное население избегало ходить по когда-то оживленному торговому проспекту, поскольку в

развалинах поселились всякие криминальные личности. Именно отсюда, по слухам, выходили на свою охоту страшные маньяки-душителы, которых горожане прозвали тугами. Поначалу туги жили двойной жизнью и выглядели большей частью самыми обычными людьми, но постепенно вторая, темная сторона их натуры брала верх, они начинали сторониться людей и солнечного света и остаток своих дней проводили в развалинах и заброшенных пригородных строениях, изредка нападая на случайных путников. Я знал, что Министерство обороны совместно с МВД готовило программу борьбы с тугами, но, по слухам, программа эта находилась лишь в стадии разработки. Это объяснялось тем, что, как ни странно, туги, вызывающие инстинктивный панический страх у населения и ставшие пугалом, которым устрашают непослушных детей, на самом деле доставляли нашим службам гораздо меньше хлопот, чем организованные преступные группировки, стремящиеся нагреть руки на том экономическом хаосе и политической нестабильности, что царили в стране. Все силы были брошены на борьбу с организованной преступностью, насколько позволяли наши скудные средства.

Дежурный офицер на входе сказал, что меня ожидают и что совещание уже началось. Я прошел в небольшой актовЫй зал с кафедрой на возвышении и сел в один из задних рядов. Зал был переполнен. Докладывал полковник Остапенко. К моему удивлению, речь шла именно о тугах.

Он сказал, что правительства многих стран давно уже обеспокоены той скоростью, с которой распространяется эта опасная мания. А потому, если проблема организованной преступности и бандитизма — личное дело каждой страны, то ради того, чтобы покончить с тугами, правительства решили объединить свои усилия. Мало того, сказал он, мы неожиданно получили помощь извне. И тут он впервые представил нам кадара. Мне еще ни разу не приходилось самому встречаться с братьями по разуму, но я видел их по телевизору, хотя и не очень часто. Признаюсь, я почувствовал себя неудобно и еле смог сдержать возглас удивления при виде поднявшегося на кафедру актового зала Министерства обороны инопланетного существа. Тем не менее меня приятно поразила его речь. Кадар говорил вполне свободно и связно. Он сказал, что является представителем специальной миссии по контакту, которая была отправлена с его родной планеты, и что они готовы оказать нам бескорыстную помощь, потому что понимают, в каких тяжелых условиях сейчас находится все человечество. К сожалению, сказал он, культурное эмбарго, введенное их родной планетой, и технологическое эмбарго, наложенное ООН, не позволяют им помогать нам материально, предоставляя соответствующее оборудование и технику, но они готовы оказать нам консультативную помощь. Например, сказал он, возможно, поведение тугое диктуется соответствующими биохимическими изменениями. В этом случае, вероятно, удастся найти и обезвредить то вещество, которое так меняет поведение людей, превращая их в убийц-маньяков. Биохимики, врачи и медэксперты кадаров готовы предоставить свои услуги тем странам, которые согласятся их принять. Единственное, о чем они просят, — чтобы им предоставили возможность оперативной работы в гуще нашей жизни, потому что это лучше поможет им изучить культуру и обычаи землян. На этом он

закончил свое выступление, и слово вновь взял полковник Остапенко. Он сказал, что при двух министерствах организуется специальное подразделение, и желающие могут быть зачислены на оперативную работу, после того как пройдут соответствующие тесты, в том числе и на ксенофобию. Тогда я не знал, что значит это слово, но полковник разъяснил, что речь идет о ненависти к инородцам, потому что нам придется работать с кадарами, а следовательно, проявлять соответствующую терпимость к иному облику и чуждым обычаям. Но я прошел тест благополучно — мне было не впервой, потому что во время моего пребывания на Балканах в составе миротворческой миссии мне приходилось сотрудничать и с греками, и с басками, хотя большинство наших ребят их недолюбливали. После тестов я был принят в подразделение и получил напарника-кадара, с которым меня связывало общее дело и взаимное уважение. О самых интересных и забавных случаях, имевших место в нашей оперативной работе, я расскажу в следующей главе своих мемуаров.

Так и было создано специальное управление «Зет» в системе Минобороны и МВД.

2064 год, Москва, Переделкино

Из воспоминаний полковника

Игоря Бялко «Суровые годы»

Литературная обработка Д. Доминанди.

Берген — Флоен

28 октября 2128 года

10 часов утра

И правда — на полу кабинки, скорчившись, лежало тело инопланетянина.

Так вот почему он так легко действовал в полной темноте! У кадаров зрение острее, чем у людей. Карс, конечно, тоже его видел — но по своему сложению кадар практически ничем не отличается от человека. Карсу, наверное, и в голову не пришло, что это может быть его соплеменник. Да и с чего бы? Ни разу на моей памяти, да и с момента своего появления на Земле, кадара не нападали на людей, за исключением спланированных совместно с людьми же операций по поимке тугов.

— Так, значит, это они за мной охотились! — наконец выговорил я. — Зачем я им нужен?

Но от Карса ничего нельзя было добиться — он был в самом настоящем шоке. Он сидел в уголке кабины, положив голову на руки, и стонал.

Я схватил его за плечо и встряхнул как следует.

— Опомнись, дружище!

Фуникулер медленно полз вверх. Из тумана, окутавшего гору Флоен, выступали лишь ветви ближайших деревьев, а весь остальной пейзаж был надежно скрыт серой пеленой.

Только не хватало нам прибыть на конечный пункт с трупом кадара в кабинке!

Это вам не какой-нибудь вонючий осведомитель, не смертник-зомби; это — представитель другой цивилизации! Да если выяснится, что мы с Карсом его ухлопали, их консул в Осло лично снимет шкуру с Антона, а тот уже отыграется на мне для сохранения равновесия в природе. Меня отстранят от работы до выяснения; придется писать кучу идиотских бумажек, а может, и вообще из Особого отдела вышвырнут. А все это никак не входило в мои планы.

Наконец Карс несколько пришел в себя — он жалобно поглядел на меня и спросил:

— Что же нам теперь делать, Олаф?

Весьма вероятно, что его мысли следовали по тому же пути, что и мои.

Стараясь, чтобы голос мой звучал как можно уверенней, я ответил:

— В первую очередь нам нужно от него избавиться. А уж потом спокойно разберемся, что к чему.

— Нам надо заявить о случившемся, — довольно нерешительно возразил Карс.

— Что ж, попробуй! Это даже не международный скандал — это гораздо хуже. Уже через десять минут тут будет куча разъяренных полицейских. Они на это дело даже вертолета не пожалеют. И уж тут-то они на нас отыграются — сам знаешь, полиция нас, сотрудников Особого отдела, недолюбливает. Считает белой костью. Подумай, что с нами будет!

— Ну и что же ты предлагаешь? — уныло спросил мой напарник.

— Сначала обобщем его. Не мне тебя учить.

— Обыскивай сам. Я к нему и пальцем не притронусь.

Я подумал, что он к нему уже хорошо притронулся, но ничего не сказал — зачем

подливать масло в огонь?

Убитый кадар был одет по земным стандартам — в куртку и джинсы. Никаких документов при нем не было — немного наличных, и, что меня не слишком удивило, несколько моих фотографий. Я и так подозревал, что он наехал на меня не случайно.

Я помахал ими перед носом Карса — если этот выступ на лице моего напарника можно было назвать носом.

— Ну, что ты теперь скажешь? Он охотился именно за нами. И уж не для того, чтобы пригласить повеселиться в каком-нибудь уютном месте. Может, теперь тебя меньше будут мучить угрызения совести?

— Ты ничего не понимаешь, Олаф, — вздохнул Карс.

— Это верно. Но я не люблю, когда меня держат за идиота. А потому постараюсь все-таки размотать этот клубочек. А ты все-таки мой напарник. И, если хочешь им остаться, ты мне мешать не станешь.

— Ладно, — вяло отозвался Карс, — делай что хочешь.

Я поднял тяжелое тело и перевалил его через борт кабинки — туман поглотил его, точно вода, оно свалилось беззвучно, лишь легонько колыхнулись ветки проплывающих внизу деревьев. По крайней мере, какую-то передышку я себе обеспечил — найдут его не скоро. Мало кому взбредет в голову прогуливаться под фуникулером — места тут не слишком располагают к времяпрепровождению такого рода.

Еще десять минут — и кабинка неторопливо подползла к деревянному настилу смотровой площадки. Я внутренне приготовился — быть может, какие-нибудь сообщники убитого кадара поджидали его наверху, но скорее всего он действовал в одиночку, рассчитывая выскочить из кабинки, когда она будет подходить к вершине горы Флоен, и незамеченным скрыться в тумане.

На площадке было пусто. Сувенирные лавочки стояли заколоченные, пустые скамейки поблескивали под дождем, и только в ресторанчике с эмблемой Макдональдса светились окна — иногда я думаю, что нет такой катастрофы, которая заставила бы погаснуть огни в этих заведениях.

Я подошел к парапету и, облокотившись на мокрый гранит, поглядел вниз. Берген лежал передо мной как на ладони — игрушечные домики с черепичными крышами, рассыпанные по лесистым холмам, мрачная громада Башни Розенкранца, ратуша и искусственное озеро с полузатопленной ракушкой открытой эстрады. Не верилось, глядя на этот мирный пейзаж, что там, за серой пеленой дождя, бурлит тайная жизнь — загадочные убийства, страх и ярость; что там бродят сутенеры и проститутки, гангстеры и наемные убийцы, смертники-зомби и мрачные туги, чья психика недоступна пониманию нормального человека.

Сначала мне показалось, что смотровая площадка была пуста — кроме нас с Карсом, на ней не было ни души (труп, который валялся где-то внизу, в счет не шел), но потом я увидел неторопливо приближающуюся к нам сквозь туман одинокую фигуру. В человеке, одетом в плащ с поднятым воротником, я узнал Хенрика.

Он подошел к нам и небрежно облокотился на парапет рядом со мной.

— Красивый вид, — произнес он лениво.

— Недурно. Ты что, вызвал меня полюбоваться пейзажем? — раздраженно спросил я.

Этот тип меня раздражал. Он, видимо, имел обыкновение возникать в самый неподходящий момент, как чертик из коробочки.

— Спокойно добрались? — спросил он, лениво закуривая сигарету.

— Да, — я вызывающе посмотрел ему в глаза, — а что?

— Я думал, у вас будут неприятности.

— Какие могут быть неприятности? Ведь это же фуникулер! Не «Формула-Один».

Он пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мне кажется, инспектор, что вы в последние дни ощутили... некоторое давление.

— А вот это, — холодно отозвался я, — уже тебя не касается. Не суй нос не в свое дело

— целее будет.

— Беспокоиться надо вам, а не мне. Впрочем, это все-таки мое дело. Хотя оно до некоторой степени касается и вас.

Он извлек из внутреннего кармана радиотелефон и, отвернувшись от меня, набрал номер.

— Да, это я, — сказал он невидимому собеседнику, — все идет по плану. Да. Начинайте!

И он протянул мне телефон.

— Какого черта? — сердито спросил я.

— Это же не бомба, — терпеливо объяснил Хенрик, — это просто телефон. Вы что, телефонов никогда не видели? Просто скажите «алло» в эту дырочку.

Я кинул на него свирепый взгляд, но отступить было некуда. Я покорно взял миниатюрное устройство и сказал:

— Алло!

— Олаф! — раздался далекий голос, — Олаф! Это ты?

К собственному изумлению, я узнал этот голос — он принадлежал Сандре. Мне, правда, показалось, что с момента нашей последней встречи он несколько подобрел. Словно она и вправду была рада меня слышать. И еще... такое ощущение, что она недавно плакала.

А потому я отозвался как можно ласковее:

— Да, детка, это я.

Обычно она не спускала «детку», но тут облегченно отозвалась:

— О Боже!

И я уловил далекий всхлип.

— Олаф! Они меня схватили! Какие-то люди. Они велели мне поговорить с тобой. Я в порядке, Олаф! Только мне очень страшно... я нахожусь в какой-то...

Голос умолк, и в трубке зазвучали короткие гудки.

Я отшвырнул телефон и схватил Хенрика за лацканы плаща.

— Что вы с ней сделали, сволочи? Что вы с ней сотворили? Отвечайте!

— Да не волнуйтесь так, инспектор, — насмешливо произнес Хенрик, — не горячитесь. Ничего с ней не случилось. Пока не случилось. И незачем меня так трясти. Ну что вы со мной можете сделать? Убить? Доставить в управление? И что тогда будет с ней, вы подумали? Вы же понятия не имеете, где она находится.

Я отшвырнул его к парпету и хрипло сказал:

— Ладно! Ваша взяла. Что вам надо?

— Вот теперь наконец мы можем спокойно поговорить, — удовлетворенно сказал Хенрик. — Без глупостей. И скажите своему напарнику, пусть не вмешивается. Я, честно говоря, ожидал, что вы придете один.

Я повернулся к Карсу, который все еще пребывал в состоянии недоумения — часть

разговора от него ускользнула.

— Делай, что он велит, — сказал я, — они взяли Сандру.

— Хорошо, — покорно отозвался он, — но, Олаф, что вообще происходит?

— Потом... — Я повернулся к Хенрику: — Ну?

— Пожалуй, это самый верный метод заставить вас сотрудничать, — задумчиво кивнул он, — остальные себя не оправдали.

— Так, значит, тот тип, смертник, что напал на меня ночью, был ваш?

Хенрик удовлетворенно кивнул.

— Ладно, — сказал я. — Ладно. Положим, Майка вы тоже зачем-то убрали. Но какого черта нужно было мочить ту девку? Она-то вам что сделала?

— Вот тут-то ты ошибаешься, — ответил Хенрик. — Мы ее не трогали. И Майка тоже обработали не мы. Он должен был сообщить нам кое-какую информацию. Но кто-то успел раньше.

— Кто?

— Вот и мне интересно, кто?

Мы могли так разговаривать целую вечность, и я все равно ничего бы из него не вытянул. Может, он врал, а может, и нет. Все козыри сейчас были у него.

— Хорошо, — сказал я, — что вам от меня нужно?

— Бумаги. Берланд виделся с тобой перед смертью. Значит, он должен был либо передать их тебе, либо сказать, где они. Принеси его архив в целости, вернем тебе твою бабу. Тоже в целости. Не принесешь — чем она хуже той, рыженькой? Пусть поплавает.

— Сволочи, — я задохнулся от ярости.

— Мы — деловые люди, — холодно ответил Хенрик.

— Да кто вы, черт возьми, вообще такие? Что в бумагах?

— Не советую тебе смотреть в них, — сказал Хенрик. — Целее будешь. Хотя, похоже, это тебя уже не спасет — слишком много народу тобой интересуется.

Я молчал, постукивая пальцами по парапету. Сказать ему, что никаких бумаг у меня нет и не было? Что Берланд ничего не говорил мне о них? И что после этого будет с Сандрой? Они, кем бы они ни были, просто-напросто избавятся от нее как от нежелательной свидетельницы. Оставалось только тянуть время.

— Ладно, — сказал я наконец, — положим, я раздобуду то, что вас интересует. Сколько у меня времени?

— Двенадцать часов, — ответил Хенрик. — Потом прощайся со своей милашкой.

— Как мне вас найти?

— Я сам тебя найду. И не пытайся меня преследовать — ничего у тебя не получится. Только время зря потеряешь.

И Хенрик повернулся, готовясь удалиться.

— Постой! — крикнул я ему вслед. — Если вам без меня не обойтись, какого черта вы напустили на меня того кадара? Он же меня чуть не пришил!

— У нас нет кадаров, — ответил Хенрик. — Нет и никогда не было.

Вот так история!

— Кто обеспечит мне безопасность на эти двенадцать часов?

— Никто, — ответил Хенрик.

И пропал в тумане.

— Что мы будем делать, Олаф? — спросил Карс.

— Не знаю... черт... Мне надо подумать.

Никакой уверенности в том, что я раздобуду необходимое, у меня не было. Значит, нужно готовить запасной вариант...

— Ладно, — сказал я Карсу, — поехали.

— Куда ты собрался? — с любопытством спросил мой напарник.

— Вниз. Там посмотрим.

Обратный путь на фуникулере был сравнительно спокойным, если не считать того, что меня, не отпуская ни на миг, грызла тревога. Я привык к тому, что опасность подстерегает меня из-за угла, но, черт возьми, до сих пор я рисковал только своей жизнью, не втягивая в это дело своих подружек. И кто эти загадочные люди, захватившие Сандру? На черта им дались эти проклятые архивы?

«Пежо» мой стоял на старом месте. Я до того поддался паранойе, что поднял капот, заглянул под днище и тщательно обследовал салон в поисках бомбы. Слишком уж долго автомобиль оставался без присмотра. На всякий случай велел Карсу подождать снаружи, я с замиранием сердца повернул ключ зажигания... Мотор тихо заурчал.

Я открыл дверцу и сказал Карсу:

— Залезай.

Он покорно забрался на сиденье рядом со мной. Автомобиль вырулил с пятачка у подножия Флоен и пополз по узким улочкам. Мы миновали гавань, где покачивались на волнах почти невидимые в тумане яхты и рыболовные суда, и выбрались на автостраду, ведущую к порту.

— Куда мы едем? — спросил Карс.

— Нужно навестить одного человека.

Я взглянул на часы: ровно полдень. У меня в распоряжении оставалось одиннадцать часов тридцать минут. И за это время я должен был сделать невозможное.

Машина остановилась на въезде в порт. Тут было тихо — портовые постройки выступали из тумана, точно какие-то доисторические мегалиты, вокруг не было ни единой живой души.

Я открыл дверцу и поднял воротник куртки.

Поганая погода, поганая жизнь...

— Подожди меня в машине, — сказал я Карсу.

— А ты куда?

— Я же сказал, проведу кое-кого. Но тебя он не впустит. Он не любит чужаков. Если что — стреляй, не задавая вопросов. Хватит с нас наездов.

Я вышел из машины и, обходя лужи с гниющими отбросами и радужными пятнами нефти, тронулся знакомым маршрутом мимо барачков, мимо старого заколоченного склада и каких-то ржавых контейнеров, которые стояли тут, сколько я себя помню.

Наконец я остановился у давешнего одноэтажного здания со слепыми заколоченными окнами. Снаружи казалось, что оно вымерло точно так же, как все остальное здесь, но тайная жизнь внутри продолжалась. Дверь щелкнула, пропуская меня, и я оказался все в том же полутемном зале, опутанном проводами.

— Привет! — сказал Стамп.

Казалось, что за то время, что мы с ним не виделись, он так и не покидал своего механизированного кресла.

— Зачем пожаловал?

Тут царила адская жара — скрюченные конечности Стампа нуждались в тепле. Я с удовольствием стащил с себя куртку и бросил ее в угол.

Он ждал...

— Стамп, — сказал я, — мы ведь давно с тобой работаем. Я вроде тебя никогда не подводил. И ты меня — тоже.

Он, усмехаясь, смотрел на меня из темного угла, и в глубине сознания у меня промелькнула шальная мысль: а что, если ему и вправду все известно?

— К чему все эти прелюдии, инспектор, — спросил наконец он, — что-нибудьстряслось?

Секунду я молчал, обдумывая свои дальнейшие шаги. Он был непредсказуем. Я никогда не знал, чем его на самом деле можно пронять. И почему он со мной работает — из любопытства? Из странного чувства противоречия? Просто из-за денег?

Наконец я сказал:

— Либо ты ничего не знаешь, и тогда рассказывать бесполезно. Либо ты все знаешь, и тогда рассказывать тоже незачем. Поэтому я задам тебе всего один вопрос. Всего один. Откуда звонили?

Он моргнул и внимательно поглядел на меня. Казалось, он колеблется, но что-то оно очень затянулось, это его колебание, и сердце у меня безнадежно сжалось.

Нет, не знает...

Наконец он заговорил, и его тихий голос потряс меня, точно удар грома.

— Из Башни Розенкранца.

Вот сукин сын! Чувство благодарности боролось во мне с желанием свернуть ему шею.

— Так, значит, ты следил за всеми переговорами? — глупо спросил я.

Он пожал плечами.

— Выходит, что так.

— Может, это ты и стоишь за всем?

Он оскалился и стал похож на горгулью с собора Парижской Богоматери.

— Никоим образом. Зачем это мне? Невыгодное дело.

— Но знаешь, кто за этим стоит?

— Я сказал тебе все, что тебе может пригодиться. Остальное — не важно.

Было ясно, что впрямую больше из него ничего не вытянуть. Я попробовал зайти с другой стороны.

— Невыгодное? То есть ты хочешь сказать, что на этом нельзя нажиться? Эти бумаги ничего не стоят?

— Миллионы. Или ничего. Или всего-навсего несколько человеческих жизней. Это уж зависит...

— От чего?

— Да просто как повернется.

На какое-то время я вновь заколебался, но больше мне положиться было не на кого. В странное я попал положение, ничего не скажешь!

— Эти бумаги... у меня их нет, Стамп, — я посмотрел ему прямо в глаза.

Он спокойно сказал:

— Знаю.

— Знаешь?

— Я же не принадлежу к тем идиотам, которые носятся за тобой по всему городу почем

зря. Я работаю головой, а не кулаками. Если бы они были у тебя, их давно бы уже нашли — при том, сколько сил они на это положили. И учитывая твою клиническую наивность.

— Уверен, архив забрали те же люди, которые убили Берланда.

Он покачал головой.

— А вот я вовсе в этом не уверен. У них ничего нет.

— Почему?

— А кто, как ты думаешь, на тебя охотится?

— Этот тип, Хенрик... Да, верно, он говорил, что Кармайкла убили не его люди. И эту бедную девочку, которую подослали, чтобы она на досуге пошуровала у меня в комнате, — тоже. Я-то думал, он врет.

— А если нет?

Я вздохнул.

— Тогда, значит, есть кто-то еще. Ну и влип же я!

— Это точно, — с удовлетворением подтвердил Стамп.

— Ладно, по крайней мере, я смогу навестить их раньше, чем они того ожидают. Это уже кое-что.

Кресло, чуть слышно жужжа, описало полукруг, и Стамп, подъехав ко мне чуть не вплотную, уставился снизу вверх мне в лицо своими блестящими глазами.

— Конечно, доблестный инспектор! — сказал он насмешливо. — Ловкий, мужественный сотрудник Особого отдела, проникающий в самое сердце вражеского логова, круша все челюсти, которые попадают ему под руку, уносит на своем плече похищенную злодеями прекрасную даму. Я восхищаюсь вашей энергией, инспектор!

Все-таки, не будь он инвалидом, я бы свернул ему шею.

— Я что, по-твоему, фокусник? Я что, выну эти бумаги, как кролика из шляпы? Где я их возьму? И что тогда будет с Сандрой? Мне же не на что ее менять! Да и то я далеко не уверен, что, если я раздобуду то, что им требуется, они сдержат свое слово!

— Хенрику можно верить, — сухо заметил Стамп.

Я насторожился.

— Ты его знаешь?

— Разумеется. Я знаю всех, кто действует в сфере моего влияния. Это ты бегаешь и стреляешь во все, что движется. Мое оружие — информация. И знаешь, может, это тебя удивит, но это — очень эффективное оружие. Иногда знание может оказаться гораздо убойнее любой штуки, которая с большой скоростью выплевывает кусочки металла. История, которая произошла с тобой, — наглядный тому пример.

— Что они ищут, Стамп? Что им всем нужно?

— Знание. И это вполне объяснимо. Видишь ли, последние полтора века человек слишком озабочен тем, чтобы просто выжить. Он тычется, точно слепой котенок, потому что вокруг него царит мрак. Чудовища, прячущиеся в этой тьме, пугают его... И вдруг вспыхивает свет. И оказывается — представьте себе, инспектор, — вдруг открываются странные вещи. Свет падает на чудовищ — и они исчезают. Или выясняется, что это вовсе не чудовища, а прекрасные, удивительные создания. И наоборот — луч света выхватывает из мрака друзей и знакомых, тех, кому доверяешь как самому себе, и оказывается, что вместо лиц у них чудовищные рыла.

Я вздохнул.

— Стамп, у меня нет ни времени, ни желания философствовать.

— Вот в чем твоя беда, инспектор, — произнес Стамп, — ты не желаешь ни слушать, ни понимать. А ведь я рассказал тебе все, что мог. И не моя вина, если ты ничего не понял.

— Да ничего ты мне не рассказал!

— Ищи бумаги, инспектор! Они важнее, чем жизнь десяти таких девок.

Я холодно сказал, натягивая куртку:

— Не говори ерунды.

— Я не могу найти их сам. Возможно, если ты не найдешь их, я предпочел бы, чтобы их нашел Хенрик — от этого будет хоть какой-то прок.

— Не вижу какой. Мне не нравятся методы, которые он использует.

— Что поделаться. У них нет других. Это суровые люди. Они привыкли жить во мраке и сражаться с чудовищами, которые там прячутся. Что он сказал тебе перед смертью?

Я вздрогнул. До сих пор не мог привыкнуть к поворотам его мысли.

— Да ничего он не говорил.

— Ты можешь говорить откровенно. Все, что ты сейчас расскажешь мне, останется тут. Здесь не сработает ни одно подслушивающее устройство.

— Кроме твоих собственных.

— Верно. Кроме моих собственных.

— Да ничего он не говорил, Стамп. Он же умирал. Бредил.

— Надо же! Он что, посмотрел на тебя, радостно засмеялся, увидев твою физиономию, воскликнул «Какое счастье!» и откинул копыта? Так?

— Не валяй дурака. Говорю тебе, он уже умирал, когда я подошел. Вот и нес какую-то чушь.

— А позвольте узнать, какую именно чушь?

— Что-то вроде «дельфин не успел».

— «Не успел»? А может, все-таки «успел»? Или, наоборот, «не успели»?

— Да какая разница?

— Огромная разница. Представь себе действия Берланда в эти его последние часы. Он работает с архивами в пустом здании на первом этаже. Вечер. В здании — никого. Возможно, он ощутил слежку за собой — многие люди это нутром чувствуют. Возможно, особой чуткостью он не обладал — просто заметил, что кто-то заглянул в окно, или услышал чьи-то шаги в пустом коридоре. И что же он делает?

— Звонит мне.

— Ну да. И, в ожидании, пока вы приедете его спасать, он, возможно, успевает куда-нибудь спрятать эти бумаги. Вы ему дали на это время — вы ведь не слишком торопились.

Я нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Стамп, может, он их и спрятал, но ведь их скорее всего нашли. Они же там все перерыли, в кабинете!

— А что, если на минутку предположить, что он их спрятал не в кабинете?

— Да где же он мог их еще спрятать, да так, что их до сих пор не нашли?

— Это — Музей естественной истории, — напомнил Стамп.

— Ну и что? Тоже мне, новости. — Я вдруг чуть не задохнулся от внезапного озарения. — Черт! Дельфин!

— Наконец-то! — удовлетворенно произнес Стамп. — Долго же пришлось вам втолковывать, казалось бы, очевидные вещи.

Я нерешительно посмотрел на него.

— Но, раз ты догадался, мог догадаться кто-нибудь еще.

— С чего бы? Если его последние слова больше никто не слышал, а вы оказались таким уж идиотом... Он, бедняга, пытался втолковать вам, что успел спрятать бумаги где-нибудь в зале экспонатов, в чучеле дельфина скорее всего или где-то рядом... а вы и не поняли.

Я больше не обращал внимания на его колкости.

— Что же мне теперь делать, Стамп?

— На вашем месте я забрал бы оттуда архив, пока его не нашел кто-нибудь еще. За вами наверняка следят, но не мне вас учить, как избавляться от «хвоста». Поезжайте, найдите бумаги. Тогда на руках у вас будут лишние козыри, которыми вы сможете распоряжаться по своему усмотрению.

Он меня удивлял все больше.

— Ты хочешь сказать... что сам ты в этих бумагах не заинтересован?

— Я лучше запущу сюда гремучую змею, — отрезал Стамп. — Шевелитесь! У вас мало времени.

Я взглянул на часы.

Без четверти два.

Почти бегом я ринулся наружу. За Стампа можно было не беспокоиться — он-то не даст себя в обиду, его сарай на деле настоящая крепость, да и, пока у него нет архивов, он не представляет интереса для моих преследователей. А вот за мной они будут охотиться, это уж точно...

Но, пока я бежал к машине, никакой слежки за собой не обнаружил. Возможно, они наблюдали за самой машиной? Для этого им не надо было преследовать нас напрямую — это же не средние века! Миниатюрный датчик...

Карс по-прежнему сидел на своем обычном месте. Я рывком отворил дверь, плюхнулся на водительское сиденье и врубил зажигание. Машина дернулась и рванула с места.

— У тебя все в порядке? — только сейчас успел я обратиться к Карсу.

— Да, — ответил он.

— Никто к тебе не вязался?

— Нет... тут вообще никого не было.

— Ладно... — Я вырулил на трассу и погнал по дороге, вьющейся у подножия холма.

— А куда мы теперь, Олаф? — покорно спросил мой напарник.

— Проветриться... у меня мозги лучше работают, когда их обдувает ветерком.

Он покосился на меня и больше вопросов не задавал.

Берген — город небольшой, и вскоре я припарковал машину за старой кирхой. Отсюда уже можно было пешком выбраться задворками на Музейную площадь.

— Мне опять ждать в машине? — Карс, казалось, приготовился к худшему.

Секунду я колебался.

— Пошли, — сказал я наконец, — если что, прикроешь меня.

— Мы целый день носимся, — обиженно сказал мой напарник, — ты мне ничего не говоришь...

Я машинально проверил, на месте ли пушка.

— Карс, — сказал я, — я вообще не хотел тебя втягивать в это. Дело-то личное, внеслужебное. Но раз уж ты в него встрял, сделай милость, не задавай больше вопросов.

И мы начали торопливо карабкаться вверх по склону, огибая разлапистые кусты рододендронов.

Несколько раз я оглядывался, пытаюсь засечь «хвост», но его не было. Поросший низким кустарником склон был пуст. Парк за оградой затерялся в туманной пелене, но за шумом дождя ничего не было слышно — ни треска веток, ни шороха травы.

Здание музея возникло из тумана неожиданно и тут же заполнило собой все пространство. Окна на первом этаже были закрыты, но на втором оконная рама повернулась вокруг поперечной оси, открыв внизу широкую горизонтальную щель. Я взглядом указал на нее Карсу.

— Туда можно подняться по пожарной лестнице. Потом — на карниз.

— Карниз мокрый, Олаф, — озабоченно произнес мой напарник, — это опасно.

— Нынче все опасно, — сухо ответил я, — даже пользоваться фуникулером, как выяснилось. Ладно, я первый.

И я, натянув перчатки, взялся за ржавую перекладину пожарной лестницы.

Добраться до второго этажа оказалось левым делом, но вот потом и правда пришлось потрудиться — проклятый карниз оказался очень узким. Распластавшись по стене и ощупывая ногой скользкие камни, я медленно продвигался вдоль карниза, направляясь к открытому окну. Карс следовал за мной. Он все время причитал, но тем не менее полз по стене, точно муха. Наконец я добрался до оконного выступа, с облегчением перевалил через подоконник и оказался в какой-то комнате. Отойдя от окна, чтобы освободить Карсу поле деятельности, я осмотрелся.

Черт его знает, чем они в этом музее занимаются! Какие-то микроскопы, стеклышки, какая-то бурая дрянь в банках... Единственное, что меня хоть немножко утешило, — приколотый кнопками к дверной панели лозунг «Босс не всегда прав, но он всегда Босс!» Некоторое время я созерцал этот образчик здравого смысла, потом попытался открыть дверь. Она оказалась запертой.

Карс уже перевалился через подоконник и теперь бродил по комнате, оставляя мокрые следы. Я велел ему подтереть их тряпкой — пусть поработает, — а сам отколол скрепку от какого-то унылого отчета «Состояние водоемов западной Норвегии», разогнул ее и стал ковыряться в замке. Карс еще не успел сунуть тряпку обратно под раковину, а дверь уже щелкнула и тихо отворилась. Я осторожно выглянул наружу. Пустой коридор, ни одной ученой крысы. Выходной, что поделаешь!

Указатели тут были довольно путаные, но наконец я нашел выход к залу экспонатов. Он располагался на первом этаже. Я по-настоящему поверил в правоту Стампа. Мы спустились по широкой пологой лестнице и оказались в просторном холле перед арочным проемом, за которым можно было разглядеть чей-то огромный позвоночник. В зале было полутемно — все окна закрыты ставнями, но ориентироваться вполне можно. Свет я зажигать побоялся — кто-нибудь снаружи увидит, как он пробивается сквозь ставни, и непременно поинтересуется, кому это пришло в голову приобщиться к природным богатствам сурового северного края, когда все честные граждане спокойно хлещут пиво у своих каминов.

Шаги наши, до этого почти неслышимые, заглушенные ковровым покрытием, сейчас разносились под высокими сводами отчетливым эхом. Скелеты неизвестных мне животных провожали нас пустыми глазницами, из углов таращили свои бельма чучела.

Уж не знаю почему, но мне тут было не по себе — словно я попал в какую-то усыпальницу. Может, оттого, что, кроме нас с Карсом, тут были только препарированные, очищенные от плоти или заспиртованные мертвые тела — пусть даже всего лишь звери или рыбы... Слишком много мне приходилось иметь дело с мертвецами, чтобы я мог

воспринимать все это несчастное зверье просто как музейные экспонаты...

Морские млекопитающие расположились у стены в дальнем углу зала. Тюлень на фальшивой льдине, малый полосатик, северный дельфин — белуха... Жаль, нет фонарика... Стекланные глаза чучел мрачно отсвечивали в сумерках. Я обошел белуху со всех сторон, и мне показалось, что гладкое торпедообразное тело чуть скособочилось на своем постаменте. Кожа на брюхе была чуть вспорота, оттуда торчала солома. Я засунул руку в прореху. Так и есть! Пальцы мои коснулись чуть шершавой поверхности. Листы были свернуты в трубку. Я осторожно потянул. На пол, шурша, посыпалась сухая трава и опилки, а в руках у меня остался плотный сверток. Верхний лист был исписан беглым неразборчивым почерком, но что именно было там написано, в темноте не разберешь.

И из-за этой вот фигни столько шума!

Я поднес бумаги к узкой полоске света, проникавшей сквозь закрытые ставни, как вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку.

Я резко обернулся.

— Прости, Олаф, — сказал мой напарник, — но тебе придется отдать мне это.

Я очумело уставился на него:

— Ты с ума сошел!

— Мне очень жаль, — сказал Карс, и я увидел, что глаза его в полумраке светятся красноватым отблеском, как глаза окруживших нас чучел. — Но лучше будет, если ты отдашь мне их добровольно. Мне бы очень не хотелось убивать тебя.

Я было дернулся за пистолетом, но бумаги были у меня в правой руке, и потому я чуть промедлил; он уже целил мне в лоб.

Казалось, это происходит во сне. Мы с ним так долго работали бок о бок, прикрывали друг друга, иногда рискуя собственной жизнью...

— Руки за голову! — сказал он.

— Опомнись! — Мне все еще казалось, что это шутка. — Это же я, твой напарник!

— Времена меняются, Олаф, — сказал Карс. — Есть вещи, которыми приходится жертвовать!

— О чем ты говоришь! Эти паршивые бумаги уже стали причиной гибели нескольких человек! Неужели они того стоят?

— Это не мне решать. Отстегни пистолет и брось его в угол. Только медленно. Я тебя знаю.

— Я тоже тебя знаю, Карс.

Я медленно отстегнул кобуру от ремня и отбросил пистолет, который, прогремев, пронесся по плитам пола и закатился под брюхо малого полосатика.

— Очень хорошо. А теперь положи бумаги на пол и отойди в угол.

По-прежнему медленно, не сводя с него взгляда, я положил бумаги; свиток развернулся, и белые листы рассыпались по полу, как лепестки цветка.

На миг, только на миг, он перевел на них взгляд, и тут я бросился на него. Я рассчитывал, что он все-таки не станет стрелять, и оказался прав. Не знаю, что его удержало на самом деле: действительно ли он не захотел меня убивать или просто боялся, что звук выстрела услышит сторож.

Он резко ушел в сторону, но я успел ударить его ребром ладони по шее. Но я привык управляться с людьми, а это был кадар, и тугое переплетение мышц спружинило, смягчив удар. Он даже не пошатнулся, а вновь, развернувшись, бросился на меня. Только тут я по-

настоящему понял, что это такое — драться с кадаром. Тот, прошлый раз драка проходила в полной темноте, которая мешала моему противнику, хоть и не в пример меньше, чем мне, теперь же, даже при этом тусклом освещении, передо мной была настоящая машина для убийства.

Он больше не разговаривал, а плавно, почти незаметно двигался, упреждая каждый мой удар, больше не давая до себя дотронуться... выжидал, пока наконец я, устав, открылся, и тогда обрушил рукоятку своего пистолета, метя мне за ухо.

Удар получился скользкий — возможно, он все-таки в самый последний момент пожалел меня... но мне хватило.

Я вырубился.

Последнее, что я слышал, — отчаянный свисток сторожа.

* * *

Базе от агента 18–15 Срочно.

Ситуация вышла из-под контроля. Прошу разрешения на экстренные действия согласно плану «Ноль».

Берген**29 октября 2128 года****16 часов**

...Свист, топот, хлопанье входной двери...

Я приподнялся и огляделся по сторонам, какое-то время соображая, куда же это меня занесли черти. Оскалившаяся медвежья морда глядела прямо мне в лицо. Я непроизвольно отшатнулся и тут только сообразил, что медведь, собственно, неподвижно стоит на своем постаменте. Значит, это не сон? Попробовал подняться — голова отозвалась острой болью; за ухом набухла огромная шишка. Рассыпанная солома на полу, моя кобура под китовой тушей, застывшей на распорках. Осознание случившегося медленно приходило ко мне, и от этого стало еще больней. Не вставая с колен, я подполз к пистолету, пристегнул кобуру, и тут мой взгляд упал на вспоротое брюхо расположившегося неподалеку чучела дельфина. Стой я на ногах, как и положено порядочному человеку, я бы этого не заметил... Там, внутри, было что-то еще. Что-то блестящее. Уже не обращая внимания на пульсирующую боль в голове, я вновь потревожил смертный покой несчастного создания, запустив руку в прореху. Уже когда пальцы мои наткнулись на твердую поверхность предмета, я знал, что это было.

Компакт-диск.

Действительно, что такое в наше просвещенное время архивы? Бумаги были оригиналом. Берланд снял с них копию. И успел стереть все в компьютере до прихода убийц. Либо не успел — что толку, компьютер был разворочен точно так же, как все остальное в кабинете.

«В темноте скрываются чудовища», — вспомнил я слова Стампа. Что же, теперь я выманю этих чудовищ на свет — у меня есть приманка.

Я спрятал блестящий, отливающий всеми цветами радуги диск в карман.

— Эй, парень, что ты тут делаешь? — Передо мной стоял сторож. Он явно был перепуган, а потому — настроен воинственно. — Сейчас сюда приедет полиция.

— Полиция. — Я неохотно сунул ему удостоверение.

— Какого черта ты тут роешься? И как ты сюда забрался?

— Преследовал преступника.

— Это тот урод, который вылетел отсюда как сумасшедший?

— Ну да, — ответил я неохотно.

— Вы что, уже на кадаров этих начали охотиться? Давно пора. Совсем обнаглели. Я тут недавно говорил своей старухе — ох, не к добру мы запустили сюда чужаков этих...

— Это уж точно, — уныло согласился я.

Сделал пару шагов для пробы и не упал. Ничего, жить можно. Взглянул на часы. Без четверти четыре.

За дверью послышался отчаянный скрежет тормозов — прибыла наша доблестная полиция.

— А, вот он, голубчик! — воскликнул здоровенный патрульный в лихо заломленной набок фуражке. — Ну-ка руки за голову!

Что-то мне это уже начало надоедать...

— Особый отдел, — сухо сказал я.

— Вот как? И что же ты тут делаешь? Туга ловишь? Может, он чучелом прикинулся?

Считается, что между нами и муниципалами нормальные рабочие отношения... так-то оно так... Но Особый отдел — элита. Городским властям мы не подчиняемся, мы больше рискуем, но и платят нам больше, и оборудование у нас получше. А муниципалы ездят на всяких развалюхах, пишущую машинку и ту не допросятся, не то что, скажем, компьютер или ксерокс... Вот они и цепляются к нам, когда могут. Опять же кадров они недолюбливают...

...и правильно делают, похоже.

— Не валяйте дурака, ребята, — сказал я как можно более миролюбиво. — Я на задании. Хотите, свяжитесь с Антоном.

Антон, хоть на вид и тугодум, на деле соображает быстро. Он меня прикроет. Он всегда выручает своих. Поэтому я был спокоен — что бы я ни выдумал, он все подтвердит. А уж потом открутит мне голову.

Антону они звонить не стали. Они и так знают, как Стаковски горой стоит за своих сотрудников. Что еще обидней — их-то шеф дерьмо дерьмом.

— А где твой напарник? — любопытствовал второй коп.

Так я им и сказал. Тем более что, честно говоря, я и сам понятия не имею, где он.

— Преследует преступника, — сказал я, холодно глядя в глаза стражу порядка.

— Ну да? А кто тебе морду так расквасил? Чистый кадар, да и только! Недаром говорят, что, если супруги долго живут вместе, они становятся похожими друг на друга. Что-то ты все больше смахиваешь на своего напарника, Олаф! Косишь под него?

Если я хоть жестом или взглядом выдам, что тороплюсь, они тут же поволокут меня в участок — просто так, чтобы жизнь медом не казалась. Поэтому я равнодушно зевнул и спросил:

— Будете составлять протокол, ребята?

Патрульный вроде склонялся к тому, чтобы замять это дело — просто лень было по бумажке черкать, но сержант попался вредный. В конце концов они составили какую-то писульку о том, что «в здании музея был найден в бессознательном состоянии инспектор Особого отдела Олаф Матиссен, утверждающий, что преследует преступника». Я всячески стимулировал их литературные потуги. Так что уже минут через пятнадцать процесс закончился, полицейские наконец отвалили. Сторож запер двери и собрался домой, принять рюмочку после нервного потрясения. Я посоветовал ему вернуться и закрыть окно на втором этаже, но он меня не послушал. Его дело. Если он хочет, чтобы кто ни попадя рылся во внутренностях чучел, — на здоровье.

Я вновь взглянул на часы.

Половина пятого.

Интересно, какая высшая сила надо мной так измывается?

К машине я не вернулся. Спустился на трассу Нигадсгаттен, остановил проезжавшего мимо таксиста и велел отвезти себя в Бригген. Оттуда уже было недалеко до Башни Розенкранца. Дождь шел все сильнее, стемнело, фары проезжавших мимо машин на миг выхватывали из тьмы красные островерхие домики, тесно прижавшиеся друг к другу. Витрины сувенирных лавочек и модных бутиков сверкали что твои рождественские елки; манекены, выряженные в национальную одежду, провожали меня холодным взглядом; слева

от меня, за парапетом набережной, в низком небе тускло светились фонарики на мачтах стоящих на приколе яхт. Яхты чуть покачивались, и оттого казалось, что огни вычерчивают в воздухе сверкающие дуги. Навстречу мне попало всего несколько прохожих, да и те торопились домой — к вечернему аперитиву и спокойному сну перед экраном телевизора. Несколько раз я проверял окрестности на предмет слежки, но ничего не заметил. Из ресторанчика вывалила шумная толпа, и я на всякий случай затерялся в ней, а потом нырнул в ближайший переулок. Дворы, окруженные деревянными балкончиками, террасами, беседками, перетекали тут друг в друга, точно какой-нибудь особенно запутанный лабиринт. Я миновал крохотную, почти карманную выставочную галерею, три пивных бара, одну закусочную, лавочку, торгующую бразильскими самоцветами, которые за последние двести лет здорово подскочили в цене по причине недоступности Бразилии как таковой, и наконец, убедившись, что либо «хвоста» вообще не было, либо я все-таки от него оторвался, заскочил в четвертый пивной бар, чтобы перехватить сэндвич и выпить двойную порцию коньяку — в последнем я особенно нуждался.

Ряд тесно прижавшихся друг к другу домиков вдруг оборвался, точно его ножом срезали, и передо мной замаячила темная, темнее вечернего неба, громада Башни Розенкранца. На фоне желто-лиловых красок заката она казалась особенно мрачной и угрюмой. Я очутился на пустыре. Здесь не было никаких надежных укрытий, и я чувствовал бы себя довольно неудобно, если бы не густые заросли ивняка, бурно разросшиеся на подступах к городу. Пригнувшись, я нырнул в заросли. Это обеспечило мне некоторую маскировку, но замедлило продвижение. Когда я добрался до башни, было уже половина седьмого. Скоро они начнут меня искать, пойдут по моему следу и в конце концов сообразят, что к чему.

Нет никакой гарантии, что, заполучив дискету, они отпустят Сандру — возможно, им нужны только оригиналы, но их-то как раз у меня и не было. Потом, отдав им диск, я потеряю последний козырь и больше не смогу диктовать свои условия. И, наконец, еще одно — я не знал, что содержится на этом диске, но, похоже, что-то страшное, если оно заставило моего лучшего друга поднять на меня руку, а несколько человек поплатились жизнью просто за попытку выйти на его след. Кто такой этот Хенрик и его люди? Если диск попадет к ним, что они сделают со сведениями, добытыми ценой таких жертв? Я дорого поплатился за то, что нашел его, — как же я теперь могу уступить? И так и не узнать, почему мир вокруг меня неожиданно рухнул?

Кустарник подступал прямо к стенам башни, и я ухитрился без помех подобраться к ней почти вплотную. Обтесанные плиты, из которых она была сложена, оказались плотно пригнанными друг к другу. Раздвинув ветви, я изучал фасад: карниз тянулся, огибая башню, примерно на десятиметровой высоте, очеркивая стрельчатые решетчатые окна, — с этой стороны мне явно не подобраться. Попытка прорваться через главный вход вовсе уж полная глупость: такие башни — настоящие крепости и отлично защищены от непрошенных гостей. Тем не менее тут наверняка есть и черный ход — его пробили если не во времена владычества датских монархов, то уж, во всяком случае, в ту пору, когда башня превратилась в Музей средневекового быта — то есть еще до Катастрофы. Я медленно, по-прежнему прячась в кустарнике, начал обход по периметру.

Черный ход — массивная, окованная железом дверь — действительно существовал, но он был заперт. Для того, чтобы убедиться в этом, пришлось приблизиться к двери вплотную и осторожно толкнуть ее — она даже не дрогнула. Зато каменная кладка на задней стене чуть выдавалась, образуя подобие ступенек.

Придется мне освежить свои альпинистские навыки: когда-то, еще до работы в Особом отделе, я работал спасателем на горнолыжной станции. Вытаскивал всяких дурачков, попавших в передраги по глупости и неопытности, развлекал состоятельных стареющих дамочек, решивших поразмяться на горных трассах. Особый отдел, то есть человеческую его составляющую, обычно и набирают из таких, как я, — либо из служб спасения, либо из спецназа. Я-то успел послужить и там и там. Антон, с которым я работал еще в спецназе, разыскал меня в Богом забытом лагере при горном курорте сонного городка Восс и предложил эту вот работу. Я согласился не раздумывая — одна богатая леди, с которой я, будучи ее лыжным инструктором, закрутил роман, восприняла наши приятельские отношения слишком серьезно, а ее муж еще серьезнее. Я уволился и дал деру — даже вещи собрать не успел. Иначе, боюсь, мне пришлось бы его убить — он ухитрился подпилить винты на моих лыжных креплениях; они отказали на крутом спуске, и я тогда только чудом остался жив. Антон спас меня от греха убийства и предложил денежную работенку. Он напирал на то, что это будет живая работа — мол, не пожалею... Подвернулся бы он мне сейчас, у этой башни, я бы объяснил ему, что к чему.

Я оттолкнулся и ухватился за выступающий из стены край каменной плиты. Пальцы проникли в трещину между камнями и утвердились в расщелине. Осторожно перенеся вес тела на левую ногу, я поднял правую, нащупывая следующий выступ. Он оказался довольно высоко — мне пришлось освободить правую руку и наугад выбросить ее вверх, в поисках нового выступа. Какое-то время я балансировал в этом ненадежном положении, но затем мне удалось нащупать кончиками пальцев острый каменный выступ. Изо всех сил вытянув правую руку так, что, казалось, напрягшиеся мышцы вот-вот лопнут, я обхватил ладонью острую грань камня. Рука отозвалась режущей болью, но я успел подтянуться и перебросить вес тела на правую ногу. Рывок — и я уже вишу, используя как ось опоры правую половину тела. Это длилось какую-то секунду — левая рука отчаянно взметнулась вверх, пальцы заскребли по мокрому камню и провалились в трещину между двумя каменными плитами. Еще рывок — ступня застряла в расселине, и мне пришлось вытаскивать ее, вися на одних лишь руках. Казалось, дальше так продолжаться не может, но неглубокий каменный карниз расположился как раз на уровне моего колена. Упершись в него, я оттолкнулся и вновь подтянул свободную ногу, нащупывая новую опору. Окно, забранное решеткой, было совсем близко. Еще рывок... Если я упаду, острые сучья кустарника прикончат меня раньше, чем тело коснется земли. Опора выскользнула из-под ног, пальцы правой руки медленно съезжали по покато́й поверхности, прихватывая клочки отсыревшего мха, гнездившегося в расселинах. Ржавые, грубые прутья решетки были как спасение — я ухватился за них левой рукой, подтянулся, чувствуя, как трещит, выворачиваясь, плечевой сустав, и через секунду уже стоял на наружном карнизе, обеими руками ухватившись за решетку. Дожди и многовековая сырость сделали свое дело — перекрытия раскрошились в двух местах, образуя отверстие, в которое вполне мог протиснуться человек. Рассуждать было некогда — я изо всех сил двинул локтем, и осколки древнего мутного стекла посыпались на пол комнаты. Я прыгнул следом почти одновременно, перекатился на бок, чувствуя, как хрустят осколки, и вскочил на ноги.

Комната была пустая и темная. Пахло плесенью, мышами, затхлыми помещениями нежилого, запущенного пространства. Света тут не было — только те жалкие крохи, которые пробивались сквозь уцелевший переплет окна. Из-за массивной двери тоже не проникало ни лучика. Как ни странно, это меня успокоило — сейчас я не был готов к схватке, мышцы,

напрягшиеся, точно перекрученные канаты, отзывались ноющей болью и отвратительной слабостью. Какое-то время я стоял, привалившись к стенке, и пытался отдышаться. Через несколько минут, ощутив, что я вновь обрел способность управлять своим телом, я осторожно толкнул тяжелую дверь. Она подалась, омерзительно заскрипев при этом. Я замер, но в непроглядной тьме не было слышно ни звука шагов, ни возбужденных криков. Осторожно, боком я протиснулся в темную щель и оказался в узком коридоре — таком узком, что я, расставив руки, мог коснуться противоположных стен кончиками пальцев.

...Башня была довольно высокой, и теперь мне предстояло решить, где именно расположились загадочные похитители — где-нибудь на верхних этажах или же в подвале. Немного поразмыслив, я выбрал подвал — свет в любом из окошек пустующей башни неизбежно привлек бы внимание. Конечно, в наше беспокойное время никто не удивился бы, узнав, что какая-нибудь банда оборудовала здесь себе жилье. Сейчас даже казалось странным, что никто до этого не додумался. Но этим парням явно нужна была обстановка строгой секретности. Мне даже и в голову не пришло, что в башне могло не оказаться ни террористов, ни Сандры, что я понапрасну ломился в открытые ворота, — Стамп уже доказал, что никогда не ошибается, и дискета во внутреннем кармане моей куртки была тому подтверждением.

Коридор оборвался крутым лестничным пролетом — я скорее почувствовал это, чем увидел, ощутив на лице слабое дуновение воздуха. Нащупав рукой холодные перила, я осторожно начал спускаться вниз, стараясь держаться ближе к краю лестницы, чтобы деревянные ступени меньше скрипели при каждом моем шаге. Еще хорошо, что мне нужно было одолеть лишь несколько таких пролетов — окно, в которое я проник, все же располагалось не слишком высоко.

Я миновал лестничную площадку, смутно освещенную еще одним таким же узким стрельчатым окном, и выбрался на центральную лестницу, ведущую к входной двери. Идти стало удобней — ступени тут были пошире и не такие крутые. Еще несколько минут осторожной пробежки во тьме, и я оказался в центральном зале.

Темная фигура надвинулась на меня из стенной ниши, и я резко отшатнулся, прежде чем успел сообразить, что передо мной всего-навсего старинные рыцарские доспехи. Весь холл был уставлен такими вот дурацкими штуками, а перед глазами у меня смутно мерцали подвешенные крест-накрест мечи. Пол здесь был покрыт старинным ковром, заглушающим шаги... говорят, именно в таких вот местах и водятся привидения, но, что бы ни рассказывала мне давным-давно моя норвежская бабушка, я всегда больше опасался живых. От привидений хотя бы известно, чего ожидать. Пусть носятся себе на здоровье в своих саванах, лишь бы цепями не гремели.

Пистолет в таких случаях защищает от неприятностей надежней любого хладного железа — я расстегнул кобуру и сжал его в руке. Это придало мне уверенности. Я был уже неподалеку от главного входа, когда обнаружил лестницу, ведущую в подвальные помещения. Она была узкая и крутая, но главная опасность состояла не в этом — нижние ступени были освещены узкой полоской света, пробивающегося из-за двери. По-прежнему держа палец на спусковом крючке, я стал осторожно спускаться вниз.

Дверь была прикрыта неплотно — подобравшись поближе, я осторожно заглянул внутрь. Когда-то здесь, вероятно, размещался винный погреб — глухие стены серого камня, плавные изгибы сводов, каменный пол... Сейчас это помещение использовалось несколько не по назначению — скорее оно напоминало помесь телефонной подстанции с корабельной

радиорубкой. Зеленоватые рефлексии на радарных экранах, датчики, дисплеи, микрофоны... Кто бы тут ни окопался, денег у них хватало. У двери стоял охранник. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять — для охраны они задействовали смертника. Он стоял неподвижно, даже не переносил вес тела с ноги на ногу, как это обычно делают люди, простоявшие на ногах несколько часов подряд. В руках у него уютно расположился автомат «узи». Этого еще не хватало!

Видимо, террористы посчитали, что этого достаточно — остальные возились у пультов. Я насчитал пятерых, и все они держались свободно, как люди, полностью уверенные в своей безопасности. Время от времени они даже перебрасывались шуточками. Сандра тоже была здесь — она сидела в глубоком кресле и выглядела неплохо, если не считать того, что щиколотки и запястья у нее были стянуты липкой лентой. Платье ее было чуть надорвано у ворота, но не больше... Остальные не обращали на нее внимания — она была просто инструментом достижения их целей, вот и все. Я искал глазами Хенрика, но не нашел его.

Все это, вместе взятое, выглядело паршиво. Не могу сказать, что все террористы были здоровенными бугаями — один из них, хлипкий парень в очках, типичный технарь, второй тоже так себе, остальные, правда, покрепче... Но пятеро да плюс смертник... Я взглянул на светящиеся стрелки наручных часов — четверть девятого. Нужно было что-нибудь придумать, выкурить их оттуда, но я так устал, что ничего не приходило в голову. Узкий коридор заканчивался тупиком — там было так темно, что, когда я прислонился к холодной стене, я не мог разглядеть собственную руку.

Неразборчивые голоса, звук шагов... Еще двое прошли по коридору так близко от меня, что воздух, потревоженный их движением, пошевелил мои волосы. Семеро! Семеро, не считая смертника-зомби! Бедняжка Сандра — если ее судьбу решит этот проклятый компакт-диск, я рискну!

Дверь приоткрылась и вновь захлопнулась, впустив новоприбывших. Я так и не успел разобрать, был ли Хенрик одним из них.

И что мне, черт возьми, теперь делать? Я могу просидеть в этом мерзком склепе до полуночи и выскочить, как чертик из коробочки, с последним ударом часов, держа компакт-диск в руке. То-то они удивятся!

Я все еще пытался продумать какой-нибудь мало-мальски приемлемый план действий, когда что-то случилось. Голоса в комнате стали громче, я услышал торопливый топот и грохот в центральном холле. Взрывная волна была такой мощной, что доспехи в нишах отозвались железным лязгом. Там явно что-то происходило. Дверь подвала распахнулась, выпустив сначала зомби, который с автоматом наперевес ринулся по коридору, а за ним следом — и остальных террористов. Похоже, их решил проведать не только я один. Ветер перемен явно подул в мои паруса. В холле взрывы для разнообразия чередовались с короткими автоматными очередями; крики; отрывистые, сухие, как пистолетные выстрелы, команды...

Неизвестно, сколько времени мне отпущено. Пора действовать.

Я прыжком ворвался в комнату. Кроме Сандры, там был лишь технарь-очкарик; он наблюдал за телеэкраном, на котором мелькали какие-то тени. Монитор, очевидно, был установлен у входной двери. Он изумленно вытаращился на меня.

— Сюрприз! — Прежде чем врезать ему в челюсть, я дружески ему подмигнул. Вырубив очкарика, я подбежал к Сандре. От нервного напряжения она так обессилела, что даже не вскрикнула — лишь поглядела на меня тревожно расширенными глазами.

Особенно разводить сантименты было некогда — я изо всех сил грохнул об пол какой-то монитор и осколками стекла перерезал полосы клейкой ленты на ногах и запястьях Сандры. Она почти упала мне на руки — в другое время ее тело, нежное и упругое, заставило бы меня предпринять совсем иные действия, но сейчас нужно было спешить. Я потянул девушку за собой. Мы уже выскочили за дверь, и я прикинул, стоит ли попытаться прорваться через холл, как вдруг по лестнице загремели шаги. Раздумывать было некогда — я втолкнул Сандру в темную нишу в конце коридора и встал рядом, зажав ей рот ладонью. Она была в таком состоянии, что могла, не владея собой, выдать нас обоих.

Если это вернулись люди Хенрика, все пропало. Сейчас они увидят бесчувственное тело программиста, пустое кресло, обрывки липкой ленты на полу, и им не понадобится много времени, чтобы сложить два и два.

Но, когда они оказались в луче света, падавшего из-за двери, я понял, что это наши новые гости. Уж не знаю, кого я ожидал увидеть, но это были всего-навсего два мрачных подонка из портового отребья; они часто болтались в кабачке у Уле в надежде на любую прибыльную работенку. Одного я знал — бывший морской пехотинец, малый ловкий и обученный, но жестокий, как сам дьявол. Ему приписывали несколько особенно кровавых заказных убийств в припортовой зоне. Профессионал, он, видимо, сам формировал боевую группу и был тут за главного. Они решили проверить подвал на случай, если там затаился кто-то из людей Хенрика.

— Эй, погляди, — сказал один из них другому, — тут уже кто-то побывал. Кто это успел, интересно?

— Кто-нибудь из наших заскочил, — предположил «морской котик». — Да тут и делать было особенно нечего. Вон, всего один.

Забавно, но для того малого в очках я невольно выступил в роли ангела-хранителя — они решили, что он мертв, и не стали приглядываться. Если бы я его не вырубил, они бы срезали его из автомата. На всякий случай они дали очередь по приборам — я услышал звон стекол и грохот отскакивающих от металлической поверхности пуль. Потом они повернулись и пошли обратно к лестнице.

Сандра повисла у меня на руке, и, если бы нас заметили, я даже не сумел бы прицелиться и выстрелить.

Но они ушли. Сапоги прогремели по лестнице, и все стихло. Я выжидал. В холле еще какое-то время слышались голоса, торопливые отрывистые команды, звук удаляющихся шагов. Пару минут я подождал для верности, потом потянул Сандру по коридору. Нужно было торопиться — неизвестно, сколько человек на самом деле в группе у Хенрика, а если кому-то все же удалось уцелеть, они могли вернуться в любой момент.

В холле было совсем темно, лишь в углу тлели, догорая, какие-то обломки. Схватив Сандру за руку, я начал пробираться к двери. По пути я наткнулся на что-то мягкое. Я нагнулся и ощупал тело — оно уже начинало остывать. Наверняка были и другие, но я не горел желанием их разыскивать. Последний труп лежал у двери, головой вниз на ступеньках, ведущих в холл. Сандра вскрикнула — тут я ничего не мог поделать. Забавно — то она спокойно в морге работает, то при виде свежего трупа орет как резаная. Никогда не поймешь этих женщин.

Мы пулей пересекли лужайку перед башней и оказались на пустыре. Сандра была в туфельках на высоких каблуках — изящная штучка, но совершенно непригодная для передвижения по пересеченной местности. Пришлось подхватить ее на руки — она обняла

меня за шею, ее душистые волосы щекотали мне лицо. Вела она себя на удивление покладисто — словно давешней стычки и не было. Правда, я уже достаточно хорошо знал ее, чтобы предвидеть — это ненадолго. Скоро опять возьмется за свое. Ничего, темперамент бабе не помеха. Справлюсь как-нибудь!

На пустыре царил тьма, и лишь в небе плясало, переливаясь, разноцветное зарево северного сияния — после Катастрофы эти сполохи можно было видеть на осеннем небе почти каждую ночь даже в умеренных широтах, где раньше о них знали лишь понаслышке.

Наконец мы выбрались на твердый асфальт эстакады. Он давно уже растрескался и пошел выбоинами, но все равно идти тут было легче, чем по неровностям заболоченной почвы. Я осторожно опустил Сандру на землю, и девушка, всхлипнув, прильнула ко мне. Я погладил ее по растрепавшимся волосам.

— Все в порядке, детка.

Дрожащей рукой она вытерла слезы.

— Прости меня, Олаф! Я была... такой стервой.

— Но очень симпатичной стервой.

Я повернул к себе ее лицо, мерцающее во тьме словно бледный цветок, и нежно поцеловал.

— А сейчас соберись. Нам нужно торопиться.

— Куда мы идем?

— Нам, вернее, мне нужно повидать одного человека. Но это может быть опасно. Сейчас я отведу тебя к Антону. Семейство у него шумное и безалаберное, но там ты будешь в безопасности. Я не хочу, чтобы ты вновь рисковала из-за меня.

Она покачала головой.

— Нет! Я останусь с тобой. Я чувствую, происходит что-то важное, Олаф!

— Может быть...

— Кто были эти люди? Те, что меня захватили?

— Какая-то организация. Но я и сам не знаю, какие цели они преследуют. Вот это я и хочу выяснить. Они тебя обижали?

Она вновь затрясла головой так, что взметнулись ее темно-рыжие волосы.

— Нет. Они обращались со мной вполне прилично. Сказали, что до полуночи мне не о чем беспокоиться. Но, если бы ты не пришел, я думаю, они бы меня убили без всяких колебаний.

Я задумчиво кивнул.

— А кто на них напал? Это были твои люди?

— Вовсе нет. Мне кажется, что архив ищут несколько группировок, все время наступая друг другу на пятки. Я думаю, кто-то решил убрать конкурентов.

— Что же там такое?

— А вот это, — сказал я внушительно, — я и хочу выяснить.

— Олаф! Но почему ты действуешь в одиночку? Если это так важно, почему бы тебе не обратиться к Антону? Пусть подключит весь Особый отдел!

Я покачал головой.

— Нет. Я доверяю Антону, но предпочитаю сначала выяснить, что к чему. Особый отдел набит кадарами, а у меня почему-то такое ощущение, что они как-то связаны с этим делом.

— Кадары? Но зачем это им? Они никогда не вмешиваются в наши дела, если не

считать тугов. И, кстати, где Карс?

Я вздохнул.

— И это мне еще предстоит выяснить. Больше не спрашивай меня пока про него, ладно?

— Ладно, — сказала она покорно.

Вдали раздался вой сирены. Он все приближался, полицейская мигалка вспыхнула на фоне пляшущих столбов северного сияния, и я увидел, как две полицейские машины, промчавшись мимо нас, понеслись к месту разборки. Что-то они быстро сегодня! На нас никто не обратил особого внимания, приняв за прогуливающуюся парочку, хотя место для прогулок было несколько странное и уж, во всяком случае, небезопасное.

Когда мы выбрались на автостраду Овергаттен, до полуночи оставался всего час. Правда, с облегчением подумал я, это значения уже не имело. Я теперь никому не верил и пропустил несколько машин, прежде чем остановить одну наугад.

— В порт, — сказал я мрачному сонному водителю.

В машине было так тепло и уютно, что я с радостью проездил бы всю ночь, однако уже минут через десять такси притормозило, и я увидел знакомые очертания портовых складов. Третий раз за последние два дня! Что-то я сюда зачастил!

— Осторожней, — я помог Сандре выбраться из машины. — Смотри под ноги. Тут настоящие трюшобы.

Такси, мигнув фарами, отъехало, и мы остались в темноте, освещаемой лишь тусклым светом одинокого уцелевшего фонаря.

Сандра поежилась.

— Что за неуютное место!

— Так уж тебе сегодня повезло, — отозвался я.

Эта женщина создана для роскошных отелей, палуб океанских лайнеров и салонов дорогих автомобилей, а не для такой работы и уж, во всяком случае, не для таких гнусных мест, как то, в которое я ее приволок. Я дал себе слово, что, как только все закончится, я увезу ее далеко-далеко, в какой-нибудь горный отель, где терраса выходит на сосновый лес, а окна спальни — на прозрачное озеро. Кофе нам будут подавать в постель, а после обеда в тихом ресторане с уютно мерцающими свечами мы будем танцевать под звуки живого оркестра или беседовать с другими постояльцами — например, с какой-нибудь милой пожилой парой, проводящей тут свои дни в покое и довольстве...

...Крыса прошмыгнула у самых моих ног, и я вернулся к действительности.

— Пошли, — сказал я Сандре, — зайдем в гости к одному моему знакомому.

— Но сейчас уже поздно, — возразила девушка, — наверное, он уже спит...

— Он, по-моему, никогда не спит, — сказал я, без особой, впрочем, уверенности. —

Вот, погляди.

Дверь ближайшего к нам барака медленно отворилась.

— Как он нас увидел? — изумленно прошептала Сандра. — Тут же все окна замурованы!

— У него везде телекамеры, — пояснил я, — пошли.

Внутри барака ничего не изменилось — моторизованное кресло Стампа развернулось при нашем появлении, и он медленно поднял свое бледное лицо. Сандра крепче сжала мою руку.

— Вы что-то зачастили, инспектор, — насмешливо заметил Стамп, — чем обязан на этот раз?

— Для начала запри как следует дверь.

— Не стоит трудиться. Она запирается автоматически. И всегда как следует. А это, значит, и есть ваша дама? И как же вы ухитрились ее оттуда вытащить?

— Перестань паясничать, — устало ответил я, — ты и сам все знаешь.

Меня вдруг осенила неожиданная мысль.

— А может, это ты навел на Хенрика тех, вторых?

— Этих, — холодно ответил Стамп, — никогда. Я предупреждал Хенрика, что он недооценивает противника. Он меня не послушал. Слишком был уверен в своих людях. Что ж. Его дело. И все-таки, к чему этот визит?

— Мне нужна твоя помощь. Это единственное место, где я могу просмотреть ее, не опасаясь, что об этом узнает кто-то еще. — И я вытащил дискету из внутреннего кармана куртки.

— Что это? — изумленно воскликнула Сандра.

— Смерть, — коротко ответил я.

— И правда смерть, — подтвердил Стамп, — она убивает всех, кто подходит к ней слишком близко. Верно, инспектор? Сам Берланд, потом Кармайкл, зомби, потом еще кадар, эта рыжая девушка...

— Как, и она тоже? — Сандра нерешительно на меня поглядела.

— А ты что думала? — сухо отозвался я. — Ее подослали обыскать комнату. И сойтись со мной покороче, если удастся, конечно. Она согласилась, бедняжка. И поплатилась за это жизнью.

— Но я думала...

— Знаю, что ты думала. Оставим это. Давай лучше посмотрим, что там. Что же там такое, из-за чего несколько человек и один кадар расстались со своей жизнью, а я потерял друга.

И я передал Стампу дискету.

Он повертел ее в своих паучьих пальцах.

— Значит, она была там, где я и думал, — заметил он. — И как же вам удалось уберечь ее от своего напарника?

То ли он гений подслушивания, то ли просто гений. Я уже ничему не удивлялся.

— Он ее не заметил. Сторож услышал шум драки и поднял тревогу. Он не успел обыскать чучело — забрал те бумаги, которые я оттуда вынул, и унес ноги.

— Какое чучело? — изумленно спросила Сандра.

— О Господи! Ну, чучело дельфина там, в музее.

Она поглядела на меня как на больного. И правда, ей-то ничего не было известно — все то время, что я носился в поисках этих проклятых архивов, она просидела связанная в подвале.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, что там.

Экран дисплея замерцал, и тут же мягко заурчал принтер. Я взял распечатку — явно копия какого-то рукописного текста, написанного на старом английском да еще и неразборчивым прыгающим почерком. Несколько минут ушло на то, чтобы разобрать первые строки. Наконец, мне удалось прочитать:

Дорогой Андерс!

Прости, что так долго не писал тебе — был очень занят. Подрядился

подготовить эту дурацкую серию научно-популярных статей для «НьюЙоркера» и завяз по уши. Конечно, деньги они посулили немалые, а ты сам знаешь, какие аппетиты у моей последней жены — развод обошелся мне в копейку!

Я поднял глаза и изумленно посмотрел на Стампа. Тот ухмыльнулся, не отводя глаз от экрана.

— Читай-читай, инспектор!

— Но это же какая-то чушь!

Я недоуменно пожал плечами и вновь взялся за чтение.

Мне очень помогли те данные, что ты мне прислал. Я просчитал статистику, и выяснилось, что мои опасения подтвердились. Появление тугое действительно связано с тем временем, когда наблюдательные пункты астрономических обсерваторий засекли на орбите так называемый объект Сапрыгиной. Затем их количество линейно начало возрастать, дойдя до своей высшей точки к моменту высадки кадров на Землю, а затем вышло на довольно устойчивое плато. Это меня очень беспокоит. Андерс, я знаю, что у вас в отделе работают сильные лингвисты. Кадары постоянно отправляют на базу сообщения, а мы хоть и засекаем передачу, пока не можем расшифровать коды, которыми они пользуются. Попробуй прогони их через свою машину — говорят, у вас есть какая-то чудодейственная программа расшифровки. И, кстати, будешь отправлять мне результаты, не пользуйся Интернетом, лучше пошли с оказией — если мы способны расшифровать их коды, они могут сделать то же самое с нашими. А я займусь теми, кто дежурил на установке по расстрелу Харона в момент ее взрыва, — погляжу, нет ли чего-нибудь интересного в их личных делах, если они сохранились. Меня не покидает ощущение, что этот взрыв был инспирирован так же, как и последовавший за ним хаос. Кому-то было удобно воспользоваться нашей беспомощностью.

Не копайся слишком долго, соблюдай осторожность и сразу же свяжись со мной, как только тебе станет что-нибудь известно.

Твой Юджин.

Я вновь оторвался от распечатки и повернулся к Стампу.

— Что это за бумага? Кто ее писал?

— Это переписка профессора Юджина Ионеску со своим учеником, лингвистом Андерсом Хагеном, — ответил Стамп. — Хаген погиб при загадочных обстоятельствах три месяца спустя после этого письма. Еще раньше в газетах появилось сообщение о смерти Ионеску. Хаген работал в Технологическом центре и хранил переписку где-то там, в укромном месте. Основной архив пропал еще тогда, но эти бумаги удалось сохранить по чистой случайности. Центр пришлось срочно взорвать, и они оказались надежно погребены под завалами. Только сейчас они выплыли на свет Божий, и бедный Бьорн Берланд был первым человеком, который прочел их три четверти века спустя. И поплатился за это.

Сандра выхватила у меня письмо, а я подобрал второй листок, выползший из принтера. Это была распечатка какого-то математического текста — графики, формулы, какая-то кривулька под названием «кривая частотного распределения». Я вопросительно поглядел на Стампа.

— Да-да, инспектор. Вам ничего не понятно, верно? А вот лингвистам и математикам это будет очень интересно. Похоже, Андерсу все-таки удалось расшифровать тот код, которым пользовались кадры, посылая отсюда свои сообщения на базу. Потом эта программа была уничтожена — больше никому не удалось повторить его достижения. Именно эти расшифровки кадры и пытались получить любой ценой. Ну и все остальное — тоже.

— Господи! — выдохнул я. — Так что же получается? Взрыв установки и это странное появление повсюду маньяков-убийц — все это, выходит, их рук дело?

— Наверняка. Иначе они так не старались бы прибрать эти документы к рукам, — подтвердил Стамп. — Скорее всего для того, чтобы уничтожить их. Даже копия и та представляет для них опасность, а уж что говорить о подлиннике.

— Но зачем все это им нужно? — недоуменно спросила Сандра.

— Кто знает? Может, мы были слишком сильны, а значит, представляли определенную угрозу для их расы. Может, им нужна была сырьевая база и покорные туземцы-рабы? Может, логики в их поступках вообще нет, а есть какая-то изначальная злокозненность, заставляющая наблюдать, как корчится с перебитым хребтом уже практически уничтоженная цивилизация? Кто может понять поступки и побуждения иного разума? Мы и себя-то часто понять не можем!

— Ладно, — сказал я, — это все философия. Пустые разговоры. Надо действовать!

— Вот уж воистину доблестный оперативник! И как же вы предлагаете действовать?

— Да схватить любого из них и заставить признаться!

— Ну и как вы его заставите? Он, разумеется, будет утверждать, что это поклеп. Что на дискете — подделка, созданная злодеями, желающими опорочить их благородную миссию. И попробуйте доказать обратное!

— Но если ткнуть его в эти документы носом?

— Какие документы? Копии — это не доказательство. А оригиналов у вас нет.

— Карс!

— Вот именно!

У меня за спиной послышался какой-то шум — вновь отворялась дверь. Я резко обернулся, положив ладонь на кобуру.

— Спокойнее, инспектор, — проговорил у меня за спиной Стамп, — ко мне ходят только те люди, которых я хочу видеть. Да и вам невредно поговорить друг с другом. Возможно, сейчас вы играете в одни ворота.

В дверном проеме стоял человек в плаще. Он шагнул из тьмы на свет, и я с изумлением узнал Хенрика.

— Еле ушел, — сказал он, переводя дух, — там полным-полно легавых. Все ребята убиты. Петер, правда, остался жив, но его взяли. Я видел, как его затолкали в машину. А тут, я смотрю, происходит что-то интересное. Вечеринка в разгаре?

— Похоже на то, — сказал Стамп, — инспектор, позвольте представить вам Хенрика Ларссена, одного из руководителей организации «Свободная Земля».

Нью-Йорк

22 сентября 2128 года

С самого утра Шульц пребывал в состоянии душевного подъема. Именно сегодня его журналистская карьера может претерпеть решающий поворот! До сих пор он был лишь мелким писакой, одним из тысяч тех, что подкарауливают знаменитостей на выходе со светских раутов в тщетной надежде заставить их сказать хоть два-три ничего не значащих слова для своей газеты. И как всякий поденщик, он мечтал о Репортаже. О настоящей сенсации, которая привлекла бы к его газете сотни и тысячи новых подписчиков и подняла его гонорары на несколько нулей справа от основной цифры. Все охотятся за Сенсацией, но не каждому она дается в руки. А тут такая удача!

От скуки просиживая вечера в баре, он познакомился с веселой и нетребовательной девушкой. Вскоре приятное времяпрепровождение превратилось в дружбу. И только недавно он узнал, что его новая приятельница работает горничной у известной эстрадной звезды Ланы Ланье, женщины, за которой сплетни и слухи следовали как хвост за кометой. Звезда — или комета — Ланы Ланье взошла на небосклон славы неожиданно. Если продолжить ряд сравнений из области астрономии, ее блистательное появление на эстраде было похоже на взрыв сверхновой. Жена известного ученого и путешественника Авессалома Ланье, она вела замкнутый образ жизни, всегда оставаясь на заднем плане при своем знаменитом муже. Она была верной его помощницей — сопровождала его в экспедиции, вела под диктовку путевые заметки, ведала закупками продовольствия для небольшой группы ученых, сопровождавших Ланье в его странствиях. Всем была известна печальная судьба последней экспедиции Ланье в Южную Америку, на границу Мексики и Гватемалы — в область, которая вот уже более ста лет была закрыта для исследователей из-за повышенной радиоактивности, отмечавшейся на территории всей тропической зоны Южноамериканского континента. Тем не менее постепенно уровень радиации начал спадать, и Ланье с группой учеников и единомышленников один из первых проник в запретные районы пострадавшего континента.

Долгое время от экспедиции не поступало никаких известий — радиосвязь в этом районе земного шара оказалась полностью блокированной, — но однажды, когда все уже отчаялись узнать что-либо, метеорологи с пограничного форпоста подобрали истощенную обессилевшую женщину. Она бредила, и ничего связного от нее нельзя было добиться. Наконец властям удалось установить ее личность — это была мадам Ланье, единственная уцелевшая из группы в пять человек, той самой, что три месяца назад покинула цивилизованный мир и углубилась в мрачные джунгли. Судьба пропавшей экспедиции волновала всех, и Лану допрашивали врачи, психиатры и полицейские, но женщина ничего не помнила... она с трудом могла воскресить в памяти лишь свои детские годы, но все последующие события напрочь поглотила темная пелена.

Тем не менее она постепенно выздоравливала — если не духом, то хотя бы телом — и, когда мир отчаялся узнать что-либо и даже дотошные полицейские отступились от нее, вернулась в Америку, поселившись в Нью-Йорке. Муж не оставил ей ни гроша — все его сбережения ушли на организацию последней экспедиции.

И тут Лана Ланье показала себя поразительной женщиной. Когда-то, в девичестве,

она неплохо пела и выступала на любительской сцене, и теперь, в нужде и забвении, ей пришлось вспомнить о былых талантах. Сценическая школа, студия, шейпинг, пластическая операция, советы умелого гримера — и на эстраду вышла ослепительная белокурая Лана Ланье, чей голос заставлял трепетать даже угрюмых женоненавистников.

Лана купалась в роскоши, щеголяла в мехах и дорогих туалетах, искрилась драгоценностями, но у нее была одна странность... никто ничего не знал о ее личной жизни. Известно, что любовные приключения звезд пользуются не меньшим вниманием, чем их сценические успехи, да и какая женщина, имея столько поклонников, устоит перед соблазном вспомнить молодость и закружиться в романтической страсти? Но не Лана! Она охотно бывала на людях, фотографировалась со знаменитостями, веселилась на вечеринках и светских раутах, но никто, ни один журналист, никогда не бывал у нее дома — в небольшом особняке, прячущемся за высоким забором, поверх которого была натянута колючая проволока. Никто не видел, чтобы туда входил или оттуда выходил какой-нибудь мужчина (разумеется, не считая многочисленной приходящей obsługi). И вот Шульц, скромный репортер мелкого бульварного листка, получил возможность проникнуть в святая святых. Девушка хоть и дорожила своей выгодной службой, решила дать ему шанс при условии, что он не выдаст, кто именно его впустил. Он спрячется в гардеробной мадам Ланье, примыкающей к ее будуару, а дальше будет действовать по обстоятельствам...

Несколько часов Шульц, борясь с волнением, просидел в темной гардеробной великой звезды, рядом с будуаром, благоухающим ароматом духов и каких-то экзотических благовоний. Наконец поздно вечером раздались торопливые шаги — дробный стук изящных каблучков. Затем он услышал нежный, всемирно известный голос мадам Ланье, отдававшей распоряжения шоферу на завтра.

Затем полумрак будуара расцвел нежно-розовым светом, и Шульц, спрятавшийся в нише и трепещущий от скользких прикосновений шелка и мягкой ласки бархата, увидел, раздвинув тяжелые платья, стройную женскую фигуру, которая колеблющейся плавной походкой, присущей одной лишь Лане, пересекла будуар, направляясь к тяжелому тройному зеркалу на инкрустированном перламутром столике. Усевшись перед трюмо, женщина скинула на пол песцовое боа. Шульц видел лишь ее затылок и спадающие на плечи белокурые волосы. Он, еще шире раздвинув платья, всматривался в очертания стройной фигуры, лишь смутно освещенные розовым огнем светильника. И тут из зеркала на него глянуло отражение лица Ланы, смутно всплывающее из сумеречной глубины. Из груди Шульца вырвался сдавленный хрип — на него смотрело чудовище! Это нечто, ухмылявшееся ему с серебристой поверхности зеркала, не имело ничего общего с прекрасной женщиной. Вообще ни с какой женщиной! И, что самое страшное, это лицо продолжало неуловимо меняться, становясь все ужасней, и что-то в глубинах памяти отзывалось на эти метаморфозы, заставляя Шульца обмирать от страха. Белокурая голова медленно повернулась на тонкой шее, и то же самое лицо, которое он видел в зеркале, только четче, явственнее, взглянуло в упор на Шульца темными провалами глаз.

Это было последнее, что он помнил.

Берген

30 октября 2128 года

Полночь

— Ах ты, черт! — только и смог я выговорить.

Хенрик подтянул к себе какой-то ящик и уселся на него. Только теперь я увидел, что ему здорово досталось — плащ в грязи, лицо исцарапано, запястье правой руки перетянута окровавленной тряпкой.

— Норвежский филиал, — сказал он устало. — Наши отделения разбросаны по всему миру. Вот уже три четверти века мы собираем данные о кадрах. Наблюдаем за ними. Готовимся. Ждем. Мы никогда им не доверяли. Но они вели себя очень осторожно. Их ни в чем нельзя было уличить. Нашу организацию еще в первые годы появления кадров на Земле начал формировать Джек Лундгрэн, тогдашний помощник генерального секретаря ООН — он был человек неглупый и в бесплатные пряники не верил. Легально он действовать тогда не мог, да, пожалуй, и не хотел.

— И вы хотите сказать, что все это время...

— Он поставил своей целью создать боеспособную организацию, которая могла бы постоянно наблюдать за кадрами. Мы пытались понять — что на самом деле им нужно от человечества? Почему они обосновались на Земле? Почему так настаивали на том, чтобы не просто иметь тут свои представительства, но участвовать в самой гуще событий — ведь на самом деле, вы уж извините, инспектор, Особый отдел с его кадрами-оперативниками — это же просто бред! Они же не могут появиться ни в одном мало-мальски неблагополучном районе — жители тут же поднимут бучу! Они до сих пор, как бы ни старались, не могут до конца освоить ни наши обычаи, ни наш язык — постоянно допускают такие промахи, что ни о каком удачном внедрении в среду просто речи быть не может! Вот мы и выдвинули теорию, что их оперативная работа — это просто маска. Прикрытие, которое они используют, чтобы наблюдать за нами, так сказать, изнутри. И, уверяю вас, если у них и имеется какая-то миссия на Земле, то состоит она вовсе не в спасении человечества.

— Может быть, все не так плохо, как вам кажется? — неуверенно возразила Сандра.

— Разве? А кто, по-вашему, охотился за этими бумагами, как не кадры? Они же готовы были раздобыть их любой ценой! Сначала они шли за нами по пятам. Мы вышли на Кармайкла — он оказался просто трепачом, ничего не смог сделать из того, что обещал, — они взяли его, попытались вытянуть все, что ему известно, а поскольку ему ничего известно не было, убили, чтобы замести следы. Причем, заметьте, он умер точно так же, как умер сто лет назад и сам Ионеску — это же их почерк! Они были уверены, что Олаф все же знает, где спрятаны бумаги, а возможно, просто хранит их у себя, потому что не понимает их ценности, и подослали к нему эту девушку из бара. Наконец они отчаялись настолько, что подослали к нему убийцу-кадара! А кто, вы думаете, напал на нашу базу в Башне Розенкранца? Их наемники, кто же еще!

Я вспомнил, что творилось в башне, и разозлился.

— Они, значит, во всем виноваты? А вы, получается, просто ангелы! А кто напустил на меня смертника-зомби? Кто продержал полдня Сандру в подвале? Кто меня шантажировал?

Кто, в конце концов, убил Берланда? Кадары?

— Я уже говорил, мы — деловые люди! — отрезал Хенрик. — Это же террористическая организация, а не детский сад! За нами Интерпол охотится!

— Взрыв в аэропорту ваших рук дело? — поинтересовался я.

— Американского филиала, — пояснил Хенрик, — мы стремимся отрезать кадаров от Земли. И так они, по данным наших наблюдателей, окопались во всей Солнечной системе — орбитальная база, база на Луне, база на Марсе... Да если они решат бросить на нас все свои силы, в небе станет черно от их кораблей!

— Если бы они стремились завоевать нас, — возразила Сандра, — они бы давно уже это сделали.

— Кто знает? Может, еще немного времени — и им даже не придется нас завоевывать. Скандинавия — просто рай земной даже по сравнению с Западной Европой, а уж что делается на колоссальных пространствах России и в азиатских странах? А в Африке? А на Южноамериканском континенте? Да оттуда такие слухи доходят, что у лысых и то волосы дыбом встают!

Я вмешался:

— Ну и что вы думаете? Туги перережут всем глотки, человечество вымрет, а они спокойно придут на все готовенькое?

— Вот именно!

— И что они получают? Дикую, запущенную, отравленную радиацией планету?

— А откуда мы знаем, может, именно такие планеты им и подходят больше всего!

Я вздохнул.

— Это верно. Ну и что вы предлагаете? Отправить эти данные в Комиссию по контакту при ООН? Отдать журналистам? Проще говоря, обнародовать?

Хенрик на миг задумался.

— Хоть я и руковожу норвежской группой, надо мной есть свое начальство. Решать им. Потом — у нас на руках все-таки копии. Оригиналов нет. Единственное, что мы сумеем, — это спровоцировать скандал. Обычные люди и так кадаров терпеть не могут, их же просто забьют камнями на улицах, а потом что? А если они только и ждут чего-то в этом роде, чтобы под таким предлогом начать вооруженную оккупацию? И чего мы добьемся?

— Открытого столкновения по меньшей мере, — сказал я.

— И кто от него больше выиграет, от этого открытого столкновения? Да человечество и так вот-вот скатится обратно в каменный век, достаточно его лишь чуточку подтолкнуть.

— Тогда, — сказал я, — я не вижу никакого выхода.

— Единственный, кто вам может помочь, — вмешался Стамп, — это, разумеется, напарник Олафа — Карс. Он — один, кого удалось поймать с поличным. Да и бумаги забрал он. Кто знает, может, он еще не успел их уничтожить? Вот и поговорите с ним.

— Как ты с ним поговоришь? — уныло возразил я. — Он же смылся.

— Верно. Вопрос только — куда!

— Смешно ждать, что он вернется в управление как ни в чем не бывало, — сказал я. — Ему слишком много придется объяснять. Скорее всего он отправится в консульство кадаров в Осло, а оттуда — на одну из их стартовых площадок. Вернется к себе на базу, или куда там все они возвращаются...

— И на чем же он, интересно, доберется в Осло, — поинтересовался Стамп, — верхом на метле?

— Почему на метле, — раздраженно отозвался Хенрик. — У нас пока еще летают самолеты.

— Вот тут вы, ребята, и ошиблись, — хихикнул Стамп. — Вы бы хоть радио иногда для разнообразия слушали, что ли, раз уж газет не читаете! Не летают ваши самолеты! Во-первых, уже три дня бушует такая магнитная буря, что все вылеты по Северному полушарию отменили. Во-вторых, над Скандинавским полуостровом густой туман. И в-третьих, пилоты САС вот уже неделю как бастуют. Прибавки просят.

— Хватило бы и одной причины, — сухо сказал Хенрик.

— Так что не поедет он в аэропорт, — заключил Стамп. — Он-то в отличие от вас хорошо информирован. Не такой уж он идиот, чтобы болтаться в баре зала ожидания у всех на виду, пока на вас не найдет просветление и вы его там не возьмете тепленького.

Хенрик попытался достать сигарету из пачки, неловко действуя одной рукой.

— У них где-то здесь должна быть своя база, — сказал он наконец. — Была же у нас, пока ее не разбомбили. Он ведь не в одиночку действовал. Пока он болтался с Олафом, кто-то бегал по всему городу, нанимал убийц, торговался с боевиками. Платил им. Потом, откуда взялся тот, другой кадар — из воздуха, что ли, материализовался? Они же тут все на счету!

— Наконец-то! — воскликнул Стамп. — А я все ждал, кто из вас первым додумается!

— Ладно, — сказал я, — не пыли. Если ты такой умный, может, знаешь заодно, где его искать?

— А вдруг знаю?

— Врешь ты все, — устало ответил я. — Не можешь ты знать всего. И ты не знаешь. И никто не знает. Что они, дураки, что ли?

— Не дураки, — ответил Стамп, — но ведь и я не совсем дурак. Перед каждой своей акцией они вели радиопереговоры. На закрытой волне, опять же ни черта не понятно, но источник засечь можно. Он вот тут, — и он, точно фокусник, извлек неизвестно откуда сложенный вчетверо квадрат бумаги и бросил его на стол.

Я поднял его и развернул. Карта окрестностей Бергена с одиноким красным крестиком, нарисованным от руки.

— Бонтвейт! — воскликнул я. — Но это же просто затерянная в горах деревушка! Там сейчас никто не живет!

— Вот именно, — сказал Стамп, — и там есть заброшенная лыжная база. Дорога проходит неподалеку, судя по всему, она все еще в неплохом состоянии, а там — через перевал, и...

Взрыв, заглушенный стенами барака, прервал его на полуслове. Он был такой силы, что тончайшие, как волосок, щели в ставнях полыхнули адским огнем.

— Уходите! — закричал Стамп. — Они добрались сюда!

Стальная дверь, готовая, казалось, выдержать любой напор, дрогнула, а мониторы, мерцающие на противоположной стене, разом погасли.

Кресло Стампа развернулось и на невероятной скорости подкатило к пультам. Пальцы калеки судорожно вцепились в рубильник. Часть стены рядом с мониторами отъехала в сторону, открыв темный проем.

— Скорее! — вопил Стамп, перекрывая грохот взрывов. — Дискету! Берите дискету!

Хенрик, подбежав к компьютеру, выдернул из дисковода блестящий диск и спрятал его в карман. Я, покрепче обняв испуганную Сандру, обернулся к Стампу.

— А как же ты?

— Я попробую задержать их, — проорал в ответ Стамп. — Это уже не важно. Главное — спасайте дискету! Выведите этих ублюдков на чистую воду!

— Ты с ума сошел! — Хенрик нерешительно застыл на пороге потайного лаза.

— Не валяйте дурака! Уходите!

Дверь вновь содрогнулась, по комнате пополз желтоватый дым, и я почувствовал странный запах.

Больше медлить нельзя было — задержав дыхание, я подтолкнул Сандру вперед, в темную глотку потайного хода. Следом за нами, все еще нерешительно оглядываясь, нырнул Хенрик, и металлическая переборка, выдвинувшись из паза в потолке, с лязгом захлопнулась за нами. Узкий коридор внезапно осветился — на низком своде слабо мерцали точечные светильники. Идти приходилось пригнувшись. Я шел первым, сжимая в правой руке пистолет, а левой поддерживая шатавшуюся от усталости Сандру. Хенрик замыкал шествие. У нас за спиной, чуть приглушенный плотной металлической плитой, перекрывшей вход, царил ад — тот, что может привидеться грешнику в горячечном бреде раскаяния, — бушующее пламя, вопли и едкий желтый дым. Потом раздался еще один взрыв — такой мощный, что пол тоннеля дрогнул у нас под ногами, а балки, подпирающие своды, глухо затрещали. Лампочки у нас над головой и дальше, по всему ходу тоннеля, раз мигнув, погасли, и нас охватила тьма, такая плотная, что казалась физически ощутимой. Потом замерцал слабый свет — в руке у Хенрика вспыхнул огонек зажигалки. Сначала мне показалось, что я оглох от взрыва, но потом я понял, что вокруг действительно стоит тишина — абсолютная тишина, которая, наверное, спустится на землю после конца света. Что бы там ни творилось у нас за спиной, все уже было кончено.

Грохот и пламя так сбили меня с толку, что я потерял ощущение направления, несмотря на то что всегда гордился своим умением ориентироваться на местности. Мы брели во мраке по тоннелю — аварийному выходу, который оборудовал себе Стамп, точно хитрый лис, всегда имеющий в своей норе запасной лаз. Бедный хитрый лис! Никогда не думал, что буду так оплакивать его гибель!

Я все брел и брел, механически, ни о чем не думая, по узкой трубе, освещенной лишь смутным огоньком зажигалки Хенрика.

Наконец я уперся в тупик — массивную стальную плиту, перекрывавшую выход. Она выросла из тьмы так внезапно, что Сандра, шедшая за мной, уткнулась мне в спину.

— Посвети, — сказал я Хенрику, — тут где-то наверняка должен быть какой-нибудь рубильник.

Больше всего я боялся, что Стамп, со своей любовью ко всяким хитрым штучкам, оборудовал дверь каким-нибудь электронным замком, который наверняка отказал, — в таком случае мы оказались бы замурованными в этой трубе. Но дверь была оснащена старомодным тяжелым засовом. Едва я успел положить ладонь на массивную щеколду, как зажигалка Хенрика, жалобно замерцав, погасла, и мы оказались в полной темноте. Я нажал на засов, и он подался на удивление легко — Стамп содержал свою нору в идеальном порядке.

Дверь отворилась, и ночь, встретившая нас снаружи, показалась благословением по сравнению с той непроглядной тьмой, которая царила в стенах потайного хода. Мы выбрались на поверхность.

Потайной лаз Стампа выводил далеко за пределы порта — в мрачные заброшенные кварталы, где и днем-то разгуливать было рискованно. Однако я настолько привык к

опасности, которая последние дни следовала за мной по пятам, что угрюмые дома, глядящие на меня своими слепыми окнами, и те показались надежной обителью по сравнению с тем адом, что мы оставили за спиной. Остальные тоже вылезли на поверхность следом за мной. Я навалился на тяжелую дверь, и она мягко захлопнулась. Тихо щелкнул замок — снаружи потайной ход закрывался автоматически.

— Без машины нам не обойтись, — сказал Хенрик, щурясь от бившего в лицо соленого ветра, — где вы оставили вашу, инспектор?

— За музеем, — ответил я, — не хотел ею пользоваться. Боялся, что вы прицепили на нее «жучок».

— Разумеется, прицепили, — сердито отозвался Хенрик, — а вы что думали?

Он устало вздохнул.

— Впрочем, теперь это уже не имеет значения. До нее долго добираться?

— Полчаса, не меньше.

— Пошли, — сказал он, — дел по горло.

— Я не могу идти в этих туфлях, — жалобно простионала Сандра.

Я обнял ее за плечи.

— Сандра, дорогая, тебе не нужно идти с нами. Я отведу тебя к Антону. Ты же видишь, что делается? Это становится очень опасным. А тебе и так досталось.

— Никуда ты ее не отведешь, — возразил Хенрик, — она поедет с нами. Она слишком много знает для того, чтобы спокойно разгуливать по городу.

— Я и сама никуда не пойду, — сердито возразила Сандра. — Я ведь сказала! Я тебя не оставлю, Олаф! Да еще наедине с этим типом. С вами то есть, — обернулась она к Хенрику.

— Да я его пальцем не трону, — раздраженно ответил Хенрик, — что я, идиот? Мне нужен не он, а его напарник. Вот с этого я шкуру сдеру.

Я наконец-то сумел сориентироваться — нам следовало повернуться спиной к заливу и двигаться в гору.

— Шевелитесь, — сказал я, — потом разберемся. А сейчас нам нужно найти машину.

...Машина стояла на том же месте, где я ее оставил. Я устало опустился на водительское сиденье. Похоже, мир сговорился, решив не давать мне выспаться, — а теплое нутро автомобильного салона так и манило вздремнуть хоть полчаса. Я взглянул на индикатор — топлива хватало лишь до ближайшей заправочной станции.

Я врубил мотор.

— Поехали. Нам нужно заправиться.

— Не вздумай ни с кем связываться, — в голосе Хенрика внезапно послышалась угроза, — мне с полицией дело иметь ни к чему.

— Не валяй дурака, — устало ответил я, — я тоже хочу с ним разобраться один на один. Ведь это как-никак мой напарник.

Заправочная станция встретила нас огненно-красной эмблемой, горящей в черном небе, и мне вспомнилось пламя, бушующее в логове Стампа.

Сонный парень, обслуживающий колонку, подошел к нам.

— Без глупостей, — сказал Хенрик, — учти, я с тебя глаз не спущу.

— Валяй, — отозвался я, — трудись. Сандра, детка, сходи в лавочку. Возьми нам сэндвичи и кофе. Только побыстрее. Деньги-то у тебя есть?

Она покачала головой.

— Я где-то потеряла сумочку. Не помню где.

Я выгреб из карманов мелочь:

— Держи. Этого должно хватить.

— Ни с кем не разговаривай и держись подальше от телефона, да так, чтобы я тебя видел, — угрюмо пригрозил Хенрик.

— Да отцепись ты от нее!

Сандра вышла из машины и своей плавной походкой направилась внутрь стеклянной коробки заправочной станции. Я повернулся к Хенрику.

— Слушай, хватит к ней цепляться. Ничего она тебе не сделает.

— Я никому не доверяю, — сухо отрезал Хенрик, — и тебе в том числе.

— Лишь бы добраться до Карса, — я холодно взглянул на него, — а потом мы с тобой разберемся, если тебе так уж этого хочется.

Сандра вскоре вернулась, принесла термос с горячим кофе и сэндвичи, и мы наскоро перекусили тут же в машине.

Потом я развернул карту, и мы вновь тронулись в путь. Бонтвейт располагался в часе езды отсюда, довольно далеко по местным меркам, когда даже до ближайшего города всего два часа пути.

Если бы не усталость, заставляющая меня напряженно сжимать руль и таращить слипающиеся глаза, я мог бы сказать, что доехали мы спокойно. Дорога была почти в порядке — лишь в одном месте пришлось перевалить через осыпь грунта, уже наполовину смытую многочисленными ливнями, а в другом, минуя крутой поворот, прижаться к самому краю обрыва из-за камнепада, перегородившего почти всю проезжую часть. Спутники мои все это время дремали, нагло предоставив мне самому бороться с трудностями. Уверен, впрочем, что Хенрик спал вполглаза и тут же проснулся бы, попробуй я предпринять что-нибудь не то. Но и он, однако, не сделал никакой попытки сменить меня у руля. Если бы мы ехали днем, окрестным пейзажем стоило бы полюбоваться — речкой, протекающей по дну ущелья, в бурной воде которой до сих пор играла форель; склонами, где темная зелень елей чередовалась с пятнами густого багрянца осенней листвы. Когда-то места эти были земным раем — несколько холодным и сыроватым, но полным величавой гармонии, как и положено настоящему раю. Теперь же всюду таилась непредсказуемая опасность, и мышцы моих рук, сжимающих руль, непроизвольно напрягались.

Наконец я остановил машину на крохотной площадке, где раньше окрестный люд устраивал пикники. Сам-то я не застал этого времени, но еще моя бабушка вспоминала, как девочкой приезжала сюда вместе с родителями. На Иванов день тут расставляли складные столики, жгли костры и жарили мясо на железных решетках. Теперь тут было пусто, беленькие домики потемнели от старости, а кое-где и обрушились, дорожки заросли травой, и только ветер свистел в густом кустарнике, обступившем поляну.

Мы выбрались из автомобиля. К перевалу вела узкая тропинка, кое-где размытая дождями, но, в общем, проходимая. Если у кадаров тут и была какая-нибудь секретная база, то она должна располагаться на гребне горы — иначе для связи со своими им потребовалась бы слишком мощная радиостанция. Станп был прав — другого подходящего места тут просто не было.

Небо на востоке чуть-чуть посветлело и приобрело зловещий зеленоватый оттенок, тучи разошлись — вернее, мы миновали пояс облачности, закрывавший низину, — и над головой сияли неправдоподобно яркие звезды, а над горизонтом, освещая безлесую верхушку горы, висел разбухший лунный диск. Просто не верилось, что там, на невероятной высоте, в

ледяном безмолвии космоса расположилась база чуждых нам существ. Только теперь я задумался о том, что они могли и впрямь представлять угрозу для человечества — до сих пор я привык считать их пребывание на Земле чем-то само собой разумеющимся. Прежде для меня они были привычной частью обыденной жизни — вроде дозиметристов на рыбном рынке бергенской гавани. Теперь же я увидел их совсем в ином свете — коварные создания, обманом вкравшиеся к нам в доверие. Они предложили нам помощь против тех напастей, которые сами же и принесли с собой.

Колючие ветви кустарников смыкались над тропинкой, и приходилось раздвигать их руками. Мы шли молча, и даже Сандра ни разу не пожаловалась — а ей, бедняжке, приходилось хуже всех.

Наконец мы оказались в узкой лощине, ведущей к гребню горы, и я увидел в равнодушном сиянии звезд темный контур приземистого строения.

Это и была та самая лыжная база.

В одном из окон горел одинокий огонек.

В руке у Хенрика тускло блеснул пистолет.

— Вот они, голубчики, — сказал он хриплым шепотом.

Я положил руку на плечо девушки.

— Мы пойдем туда первыми. Если будет безопасно, я дам тебе знать. А ты затаись пока где-нибудь в укромном месте, ладно?

Она молча кивнула. Умница, сообразила, что сейчас не время отстаивать свою женскую независимость.

Мы медленно начали карабкаться вверх по склону. По сравнению с отвесной стеной той чертовой башни это восхождение казалось сущим пустяком. Молодая, тщательно прореженная поросль искусственных насаждений давно уже превратилась в могучие деревья, а нижние ветви мрачных елей иногда образовывали, переплетаясь между собой, густой шатер, надежно укрывавший нас от посторонних глаз, — и отлично, ведь кадары видят в темноте гораздо лучше людей.

Медленно, осторожно, по-прежнему прячась за стволы деревьев, мы подобрались вплотную к дому. Это было небольшое деревянное строение, добротное и прочное, и в отличие от окрестных домишек вовсе не выглядевшее запущенным. Окно на втором этаже по-прежнему светилось неярким светом, двор был расчищен от сорняков и валежника, а на чисто выметенном крыльце маячила неясная фигура. Это был часовой — не замечая нас, он медленно переступал с ноги на ногу, время от времени бросая равнодушный взгляд на окрестности.

— Часового беру на себя, — шепотом сказал Хенрик.

Не успел я возразить, как он, пригнувшись, неслышно скользнул вдоль стены, направляясь к веранде. Двигался он с такой выверенной легкостью, что я сразу понял — если что, разобраться с ним будет трудно.

Я наблюдал.

Темная фигура вынырнула из тьмы, на миг слилась с фигурой часового на крыльце, и тот медленно осел на пол.

Хенрик махнул мне рукой. Я перескочил через перила веранды, стараясь двигаться так же бесшумно — неизвестно, сколько человек, а еще вернее, кадаров, было в доме, — и присоединился к нему.

Я думал, что он просто вырубил часового, но в руке у Хенрика сверкнуло лезвие ножа.

Он вытер его о рукав, сложил нож и спрятал в карман.

— Зря ты...

— Это всего лишь кадар, — ответил он холодно.

Я перевернул тело. В широко раскрытых глазах кадара отразился лунный свет. Не слишком хорошо я распознаю их в лицо, но по крайней мере одно было ясно — это не Карс.

— Ладно... — я поднялся с колен. — Не очень орудуй пером-то.

Он пожал плечами.

— Одним больше, одним меньше...

— Один из них нам нужен живым. Ты уверен, что можешь узнать его да еще в темноте?

На миг он замялся.

— То-то же, — устало сказал я.

Чуть слышно скрипнула калитка, и я увидел стройную фигурку Сандры, облитую холодным светом луны.

Она поднялась по подъездной дороге.

Я махнул рукой, показывая, что путь свободен, и Sandra, осторожно ступая по потрескавшимся плитам дорожки, подошла к крыльцу. Я помог ей подняться по ступенькам.

— Господи! — негромко вскрикнула она, осмотревшись. — Вы опять кого-то убили.

— Хенрик говорит, что это всего лишь кадар, — холодно отозвался я.

Она пожала плечами.

— По крайней мере это не Карс?

— Да ладно вам, — пробормотал Хенрик, — если тебе так хочется, сам будешь скручивать им шеи. А я люблю юсь.

— Держись за нами, — сказал я девушке.

Она молча кивнула.

Я приоткрыл дверь, ведущую в холл. Планировка таких гостиниц повсюду одна и та же — на первом этаже гостиная и служебные помещения, на втором — спальни и душевые. Судя по тому, что свет в окнах первого этажа не горел, единственный его обитатель уже лежал на крыльце в луже крови. Тем не менее мы продвигались с осторожностью, следуя вдоль стены пустого холла к ведущей наверх крутой лестнице. Наконец я нащупал рукой перила. Ступенька у меня под ногой тоненько скрипнула. Осторожно, затаив дыхание, я стал подниматься наверх. Остальные за мной. Меня грызла странная тоска, и я почти хотел, чтобы в той комнате с освещенным окном оказался не Карс, а кто-нибудь другой.

В коридоре мягкая ковровая дорожка глушила звук шагов. Добравшись до двери, из которой, пересекая коридор, падала полоска света, я, сделав предупредительный знак рукой, приткнулся к щели. Там, внутри, находился один-единственный постоялец — кадар. Он возился у радиации, водруженной на стол. Стоял он ко мне спиной, но я узнал его.

Пинком ноги я распахнул дверь.

— Привет, Карс, — сказал я, — что ж, теперь твоя очередь. Руки за голову.

Он медленно обернулся.

— Не ожидал, верно? — и я направил на него пистолет.

— Не знаю, Олаф, — медленно отозвался он, — пожалуй, что ожидал.

— Отойти от стола. Спокойно, не торопись...

— Сейчас я обработаю эту тварь, — Хенрик неслышно вынырнул у меня из-за спины.

— Нет, Хенрик, погоди... я сам...

— Лучше не мешай мне, инспектор, — сказал Хенрик сквозь зубы.

Вот черт! Не хватало мне еще драться с этим психом.

— Он твой напарник. Может, тебе и жаль его, как знать? А для меня он просто сволочь инопланетная. Я с ним быстро разберусь.

— Осторожно, Олаф, — сказал Карс, — он и тебя убьет.

Нужно отдать ему должное, соображал он быстро. Сразу попытался вбить клин между нами.

— Никого он не убьет, — раздался мягкий голос Сандры.

Я быстро обернулся, по-прежнему держа Карса под прицелом.

Сандра стояла вплотную к Хенрику, прижимая дуло пистолета к его затылку.

— Черт! — поразился я. — Откуда у тебя оружие?

— Подобрала там, внизу. Стой спокойно, Хенрик, иначе у вас дело и впрямь дойдет до драки, а выиграет от этого только вот он, — и она кивнула на Карса.

— Вы оба психи, — проворчал Хенрик, но не двинулся с места.

Я ногой придвинул стул и сел.

— Где бумаги? — обратился я к Карсу. — Ты же понимаешь, если сам не скажешь, мы тут все перевернем.

— Я их уничтожил, Олаф. Правда.

Я прищурился:

— И что же в них было?

Он удивился:

— Ты не знаешь? Я думал, Стамп...

— Ах, вот как! Значит, тебе известно о Стампе! Скажи, неужели тебе его совсем не жалко? Ни его, ни остальных погибших?

Глаза у Карса до половины затянуло мутной пленкой — третьим веком, как всегда у кадаров в моменты сильного душевного напряжения.

— Жалко, Олаф... Но что можно было поделаться? От этих бумаг слишком многое зависит.

— Да что от них зависит, черт возьми?

— Благополучие всей планеты.

— Ах ты, сука! — прохрипел Хенрик и дернулся было по направлению к Карсу. Сандра ткнула ему в затылок дулом пистолета.

— Спокойно.

— Да ты только послушай, о чем эта тварь толкует! Благополучие всей планеты! Это же вы, ублюдки, устроили нам этот ад! А теперь имеете наглость утверждать, что действовали из добрых побуждений? Да я тебя по стенке размажу!

— Не горячись! — устало сказал я. — Послушай, Карс, ты и без меня знаешь, что прокололся. Там был еще компакт. Сейчас он в надежном месте. Уверю тебя, все эти сведения все равно всплывут на поверхность, слишком уж далеко все зашло, да и вы засветились. Вы же такую бучу в городе подняли, что любой идиот из муниципалки с легкостью выяснит, кто за этим стоит. Не дури, выкладывай все как есть. Поговорим спокойно. Потом, может, и возможности такой не будет.

Я старался и вправду говорить спокойно, хотя больше всего сейчас мне хотелось схватить этого мерзавца за шиворот и вытрясти из него душу.

— Ты ведь отлично знаешь, что там, в этих бумагах. Даже если ты их действительно уничтожил, ты наверняка просмотрел их прежде, чем сжечь, или что ты там с ними сделал.

Да и раньше ты знал, что в них содержится, хотя бы приблизительно, — иначе ваши не стали бы за ними так гоняться. Там расшифровки всех переговоров кадров с орбитальной базой — и уж наверняка в них найдется что-то очень интересное. Мало того, Ионеску удалось доказать, что появление тугов связано с первым контактом, а возможно, и взрыв ракетной установки на Мексиканском нагорье — тоже ваших рук дело. Ну а теперь говори, зачем вам все это понадобилось?

Он покачал головой:

— Я не могу, Олаф!

— Не можешь? Отлично! Сейчас Хенрик по твоей же рации свяжется с управлением. Через полчаса прилетит вертолет. А дальше ты будешь объясняться уже не со мной. Я умываю руки.

И я для наглядности развалился в кресле как можно нахальнее.

Карс продолжал тарачиться на меня — не столько испуганно, сколько удивленно.

— Слушай, — я окончательно вышел из терпения, — хватит валять дурака. Что ты уставился? Не хочешь отвечать — не надо. Нужно было сдать тебя в руки полиции с самого начала, а не разговаривать.

— У тебя нет никаких доказательств, — возразил Карс, — кто тебе поверит?

— Теперь поверят. И доказательства есть. Компакт-диск. Вот эта ваша база. И тот шабаш, что вы устроили в городе. Хватит?

Он подумал. Потом повернулся к Хенрику:

— Вы ведь из организации «Свободная Земля», верно? Хенрик Ларссен? У нас есть на вас кое-какие данные.

— Я в восторге, — мрачно отозвался Хенрик.

— Возьмите стул и сядьте. Мне не нравится, что вы все время на меня швыряетесь. Ладно. Я и сам думаю, что дело зашло слишком далеко. Возможно, мы ошибались с самого начала. Выработали неправильную стратегию. Если обещаете сидеть спокойно, я вам кое-что расскажу.

— Учти, он тянет время, — предупредил Хенрик.

— Ничего я не тяну. Но, если хотите, можете увести меня отсюда. Поговорим в месте, которое вы считаете безопасным. Если такие вообще остались.

— Хорошо, — наконец проговорил Хенрик. — Сядь туда, к стенке. И держи руки за головой. Я тебя знаю. А ты, Перелли, опусти пистолет. Мне уже надоело стоять столбом. Я согласен его выслушать.

Еще несколько минут ушло на то, чтобы все расселись по местам. Хенрик сел вполоборота к дверному проему, Карс — в противоположный угол, а Сандра устроилась рядом с рацией. При этом все подозрительно косились друг на друга, а я по-прежнему держал Карса на прицеле.

Наконец все слегка успокоились.

— Валяй, — сказал я, — выкладывай. И не крути больше, и так тошно.

— Я собираюсь совершить преступление, — уныло начал Карс.

— Ты и так уже совершил. Причем не одно, — напомнил я.

— Я не имею в виду ваши законы. Я собираюсь преступить наши. Собираюсь рассказать вам правду. Возьму всю ответственность под себя.

— На себя, — машинально поправил я.

— Что? Ладно, не важно. Вы думаете, что во всем виноваты мы, потому что связали

наше появление со Смутным временем и всеми последующими бедами. Вы правы, но только отчасти.

— Что значит «отчасти»? — спросил я.

— Мы и вправду появились потому, что у вас тут начались неприятности. Но в самих неприятностях мы не виноваты.

— Ты мне мозги не крути! — вновь взорвался Хенрик. — А кто тогда виноват? Стоило Ионеску еще сто лет назад докопаться до правды, как вы его ухлопали. Что, не так?

— Мы и вправду его ухлопали, — охотно согласился Карс, — и еще кое-кого. Иначе все бы пошло пухом.

— Прахом...

— Да. Хреново бы, в общем, пошло. Нам бы велели убираться отсюда, миссии бы закрыли, сотрудничеству бы пришел конец — и что бы мы тогда делали?

— Отправились бы обратно, — сказал я сухо. — Домой. На свою планету.

Карс странно поглядел на меня.

— Вы еще не поняли? Нам некуда отправляться. Нет у нас никакой родной планеты.

— Что за чушь, — медленно сказал Хенрик.

— Погоди. Пусть он договорит.

— Мы — космические кочевники, — пояснил Карс, — по-вашему — бездомные бродяги. У нас только и есть, что база на Луне, на Марсе, да еще наш межзвездный корабль на внешней орбите.

— И сколько же там вас, кадров, всего?

— Полторы тысячи. И еще полторы — на Земле. Маловато для могущественного народа, верно, Хенрик?

— Значит, вы собираетесь уничтожить все человечество, чтобы поселиться здесь, — мрачно пояснил Карсу Хенрик, — дожждаться, пока оно вымрет, а потом спокойно тут обосноваться. Конечно! Вас слишком мало, чтобы вступить в открытую схватку.

— Нас слишком мало, чтобы заселить эту планету — вообще любую планету, — печально отозвался Карс. — Мы — вымирающая раса. И нам вовсе не нужна ваша планета. Не больше, чем все остальные.

— Какие это — остальные?

— Все началось с нашей собственной, — пояснил Карс. — В отличие от вас мы вышли в космос, начали осваивать околосолярное пространство. Потом на орбите одной из внешних планет мы построили верфь, где начали делать огромный межзвездный корабль — вы бы назвали его ковчегом. Мы собирались странствовать от звезды к звезде, а может — и основать где-нибудь колонию, если бы удалось найти планету с подходящими для жизни условиями. Мы были молодой, энергичной расой, а наша планета была сильно перенаселена. Построив несколько таких кораблей, мы отправились в путь. Мои предки были на одном из них. Но в ближайших звездных системах ничего подходящего найти не удалось. Пространствовав в космосе больше ста ваших лет, корабль возвратился в родную систему. Он требовал ремонта, и мы причалили к верфи. Все мечтали наконец-то вернуться домой, но, когда мы попытались связаться с нашей родной планетой, оказалось, что она не отвечает на наши позывные. Тогда мы решили снарядить разведывательный бот и отправить его туда. Когда он наконец возвратился, выяснились ужасные вещи. Людей — я имею в виду представителей нашей расы — на планете осталась практически горстка. Все началось с цепочки каких-то странных катастроф. Сначала взорвался крупный завод, производящий

топливо для межпланетных кораблей, потом — несколько атомных электростанций. И все — по совершенно непонятной причине. Вся планета была покрыта слоем радиоактивных осадков. Потом, несколько лет спустя, уцелевшие словно сошли с ума — начались совершенно дикие, жестокие и немотивированные убийства, какие-то необъяснимые, пугающие происшествия. Сначала в ненаселенных местах, а потом и в городах появились чудовища — мы так и не знаем, откуда они взялись. Может, это были люди-мутанты, может — животные... Экипаж разведывательного катера состоял из ста двадцати кадаров, на верфь вернулись всего тридцать. И тех пришлось лечить, а несколько пилотов просто сошли с ума. Что нам было делать? Мы обосновались на верфи, облетели базы на всех внешних планетах, подобрали всех уцелевших, дождались возвращения остальных межзвездных ковчегов, объединили их в один огромный корабль — и пустились в плавание. Конечно, мы искали планету, пригодную для обитания, мир, который мог бы стать нашим домом, — но еще отчаянней искали мы разумную жизнь. Нас было так мало — а Вселенная так велика. Что такое для нее три тысячи мыслящих существ? Нам было так одиноко... Вы не представляете себе, что это такое — блуждать во тьме без надежды, без ответа...

...Во время наших странствий по Вселенной нам попало несколько планет с разумной жизнью. Вернее, планет, когда-то населенных разумной жизнью. Но все они были пусты — развалины, покрытые радиоактивной пылью, и горстка чудовищ, пожирающих друг друга, — вот все, что осталось от некогда могущественных цивилизаций. Словно везде действовала какая-то злоеущая чума — та самая, что погубила и нашу планету. Невидимое, но тем не менее очень действенное зло. Стоило цивилизации достигнуть определенного технического уровня, как она погибала в корчах и муках.

Корабль наш продолжал кочевать от звезды к звезде. Поколения на нем сменялись поколениями, хотя по вашим меркам мы — настоящие долгожители. И вот наконец нам повезло — пролетая мимо вашей Солнечной системы, наши приборы зарегистрировали вспышку излучения. Оно шло с третьей планеты. Там еще существовала разумная жизнь, и ей грозила опасность!

— Да какая же, черт возьми, опасность? — сердито спросил Хенрик.

— В том-то и беда, что о природе этой опасности нам ничего не было известно. Мы наблюдали лишь результаты ее действия. А здесь, кажется, нам впервые представилась возможность застать ее в зародыше. А может, и найти виновных — какой-то злокозненный разум, темную силу, действующую исподтишка и уничтожающую целые планеты. Как она проявляет себя? Как действует?

Сначала мы оставались просто наблюдателями — вывели наш ковчег на околоземную орбиту, построили на Луне и на Марсе стационарные базы... Мы начали принимать ваши теле- и радиопередачи, изучили ваш язык...

— Что-то плохо вы его изучили, — заметил я.

— Мы никогда не отличались особыми способностями к языкам, — сокрушенно отозвался Карс. — А у вас их несколько, и все такие сложные. У вас даже внутри одного языка несколько разных жаргонов — профессиональный, бытовой, уличный, официальный... у нас такого нет. Кстати, язык вашей прессы и политических деятелей — это же одни сплошные штампы!

— Как-нибудь без тебя разберемся, — холодно перебил Хенрик.

— Это я так, к слову. Ну вот, когда мы более-менее освоились, начали разрабатывать стратегию внедрения в ваше общество. Нам нужно было понаблюдать за вами изнутри, с

поверхности планеты, но мы боялись себя выдать. Вдруг это неведомое зло начнет избирательно уничтожать нас, если догадается, что мы знаем о его существовании? Или ваши власти откажут нам в высадке, если поймут, что мы — не могущественная цивилизация, с которой не стоит портить отношения, а всего лишь население одного-единственного корабля, пусть даже и очень большого? Поэтому, когда появились туги, мы решили вмешаться. Мы поняли, что это — начало конца. И может, мы, приблизительно зная, что происходит на самом деле, сможем найти что-то, что упустили раньше?

Хенрик угрюмо сказал:

— Знай мы тогда, кто вы такие, ноги бы вашей на Земле не было!

— Вот именно, — грустно ответил Карс. — Нам приходилось скрывать, что мы беспомощны, что у нас нет дома, что за нами не стоит могущественная цивилизация... И все это время мы продолжали наблюдать, надеясь, что эта темная сила выдаст себя. Поэтому, когда Ионеску связал наше появление с теми бедами, которые на вас свалились, нам пришлось его устранить. Мы боялись, что ему поверят и нас вышлют с Земли. И тогда уже ничего нельзя будет сделать!

— Ну и как, — с интересом спросила Сандра, — выдала?

— Что?

— Ты сказал, вы рассчитывали, что, если никто не будет знать, зачем вы в действительности сюда прибыли, вам удастся раскрыть механизм этой странной галактической напасти. И как, удалось?

Карс вздохнул.

— Боюсь, что мы по-прежнему в неведении. Все мы — те, кто работает резидентами на Земле, — постоянно собираем данные и отправляем их на базу. Там с ними работают наши ученые и аналитики. Но ни к какому единому выводу они так и не пришли. Ты мне веришь, Олаф? Мне очень важно, чтобы ты мне поверил. Человечеству угрожает огромная опасность. А мы ничего не в силах сделать — даже не можем понять, откуда она исходит. Стараясь вам помочь, мы только наделали бед...

— Не знаю, — нерешительно проговорил я, — мне нужно все обдумать. Нужно привыкнуть к этой мысли.

— Он просто пудрит нам мозги, — яростно произнес Хенрик, — разве вы не понимаете? Он выдумал все это, чтобы сбить вас с толку. Они, видите ли, тут ни при чем! Во всем виновата какая-то темная сила!

— Послушайте, Хенрик, — вступилась Сандра, — а вдруг он действительно прав?

— Держи карман шире!

— Про карман я что-то слышал, — оживился Карс, — это, по-моему, значит — в четверг после дождя?

— Слушай, оставь ты эти крылатые фразы! Почему ты никогда не изъясняешься нормально?

— Нас учили, речь нужно оживлять.

— Оживляй как-нибудь по-другому.

— Почему бы не пристрелить этого идиота? — вспыхнул Хенрик.

— Потому что он — мой напарник. Этого достаточно?

— Только потому, что он не пристрелил тебя, когда мог это сделать?

— Уймись, Хенрик. Нужно доставить его в управление. Пускай они сами с ним разбираются.

— Как они с ним разберутся? Погонят его через детектор? Ты не хуже меня знаешь, что детектор лжи не рассчитан на кадаров. И сыворотка правды — тоже.

— Что же ты предлагаешь? Пытать его?

— Вы тут все озверели, — брезгливо произнесла Сандра. — Вы хуже тугов.

— Убить эту тварь, — сказал Хенрик, — а потом обнародовать материалы. И пусть они попрыгают!

— Вы делаете большую ошибку, Хенрик, — тихо сказал Карс. — Вы только спровоцируете массовые расправы над кадарами — и все. Вас, землян, это все равно не спасет.

— Уж мы как-нибудь сами разберемся.

Обстановка опять начинала накаляться, и я с ужасом прикидывал, что, если дело дойдет до прямой схватки, мне придется нелегко... я так и не знал, кому верить. Голова шла кругом. Чего в действительности хотят от нас кадары? Помочь нам? Уничтожить нас? Как теперь к ним относиться? Ненависть, которую испытывал к ним Хенрик, была, по крайней мере, понятна... и слишком прямолинейна.

А если что-то в глубине души подсказывало мне, что Карс на этот раз не врет, могу ли я полагаться на интуицию там, где речь идет даже не о моей жизни, а о вещах неизмеримо более важных? Одно я твердо решил — хватит с меня смертей. За последние дни их было слишком много.

Не знаю, до чего бы все дошло, как вдруг передатчик, стоявший на столе, заработал. Тихий мелодичный сигнал прервал мои размышления.

Хенрик насторожился. Сандра вновь наставила на него пистолет. Я, не спуская глаз с Карса, спросил:

— Кто тебя вызывает?

Он растерянно захлопал глазами:

— Не знаю. Сеанс связи по графику должен быть только утром.

Я прикинул — если это экстренный вызов и он на него не ответит, не начнут ли его дружки подозревать неладное... с другой стороны — как знать, что он ответит им... на незнакомом-то языке? У него были все возможности поднять тревогу, и мы бессильны что-либо предпринять.

— Ладно, — сказал Хенрик, — нужно выметаться отсюда. Кончаем эту сволочь и сматываемся.

— Не лучше ли связать его и взять с собой? — возразил я.

— Он нам больше не нужен. От него нет никакого толку. Ты же слышал, что он несет!

Я, по-прежнему не сводя глаз с Карса и не опуская пистолет, подошел к рации и повернул рубильник... Треск атмосферных разрядов, а потом очень знакомый голос:

— Олаф, ты там?

У меня в буквальном смысле отвисла челюсть.

— Да, Антон.

— Так я и думал. А твой идиот-напарник?

— Тоже...

— Отлично. Хватит дурака валять, бери его, и приезжайте в управление. Вы мне нужны. Кто еще с вами?

— Доктор Перелли, — неуверенно ответил я, — еще Ларссен.

— Террорист?

Я тупо кивнул, но потом все же сообразил, что Антон меня не видит, и выговорил:

— Ага...

— Скажи ему, пусть тоже приезжает. Безопасность я ему гарантирую. Мне будет спокойней, если вы все окажетесь вместе, у меня под присмотром, а не будете носиться по городу друг за другом. Вы уже наделали слишком много глупостей. И поторапливайтесь. По моим данным, этой базой уже заинтересовались.

— Слушаюсь, шеф!

Я многозначительно оглядел собрание.

— Слышали?

— Я всегда думал, что Антон знает больше, чем говорит, — заметил Карс. — Людей тоже не нужно недооценивать — сколько раз я пытался втолковать это своим. Не такие уж они безнадежные дураки, как это кажется на первый взгляд.

— Еще одно слово, и я заткну тебе пасть, — сказал Хенрик, впрочем, уже не так уверенно, как прежде. По-моему, он просто упражнялся, чтобы не потерять форму.

Я повел дулом пистолета по направлению к двери.

— Давайте двигайтесь. Расслабься, Хенрик: раз Антон сказал, что неприятностей у тебя не будет, значит, их не будет. Он всегда держит слово.

Мы вышли на крыльцо. Ветер стих, над дальними вершинами гор волнами перекатывались сполохи северного сияния. Казалось, воздух, насыщенный электричеством, чуть слышно потрескивает, и этот тихий шорох был единственным звуком среди молчаливого величия осенней ночи.

Звезды, такие пугающе яркие еще несколько часов назад, потускнели и мирно подмигивали, словно огни далеких кораблей во мраке Северного моря. Занимался рассвет.

ЧАСТЬ 2
РАССВЕТ

* * *

Берген, управление
30 октября 2128 года
8 часов утра

Когда машина вырулила на стоянку перед управлением, совсем рассвело, но рабочий день лишь начинался — помещения еще были пусты, если не считать одинокого дежурного у входа. Когда я вместе с остальными своими спутниками шел по коридору, меня преследовало странное ощущение — по-моему, французы называют его «дежа вю», — словно все это в точности уже когда-то было. Это потому, подумал я, что я еще не забыл тот миг, когда я вот так же торопился, откликнувшись на ночной вызов Антона. Кто мог бы тогда подумать, что рутинное задание обернется таким кошмаром? Я искоса взглянул на Сандру, шагавшую рядом со мной, — бледная, измученная, она тем не менее умудрилась сохранить свою яркую, вызывающую красоту и в этих угрюмых стенах казалась пришельницей из иного, жизнерадостного и цветущего мира. Карс тащился сзади, и вид у него был по-прежнему виноватый. Хенрик следовал чуть поодаль, напряженный, готовый к любой неожиданности. Но все было тихо. Свет горел лишь за стеклянной перегородкой, в кабинете Антона. Должно быть, Антон просто не заметил, что уже наступило утро...

Я осторожно постучал и, услышав знакомое: «Валяй заходи», открыл двери.

Антон сидел за столом, заваленным ворохом каких-то сводок; вид у него был усталый; пожалуй, впервые за все время нашего знакомства на лице его можно было прочесть хоть какие-то эмоции.

— Поздравляю! — произнес он, когда мы, войдя в кабинет, остановились перед столом. — Ну и наделали же вы дел!

Я почувствовал себя точно нашкодивший мальчишка — такое, впрочем, не раз уже бывало. Антон умел поставить на место без лишних слов.

— Весь город переполошили, носитесь друг за другом, стреляете. Приличный человек из-за вас погиб!

— Я, что ли, к нему в двери ломился? — мрачно сказал Хенрик. По-моему, он тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

— Это почти одно и то же, — отрезал Антон, — надо быть полным непрофессионалом, чтобы навести на него дружков вот этого интригана, — и он кивнул в сторону Карса.

«Непрофессионал» — слово, в общем, безобидное, но у Антона оно прозвучало как оскорбление. Да он и вправду считал непрофессионализм худшим пороком. Что угодно мог спустить, только не это. Я это знал, но и Хенрик, похоже, был задет до глубины души. Я с изумлением заметил, что он краснеет.

— Ладно, — примирительно сказал Антон, — хоть этим все ваши подвиги ограничились. Вы могли наделать еще больших бед. Если бы не доктор Перелли...

У меня отвисла челюсть, и я захлопнул ее только нечеловеческим волевым усилием.

— Она-то тут при чем?

Антон поглядел на меня, и в его сонных глазах мелькнула насмешка.

— А как, по-вашему, мне удалось вас вовремя выловить? Она ведь тоже работает на Особый отдел, не только вы, братья-разбойники. Только в отличие от вас у нее несколько

другая специализация. Да и мозгов в голове чуть побольше.

Я по-прежнему таращился то на Антона, то на Сандру, не в состоянии вымолвить ни слова.

— Ладно, — примирительно сказал наконец Антон, — в ногах правды нет. Берите стулья, садитесь. Похоже, нам пора поговорить откровенно. Чем, по-вашему, занимается Особый отдел?

Я поглядел на него в некотором замешательстве. У него что, крыша поехала?

— Особо опасными преступниками, — сказал я терпеливо, — тугами.

— Конечно, разумеется. А поскольку они действительно опасны и поскольку справиться с ними под силу только очень тренированному человеку — заметьте, я говорю не «очень проницательному», а «очень тренированному», — то мы и держим в штате очень тренированных сотрудников.

Я поразмыслил, считать ли это комплиментом или оскорблением, и пришел к неутешительному выводу.

— Не расстраивайся, Олаф, — сказал Антон, — ты и вправду хороший работник. Но Особый отдел на то и Особый, чтобы заниматься всякими из ряда вон выходящими происшествиями. Он существует в настоящем своем виде уже больше полувека. И за все это время сюда поступают самые разнообразные сводки. Особенно участились они в последние годы. Не о тугах, нет, хотя с ними тоже далеко не все понятно — просто о разных необъяснимых событиях. Странные исчезновения, нелепые слухи, паранормальные явления, пробуждение наследственной памяти, появление каких-то оборотней... Нелепости, казалось бы, каждая в отдельности ничего не значит, но все вместе... У нас есть свои аналитики — об этом позаботилась ООН, или, вернее, то, что от нее осталось. Они пришли на основании этих материалов к выводу, что на Земле подспудно вызревают какие-то очень серьезные процессы, но источник этих перемен нам пока, увы, неизвестен. Сначала мы грешили на кадров...

Он повернулся к Карсу.

— Не нужно, извиняюсь, быть лауреатом Нобелевской премии, чтобы догадаться, что вы появились тут неспроста. И наши ребята давно уже сложили два и два, получив это самое четыре. Непонятно было только, какая реальная роль отводится кадарам во всем этом... Вроде бы они ничего такого не делают... стараются... вообще безобидные ребята. На всякий случай удобно было держать их всех под наблюдением, сконцентрировать где-то; и их желание сотрудничать с нами, с Особым отделом, было просто подарком судьбы. Но до тех пор, пока вы, голубчики, не начали носиться друг за другом по всему городу, как дети, играющие в войну, нам не удавалось как-то выявить их деятельность. Ну, теперь-то все понятно. И то хорошо.

Он вздохнул и рассеянно переложил бумаги на столе.

— Я, в общем-то, рад, что они не оказались такими уж клиническими злодеями, как кое-кто полагал, — он кивнул в сторону Хенрика. — За все время их пребывания на Земле что мы видим? Мелкие промахи, умеренные подлости, пара-другая убийств... обычные политические интриги, далеко не межпланетного размаха. Да мы, люди, им в этом можем дать сто очков вперед. А то, что они все время пытались действовать исподтишка, обходным путем, навело меня еще на кое-какие мысли. — Он вновь обернулся к Карсу: — Не стоит за вами никакой грозной цивилизации. Я прав?

— Антон, это скорострельный вывод, — обиженно сказал Карс.

Я машинально поправил:

— Скоропалительный.

Он с готовностью повторил:

— Скоропалительный... — И, помолчав, добавил: — Но верный.

— Ну и ладно, — примирительно сказал Антон, — так вот, если мы примем гипотезу, что эти космические болванчики тут ни при чем, естественно, возникает вопрос о реальной движущей силе всех этих событий. Я хочу, чтобы вы просмотрели сводки, которые к нам поступают, — хотя бы выборочно, — а потом поговорим. Раз уж вы попали в гущу событий, нет смысла держать вас на рутинной работе. У нас имеются группы, которые направлены заниматься сбором и анализом всей мало-мальски подозрительной информации... оперативников там, правда, нет. Но, может, как раз сейчас они и понадобятся, кто знает?

Он взглянул на часы.

— Жду вас у себя в кабинете в четырнадцать ноль- ноль. А пока вы свободны. В пределах управления, конечно. Приведите себя в порядок, отдохните... вам это не помешает. Все.

И он встал из-за стола.

Мы вышли в коридор. При дежурке была небольшая комната отдыха, где стояла пара коек, а в правом крыле здания имелись еще и камеры предварительного заключения. Честно говоря, они были ничем не хуже этой дежурки, и я направился туда. Там можно было хоть расслабиться в одиночестве, а мрачная физиономия Хенрика да и рожа моего дорогого напарника мне, честно говоря, порядком осточертели... Да и еще кое-что было, что грызло мне душу.

Так что я повернулся и уже шел по коридору, ведущему в правое крыло, когда услышал за спиной тихий оклик:

— Олаф!

Я не обернулся.

Стук каблучков, мягко отдававшийся эхом в стенах коридора, стал отчетливей, и наконец я почувствовал, как рука Сандры легла мне на локоть.

— Ты сердисься, Олаф? — мягко спросила она.

— На что? — холодно отозвался я.

— Ну... что я не сказала тебе всего.

Я пожал плечами:

— Это твоя работа.

Она вздохнула.

— Что поделаешь? Уж таковы правила Особого отдела, что сотрудники не всегда знают о существовании других подразделений. Ты же сам должен понимать, что такое служебная тайна! — жалобно добавила она. — А что мне было делать? Вдобавок я и понятия не имела, кому можно доверять, а кому — нет... — Она неуверенно улыбнулась: — Кроме тебя, конечно.

Не такой уж я полный идиот. Это она просто польстила мне, чтобы я злился поменьше.

— Так ты никакой не психолог?

Она приподняла четкие брови.

— Разумеется, психолог. И медэксперт вдобавок. И немного знакома с математикой. А как же иначе? Нас очень хорошо готовят. Ведь никогда не знаешь, что именно может пригодиться!

— Отлично! — сказал я по-прежнему холодно. — Приятно иметь дело с хорошим специалистом.

Я сбросил ее руку, все еще лежавшую на моем локте, и пошел дальше.

— Олаф! — жалобно проговорила она мне вслед. — Но я же тебя не обманывала! Просто не сказала тебе, что есть еще одно подразделение, которое занимается немножко другими вопросами. Ведь, в сущности, я работаю там же, где и ты! Что же ты на меня обижаешься?

Я замедлил шаг. Действительно, почему я на нее обижаюсь? То, что у нас все так засекречены, что и не подозревают о существовании параллельных служб, — дело-то, в сущности, обычное. Просто меня грызло неприятное ощущение, что меня держат за человека, который умеет только бегать и стрелять, если за него думает кто-то другой, вроде этих дистанционно управляемых смертников-зомби... Ну, короче, за дурака... А вдруг они правы? И я действительно больше ни на что не гожусь? Туповатый, но добросовестный Олаф Матиссен, ну что с него взять?

И я почувствовал, что лицо мое заливают жаркая волна стыда. Кажется, даже уши покраснели.

— Ладно, — пробормотал я, — что уж тут поделаешь... Как ты умудрилась связаться с Антоном? Хенрик же с тебя глаз не спускал!

— Отдала записку продавцу на бензоколонке, когда покупала кофе и сэндвичи, помнишь? И попросила его связаться по такому-то номеру телефона и сказать то-то и то-то.

— Всего-навсего?

Она чуть заметно усмехнулась.

— А ты что думал?

Вся беда в том, что я вообще ничего не думал. События последних дней шарахнули меня по голове, вышибив остатки соображения не хуже, чем какой-нибудь хороший свинг левой профессионального боксера. Я все еще продолжал нерешительно топтаться на месте, когда она подошла поближе и, привстав на цыпочки, нежно меня поцеловала.

— Я еще не поблагодарила тебя за то, что ты меня вытащил из того подземелья, — сказала она. — Ты был великолепен! Но у нас впереди еще много времени. А сейчас тебе нужно отдохнуть. Всем нам нужно. Предстоит большая работа. Увидимся в два.

И она, повернувшись, пошла прочь по коридору, цокая каблучками. Какое-то время я тупо смотрел ей вслед, потом, пожав плечами, направился в свою каталажку. Сейчас мне хотелось только одного — как следует выспаться.

Но как следует выспаться опять не удалось — не такой уж Антон человек, чтобы давать поблажки своим сотрудникам. Казалось, я только глаза сомкнул, а меня уже будил угрюмый дежурный. Единственное, что меня немного с ним примирило, — это поднос с чашкой кофе, который он приволок с собой. Он поставил поднос на пол рядом с моей койкой и буркнул:

— Собирайтесь. Шеф велел вам поторопиться.

Я взглянул на часы. Черт! Без четверти два! Я спал чуть больше четырех часов — а казалось, мог проспать бы целые сутки, дай только волю.

— Антон сказал, что горячий душ и чистая рубашка пойдут вам на пользу. — Пока я расправлялся с кофе, дежурный изучал меня с холодным интересом, словно я и впрямь был каким-то запертым в камеру нежелательным элементом. — Где душевые вы, надеюсь, еще помните?

Я оставил чашку и с удовольствием потянулся.

— Вчера вроде помнил.

В глазах у дежурного мелькнул какой-то намек на сочувствие.

— Ну и видок же у вас, — заметил он, — на вас что, асфальтовый каток наехал?

— Парень, я предпочел бы каток, — почти искренне ответил я.

... Горячий душ и чистая рубашка воскресили меня к новой жизни — не скажу, что я с готовностью согласился бы ринуться в новые передряги сломя голову, но, по крайней мере, вновь ощутил, что голова у меня на плечах все же имеется.

В кабинете Антона все оставалось по-прежнему, только ворох бумаг был аккуратно разложен на три стопки, и Хенрик с Карсом уже углубились в чтение. Я поискал глазами Сандру — она, склонившись над сервировочным столиком, разливала в чашки кофе. Антон, поймав мой взгляд, ухмыльнулся:

— Она уже это видела. Это — для вас троих.

Я пожал плечами. Уж такой он был человек, Антон, что не упускал возможности лишней раз прищемить мне хвост.

Распространяться на эту тему я не стал. Придвинул стул и взялся за оставшуюся стопку сводок.

«Патрик О'Нил, грузчик дублинского аэропорта. Отец — потомственный шахтер, мать — домохозяйка. Возраст — 48 лет, умственные способности — ниже среднего; хобби — коллекционирование пробок от пивных бутылок. Вплоть до настоящего времени никаких видимых отклонений в поведении не наблюдалось, если не считать пресловутой ирландской вспыльчивости, из-за которой он в 2127 году подвергся двухнедельному тюремному заключению. Выпущен под залог в мае 2127 года. Во время пребывания Патрика в тюрьме врач, пользующийся заключенного, получившего в драке черепно-мозговую травму, нанесенную тяжелым предметом, вероятнее всего бутылкой, обратил внимание на то, что больной в бреду говорит на неизвестном языке. Специалисты, которым он давал прослушать магнитофонную запись, терялись в догадках, пока наконец запись чисто случайно не попала к профессору кафедры мертвых языков Кембриджского университета доктору Ричарду Баттерби, который заключил, что, весьма вероятно, Патрик изъяснялся на одном из коптских наречий, исчезнувшем более двух тысяч лет назад. Поразительно то, что О'Нил ни при каких обстоятельствах не мог столкнуться с этим языком хотя бы косвенно — если учесть, в каких условиях он рос и воспитывался. Оправившись от последствий удара, он, казалось бы, полностью вернулся в свое исходное состояние и не помнил ничего из того, что происходило с ним после травмы. Тем не менее решено было установить за ним дополнительное наблюдение, для чего наш агент устроился на работу в одну с О'Нилом бригаду. После двух недель совместной работы им были отмечены и другие странности в поведении объекта: временами он прерывал работу и, глядя в одну точку, начинал что-то бормотать, причем создавалось полное впечатление, что он отвечает невидимому собеседнику. Ранее неспособный даже к простейшим математическим расчетам, он вдруг стал проявлять поразительную способность складывать в уме пятизначные цифры и моментально переводить принятые в Европе меры веса в фунты и наоборот. Причем сам он затруднялся объяснить, как именно это у него получается. «Это

просто вдруг вспыхивает у меня в голове, и все», — говорил он.

Раньше он слыл человеком компанейским, любящим после работы поболтать за кружкой пива, теперь же все больше предпочитал уединение. Тем не менее наш агент прилагал все усилия, чтобы сблизиться с Патриком. Единственное, о чем объект говорил относительно охотно, — это о своих снах. Он жаловался, что, стоит ему только заснуть, как ему начинает мерещиться настойчивый голос, зовущий его по имени. Он понимает, что должен куда-то идти, но никак не может найти нужного места. В своих снах он плутал по каким-то пугающим лесным дебрям или по узким горным ущельям, двигаясь к неведомой ему самому скрытой цели.

— Не знаю, что это там такое, — говорил он, — знаю только, что, если туда доберусь, эти кошмары прекратятся.

Жалобы на дурные сны продолжались около полутора месяцев, затем однажды наш агент застал Патрика в непривычно радостном расположении духа.

— Наконец-то я нашел это! — сказал он в ответ на вопрос агента. — Это великолепный город! Чудесное место!

Более подробно описать город О'Нил затруднялся. Особенно мешало то, что Патрик, человек глубоко религиозный, описывал увиденное им во сне примерно в тех же выражениях, в каких апокрифические тексты изображают рай. Наш агент предложил обмыть это радостное событие — он надеялся, что под действием алкоголя у объекта развяжется язык и из него удастся вытянуть какие-то ускользнувшие ранее подробности... Патрик согласился неохотно — с момента выхода из тюрьмы он, как уже упоминалось, почти не пил. После первой кружки в пивном баре «Две русалки» объект встал и направился в туалет, сославшись на естественную надобность.

Тем не менее, когда спустя четверть часа объект не появился, наш агент, проявив запоздалую оперативность, решил выяснить все на месте. Туалетная комната была пуста. Осмотрев ее, агент убедился, что никакого запасного выхода ни на улицу, ни в служебные помещения там не имелось. Единственное окно, находившееся под потолком, было застеклено и забрано решеткой. Ни стекло, ни решетка повреждены не были. «Такое ощущение, что объект растворился в воздухе», — оправдывался агент.

Последующий опрос знакомых и соседей ничего не дал — последнее время Патрик жил замкнуто. Единственное, что могло представлять какой-то интерес, — это наброски карандашом, найденные при обыске квартиры О'Нила. Очевидно, их делал сам объект, пытаясь изобразить то, что он видел в своих снах. К сожалению, он был неважный рисовальщик — идентифицировать нарисованные им объекты и пейзажи не удалось...

Я оторвал взгляд от листка, сплошь исписанного убористым шрифтом.

— И вы хотите сказать, что Особый отдел занимается подобной ерундой? Парень просто подвинулся от удара по голове, вот и все. Да я сотни раз слышал про такие шутки!

— Может, из этих сотен пять-шесть случаев стоило бы рассмотреть повнимательней: — проворчал Антон, — ладно, не болтай. Читай дальше.

Новости из Сан-Антонио

ТРАГЕДИЯ В ЛАРЕДО

Так до сих пор и не получили объяснения странные и трагические события в поселке Ларедо, неподалеку от мексиканской границы. В 08.00 25 августа 2128 года телефонная связь с поселком прервалась. Поскольку метеослужба предупреждала о высокой вероятности торнадо именно в этом районе, повреждения на линии приписали действию стихии. На всякий случай в поселок из Сан-Антонио была направлена машина аварийной службы. Добравшись туда, патрульные увидели, что дома совершенно целы, но их хозяева куда-то исчезли. Единственный человек, выбежавший навстречу автомобилю, оказался священником местного прихода. Однако он был в таком состоянии, что ничего внятного от него добиться не удалось. Обыскав поселок и прилегающую местность, патрульные не смогли найти никаких объяснений тому, куда делись жители. Автомобили были припаркованы на своих обычных местах. Священника отца Игнасио, который в бреду твердил что-то о кознях врага рода человеческого, пришлось доставить в Сан-Антонио в смиренной рубашке — иначе справиться с ним было невозможно. Он пытался выцарапать глаза патрульному, приняв его за посланца дьявола.

По прибытии в Сан-Антонио священнику ввели две стандартные дозы успокаивающего, но, даже когда он пришел в себя настолько, что мог отвечать на вопросы местного шерифа, прояснить картину происшедшего все равно не удалось. Он рассказывал такие странные вещи, что приписать им какое-либо логическое объяснение было просто невозможно. Все началось, по его утверждению, с того, что местный деревенский дурачок, стоя посреди площади, стал уверять всех, что ему открылось видение — прекрасный город, повисший в небе без всякой опоры. Столпившиеся вокруг него любопытные поначалу ничего не видели, но потом кое-кто из них и впрямь стал уверять, что в раскаленном мареве проступают какие-то странные очертания. Причем, как утверждал отец Игнасио, те, кто видел этот мираж, описывали его каждый по-своему.

Затем все прекратилось так же неожиданно, как и началось, тем не менее ночью священник проснулся от ощущения гнетущей тревоги. «Странный голос звал меня по имени, — говорил он, — и я уверен, что он не имел никакого отношения к Господу». Пытаясь спастись от неведомого зова, он выбежал на улицу. Там уже находились практически все жители поселка, которых необъяснимый ужас поднял с постелей. Почти все они в отчаянии заткнули уши руками, многие катились по земле, пытаясь избавиться от наваждения. «Я думал, у меня лопнет голова», — сказал священник. И опять все закончилось так же внезапно, как и началось. Наутро он собрал всех односельчан на воскресную службу — он надеялся, что дьявол все же оставит их. Но, когда он уже взошел на кафедру и открыл молитвенник, кто-то оттолкнул его. Это был местный булочник, которого священник знал с детства, но сейчас, в полумраке церкви, ему

показалось, что черты лица человека, столкнувшего его с помоста, как-то странно изменились. «Я даже не уверен, что это и вправду был он», — признался отец Игнасио.

— Час настал! — закричал булочник. — Вы все знаете, кто нас зовет! Вы знаете, что к нам приближается! И мы должны встретить это так, как нам подобает! Начнем же!

Священник, оправившись от неожиданности, попытался стащить непрошеного оратора с кафедры, но тот вновь оттолкнул его, по словам самого свидетеля, «с дьявольской силой». От удара отец Игнасио отлетел к стенке, ударившись о нее головой, после чего потерял сознание. Но за этот краткий миг он заметил, что облик прихожан стал неуловимо меняться. Они были как текущая вода, говорил священник, как порождения мрака, глаза их уже не были человеческими глазами, облик — человеческим обликом... В дальнейшие описания он углубиться отказался, а только тряс головой и плакал.

«Я ведь знал их всю свою жизнь, — твердил он, — а во что они превратились...»

Тем не менее, казалось, он пошел на поправку. Лечащий врач снизил дозу успокоительного и разрешил смягчить ему режим. На следующее утро отца Игнасио нашли повесившимся на больничной простыне.

Я вновь отложил текст и вопросительно взглянул на Антона.

— Но это же какая-то чушь! Какая-то сухопутная... как там назывался этот древний корабль, на котором все пропали при загадочных обстоятельствах?

— «Мария Целеста»?

— Вот-вот. «Мария Целеста»!

— Кстати, жаль, что тогда не было нашей службы, — заметил Антон, — она бы наверняка занялась этим случаем. И не им одним — все загадочные исчезновения, нелепые или страшные слухи, паранормальные явления...

— ...дожди из рыб и лягушек, — насмешливо вставил Хенрик.

— Вот-вот... Дожди из рыб и лягушек, левитация, стигматы...

— Какие-такие маты?

— О Господи! — вздохнул Антон. — Олаф, ты невыносим.

— Стигматы, Олаф, это такие самовозникающие раны, — серьезно пояснил Карс. Тоже еще, нашелся образованный на мою голову!

— Сколько человечество себя помнило, его историю сопровождали странные и необъяснимые происшествия, — Антон не дал себя сбить, — просто теперь их количество заметно возросло.

— Ну и что? — Хенрик тоже не склонен был уступать. — Это не имеет никакого отношения к нашим проблемам. Это же бабьи сказки, глупости!

— А ведь эти глупости постепенно изменяют лицо Земли, — мягко сказал Антон, — мы бы сумели справиться с радиоактивным заражением, с политическим хаосом, с разгулом преступности... даже с тугами, в конце концов, справились бы... но с этим справиться невозможно. Нас теснят со всех сторон.

— Наши аналитики тоже отметили возросшую частоту паранормальных явлений, —

заметил Карс, — они полагают, что это как-то связано с самой главной загадкой — судьбой вашей цивилизации... и нашей тоже.

— А на вашей планете до того, как ее постигла эта трагедия, были зарегистрированы какие-то паранормальные явления? — вмешалась Сандра. Она уютно устроилась в кресле с чашкой кофе в руке и прислушивалась к разговору.

Карс поразмыслил с полминуты.

— Это не тайна. У нас тоже рассказывали всякие страшные истории. Я читал, что на моей родной планете ими пугали детей на ночь. Про прекрасную принцессу, которая вдруг превратилась в чудовище, например...

— ...скорее наоборот, — пробормотал Хенрик. — Хотел бы я посмотреть на их прекрасную принцессу...

— А на корабле? — любопытствовала Сандра.

— Что — на корабле?

— Ну, ты же рассказывал, что ваш космический ковчег странствовал по космосу сотни лет. За это время вполне могла наблюдаться пара-другая случаев проявления паранормальных способностей.

Карс опять задумался.

— Я могу запросить наших аналитиков. Но, по- моему, нет...

— Запроси, — Антон явно оживился. — Это уже становится интересным. Эх, если бы вы, перестраховщики, не темнили, а с самого начала рассказали все честно...

— У нас была своя стратегия, — обиженно ответил Карс.

Антон пожал плечами:

— Значит, вам придется менять стратегию. В одиночку вы ничего не добьетесь. Да и мы тоже. А вместе... как знать, может быть, вместе мы и справимся как-нибудь. Ладно, это я оставляю на твое усмотрение. Теперь так. Я хочу услышать, что вы думаете по поводу прочитанного. Ты все просмотрел, Олаф?

— Там еще куча материалов...

— Так я и знал, — проворчал он, — ты только кулаками машешь быстро. Ладно, говори по тому, что успел прочесть.

Я с минуту подумал, прикидывая, что бы такое сказать потолковее. Уж больно тема для разговора была странной — я к таким не привык...

Наконец я решился:

— Я не говорю, что готов принять на веру все, что изложено в этих бумагах. Но если это все-таки правда, значит, имеется что-то, что выманивает людей из дому. Отрывает их от привычной жизни. И может быть, даже... делает из них что-то другое. Что-то страшное.

— Как ни странно, похоже, ты близок к истине, — проворчал Антон. — Карс?

— Не знаю, Антон. Все так запутано. Но в наших хрониках говорится, что те разведчики, что вернулись с нашей родной планеты после... после всего... рассказывали примерно то же самое. Только они застали самый конец событий.

— Это уже кое-что. Хенрик?

— Чушь все это, — решительно сказал Хенрик. — Хотя... если говорить о Земле, я и сам что-то такое слышал. А этот, — он кивнул на Карса, — наверняка все врет. Руку даю на отсечение.

— Она тебе еще понадобится. Сандра?

— Это ведь не сейчас началось, Антон, — спокойно заметила Сандра. — Если мы

примем за отправную точку отсчета тот взрыв на Мексиканском нагорье... Единичные необъяснимые события наблюдаются сейчас по всему миру, это верно, но массовые исчезновения отмечены в основном там — в относительной близости от эпицентра событий. Да и частота единичных аномалий возрастает по мере приближения к Центральной Америке — я проверяла.

Антон кивнул:

— Все верно... А ведь огромные территории там и по сию пору недоступны для наших наблюдателей. Помните эту странную историю с экспедицией Ланье? Там наверняка что-то творится... если бы знать, что именно! Туда ведь практически невозможно добраться, средства связи — какой бы высокой надежностью они ни отличались — там просто-напросто отказывают.

Я пожал плечами:

— Вы думаете, они все туда деваются?

— Ну, если люди исчезают, они должны и появляться где-то. Не растворяются же они в воздухе, — заметил Хенрик.

— Судя по отчетам, увы, похоже, — возразил Антон. — Ладно. Я не ожидал от вас никаких гениальных догадок. Над этим сейчас работают люди поумнее вас, и все без толку. Беда в том, что у нас, как я уже говорил, слишком мало информации. Не знаю, кто или что все это вытворяет, но действует это нечто весьма и весьма эффективно. Я вот о чем подумал — раз уж так получилось, что вы оказались в курсе наших дел, неплохо бы вам подключиться к одному из патрульных отрядов. Там, на границе мертвой зоны, все время рыщут наши рейнджеры — прочесывают окрестности в поисках всего необычного. Я, собственно, уже связался с Координационным центром — вас там ждут. Магнитная буря вроде стихает, так что полетите из Осло. Билеты на самолет уже заказаны.

— А как мы до Осло-то доберемся? — поинтересовался я. — Стамп толковал о какой-то забастовке пилотов...

— У нас свой самолет. И свои пилоты. И они никогда не бастуют.

— Мне нужен сертификат на межконтинентальные перемещения, Антон, — забеспокоился Карс, — иначе ваши службы загребут меня прямо в аэропорту.

— Без тебя знаю. Сертификат ждет тебя в Осло вместе с билетом. А я тем временем свяжусь с вашим тамошним консулом, скажу ему пару слов...

Судя по его суровому виду, консул вряд ли мог рассчитывать на приятную светскую беседу.

— Мне придется потратить много сил, чтобы замять всю эту идиотскую историю, — заметил Антон. — Ну и натворили же вы дел, голубчики мои!

Затем он мельком взглянул на Хенрика.

— Думаешь, это ловушка, Хенрик? Не волнуйся. Ты беспрепятственно пересечешь обе границы. У нас есть сейчас дела поважнее, чем отлавливать нашкодивших террористов.

Хенрик кинул на него мрачный взгляд — кажется, он был готов сейчас придушить Антона голыми руками. Он вроде и вправду обиделся, что Антон не принимает его всерьез. А уж Антон умел довести человека до белого каления — это мне хорошо известно. Хенрик сейчас наверняка предпочел бы, чтобы двое дюжих ребят, заломив руки за спину, волокли его по коридору, пока он упирался бы и выкрикивал: «Да здравствует свободная Земля!» или что-то еще в том же роде.

— Ничего я не боюсь, — злобно пробормотал он.

— Вот и ладно, — примирительно сказал Антон. — Твоей организации, кстати, иметь своего человека в закрытой зоне тоже не помешает. Они тебе еще спасибо скажут... может быть. Сандра, ты летишь с ними?

Девушка молча кивнула.

— Не очень-то мне бы хотелось, чтобы ты подвергала себя лишнему риску. Это тебе не Берген... но Олаф, я думаю, не даст тебя в обиду. А один разумный человек в этой компании не помешает.

* * *

Осло, аэропорт

31 октября 2128 года

9 часов 30 минут

Вот так и получилось, что в девять тридцать утра на следующий день мы все четверо оказались у окошечка билетной кассы в аэропорту города Осло. Маленький самолет, высадивший нас прямо на летное поле, давно уже возвратился в Берген, а нам еще предстояло взять у кассира билеты на трансатлантический рейс, которые забронировало для нас управление. Карсу, кроме билета, полагался еще и сертификат — пластиковая карточка с подписью консула и электронным кодом. Никаких паспортов у кадров, понятное дело, нет, тем более что на фотографии мало кто сумел бы отличить одного от другого. Свободно передвигаться из страны в страну им тоже не разрешается — все их перемещения отслеживаются специальной службой. Судя по тому, с какой скоростью был оформлен сертификат Карса, управление пользовалось немалым влиянием в дипломатических сферах.

Я взглянул на электронное табло — до трансатлантического рейса оставалось еще три с половиной часа. Приземистое здание аэропорта обычно почти пустовало — говорят, лет сто-полтораста назад рейсов было куда больше, словно людям делать больше нечего, как сновать туда-сюда, а может, так оно и было. Теперь самолеты летают редко — частые магнитные бури делают длительные перелеты слишком рискованным предприятием, тем более что деловая жизнь, заставляющая людей перемещаться из точки в точку чуть не со скоростью звука, нынче сократилась до минимума.

Но сегодня зал ожидания был непривычно переполнен — забастовка пилотов САС и сильнейшая магнитная буря, которая уже несколько дней бушевала над всем Северным полушарием, привели к тому, что в аэропорту скопилось порядочно народу. Трансатлантические рейсы летали лишь раз в день — прочие самолеты направлялись в континентальную Европу или в Англию, — и сейчас в зале ожидания болтались скучающие пассажиры — девицы с новомодной стрижкой «гремучая змея», какие-то подозрительные типы, сплошь затянутые в черную кожу, парочка-другая дельцов, даже несколько туристов из тех, что до сих пор приезжают в Скандинавию оттянуться — наверное, потому, что в Центральной Европе уже и посмотреть не на что... Бар набит битком, у стойки толпится народ так, что и не протолкнешься. Я отодвинул какого-то верзилу с квадратными плечами и, оказавшись рядом с барменом, обернулся к Сандре:

— Тебе что взять?

— Мартини, — отозвалась она. Чтобы перекрыть гул толпы, ей пришлось повысить голос.

— Возьми и мне что-нибудь покрепче, раз уж ты такой добрый, — крикнул из-за ее спины Хенрик.

Я уже открыл было рот, чтобы окликнуть бармена, как вдруг что-то изменилось. По толпе за моей спиной пробежал неровный гул, потом он разом стих, а бармен так и застыл, вытаращив глаза. Я первый раз в жизни видел, чтобы человек бледнел с такой скоростью — его лицо стремительно сравнялось цветом с сияющей белизной куртки.

— Олаф! — отчаянно завопила Сандра.

Я обернулся.

Черт... так я и думал.

Я, правда, почему-то полагал, что им окажется кто-нибудь из пассажиров, а это был служащий аэропорта — ну, из тех, что катают тележки с чемоданами. Он появился в просторном помещении бара из служебного прохода — хватило одного взгляда, чтобы понять, что с ним. На лице его блуждала странная улыбка, остановившиеся глаза смотрели в одну точку. Но это было еще не самое страшное. Хуже всего выглядели его руки — казалось, на них по локоть натянуты ярко-красные перчатки. Комбинезон тоже промок насквозь, но ткань была темно-синяя, и кровь, пропитавшая ее, казалась из-за этого почти черной.

— Туг! — выкрикнул кто-то в толпе. — Туг!!!

В переполненном помещении бара тут же образовалось свободное пространство — толпа отхлынула назад, прижав меня к стойке. Я потянулся за пистолетом, но меня так плотно обступили со всех сторон перепуганные пассажиры, что я не мог даже достать его из кобуры — не то что прицелиться. Бармен, не будь дурак, нажал на кнопку сигнализации, вделанную в стойку, и ко всему добавился истошный вой сирены. Бедлам, да и только!

Я поискал взглядом своих спутников. Слава Богу, Сандра оказалась затиснутой в толпе неподалеку от меня, ее отливающие осенним золотом волосы светились в этом море голов точно языки пламени. Хенрик и Карс начали осторожно выбираться из толпы, расталкивая окружающих.

Туг сделал еще несколько шагов вперед. Теперь он стоял уже в самом помещении, освещенный беспощадным светом неоновых трубок, из-за чего его бледное лицо приняло зловещий синеватый оттенок, а кровь, по локоть залившая ему руки, слабо флуоресцировала.

Карс почти выбрался и теперь стоял сбоку — удобная позиция для выстрела.

...почему он не стреляет?!

О Господи!

Кадарам не разрешается перевозить оружие из страны в страну. Пистолет у него отобрали еще в управлении.

Я все еще продирался, расталкивая перепуганных людей, пытаюсь противостоять их напору, когда одновременно произошло несколько событий.

Туг сделал немислимый прыжок вперед, по какому-то одному ему известному принципу избрав себе новую жертву. На этот раз ею оказалась пожилая женщина в старомодном твидовом пиджаке. В руке у него блеснул холодным светом осколок стекла — должно быть, именно этим оружием он и воспользовался в первый раз.

Он сжимал стекло в ладони. Острые края осколка наверняка должны были порезать ему руку до кости, но туги в состоянии помрачения не чувствуют боли. Он схватил женщину, которая дико завизжала, когда на нее уставились страшные слепые глаза, за волосы, стекло сверкнуло в поднятой руке, и тут на него бросился Хенрик. Ухватив руку, держащую стекло, террорист повис на ней всем телом. Туг развернулся, выпустив свою жертву, и свободной рукой стиснул Хенрика за шею. Зная по опыту, с какой нечеловеческой силой он это сделал, я не сомневался, что еще немного, и он раздробит Хенрику шейные позвонки. Я уже был на прямой линии с ними и теперь мог стрелять, но боялся попасть в Хенрика. И тут увидел, что от толпы стремительно отделилась вторая фигура...

...Карс.

Он тоже бросился на туга, на этот раз сзади, и в свою очередь обхватил его шею своими

четырепальными ладонями.

Я внутренне напрягся, ожидая услышать омерзительный хруст шейных позвонков, но сирена продолжала завывать, люди орали, жертва нападения пронзительно визжала, и потому мне показалось, что туг осел на пол беззвучно.

Я не раз видел, как туг, получив такие травмы, которые прямиком бы отправили в могилу обычного человека, продолжал действовать, руководствуясь каким-то неведомым слепым инстинктом — мне даже иногда казалось, что, отруби ему в этот момент голову, он все равно будет носиться, размахивая ножом, — точь-в-точь как носится по двору обезглавленный петух. А потому я, не медля больше, ринулся на помощь Карсу. Добежав до борющихся, я, размахнувшись, ударил туга рукояткой пистолета в висок. Голова его резко дернулась, глаза закатились, и страшная хватка ослабела настолько, что Хенрик наконец сумел высвободиться из смертоносных объятий.

Хенрик медленно поднялся с пола.

— Вот гад, — прохрипел он.

Туг слабо пошевелился и вдруг вновь вскочил на ноги. Я слышал, как за моей спиной толпа испустила изумленный вздох, точно один человек. Впервые за это время я оказался с ним лицом к лицу. На меня уставились его глаза с безумно расширенными зрачками. Они были такими огромными, что радужка казалась тонким кольцом, окружившим бездонный провал, в котором бушевал первозданный хаос.

Уж не знаю, что такое с ними делается, что они все становятся настолько похожими друг на друга. Словно я каждый раз смотрю в одно и то же лицо...

...Мне пришлось всадить в него все шесть пуль... только тогда он утихомирился.

Оказывается, аэропортовская полиция уже давно была тут в лице двух здоровенных полицейских, но они предпочли все это время подпирать стенку. Только теперь они решили, что стенка, пожалуй, продержится и без них.

Один из них одобрительно хлопнул меня по плечу.

— Молодцы, ребята! — снисходительно сказал он.

Второй был постарше и поприличнее — у него оказалось хоть какое-то представление о порядочности.

— Пойдемте с нами, ребята, — сказал он, носком ботинка переворачивая тело, чтобы заглянуть в мертвые глаза, — посидите в комнате отдыха для летного состава. Вы вообще-то куда направляетесь?

— Нью-Йорк — Лос-Анджелес, — ответил я.

— Надо же, куда вас несет! — удивился он. — Нью-Йорк, тот, говорят, еще ничего, а вот Лос-Анджелес, по слухам, совсем поганое место.

Я убрал пистолет в кобуру и машинально поправил пиджак.

— У нас там свои интересы.

Он пожал плечами:

— Забирай своих дружков, пошли.

Я махнул рукой, подавая знак своей компании. Толпа уже качнулась обратно, окружив лежащее на полу мертвое тело... нашли себе развлечение...

Сандра наконец пробралась к нам и вопросительно взглянула на меня.

— Пошли отсюда, — сказал я, — нас приглашают отдохнуть в тишине и покое.

— Мы с вами, похоже, коллеги? — Полицейский шел рядом со мной, провожая нас по коридору.

Я извлек из нагрудного кармана удостоверение.

— Особый отдел? — Страж порядка уважительно кивнул. — А эти?

— Эти со мной. Если хотите, можете связаться с бергенским управлением. Там все подтвердят.

Он пожал плечами:

— Да нет, зачем? Он уже убил двух ребят из своей бригады и одного пассажира. Остальные тут же связались со Службой безопасности, но он к тому времени уже смылся из багажного отделения. Вы и сами знаете, с какой скоростью они носятся...

Я кивнул.

— Выпить бы чего-нибудь. Сколько с ними ни работай, а все тошно... а скоро уже регистрация начинается.

— Плюньте на регистрацию. Мы доставим вас прямо к самолету. — Он уважительно поглядел на Карса. — Надо же, первый раз вижу кадара в деле.

— Да... внушительное зрелище.

Комната отдыха оказалась маленьким уютным помещением, сплошь обставленным живыми растениями в кадках. Бар был набит всяческими напитками, и обслуживал нас уже не бармен, а молоденькая девушка в летной форме и лихо сдвинутой набекрень пилотке.

Она тут же без всякой просьбы налила всем нам по двойному виски и, взглянув на Карса, спросила:

— А вам пиво, правильно?

— Да, — мрачно ответил мой напарник, — и побольше. Я переутомился.

Я взглянул на часы.

Два часа до рейса. Скоро начнется посадка.

— Они говорят, что проводят нас прямо к трапу отсюда, чтобы мы не толкались в очереди, — объяснил я Сандре.

Она вздохнула:

— Я бы предпочла, чтобы все шло как положено. И без этих встрясок.

Я усмехнулся:

— Тогда ты не туда летишь. И не с теми ребятами. А кстати, почему ты вообще согласилась лететь с нами? Сам-то я в Лос-Анджелесе не был, но, по слухам, там сейчас очень неудобно. Хреново, одним словом.

— Это мой долг, Олаф, — серьезно сказала она.

— Человечество в опасности и все такое?

— Человечество в опасности. Ты ведь только одним глазом проглядел эти сводки, а я с ними уже пять лет работаю. Поверь мне на слово, сейчас не время беспокоиться о собственном комфорте. А потом... — Она, задумавшись, поправила рыжую прядь. — Когда читаешь все эти отчеты... какими бы страшными они ни были... поневоле начинаешь гадать — а как оно все происходит на самом деле? Вот бы посмотреть своими глазами... Может, удалось бы заметить что-то, что пропустили наблюдатели? Ведь это же загадка, Олаф! Страшная, но захватывающая загадка!

— Не люблю загадки, — честно ответил я, — предпочитаю, чтобы все было просто и ясно.

Она усмехнулась:

— Вот это мне в тебе и нравится.

Хенрик до сих пор не мог прийти в себя. Должно быть, он первый раз встретился с

тугом вот так — лицом к лицу. Он в минуту расправился со своей порцией и сделал знак девушке принести другую, что она и сделала, предусмотрительно разбавив ее изрядным количеством содовой.

— Ну и силища у этой сволочи, — изумленно сказал он, — до сих пор горло болит!

Я устало спросил:

— Врачу не хочешь показаться?

— Да пошли они...

— Тебе повезло, Хенрик. Мало кто уходит от туга живым. Это ты должен Карса благодарить. Если бы не он...

Хенрик неуверенно взглянул на Карса, какое-то время явно колебался, но потом, все же пересилив себя, выговорил:

— Спасибо...

— Не за что, Хенрик, — с готовностью отозвался Карс, — да я могу делать это сколько угодно...

Я подозрительно посмотрел на него. Кадарам чувство юмора вообще-то несвойственно. Может, он это всерьез?

— Если еще какой-нибудь тут начнет тебя душить, — на всякий случай пояснил мой напарник, — то я, конечно....

— Олаф, уйми ты свое чучело! — Хенрик вспыхнул со скоростью сухой соломы.

— Да ладно вам, — примирительно сказал я, — ты сказал спасибо, он ответил. Все в порядке. А ты, Карс, дружище, придержи свое остроумие при себе. Выучил на свою голову, понимаешь....

Трансатлантический рейс

31 октября 2128 года

...Самолет сделал круг над заливом и начал набирать высоту. Я припал к иллюминатору — люблю этот момент, когда усеянная яхтами поверхность воды стремительно отдаляется, а острова, разбросанные по заливу, кажутся крохотными клочками зелени в темной синеве моря. Потом море сменили горные вершины, похожие с высоты на складки смятого покрывала; сверкающие глетчеры и ярко-синие блюдца озер. С такой высоты все внизу кажется мирным и спокойным, а лик Земли — таким, каким он был и двести, и две тысячи лет назад. Потом, постепенно, землю закрыла плотная облачность и смотреть стало не на что. Моторы тихо гудели, и даже не верилось, что лишь тонкая металлическая перегородка отделяет пассажиров от ледяного холода и разреженного воздуха верхних слоев атмосферы.

Табло «Пристегните ремни» погасло, я отстегнулся, опустил столик и попросил стюардессу принести мне аперитив и американские газеты. Проклятое управление поскупилось на первый класс, и мы летели в туристическом — тесно, да и ноги вытянуть некуда. Карс, сидевший рядом со мной, дрых, затаив глаза третьим веком, — по-моему, эти космические странники плохо переносят воздушные перелеты. Я взял у стюардессы пластиковый стакан и свежий выпуск «Нью-Йорк тайме», укрепил табличку «Прошу разбудить меня, когда будут кормить» и углубился в чтение.

В газете было полно обычной чуши, из которой я выудил лишь два более или менее представляющих интерес сообщения. Первое касалось налета на миссию кадров, расположенную на Манхэттене; там, подумал я, не обошлось без дружков Хенрика; второе — какая-то темная история о пропавшем самолете, пилот которого спустя десять лет неожиданно появился в родном Мемфисе, повел себя, мягко говоря, странно и также неожиданно исчез. Это уже была наша вотчина — ну, Сандры, если быть честным, — хотя изложенные факты, разумеется, требовали проверки. Еще я выудил из газеты сведения о том, что за последние годы уровень радиации на обоих побережьях снизился практически до нормы и что правительство разрабатывает программу заселения этих мест — систему всяких скидок, льгот и долговременных кредитов. А ехать туда, разумеется, все равно никто не хочет — дураков нет.

Полет проходил спокойно. Я с подозрением окинул взглядом салон, ожидая какого-нибудь очередного подвоха, но все было тихо. Видимо, мы уже миновали Фареры и Исландию, и в разрывах облаков внизу виднелась лишь темная поверхность океана.

Трансатлантический перелет — штука долгая и утомительная. Кажется, ничего не делаешь, а все равно устаешь — и потому я облегченно вздохнул, когда на горизонте показались знакомые силуэты Манхэттена с его заново отстроенными башнями Торгового центра. Но на этом путешествие не кончилось — нам еще предстоял перелет через всю страну. Промежуток между двумя рейсами был такой короткий, что мы едва успели перехватить по сэндвичу в забегаловке нью-йоркского аэропорта и вновь поднялись в воздух, на этот раз уже над континентом, пересекая его от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Я в Америке был только раз, и то лишь в Нью-Йорке, а Нью-Йорк все-таки — единственный оставшийся на Американском континенте транспортный и торговый узел и походит на Америку примерно так же, как кинозвезда — на какую-нибудь девку из бара.

Этот, второй, перелет был все же покороче, но, когда мы приземлились в аэропорту Лос-Анджелеса, в голове у меня все окончательно перепуталось, в том числе и часовые пояса, и я так и не мог сообразить утро тут или вечер.

Я ждал, что нас встретят какие-нибудь солидные коллеги из местного управления, но на выходе в зале прилетов плакатом «Норвегия, сюда!» размахивал молодой темнокожий малый в вылинявших джинсах и майке с изображением штата Калифорния и надписью «Я предпочел бы жить в аду».

— Привет, — сказал он, пожимая всем по очереди руки, — меня зовут Рамирес. Я отвезу вас в Ногалес. Паршивое место, если честно. Но там у нас штаб.

— А ты кто такой? — подозрительно спросил Хенрик. Может, он думал, что его обманом заманили в эту глушь, чтобы обезглавить организацию «Свободная Земля»?

— Я-то? Рейнджер. Патрулирую границы. Командир попросил встретить вас, раз уж мне все равно нужно было в Эл-Эй за оборудованием. Генератор подсел.

Мне кажется, Хенрик предпочел бы более торжественный прием, но этому малому на всякие чины и звания было явно наплевать.

— Эл-Эй? — удивился Карс.

— Ну, Лос-Анджелес. Значит, вы кадар! Тут у нас чужаков сроду не было. Тут и свои-то жить отказываются! — Он весело усмехнулся. — Тяжело вам тут придется, ребята!

Он, по-моему, был из тех весельчаков, что вечно хихикают да посвистывают, сообщая вам самые неприятные новости. Удобный характер для такой работы.

— Ладно, — сказал я, — разберемся как-нибудь. Где твоя телега?

— Там, — он неопределенно махнул рукой. — На стоянке.

Мы вышли из здания аэропорта, и на меня обрушилось слепящее солнце. Над Лос-Анджелесом бушевал зной — я уж и забыл, что такое бывает.

Тихоокеанскому побережью в Катастрофе досталось больше всего — мощная ударная волна вызвала подвижку тектонических пластов, и серия землетрясений, которых издавна так боялись калифорнийцы, прокатилась по всему побережью. Я видел фотографии моста Золотые Ворота, перекинутого над заливом Сан-Франциско. Так вот, он обрушился с первым же толчком, и его с тех пор так и не восстановили. Равно как и деловой центр Лос-Анджелеса. Люди отсюда бежали, забыв прихватить даже самое необходимое, и стали потихоньку возвращаться обратно лишь пару поколений спустя, когда начала спадать радиация и ветры, клубящиеся над Долиной Смерти, больше не приносили с собой тучи радиоактивного песка. Но местные уроженцы умерли на чужбине, так и не дождавшись этого, а новичкам было все равно — вместо роскошного конгломерата городов сейчас тут была просто горстка отстроенных наспех поселений, из которых Лос-Анджелес оставался самым крупным — аэропорт почти не простаивал. Изменилось все — рельеф, климат, очертания берегов, а уж страсти про эти места рассказывали самые невероятные.

Джип Рамиреса — побитый, исцарапанный, разрисованный камуфляжными пятнами — выглядел хуже, чем ездил; у него оказался мощный ровный ход. Мы миновали центр города с чернеющим остовом «Бонавентюр-отеля», заброшенные особняки богатых кварталов, поросшие какой-то мутировавшей разновидностью плюща с глянцево-черными листьями и цветами, пылающими точно синие языки пламени. Жилым казался только примыкающий к аэропорту район, все остальное, даже залитое беспощадным солнечным светом, производило впечатление кладбища, — и все же за выбитыми окнами увитых зловещим плющом домиков шла какая-то тайная жизнь. Один раз я даже увидел, как из трубы в безоблачное синее небо

уходит тоненькая струйка дыма.

— Там разве кто-то живет? — обернулся я к Рамиресу. С виду дом казался совершенно вымершим.

Рамирес нахмурился.

— Мутанты, — неохотно ответил он. — Но их трудно увидеть. Они появляются только по ночам.

Сандра вздрогнула, словно, несмотря на льющийся с небес раскаленный свет, ее пробрал озноб.

— Что тут у вас делается?

Тот пожал плечами:

— Может, в Гиблых Землях и проще прокормиться, но выжить проще в городе. Вот они и занимают заброшенные дома — целые кварталы. Пусть себе... кому бы они мешали, если б не...

— Не что? — быстро спросила Сандра.

— Ну, им приписывают всякие сверхъестественные способности. Дурной глаз, например. Считается, что они могут наводить порчу на человека. Поэтому лучше им днем на улицу не выходить, да еще в одиночку. Было на моей памяти несколько паршивых случаев... Сами понимаете, полиции тут у нас нет. Только в аэропорту, и ту присылают из Нью-Йорка. А так... кто у нас занимается охраной порядка? Те же горожане...

— А вы на что? — сухо спросил Хенрик.

— Мы же тут не живем. Так, наезжаем пару раз в месяц. Мы патрулируем границы, следим, чтобы всякая нечисть сюда не лезла. Один раз, правда, я подбросил мутанта на своей тачке — толпа за ним гналась...

— И на что он похож? — с интересом спросил Карс.

Рамирес задумался.

— Трудно сказать. Они и впрямь умеют отводить глаза. Или могут менять облик. Я думаю — пока он на тебя смотрит, он может внушить тебе все, что угодно. Ты видишь его таким, каким ему хочется. Стоит ему отвлечься... ослабить внимание... или если он выпадет из твоего поля зрения... Я один раз увидел его уголком глаза, когда он не чувствовал, что я на него смотрю... так это было что-то страшное...

— И что дальше? — продолжал любопытствовать Карс.

— А ничего. Я высадил его на окраине. Самое смешное, что он меня даже не поблагодарил.

Уцелевшие кварталы внезапно кончились, точно срезанные ножом, и за ними открылись километры хаоса — рухнувшие постройки, обугленные обломки, торчащая в небо арматура. Все это затянулось теми же черными зарослями и казалось пейзажем какой-то другой планеты. Дорога была такой разбитой, что джип продвигался медленно и осторожно, объезжая каждую выбоину и подозрительную трещину.

— Тут мало кто ездит, — пояснил Рамирес, — разве что фермеры из тех, что еще держатся за свои клочки земли, да и мы — рейнджеры. Но остальные дороги еще хуже.

— Фермеры? — удивилась Сандра.

Рамирес вновь усмехнулся.

— Самые упрямые не съехали отсюда даже сразу после Катастрофы, когда правительство сгоняло всех чуть не силой. Люди тут всегда держались за свою землю.

— А тут... не опасно?

Машина наконец миновала чудовищные последствия разрушений и теперь ехала по пустоши, поросшей кое-где корявыми низкими деревьями.

— Да вы не видели эти фермы! Это же настоящие крепости! Ограда в два человеческих роста, да еще по верху колючая проволока пущена. А уж продержаться на своих запасах они могут годы. Странные штуки они продают, кстати, — большая часть живности мутировала... да, это вам не Скандинавия! Ей-то, говорят, меньше всего досталось!

Я обвел взглядом окрестности...

В синее небо указующими перстами уставились каменные столбы. Они почти не отбрасывали тени — солнце стояло в самом зените.

Да, это уж точно не Скандинавия...

— Долго еще ехать? — обратился я к Рамиресу.

— Часов пять! — ответил он жизнерадостно. — Будь дорога получше, управились бы за три.

И, помолчав, добавил:

— Я рассчитал так, что мы доберемся до темноты. Не хотелось бы, чтобы ночь застала нас в дороге.

Сандра беспокойно спросила:

— А что, ночью тут опасно?

— Ну, — неуверенно отозвался Рамирес, — это все-таки не граница... На всякий случай там сзади, в ящике, лежит кое-какое оружие. Но лучше обойтись без стрельбы.

Джип еще раз показал себя с лучшей стороны — в нем работал кондиционер. Иначе я бы просто спекся.

— Попрошу уважаемых пассажиров поглядеть налево, — сказал Рамирес бодрым голосом гида. — Окна только не открывайте. Пыли набьется!

Я приник к стеклу. Там в лощине, присыпанная бурым песком, смутно виднелась какая-то белая грудка.

— О Боже! — воскликнула Сандра. — Это же кости!

— Так точно, мэм! — ухмыльнулся Рамирес.

— Вы их что, стаскиваете сюда, что ли? — удивился Хенрик.

— Вот уж нет! Сами приходят!

— Ладно тебе трепаться!

— Я правду говорю. Это — кладбище мутантов. Сюда приходят умирать всякие странные звери из Гиблых Земель. Сейчас уже не так часто, а раньше, говорят, они перли, как речной поток. А их тут уже поджидали. Видите?

Он кивком показал вверх, на небо, где медленно парили темные точки.

— Не знаю, что их сюда гонит, но это паршивое место, — и он нажал на акселератор.

Сандра грустно сказала:

— Не понимаю, как вы тут живете?

Он вновь усмехнулся:

— Красотка, разве это жизнь? Это адская работа, вот что это такое!

Постепенно солнце начало клониться к закату, и молчаливые каменные изваяния, застывшие точно стражи этой неприютной земли, отбросили длинные тени, лиловыми полосами перечеркнувшие красную почву.

Я вновь обернулся к Рамиресу:

— А что тут еще есть? Кроме пустыни?

Он пожал плечами:

— Гиблые Земли... это уже на самой границе с Мексикой и дальше. Насколько они в действительности простираются, никто не знает. Над ними даже самолеты не могут летать — отказывают приборы. Большую часть из них занимает Трясина — огромное болото, образовавшееся вскоре после катаклизма. Наши биологи говорят, что оно бурлит жизнью, но человеку туда лучше не соваться. Еще ходят слухи про какой-то затерянный город — ну, таких легенд у нас и до Катастрофы было полным-полно...

Наконец плоская как стол равнина сменилась холмами, которые поднимались все выше, а ближе к горизонту так густо поросли лесом, что красноватый оттенок сменился непроглядным сине-зеленым покровом, казавшимся еще более мрачным из-за быстро наступавших сумерек.

Неожиданно машина замедлила ход.

— А я думал, вы хотите успеть на базу до темноты, — заметил Хенрик, — похоже, вы не торопитесь.

— Еще как тороплюсь! — Рамирес выглядел напряженным. Он подобрался и настороженно сверкал темными глазами, осматривая окрестности. — Но мы не в Норвегии, парень. И даже не в Нью-Йорке. Хайвзев тут у нас нет, сам понимаешь.

Я взглянул вперед сквозь запыленное ветровое стекло.

— Что-то неладно?

Рамирес неохотно ответил:

— Похоже на то...

Джип прибавил скорость, потом резко остановился. Рамирес, перегнувшись через сиденье, достал винтовку и, натянув пыльник, надвинул на голову капюшон.

— Что там?

— Еще не знаю.

Я обернулся:

— Карс, Сандра, оставайтесь в машине. Пошли, Хенрик, посмотрим.

Карс начал было что-то возражать, но я взглянул на него, и он тут же заткнулся.

— Там, на заднем сиденье, есть ветровки, — не оборачиваясь, сказал Рамирес. — Наденьте.

— Это еще зачем? — буркнул Хенрик.

— Во-первых, температура к вечеру резко падает... во-вторых — пыль... Раньше мы тут вообще без респираторов не показывались. Теперь вроде нужды в них нет.

Я натянул холщовую робу и, машинально проведя рукой по кобуре, чтобы проверить, на месте ли пушка, вылез наружу. Рамирес уже стоял рядом с машиной, и вид у него был нерадостный.

— Колесо спустило, — объяснил он.

— У тебя что, запаски нет? — спросил Хенрик.

— Почему — нет? Есть. Но пока мы будем менять камеру, пройдет время. Мы не успеем добраться засветло. Это раз. А два — поглядите-ка, на что мы напоролись.

Я присел на корточки.

Поперек рывины была уложена доска, сплошь утыканная ржавыми гвоздями. На нее и наткнулся джип. Рамирес вел машину осторожно, и он наверняка бы заметил ее, лежи она на дороге просто так, но она была искусно замаскирована сухой травой.

— Это ловушка, — мрачно сказал Хенрик.

— Угу... — рассеянно отозвался Рамирес. Он отошел в сторону и, присев на корточки, начал внимательно рассматривать что-то в густой пыли. Потом махнул нам рукой.

— Идите-ка сюда. Только осторожно. Следы не затопчите.

Нагнувшись, я и впрямь увидел чьи-то следы, освещенные косыми лучами заходящего солнца. Они уступали по размеру следам взрослого человека и не превышали детские, но, в общем, на том, что оставившее их существо, видимо, передвигалось на двух ногах, сходство с человеком и заканчивалось. Следопыт из меня никакой, но мне показалось, что ступни этого создания явно завершались крючковатыми когтями, а слабая вмятина между растопыренными пальцами свидетельствовала о наличии меж ними перепонки. Я вспомнил странную зверюгу, которую мы подстрелили в Фьорде... та вроде бы была гораздо крупнее...

— Это еще что такое? — спросил Хенрик. Пригнувшись и уперев руки в колени, он тоже рассматривал следы. — Это не отпечатки ног человека!

— В пустыне нет людей, — отозвался Рамирес. — Но некоторые животные, выходцы из Гиблых Земель, соображают ничуть не хуже человека.

— И кто же это, по-твоему, может быть?

— Пумы... или койоты... Черт, это могут быть даже крысы!

— Не морочь мне голову. Что я, крыс не видел?

— Да ты вообще не видел, что творится в Гиблых Землях! Парень, да это может быть кто угодно!

Я вздохнул:

— Ладно. Ты тут начальник. Что ты предлагаешь?

— Нужно натащить побольше сушняка. Как знать... некоторые из них боятся огня... некоторые из них. Тут поблизости полным-полно сухой травы и кустарника. Окружим машину — в случае чего сможем устроить небольшой фейерверк.

Он отряхнул колени от бурой пыли и замахал руками оставшимся в машине Карсу и Сандре.

— Давайте выходите! Нужно успеть до темноты.

Потом обернулся к нам, и его юное лицо приняло не по годам озабоченное выражение.

— Должно быть, они выследили меня на пути туда, — объяснил он. — И рассчитывали задержать здесь, чтобы мы не успели вернуться. Они неплохо соображают, эти твари. И чем дальше, тем лучше. В ящике с оружием есть гранаты. Они тоже не помешают. И возьмите винтовки. Тут нельзя ходить без оружия. Похоже, нам придется нелегко.

Пока мы с Рамиресом меняли камеру, а Карс, Сандра и Хенрик, вооружившись найденными в арсенале джипа винтовками, стаскивали хворост, наступила ночь. Она упала на наш лагерь внезапно — с последним лучом солнца пустыню и лощину меж холмами поглотила густая тьма, и лишь дальние вершины гор на востоке, освещенные лучами заходящего солнца, пылали, точно языки пламени. Мы отогнали джип к крутому склону ближайшей каменной гряды, окружив его полукольцом валежника и сухой травы. В случае опасности его можно было поджечь, создав непроходимую преграду, но я отлично понимал, что запасов топлива хватит ненадолго. Рамирес понимал это не хуже моего, и вид у него был мрачный и озабоченный.

Хенрик, засунув руки в карманы, оглядел результаты наших трудов.

— В таких случаях не помешает еще баррикада из камней рядом с машиной, — авторитетно сказал террорист. И пояснил: — Я видел это в каком-то старом фильме... там еще на них индейцы напали...

— Точно! — оживился Рамирес. — Давай, ребята!

Лучшим грузчиком и носильщиком оказался Карс. Это меня как раз не удивило — кадары отличаются воистину нечеловеческой выносливостью и силой. Что ж, им и камни в руки!

Наконец перед машиной, которую удалось подогнать вплотную к самой скале, воздвиглась баррикада из камней, которая доходила мне до пояса. Когда мы наконец решили, что этого достаточно, стало совсем темно. Ночь окружала нас — душная, непроглядно черная и абсолютно безмолвная... Я всегда полагал, что ночью идет своя, невидимая, но осязаемая жизнь, особенно южной ночью: стрекочут цикады, шуршат снующие в траве мелкие зверьки; даже полет летучей мыши и тот сопровождается пронзительным тонким писком — таким тонким, что его могут различать лишь люди с очень хорошим слухом. Эта ночь была иной. Тишина нависла над нами, словно черные пласты угольной шахты, она давила на плечи, мешала дышать полной грудью... Я не очень-то чувствителен — что с меня, сыщика, взять, — но и остальные тоже ощущали это, переговаривались отрывистым шепотом, словно боялись нарушить враждебную тишину, спугнуть что-то, что затаилось там, в самом сердце ночи...

Рамирес медленно повел фонариком — тонкий луч растворился во мраке, упершись в никуда. И тут я почувствовал это... чье-то присутствие, невидимое, тяжелое... холодную настороженную злобу, нечеловеческую и оттого еще более страшную...

Сандра, которая сидела рядом со мной, прижавшись к борту машины, вздрогнула и схватила меня за руку.

— А, — шепотом сказал я, — ты тоже чувствуешь?

— Что-то приближается, Олаф, — сказала она чуть слышно, — и оно такое страшное... то, что приближается.

Карс неторопливо щелкнул затвором винтовки.

— Что вы там шепчете? Я ничего такого не чувствую...

— Брось, — возразил я, — у меня даже озноб по телу...

— Олаф, я их не чувствую... — И, помолчав, добавил: — Я их вижу.

Он молниеносным движением, всегда поражавшим меня у внешне таких неторопливых кадаров, бросил винтовку на колени и выхватил у Рамиреса фонарик.

— Смотри, — сказал он, — вот... и вот... и вот...

— Ой-ей-ей, — тихо пробормотал Рамирес, — Санта-Мария, что творится.

Каждый раз, когда луч фонарика натыкался на невидимую преграду, он словно зажигал новые огни — зеленоватые, словно фосфорический свет гнилушки. Больше ничего видно не было — тени в тени, тьма во тьме...

Но огоньки вспыхивали попарно. Я насчитал больше десятка таких пар и сбился со счета.

— Ты когда-нибудь видел такое? — обернулся я к Рамиресу.

Даже в этом смутном свете, который отбрасывали огоньки на приборной доске джипа, видно было, как малый побледнел.

— Первый раз такое вижу, — сказал он. — Понятия не имею, что это такое!

— Ну ее, эту винтовку, Олаф, — серьезно сказал Карс, — я лучше покидаю им гранаты...

— Он что, всегда так разговаривает? — неожиданно заинтересовался Рамирес. Видимо, он рад был отвлечься.

— Отродясь, — рассеянно ответил я.

— Ну и чего мы ждем? — сердито спросил Хенрик. — Приглашения на вечеринку?

— Погоди... — Пальцы Рамиреса сжали чеку гранаты. — Я, кажется, что-то слышу.

Сначала, на какой-то краткий миг, я принял этот звук за плач ребенка... но потом понял, что это смех. Тонкий, залиvistый. Было в нем что-то, отчего кровь стыла в жилах... Так мог смеяться человек, полностью лишившийся рассудка.

Смех нарастал, просверливал черепную коробку, разрывал изнутри мозг...

Сандра вскочила, в отчаянии зажав уши руками.

— Я не могу это слышать!

Хенрик неожиданно размахнулся и, крикнув «Ложись!», швырнул гранату через ограждение. Но Сандра его не слышала: зажмурившись, она продолжала стоять, раскачиваясь, словно от боли. Мне пришлось подбить ее под колени и швырнуть на землю. Она отчаянно рвалась, пытаясь вскочить и броситься неведомо куда, словно этот безумный смех лишил последних остатков рассудка и ее.

— Займись ею, Карс, — крикнул я, сам еле удерживаясь от того, чтобы не метнуться через каменный завал в ночь, навстречу неведомой опасности... только чтобы прекратился этот истощный визгливый хохот.

— Но я ведь тогда не смогу стрелять! — заорал он в ответ.

— Сказано, держи ее! — Я схватил Карса за плечо и встряхнул; по-другому убеждать его не было ни времени, ни сил.

Он больше не стал спорить, а толкнул девушку в спину, прижав ее к земле.

Тут только я смог осмотреться. С Рамиресом тоже было паршиво. Пока я разбирался с Карсом и Сандрой, он, бледный, с безумными глазами, уже было кинулся к баррикаде из камней, но Хенрик, который держался на удивление прилично, охватив его рукой за шею, успел двинуть рейнджеру по уху рукояткой пистолета. Тот согнулся пополам и медленно сполз под ограждение.

Хенрик схватил канистру с бензином и, плеснув горючее на сухие ветки, чиркнул зажигалкой.

Нас окружило огненное полукольцо.

Сам Хенрик еле успел отскочить внутрь, за пределы горячей защитной полосы, и теперь, подхватив винтовку, напряженно глядел сквозь пламя.

Там, за огненной стеной, безумный хохот поднялся до неистового визга и резко оборвался... я почти предпочел бы увидеть освещенные языками пламени оскаленные морды... какими бы чудовищными они ни были... вглядываться в эту беспросветную, воющую, рыдающую, хохочущую тьму было невыносимо... Чужое присутствие давило со всех сторон, казалось, ночной воздух пропитался липким, омерзительным смрадом...

И вдруг все стихло.

Впервые за все это время я смог вдохнуть полной грудью — чудовищная ноша исчезла; ледяной обруч больше не стискивал череп... Пламя вокруг нас трещало, опускаясь все ниже и ниже, иногда выхватывая из тьмы все ту же сухую, красноватую, всю в трещинах землю, низкий колючий кустарник, камни... больше ничего...

— Ты видел? — шепотом спросил Хенрик.

— Не знаю, — неуверенно ответил я. — Мне показалось...

— Что там было? — Карс только теперь отпустил Сандру и недоуменно оглядывался. — Что, уже все закончилось?

— Похоже на то... ты ничего такого не заметил? — спросил я его.

— Как я мог заметить, Олаф! Я же хватал твою девушку! А что я должен был заметить?

Я вздохнул.

— Там был человек, — пояснил Хенрик. — Он возник из темноты совсем рядом с костром. И тут же все прекратилось. Он их спугнул.

— А как он выглядел? — с интересом спросил Карс.

— Ну... я плохо его разглядел. Он просто появился на миг и исчез. Рамирес! Эй, Рамирес, ты его видел?

Рамирес осторожно покрутил шей. Он, похоже, только-только начал приходить в себя.

— Ни черта я не видел, — сердито отозвался он. — Что это было?

— У костра вдруг появился человек, — терпеливо объяснил Хенрик, — и эти твари пропали. Он прогнал их, что ли?

— Человек... неужели это Скиталец? — пробормотал Рамирес. Он чувствовал себя чуть-чуть получше Сандры. Может, у него слух был тоньше, чем у нас с Хенриком; ведь он был почти подростком. Сейчас он и выглядел подростком — очень юным и испуганным. Вся его напускная лихость исчезла в один миг.

— Кто такой Скиталец?

— Ну, ходят легенды о человеке, который может свободно бродить по Гиблым Землям... он появляется то там, то тут... Считается вообще-то, что увидеть его не к добру. — Он усмехнулся, явно приходя в себя. — А, впрочем, так оно и вышло!

— Мутант? — с интересом спросил Хенрик.

— Кто знает? Вообще-то, если он может выжить ночью в пустыне, наверняка мутант.

— Это он их разогнал, — задумчиво повторил Хенрик. — Но почему он не подошел к нам? Почему скрылся?

Я молчал.

Я тоже успел кинуть взгляд сквозь огненную преграду и увидел на короткий миг стоящую за ней фигуру. Но сказать мне было нечего. Хенрик ошибался. Или же просто мы видели каждый свое.

Это был не человек.

* * *

Из отчета агента 18–15

Места тут, что и говорить, страшноватые. Но самое поразительное, что люди ухитряются как-то жить и тут. Они так легко приспосабливаются к меняющимся обстоятельствам, что способны существовать бок о бок с загадочными мутантами и чудовищными тварями.

Я направляюсь к границе Неведомого. Не знаю, что меня ждет, но, кажется, мне единственному из всех наблюдателей удалось подобраться вплотную к той загадке, которую вот уже несколько поколений тщетно пытается разрешить наша раса. Боюсь только, что это очень опасно — смерть подстерегает здесь на

каждом шагу. Как ни странно, я полагаюсь на своих спутников гораздо больше, чем на свои собственные знания и способности. За это время я успел узнать и полюбить людей — это удивительные существа... но об этом позже.

Ногалес, база
1 ноября 2128 года
8 часов утра

Остаток ночи прошел спокойно.

Если можно назвать спокойным время, когда ты несколько часов подряд сидишь, привалившись к остывшему борту машины, сжимая в руках приклад винтовки, напряженно вглядываясь в темноту.

Поэтому холодный тусклый рассвет показался мне благословением.

Небо на востоке побледнело, по пустыне побежали лиловые тени, и наконец взошло солнце. Оно разогнало последние ключья тьмы, прячущиеся в лощинах, осветив все резким беспощадным светом.

Рамирес, который весь остаток ночи просидел нахохлившись, точно больная птица (видимо, Хенрик все же двинул его сильнее, чем намеревался), встрепенулся и сказал:

— Пора ехать.

— Погоди, — остановил я его, — я хочу поглядеть, что тут творилось.

— Еще чего! — Для рейнджера он был не слишком любопытен. — Целы, и слава Богу. Мы и так уже задержались.

Но я уже был за каменным завалом.

Огонь прогорел, оставив после себя лишь обугленные головешки, но чуть дальше земля, присыпанная бурой пылью, была испещрена сотнями следов, подобных тому, что мы видели на закате. Я ожидал увидеть хоть одно тело — но их не было, словно странные создания и впрямь были порождениями ночного мрака и растворились в воздухе с приходом рассвета.

Следов загадочного Скитальца нигде не было видно...

Я безнадежно махнул рукой и вернулся к джипу.

Похоже, я уже притерпелся к тому, что вокруг меня происходят события, которые я не в состоянии осознать.

...База представляла собой настоящую крепость на границе пустыни — бревенчатый форт, за которым скрывались постройки, оставшиеся еще от прежнего поселения. На горизонте темнела глухая стена леса.

— Вот они, Гиблые Земли! — махнул рукой в сторону леса Рамирес.

Тяжелые створки ворот медленно разошлись в стороны, и вооруженный автоматом патрульный в маскировочном комбинезоне махнул нам рукой, пропуская машину внутрь.

— Кто тут работает? — спросил Хенрик.

Мы как раз миновали метеостанцию с приборами на треногах и подъезжали к низкому одноэтажному зданию с узкими, точно бойницы, окнами.

Наблюдательная вышка была единственной высокой конструкцией. На ней маячил одинокий часовой.

— Это и есть наш штаб, — пояснил Рамирес. — А сотрудники... ученые, наблюдатели, охрана... ну и мы, рейнджеры, конечно.

— Сколько вообще народу на базе? — поинтересовался Хенрик.

— Пятьдесят семь человек. Но это считая рейнджеров, а они почти всегда в разъездах. У нас тут тихо.

— Это, — сухо заметил Хенрик, — я уже понял.

— А тут что-то вроде гостиницы. Я покажу вам ваши комнаты.

— А как насчет горячей воды? — спросила Сандра, с сомнением оглядев эту суровую резиденцию.

Рамирес пожал плечами:

— Подождите до полудня. Воду нам нагревает солнце. Мы тут установили бойлеры. Пробовали и солнечную электростанцию наладить, ничего не вышло... пыли слишком много. — Он усмехнулся. — Мы тут живем по-простому. Ладно, ребята. Свободные койки здесь все же имеются. А для дамы и отдельную комнату отыщем. Всем надо отдохнуть. Потом возьмемся за дело. В полдень я зайду за вами. Отведу к нашему доку. Он сделает кое-какие прививки. У нас тут недавно было несколько случаев тяжелой лихорадки.

Он с сомнением посмотрел на Карса.

— Не знаю только, как с вами быть.

— Никак, — ответил Карс, — кадары не болеют человеческими болезнями.

— Ладно, док разберется. Он у нас ученый. Да и босс наш тоже.

— Он-то кто такой? — спросил я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Глен Бакстон? Он вообще-то бывший морской пехотинец. Крепкий мужик. А так он доктор биологии. Тут у нас много биологов работает...

В коридорах было тихо. Потом уже я узнал, что большую часть обитателей составляли именно рейнджеры, а на базе постоянно работал в основном лишь научный персонал — биологи, метеорологи и врачи, — от силы человек десять, и еще наружная охрана, выставленная не столько против людей, сколько против непрошенных посетителей из Гиблых Земель.

— Не могу сказать, что эта нечисть сюда так и прет, — заметил Рамирес. — Они нас, по-моему, побаиваются. А впрочем, всякое бывает. Там, на вышке, укреплены пулеметы.

...Глен Бакстон оказался внушительным немолодым человеком, академический облик которого несколько контрастировал с татуированной эмблемой морской пехоты на мощном бицепсе и серьгой в ухе. От конторы Антона кабинет его отличался завидной аккуратностью, а сам он восседал за столом, сверкающим чистотой, рабочие журналы и дневники лежали аккуратной стопкой, линзы микроскопа конденсировали льющийся из-за полуприкрытых ставней солнечный свет, отбрасывая яркие блики на лабораторную посуду.

Нас он встретил не слишком-то приветливо.

— Не понимаю, зачем Стаковски вообще вас сюда отправил, — сказал он, — у нас есть свои специалисты. А для патрулирования мы вполне можем людей и тут вербовать. Совсем незачем выписывать их из-за океана.

— Мы не патрульные, — внезапно обиделся Карс, — мы — сыскной отдел. У нас другая квалификация! Повыше!

— От скромности вы не умрете, — заметил Бакстон, — потом... зачем нам, собственно, кадар? От них нет никакого толку. Конечно, поначалу, когда мы думали, что вся эта заварушка — их рук дело... Но то, что здесь творится с недавних пор, превышает возможности любого разумного существа. Да и Стаковски полагает, что кадары — народец безобидный. А раз вы тут ни при чем, то зачем вы нам нужны? Мы и сами разберемся.

— У нас есть свои причины интересоваться тем, что тут делается, — объяснил Карс, — может, Антон вам и не успел рассказать, но наша родная планета опустела после каких-то странных катастроф, очень похожих на ту, что случилась у вас в прошлом веке.

— Ну и что с того? Будь у вас какие-нибудь соображения по этому поводу, другое дело, — отрезал Глен, — а вы, похоже, знаете не больше нашего. Ладно... что с вами делать, раз уж вы тут? Отдам вас Рамиресу. Мы недавно потеряли несколько человек, нужно формировать новый отряд.

— Утешительные сведения... — пробормотал Хенрик.

— А вы чего хотели? Тут у нас идет война... настоящая война... только неизвестно с кем. О'кей, посмотрим. Антон почему-то дал вам самые лестные рекомендации.

Я пожал плечами:

— Что значит «неизвестно с кем»? Тут ведь Гиблые Земли. За сто с лишним лет должно было полным-полно всякой нечисти развестись. Да я и сам видел — вчера, например.

— Да, знаю. Рамирес рассказывал. Но дело вовсе не в том, что там кто-то завелся... — Он вздохнул и окинул нас мрачным взглядом. — Хорошо... не знаю я, какой будет от вас толк, но раз Антон говорит... а я ему верю... мы с ним когда-то вместе участвовали в одной заварушке, давно это было... В общем, там есть что-то, что не укладывается в привычные схемы. Что-то совсем чуждое. Почему связь сдает уже в нескольких десятках километров от Гиблых Земель? Почему все самолеты, что посылали туда на разведку — сделать аэрофотосъемку и вернуться, — пропали, не подав даже сигнала бедствия? Почему...

— Послушайте, — прервал его я, — нам-то, человечеству, сейчас не до того, мы и спутниковую связь до сих пор никак не наладим, но на орбите вот уже сто лет болтается станция кадаров. Уж они-то должны уметь фотографировать поверхность планеты! И приборы у них в полном порядке. Что же они, не могут с вами поделиться своими пленками?

Глен с усмешкой взглянул на Карса:

— Что же вы жадничаете, а, Карс? Скрываете от нас ценные данные!

Карс уныло сказал:

— Мы и сами рады бы знать, что там у вас творится. Но визуально там ничего не просматривается — слишком густой лесной покров, — а все снимки почему-то оказываются засвеченными. Черное пятно размером с половину континента — и все...

— Так вы полагаете, — вмешалась Сандра, — что именно там есть некто, кто ухитряется отводить нам глаза?

— Некто... или нечто... кто знает, какой разум мог зародиться в этих непроходимых джунглях? Там полным-полно всяких странных существ! Вы же сами вчера ночью столкнулись с какими-то тварями...

— Кто бы это ни был, — возразила Сандра, — это просто животные... — Она нахмурилась и сжала виски тонкими пальцами. — Да, конечно, это было ужасно, но научно вполне объяснимо; какие-то животные, развившие зачатки разума и способность воздействовать на человеческую психику... гипноз или какие-то дурманящие выделения... инфразвук... но для того, чтобы засвечивать фотопленки и сбивать с толку приборы, одного гипноза недостаточно. Тут нужны совсем другие способности.

— Технические способности, — подхватил Хенрик. — Бакстон, а что, если мы все-таки столкнулись с чуждой цивилизацией, которая окопалась в джунглях? Я говорю не об этих, — он кивнул в сторону Карса, — хотя кто проверит, может, все, что он нам тут недавно наговорил, сплошное вранье?

— Вынужден вас разочаровать, — сухо заметил Бакстон, — это не вранье. Рамирес привез мне сводки из Эл-Эй. Все, что он говорил, подтвердилось. Мы ведь получили все расшифровки их переговоров с базой. Компетентные люди уже решают, как нам дальше строить наши отношения.

— Теперь нас попрут с Земли, — уныло заметил Карс.

— Такой вариант не исключен. Тоже мне, устроили комедию: мы — могущественная цивилизация... за нами звездный флот... Но скорее всего высылка вам не грозит — человечеству сейчас просто не до вас. Думаю, наоборот. Судя по слухам, рассматривается вопрос о том, чтобы увеличить квоту ваших эмиссаров на Земле. Нам может потребоваться помощь — все равно чья.

— Я знаю ваших бюрократов, — Карс был настроен скептически, — они ничем не лучше наших. Пока они договоятся...

— Зато тут у нас бюрократов нет, — сказал Глен, — так что можете приступать к работе прямо сегодня. Вам будет предоставлен тот же доступ ко всей информации, что и остальным, и полная свобода передвижения. Устраивает?

— Вполне, — ответил Карс.

— Ну тогда я надеюсь, что вы окажетесь достаточно удачливым, чтобы возвращаться из рейдов. Мы недавно, как я уже сказал, потеряли один из отрядов. Пять человек. Ушли в глубокий поиск... Четверо вообще не вернулись, а один вернулся в таком состоянии, что...

Он поглядел на Сандру:

— Вот и вам нашлось занятие... Вы ведь психолог, верно? Придется вам поработать с этим парнем. Может, удастся хоть что-нибудь из него вытянуть... Бедняга совсем свихнулся, порет всякую чушь...

— Но я ехала сюда вовсе не для этого, — холодно возразила она.

— Тут решаю я, — отрезал Глен. — Не нравится, завтра же отправлю вас обратно. У меня каждый человек на счету, я за всех отвечаю. А малый нуждается в помощи квалифицированного специалиста...

— Но они, — Сандра повернулась к нам, — тоже могут нуждаться в помощи квалифицированного специалиста.

— Они, слава Богу, пока еще в своем уме. Док пойдет с ними. Уж первую помощь он, надеюсь, сумеет оказать, если что. Он давно уже просился в поле, да я его не пускал — случись что с ним, некому было бы латать рейнджеров. Тех из них, кто все же добирается до базы, во всяком случае.

Вид у девушки был несколько разочарованный, а я мысленно облегченно вздохнул. Я ничего не имел против Сандры, которая каждое утро приносила бы мне в этом Богом забытом углу кофе в постель (хотя внутренний голос подсказывал мне, что этого от нее не дождешься), но таскать ее по Гиблым Землям навстречу смертельной опасности... Мало мне вчерашней истории!

Док в отличие от всей пришедшей публики оказался, в виде исключения коренным калифорнийцем — его предки жили в Санта-Барбаре еще в позапрошлом веке и были вполне состоятельными людьми. Даже после Катастрофы семья его ухитрилась сохранить деньги, достаточные, чтобы он получил лучшее медицинское образование на Американском континенте плюс стажировку в одной из лучших европейских клиник. Почему он вернулся сюда, чтобы похоронить себя в этой глуши, для всех оставалось загадкой. Поговаривали о какой-то несчастной любви, о разбитом сердце, но я в эту чушь не верил. Был он высокий,

узкоплечий и сохранял на лице выражение отчужденного высокомерия. Мне он не понравился.

Познакомились мы с ним в тот же день, поскольку Глен, который ухитрился держать всю бесшабашную компанию в железной узде, погнал нас делать прививки. Я двинулся на процедуру с естественным отвращением здорового человека, которого мутит от вида бормашин и вертящихся кресел в зубоврачебных кабинетах. Сандра, напротив, держалась с видом бывалого специалиста, направляющегося обменяться опытом с коллегой. Хенрик на такие мелочи просто не обращал внимания, а Карс, которому прививки не требовались, отправился с нами за компанию. Может, ему доставляло извращенное удовольствие наблюдать, как у меня трясутся поджилки.

Док деловито вогнал иглу мне в предплечье и, впрыснув дозу сыворотки, заметил:

— Сегодня вам лучше не покидать пределы базы. Возможна реакция.

— Какая еще реакция? — спросил я. Его назидательный тон мне не понравился.

— Озноб... температура.

— Озноб? — Я повернулся к окну. В щель из-за приспущенной шторы било ослепительно яркое солнце.

— Эта лихорадка уложила в могилу троих, прежде чем нам удалось получить действенную сыворотку, — заметил док, — но она дает сильные побочные эффекты. Может быть, — добавил он задумчиво, — она плохо очищена.

Я еле удержался, чтобы не объяснить ему, какой он сукин сын, — не хотелось сразу портить отношения, тем более что он вроде бы должен был патрулировать окрестности вместе с нами.

Я только намекнул ему, что, если у Сандры начнутся какие-нибудь очень уж сильные побочные явления, я скручу ему голову.

Он только пожал плечами.

— Я занимаюсь своей работой, а вы занимайтесь своей.

Беда была в том, что нам, похоже, предстояло заниматься одной и той же работой.

* * *

Из отчета агента 18–15

Иногда мне кажется, что, хотя я прожил на этой планете достаточно долго, я так и не сумел полностью понять людей. И дело даже не в том, что все они такие разные. В каждом человеке, с которым я имел возможность здесь познакомиться, таятся неиспользованные возможности. Никогда не знаешь, на что они действительно способны! Ведь, казалось бы, их цивилизация сейчас стоит на грани краха — точно так же, как в свое время наша, — но они живут так, словно отказываются это признавать! Они борются до последнего даже в тех случаях, когда ситуация совсем безнадежна! Они ведут себя так, словно впереди у них долгая и счастливая жизнь: влюбляются, заводят семьи, наслаждаются обществом друг друга, даже ненавидят друг друга так, словно смерть и неведомое будущее не подстерегают их за каждым углом. Может

быть, мы когда-то давно слишком рано отступили, отказались бороться, или, как они говорят, опустили руки, — ушли и оставили без боя родную планету тому неведомому, что заступило на наше место? Может, именно поэтому мы теперь обречены скитаться по всей Вселенной, нигде не находя себе пристанища, везде оставаясь чужаками?

Мы всегда считали себя более цивилизованной расой, чем люди, — еще бы, ведь мы освоили космос, мы избавились от сокрушительных страстей, от ненависти и сильных порывов, тогда как в каждом человеке скрываются резервы, неведомые даже ему самому.

Именно поэтому они способны противостоять неизбежному. А вдруг они в конце концов победят? Я в них верю!

*Ногалес**2 ноября 2128 года**7 часов утра*

...Проклятый док оказался прав — к середине дня у меня поднялась температура, начал колотить озноб, и ни о какой вылазке в окрестности базы и речи быть не могло. Я предпочел бы завалиться на койку и проспать там с полудня до следующего утра, но каморку на двоих мне, как выяснилось, предстояло делить с Карсом, а видеть перед собой, просыпаясь, его унылую рожу мне сейчас было особенно противно. А потому остаток дня я провел в кабинете у Глена, рассматривая заспиртованных в банках двухголовых уродцев и диковинных, ни на что не похожих тварей. Не знаю, что делали остальные — Сандра, видимо, отправилась приводить себя в порядок тем загадочным образом, благодаря которому хорошенькая женщина обычно ухитряется сохранить первозданную свежесть даже посреди этой раскаленной пустыни. Нужно сказать, что женщин на базе хватало — не среди рейнджеров, конечно, хотя вечером в общей столовой я заметил несколько крутых девиц, а среди obsługi. Персонал набирался в основном из местных, и все девушки были смуглокожими и темноволосыми, с примесью индейской или негритянской крови. В этих миниатюрных эбеновых статуэтках с четко очерченными скулами и хрупкими запястьями была своя прелесть, но я предпочитал ярких блондинок... ну, на худой конец, таких вот рыженьких, как одна моя знакомая докторша.

Проснувшись наутро, я понял, что вновь чувствую себя совершенно здоровым — проклятый док, видимо, все-таки знал свое дело. Пару минут я лежал на жесткой койке, соображая, где нахожусь и что меня разбудило, как вдруг над изголовьем у меня что-то щелкнуло и из крохотного динамика раздался голос Глена:

— Отряду Рамиреса собраться у меня в кабинете. Десять минут на сборы.

Через восемь минут я уже брел по коридору, гадая, и почему это я не стал зубным техником, как того хотела моя мама? По крайней мере, ни один идиот не стал бы чуть что вытаскивать меня из постели.

За исключением дока, весь отряд был уже в сборе. Даже Сандра пришла, хоть вроде бы Глен и не включил ее в разведывательную группу. Я был прав — выглядела она просто сногшибательно. Даже наш посетитель, из-за которого, видимо, и поднялась вся эта суматоха, поглядывал на нее с интересом, а это уже кое-что!

Не думал я, что на белом свете еще сохранились такие экземпляры!

— Вот, — сказал Глен. — Этот человек прошел двести километров, чтобы увидиться с нами.

Гость наш был одет только в набедренную повязку и татуировку — она так густо покрывала его смуглое тело, что ее вполне можно было считать одеждой. Уши его украшали костяные пластинки, а шею — ожерелье из зубов какого-то крупного животного. Если он сам убил его, да еще вот этим примитивным копьем, которое притащил с собой, не хотел бы я сойтись с ним один на один!

— Он хоть по-английски говорит? — с сомнением спросил Хенрик.

— Единственный в своем племени, — сказал Глен, — если это можно назвать

английским. Какая-то англо-испанская смесь. Но я так понял, что он пришел, чтобы сообщить нам что-то важное — кроме него, это сделать было некому.

— Меня послать наш курандейро, — пояснил индеец. — Он говорить, пусть бланка омбре драться с демонами. Мало демонов — уже нехорошо. Много — очень нехорошо. Очень много — совсем нехорошо. Конец света!

— Что он болтает? — изумленно спросил Хенрик.

— Я так понял, что его племя раньше жило в лесах, вероятно, где-то на границе с Гватемалой... бывшей Гватемалой. А потом природные катаклизмы вытеснили их в этот район. Многие, конечно, погибли — сами знаете, что тут делалось, — но остальные как-то приспособились. Полагаю, они наверняка тоже мутанты, хотя, может, и сами об этом не знают. Но прежде они никого не беспокоили. И общаться с нами избегали. А теперь их курандейро встревожен — он утверждает, что в лесах появилась какая-то страшная опасность.

— Кто такой курандейро? — спросил я.

— Колдун. Шаман, врач... возможно, вождь. Так вот, их колдун говорит, что в лесах появилась какая-то могущественная сила. Он называет их «демонами». По их поверьям, близится великая битва, в которой погибнет весь нынешний мир. Ну, такая местная версия апокалипсиса. Он боится их и думает, что, может, мы сумеем с ними справиться...

— Вот они, пришельцы! — тихо сказал Хенрик. — Настоящие пришельцы, не то что эти очковтиратели! Вот где они окопались!

— Быть может, быть может... — задумчиво пробормотал Глен. — Может, это и пришельцы. Кто знает? Интересно, почему практически все верования говорят о появлении в конце времен могущественных созданий, о катаклизмах, о великой битве, которая должна предшествовать концу света? Впрочем, это я так... Ладно, займемся более насущными проблемами.

Он нажал кнопку селектора.

В дверях возник патрульный — молодой парень со шрамом через все лицо.

— Отведите этого человека в столовую, накормите и устройте поудобнее, — распорядился Глен. — А завтра группа выходит на разведку. Он пойдет проводником. Завтра выходим, — обернулся он к индейцу. — Завтра... маньяна... понятно?

Тот кивнул. Он с уважением посмотрел на уродцев в банках, потом перевел такой же уважительный взгляд на Глена. Наверное, решил, что тот тоже курандейро... а может, даже и великий вождь.

— Ладно, — сказал великий вождь, — все поняли?

Он проводил взглядом удаляющегося лесного жителя.

— Быстро же они одичали, — заметил он. — Я читал где-то, что еще в двадцатом веке это было вполне цивилизованное племя. Они даже техникой кое-какой умели пользоваться. Но в нынешних лесах цивилизованному человеку не место. Там может выжить только дикарь.

— Рейнджеры выживают, — заметил Рамирес.

— Тоже мне, нашел цивилизованных людей! — фыркнул Глен. — А потом, что значит «выживают»? Дальше границ никто не суется. А уж если говорить о той пропавшей группе... Вам удалось хоть что-нибудь узнать от вашего пациента, Сандра?

Она покачала головой:

— Пока нет... Он бредит. То плачет, то начинает биться и кричать: «Нет! Это не они!»

Я провела сеанс гипноза — после него он вроде стал спокойнее, но вытянуть больше из него все равно ничего не удалось. Так, словно... — Она нахмурилась. — Словно какой-то участок памяти у него заблокирован. Но ведь это невозможно!

— Вы думаете? — холодно спросил док.

— Что значит, я «думаю»? Я знаю! У меня все-таки достаточная квалификация...

— Тут, в Гиблых Землях, все возможно, — примирительно заметил Глен. — Ладно, вернемся к насущным вопросам. Теперь у вас хотя бы есть проводник. Но все равно — задание исключительно опасное. Настолько опасное, что я не имею права вам приказывать! А потому спрашиваю: кто добровольно — я подчеркиваю — совершенно добровольно готов присоединиться к отряду?

— Это моя работа, шеф! — блеснул зубами Рамирес.

— Хорошо... Хенрик? — обернулся он к террористу.

— Я давно мечтал взглянуть в глаза этой сволочи, — мрачно ответил Хенрик, — жизнь положу, но доберусь до мерзавцев!

— Олаф?

Я ответил:

— Я ведь сотрудник Особого отдела. Кому, как не нам, заниматься всякими страшными тайнами, всем, что угрожает человечеству, понимаешь? Это мой долг.

— Карс?

— Доктор Бакстон, — серьезно сказал Карс. — Быть может, именно ради этого мы блуждали столько лет по Вселенной туда-сюда. Но, если я не вернусь, свяжитесь с нашим консулом. На мое место придет другой.

— Утешительная перспектива, — пробормотал Глен.

— Доктор Бакстон, — умоляюще проговорила Сандра, — может быть, все-таки...

— Никаких «может быть», — авторитетно сказал Глен. — С доком мы этот вопрос уже уладили. Послушайте, Сандра, неужели вы не понимаете — от вашего общения с этим беднягой будет гораздо больше толку, чем от ваших подвигов в Гиблых Землях. Мы отчаянно нуждаемся в информации — в любой информации... Как говорят наши краснокожие братья, «я все сказал!».

...Весь день я провел, готовясь к экспедиции — Глен завалил нас отчетами патрулей, данными метеослужбы, картами... Правда, от карт особого толку не было; либо они были составлены очень приблизительно — по описаниям тех групп, которым удалось хоть ненамного углубиться в Гиблые Земли и вернуться обратно, либо имели весьма почтенный возраст. Некоторым вообще было больше ста лет — эти относились к периоду «до Катастрофы», а с тех пор рельеф местности сильно изменился. Некоторые, более точные, были сделаны вскоре после катаклизма, в те времена, когда аэрофотосъемка была все еще возможна и самолеты могли пролетать над огромным пространством, которое сейчас лежало за стенами базы, скрывая свои тайны от любопытных глаз.

Нам предстояло продвигаться пешком; ни одна машина не смогла бы пройти сквозь топи или завалы гниющих деревьев, оплетенных новой бурной порослью. Радиация ускорила рост растений, и за сто с лишним лет непроходимые джунгли поднялись даже там, где раньше были степи и города. Никто так и не знал, что делается в заброшенном Мехико, который раньше — до Катастрофы — был самым крупным городом на всей планете. Самое страшное — возможно, там еще жили люди или то, во что они превратились...

Из-за того, что мы не могли отправиться в путь на машине, приходилось двигаться налегке: палатка, спальные мешки, оружие — только самое необходимое. К самому необходимому относился и дозиметр: нам предстояло кормиться только тем, что мы могли отыскать в Гиблых Землях, а многие животные и растения до сих пор были радиоактивны, несмотря на то что уровень радиации в самих джунглях упал почти до нормы. Глен пытался объяснить мне, почему так бывает, но я, честно говоря, его не очень-то понял...

Пока мы собирались, наступил вечер. Вокруг воцарилась тишина, прерываемая лишь заунывной перекличкой каких-то ночных птиц. Я вышел из душных, прокаленных яростным солнцем помещений базы и, стоя на крыльце, с жадностью вдохнул ночной воздух, напоенный неведомыми запахами. Я до сих пор чувствовал себя тут не в своей тарелке — все мне было непривычно: яркие краски, звуки, пряные ароматы южной ночи словно таили в себе смутную тревогу. Луна взошла и зависла над базой — огромная, яркая... я подумал о базе кадаров, висевшей над землей в этом холодном мире, и в первый раз пожалел их — несчастные бесприютные странники... если уж мне так одиноко здесь, на моей родной планете, то что же должны чувствовать они, не имея возможности вернуться домой...

Я вздохнул и уже повернулся, чтобы возвратиться обратно, в свою каморку, как вдруг почувствовал, что на крыльце появился кто-то еще. Нежная рука легла мне на плечо.

Это была Сандра.

Освещенная холодным лунным светом, она казалась воплощением этой южной ночи... Если в Норвегии она казалась мне яркой, экзотической, даже чуть-чуть пугающей, то здесь она была самой собой — плоть от плоти напоенных жарким солнечным светом земель, этой ночи, такой же душистой и жаркой, как ее тяжелые бронзовые волосы. У меня даже дух захватило — так она была хороша!

Лицо ее, обращенное ко мне, напоминало нежный мерцающий цветок из тех, что, по поверьям, расцветают в полнолуние и увядают к восходу солнца.

Волшебный цветок.

— Вы выступаете в путь завтра с утра, правда? — спросила она.

Я молча кивнул.

— Я тоже хотела пойти с вами... Сам знаешь... Бакстон меня не пускает. Говорит, я здесь нужнее. Но, знаешь, на самом деле мне кажется, что он просто сексист.

— Кто?

— Ну, из тех, кто считает, что женщины не годятся для тяжелой и опасной работы. — Она нахмурилась. — Я думаю, что он не прав. Я ничем не хуже остальных.

— Конечно, — сказал я внезапно охрипшим голосом. — Даже лучше...

Она ничего не ответила, и лунный свет залил пространство между нами, словно холодный ртутный поток.

— Но, если честно, я рад, что ты не идешь с нами, — сказал наконец я. — Я не мог бы больше ни о чем думать, все время бы волновался за тебя. Я слишком люблю тебя, чтобы позволить тебе погибнуть!

Она внимательно посмотрела на меня.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что я слишком люблю тебя, чтобы...

Она вздохнула.

— Ах, Олаф! Почему ты не говорил этого раньше?

— Разве я не...

Она покачала головой.

— Я думала, я для тебя так... один из приятных эпизодов.

— Может, я и сам так думал... сначала... но теперь мне кажется... нет, я уверен...

И я шагнул к ней, преодолев узкую полосу пространства. И с изумлением увидел слезы, блеснувшие у нее на лице.

Она прижалась ко мне с таким пылом, который трудно было подозревать в этой внешне сдержанной и деловой женщине.

Может быть, виной тому был лунный свет?

Я запустил пальцы в ее пышные волосы и поцеловал ее. Лицо ее, обращенное ко мне, мерцало во тьме, взгляд мой тонул в ее глазах, точно в лунных колодцах.

Господи, ну почему нужно было забраться в эту полную опасностей глушь, чтобы наконец обнять женщину, которой я так отчаянно домогался все это время!

Я подхватил ее на руки, и она покорно обняла меня за плечи.

— Пойдем... — сказал я, — пойдем ко мне...

В тесной комнатке, куда сквозь щель в задернутых ставнях проникал все тот же кружащий голову лунный свет, ее тело казалось залитым серебром, словно она и сама была порождением этой ночи, этой загадочной тьмы, что со всех сторон обступала притихшие помещения базы...

Это была именно моя женщина — она была создана для меня, ее нежное, но сильное тело послушно отвечало всем моим ласкам... Голова у меня шла кругом, я погружался в блаженное забытие, окружающий мир исчез, и единственным, что я слышал во тьме, было ее частое прерывистое дыхание...

Сандра, радость моя!

Она обвила мою шею руками с такой силой, словно боялась потерять меня.

Я поцеловал ее, прошептав в маленькое изящное ухо:

— Ну что ты, детка? Все хорошо!

— Ах, Олаф! — грустно сказала она. — Что с нами будет? Ведь ты на рассвете уйдешь!

— Но ведь я же вернусь, — сказал я как можно уверенней.

— Глен говорил, это очень опасная экспедиция... да ты и сам знаешь... Олаф, ты бы видел, в каком состоянии этот рейнджер — мой пациент! Иногда мне кажется, словно он просто не хочет вспоминать все, что с ним случилось. Что-то настолько страшное...

— Ну что меня может напугать, любимая? Я на своем веку такого навидался... потом, ведь я не один! Ты посмотри, какие у меня спутники! Тот же Карс — ведь ты его знаешь! Ты же его видела в деле! Хенрик дерется как зверь! Даже этот мальчик — Рамирес... Выжить тут — уже искусство, а он ходил в рейды и возвращался.

— Но не в глубокий поиск!

— Что с того? Опыт-то у него есть. Потом, не забывай, с нами пойдет док. Случись что он поможет. Он свое дело знает...

Она зябко повела плечами.

— Док этот... Он меня пугает... знаешь...

— Да?

— Может, это глупо звучит, но я привыкла к тому, что мужчины ко мне относятся... хорошо. Привыкла ощущать на себе мужские взгляды. Тебе, наверное, трудно понять, но об этом даже не думаешь... это как воздух. Ты начинаешь вспоминать о воздухе, только когда его не хватает.

— Ну и что?

— А этот твой док... он холодный, точно полярная ночь.

Я потрепал ее по плечу.

— Детка, ты же психолог. Ну мало ли какие у мужика могут быть странности? Не мне тебе объяснять.

Она задумчиво покачала головой.

— Ну, не знаю...

Я вновь наклонился и поцеловал ее.

— Доброй ночи, дорогая... завтра, на рассвете, мы выходим. Лучше попрощаемся сейчас. Ты спи... Ни о чем не тревожься.

Она снова обхватила меня за шею.

— Береги себя, Олаф! Мне будет без тебя так одиноко... тут так страшно...

Я крепче обнял ее, прижал к себе, отстранил...

— Тебе нечего бояться. Здесь ребята крутые! Один командир чего стоит!

Она усмехнулась:

— Да, он забавный.

— А ты не тревожься. У нас столько времени впереди... целая вечность.

Интересно, верил ли я сам в то, что говорил?

Гиблые Земли

6 ноября 2128 года

Я скинул с плеч тяжелый вещевой мешок и огляделся.

Затрудняюсь сказать, как я представлял себе Гиблые Земли — должно быть, как нечто ужасное, но влекущее и загадочное, где опасности подстерегают тебя на каждом шагу. Но если так, то я, кажется, ошибался. Они меня разочаровали.

Они оказались просто мерзким местом.

Пожалуй, единственное, что отличало их от остального мира — это какая-то неправильность.

Тут все было неправильным.

Трава в человеческий рост, с чудовищно разбухшими стеблями; огромные грибы, слабо фосфоресцирующие в зеленом полумраке, — и, словно насмешка над этим гигантизмом, скрюченные карликовые деревья, едва достающие мне до пояса. И все это переплеталось, душило друг друга то ли в объятиях, то ли в смертельном поединке, и нам, чтобы прокладывать себе путь, приходилось пользоваться мачете.

Почва под ногами хлюпала при каждом шаге, из-под ног в разные стороны расползались какие-то черные скользкие твари: то ли огромные пиявки, то ли небольшие рыбы. Кто-то кричал в зарослях — пронзительными птичьими голосами, которые иногда, словно в насмешку, опускались до басовитого хриплого рева.

Проводник наш, босые ноги которого легко ступали по этому адскому месиву, обернулся к доку и что-то сказал.

— О чем он там толкует? — спросил Хенрик.

— Он говорит, нам надо быть осторожнее, — объяснил док, — мы находимся неподалеку от деревни лесных людей.

— Не вижу никакой деревни, — сердито сказал Хенрик, — да и кто может жить в этом пакостном месте?

— Лесной омбре, — подтвердил проводник.

— Мутировавшие обезьяны, — сказал док, — ревуны или что-то в этом роде.

Индеец вновь обернулся к нему и горячо заговорил. Среди нас один только док знал испанский достаточно, чтобы разбирать эту языковую мешанину.

Док усмехнулся.

— Он говорит, что после того, как земля затряслась и выросли эти леса, они тоже захотели быть как люди и стали строить себе хижины. Они даже научились делать копья и луки и охотятся на крупную дичь, но нас они не тронут. Они знают, что такое огнестрельные ружья.

— Лесной омбре боится омбре бланко, — подтвердил индеец. — Он нам не мешать ходить. Он только смотреть. Да вот он.

Я с изумлением увидел мелькнувшее в кустарнике гибкое тело. Существо было некрупным, размером с пятилетнего ребенка, но с непомерно длинными цепкими руками. На миг меж раздвинутых стеблей гигантской травы показалось лицо с огромными блестящими глазами. Встретившись со мной взглядом, странное создание с типично обезьяньей мимикой вытянуло губы трубочкой и сказало:

— У-ух!

В его голосе не было угрозы. Скорее насмешка.

Хенрик было взялся за ремень висевшего за спиной ружья, но Карс, который стоял рядом с ним, задержал его руку.

— Не надо стрелять, Хенрик, — серьезно сказал он, — ты же видишь, он безвредный.

Создание с интересом оглядело Карса, подмигнуло ему, вновь произнесло «у-ух», на этот раз с явным восхищением, и исчезло в траве.

— Тоже мне, нашел брата по разуму, — сердито сказал Хенрик, поправляя ремень, — черт, он же совсем голый!

— Они терять свои волосы после того, как земля трясись, — объяснил наш проводник, — они очень хотят быть как все омбре.

— Похоже на скачкообразную мутацию, — вздохнул док, — потеря волосяного покрова, появление зачатков разума... с людьми в незапамятные времена тоже случилось что-то в этом роде... Забавно, но почти все крупные животные после Катастрофы развили какие-то зачатки интеллекта.

— И как вы, высоколобые, это объясняете? — спросил Хенрик.

Док задумчиво покачал головой.

— Насколько я знаю, никак. Конечно, тут все сплошь было заражено, но не настолько, чтобы вызвать такие стремительные изменения. Тем более направленные. Вот мы на базе и пытаемся разобраться, что к чему. — И добавил: — Эти места — просто рай для биологов. И ад для всех остальных.

Проводник наш медленно водил головой из стороны в сторону, точно собака, нюхающая ветер.

— Можно ходить, — сказал он наконец, — безопасно.

— Спроси его, куда он нас тащит, — обернулся к доку Хенрик.

Тот вновь обменялся с индейцем несколькими фразами, из которых я уловил только: «демоны», «торопиться» и «большая опасность».

— Он говорит, что это — маленький лес, — объяснил док, — а нам нужно в большой. Это где-то в предгорьях. Именно там, говорит он, чаще всего и появляются демоны. Но там — опасные места.

— Почему они их так боятся? — спросил я.

— Потому что они — не люди, — сухо ответил док.

— Надо же! Не люди! А Карс — человек? Что-то не похоже, чтобы он его боялся.

— Карс — омбре, — произнес индеец, который прислушивался к разговору. — Омбре бывает разный. — И великодушно добавил: — Даже такой уродливый.

— По нашим меркам я не так уж и плох, — обиженно сказал Карс, — меня даже включили в график. Правда, пока условно...

— Какой график? — удивился я. Это было уже что-то новенькое.

— Производителей. Мне сказали, если я вернусь из опасного похода, консул даст мне хорошую рекомендацию...

— Ух ты! — восхитился Рамирес. — Может, и мне обратиться к какому-нибудь консулу?

— Обратись к буфетчице на базе, — посоветовал Хенрик, — той, смугленькой. Я видел, как ты ее за задницу щипал.

— Хенрик, но это же несерьезно! А тут — график!

— Смотрите лучше под ноги, — буркнул док, — похоже, тут трясина.

Мы продвигались дальше, осторожно ощупывая почву перед каждым шагом срезанными наспех слегами. Зеленая мутная жижа булькала — иногда на поверхность вырывались пузыри газа, словно там, в глубине, ворочался кто-то большой. В воздухе стоял удушливый смрад.

Единственным, кто двигался легко и уверенно, был наш проводник. Каким-то поразительным чутьем он находил в этой трясине относительно безопасные тропки. В конце концов мы положились на его шестое чувство, или чем он там руководствовался, и, после нескольких часов изматывающего пути в удушливых испарениях, выбрались на относительно твердую почву.

Пейзаж вокруг нас изменился. Гигантская трава незаметно сошла на нет, зато вверх вознеслись мощные древесные стволы, покрытые белой корой. Казалось, они источают в сумерках призрачный свет.

Темнота все сгущалась, идти дальше становилось опасно.

Мы расположились на ночлег у подножия гигантского дерева, подальше от болота. Костер мирно потрескивал, отбрасывая красноватые отблески на стволы деревьев, придавая туману, клубящемуся в низинке, зловещий багровый оттенок.

Я вновь поразился странной тишине, царившей в этом лесу, — не так я представлял себе тропические джунгли. Все замерло, словно... поджидая нас.

Должно быть, и Хенрик думал о том же самом, потому что он вдруг обратился к Рамиресу:

— Ты же вроде говорил, что Гиблые Земли смертельно опасны? Ваши патрули, я так понял, даже боятся соваться дальше границы лесов! А мы идем уже третьи сутки — и ничего...

Рамирес пожал плечами:

— Я говорил то, что знаю. Я ведь тут не первый год работаю. Когда в Ногалесе оборудовали базу, мы потеряли несколько патрульных групп, и командир Бакстон тогда запретил глубокий поиск. Потом, недавно, он, правда, решил рискнуть.

— А, — сказал я, — это та пропавшая группа?

— Ну да. До этого была еще экспедиция Ланье, но ту снаряжали не мы, а эти идиоты из Нью-Йорка. Ланье вроде был из фанатиков — из тех, что рвутся в бой во имя науки. Он их уломал. Потом, он эту экспедицию большей частью сам и финансировал.

— А ты его знал?

Он усмехнулся.

— Не такая я важная птица, чтобы знаться с Ланье. Так, видел мельком, когда они останавливались в Ногалесе. Бабенка у него была шикарная. Да вы, наверное, о ней слышали?

— Кто же о ней не слышал!

Я вдруг почувствовал озноб. Уже несколько минут меня преследовало странное ощущение, что чей-то внимательный взгляд упирается мне в спину. Я даже обернулся, но сзади никого не было — лишь клубы тумана, напоминающие бесформенные фигуры.

Индеец, который сидел неподвижно, скрестив ноги и уставившись в огонь, вдруг обернулся к доку и что-то возбужденно проговорил.

— О чем это он? — спросил Хенрик.

— Он говорит, что мы продвигаемся беспрепятственно потому, что нас пропускают.

Иначе бы мы не ступили дальше границы большого леса.

— Кто пропускает?

— Хозяева леса. Демоны.

— Пошло-поехало, — проворчал Хенрик.

Карс, сидевший рядом со мной, вдруг схватил меня за руку.

Я обернулся к нему, но он, не говоря ни слова, уставился в пространство между деревьями.

Там, в клубах тумана, смутно вырисовывалась человеческая фигура.

— Там кто-то есть, — прошептал Хенрик.

Молниеносным движением он подхватил лежавшее рядом с ним ружье и взвел курки.

— погоди, не стреляй, — вмешался док.

— Нельзя стрелять, — добавил наш проводник, явно встревожившись, — очень нехорошо.

— Эй, — негромко сказал Хенрик, — ты, там! Я держу тебя на мушке. Иди сюда.

Человек во тьме не двинулся с места. Клубы тумана колебались, и его фигура дрожала и расплывалась вместе с ними.

— Это Скиталец! — прошептал Рамирес.

— Может быть, — мягко ответил Хенрик, — но пусть он скитается сюда.

— Его нельзя убивать, — настаивал индеец, — будет очень плохо.

— Это ему будет очень плохо, — возразил Хенрик, — сказано тебе, выходи оттуда! И руки за голову!

— Хенрик, — вмешался я, — брось свои штучки. Это тебе не за кадрами бегать!

Хенрик, по-прежнему не выпуская странный силуэт из-под прицела, медленно поднялся и сделал шаг по направлению к деревьям.

— Хенрик, осторожней!

Но тот уже своей скользкой походкой продвигался за пределы освещенного костром пространства.

Я двинулся за ним.

Еще несколько шагов, и Хенрик окажется лицом к лицу с неведомым гостем.

— Все, — неожиданно сказал индеец за моей спиной, — его больше нет.

И правда. Темный силуэт, застилаемый клубами тумана, внезапно исчез. Я даже не успел заметить, как это произошло, — он не ушел, даже не растворился в воздухе — просто на том месте, где он только что стоял, больше ничего не было — лишь туман и мрак...

Хенрик замер на границе светового круга, напряженно вглядываясь в темноту.

Я подошел к нему, положил руку на плечо.

— Хватит, Хенрик. Пошли обратно.

К моему удивлению, он не стал со мной пререкаться, а молча вернулся к костру. Вид у него был странный — то ли растерянный, то ли испуганный.

— Ты сумел его разглядеть? — с интересом спросил Карс.

— Нет, — ответил он как-то слишком поспешно. — Нет.

Мне почему-то показалось, что он врет.

Остаток вечера Хенрик просидел молча, уставившись в огонь. Больше из него ничего не удалось вытянуть.

Мы стали укладываться. Дежурить решили по двое, и я взял себе в пару Карса — просто по привычке. Нам выпала первая вахта. Я устроился поближе к костру, время от времени

подкидывая в него ветки, тогда как мой напарник, склонившись, что-то черкал в своем блокноте. Каракули кадаров я не разбирал, но мне стало любопытно, что он там корябает. Завешание, что ли, пишет? Или ходатайство насчет включения в этот самый график производства?

— Что ты там пишешь, Карс?

— Отчет, — серьезно ответил мой напарник. — Или дневник... я уже и сам не знаю. Пока я мог его переправлять, то, я думаю, это был все-таки отчет. А тут куда его денешь? Раз я заполняю его каждый день и никуда не отправляю, тогда это называется дневник, правильно? И я хочу попросить тебя вот о чем... Если со мной что-нибудь случится, Олаф...

— Не болтай глупости, — сердито ответил я.

— Нет, Олаф... давай заглянем правде в глаза. Каждый из нас может не вернуться. Надеюсь, это будешь не ты. Так вот — передай мой дневник в консульство. Обещаешь?

Я вздохнул.

— Ладно, обещаю. Но ты сам его передашь в это свое консульство. Ты мужик крепкий. Мы вернемся. Такое у нас задание — выяснить как можно больше и вернуться.

— Ты оптимист, Олаф. Это хорошо. Всегда приятно иметь дело с оптимистом.

— А ты у нас, получается, пессимист. Брось, не отбивай хлеб у Хенрика!

— А, понял... но мы, кадары, не оптимисты. И не пессимисты.

Он вздохнул, захлопнул блокнот и спрятал его в нагрудный карман штормовки.

— Мы реалисты.

* * *

Из отчета агента 18–15

Сбивает с толку то, что здесь все слишком необычно. Все Гиблые Земли — это сплошное отклонение от нормы; если здесь действует какая-то направляющая сила, она, нужно сказать, маскируется очень удачно. Предположим, это действительно какой-то враждебный разум... но тут полно разумной жизни. По какой-то непонятной причине Катастрофа вызвала направленные мутации, и многие из обитающих здесь животных приобрели зачатки интеллекта. Как отыскать среди всего этого хаоса тот, единственный разум? И где он укрывается? Может быть, это и вправду те загадочные демоны, о которых говорит наш проводник? Но откуда они взялись? И главное — чего они добиваются? Кто-то планомерно уничтожает цивилизации на всех планетах — но какое же нужно неизмеримое могущество, чтобы поставить себе такую зловещую цель? И почему тогда бок о бок с человеком стали возникать другие, Новые разумные существа? Где тут логика?

Неужели мы когда-нибудь все-таки приблизимся к разгадке? Но даже если и так, что мы сможем сделать? Как сможем противостоять этой угрозе — даже объединившись с землянами? Неужели наше положение совсем безнадежно?

Гиблые Земли

7 ноября 2128 года

Проснувшись, я увидел, что наш проводник не терял времени даром: он смастерил нехитрое удилице и уже успел поймать несколько рыб. Не знаю, какие раньше тут водились рыбы, но эти были противными, розовыми, без чешуи и сплошь покрыты слизью.

Глаз у них тоже не было.

— Ты что же, думаешь, что они съедобны? — с сомнением спросил Хенрик.

Индеец как раз подсек очередную рыбу, и она шлепнулась рядом с шевелящейся кучей.

— Можно есть, — ответил он. Потом насторожился и показал на последнюю добычу.

— Всех можно. Эта — нельзя. Эта очень плохо.

— Не вижу разницы, — заинтересовался Карс, — они все одинаковые. Он вообще уверен, что это рыбы?

— А кто это может быть, дружище?

— Я думал, это такие большие черви. Глисты, да?

— Ну тебя к черту, — сердито сказал Хенрик.

— Хорошая рыба, — настаивал индеец. — Вся, кроме эта. Эта нельзя.

Он уже нагнулся, чтобы кинуть добычу обратно в ту вонючую лужу, откуда он ее выудил, но док остановил его и отобрал рыбу.

— Что ты делаешь? — спросил Хенрик.

— Хочу проверить ее на радиацию.

Он натянул резиновые перчатки и взялся за дело. Хенрик с интересом наблюдал за его неаппетитными манипуляциями.

— Точно! — с удовлетворением произнес наконец док. — Эта тварь здорово фонит. Ее и впрямь нельзя есть. Дай-ка мне еще вон ту, крайнюю!

— Зачем?

— Слово «контроль» тебе о чем-нибудь говорит?

Хенрик пожал плечами, но послушно исполнил роль ассистента.

— А эта в порядке, — заключил спустя несколько минут док. — Он прав. Ее можно есть. Она безвредна.

— Ты хочешь сказать, — удивился Хенрик, — что этот дикарь может отличить зараженную рыбу от нормальной?

— Угу, — подтвердил доктор, — похоже на то.

— Без дозиметра, на глазок?

— Уж не знаю как. Хенрик, они безвылазно живут в Гиблых Землях. Не умеют они тут ориентироваться, они просто не выжили бы.

— В него что, дозиметр встроен?

— Я думаю, это интуиция. Шестое чувство. Наверняка они делают это бессознательно. Хочешь, давай у него самого спросим.

Он обернулся к индейцу:

— Как ты отличаешь хорошую рыбу от плохой?

Тот равнодушно пожал плечами.

— Никак. Просто знать. Все в племени это знать. Плохая рыба — плохо. Нельзя есть.

— Ясно? — сказал док Хенрику.

— Мутанты, — мрачно пробормотал Хенрик, — все они просто-напросто мутанты.

— Ты тоже мутант, — успокоил его док, — и я тоже. Все человечество — результат древней мутации.

— Какая мне разница, что стряслось в незапамятные времена? Теперь-то что происходит?

— А что происходит?

— Ты — ученый. Ты мне и объясни.

— Да ладно вам, — вмешался я. — Что толку ссориться на голодный желудок? Дай мне ножик, док. Я их хотя бы выпотрошу, этих тварей.

— Это не нож, а скальпель, — возразил док.

— От этого он хуже не режет.

— Жарить на горячий камень, будет хорошо, — задушевно сказал индеец.

— Ну, так нужно раскалить этот камень. Рамирес! Эй, Рамирес!

Тут только я сообразил, что Рамирес с самого утра сидит, неподвижно уставившись в одну точку.

— Что с тобой, приятель?

Тот вздрогнул и обернулся.

— Ничего, — неубедительно ответил он, — порядок.

— Поищи какой-нибудь плоский камень. Мы испечем на нем эту дрянь.

— Чего?

— Да что с тобой? Давай шевелись!

Он поднялся и, точно лунатик, побрел на поиски.

— И давно он так? — спросил Хенрик.

— Тебе лучше знать, — отозвался док, — ты же с ним ночью дежурил.

— Да он вроде был в норме. Правда, мне показалось, что он то ли сонный, то ли усталый. Но я и сам вымотался. Рамирес! Эй, Рамирес!

Тот как раз приволок к костру здоровенный плоский камень — как раз такой, как надо.

— Расскажи доку, как ты себя чувствуешь, — настаивал Хенрик, — не хватало нам, чтобы ты расклеился.

— Да никак, — вяло отозвался Рамирес, — вот только знобит немного...

— Док, — Хенрик все никак не мог успокоиться, — может, это лихорадка какая-нибудь? Ты вроде толковал что-то...

— Маловероятно, — задумчиво пробормотал док, — после тех случаев все на базе получили инъекцию вакцины. Разве что это что-то новенькое... Иди сюда, Рамирес. Я тебя осмотрю.

— Со мной все в порядке, — уперся Рамирес, — тоже мне, нашел время.

Но все же подошел.

— Что ты собираешься с ним делать? — поинтересовался я.

— Так, стандартный осмотр. — Док уже копался в своей аптечке. — У той лихорадки симптомы совершенно определенные, да и начиналась она по-другому.

— Не буду я при всех, как дурак, в пасть градусник совать, — заупрямился Рамирес, — или задницу заголять.

— Ладно, — покладисто сказал док, — давай отойдем.

— Что он делать с тот омбре? — заинтересовался индеец.

— Смотреть. Он его лечить, — ответил я, машинально переходя на ломаный язык нашего проводника, — он этот... — Я напрягся и наконец вспомнил. — Курандейро.

— Болеть в лесу плохо, — индеец покачал головой. — Опасно! Все потому, что он видеть Васеладо. Скиталец. Смотреть Васеладо очень опасно.

— Вот это номер, — насторожился я, — опасно? Чем?

— Васеладо звать к себе, — коротко ответил индеец.

— Брось, малый. Мы его второй раз видим, и ничего. Он, правда...

Я потер лоб и задумался. Я лишь смутно помнил, что мне примерещилось тогда, в Долине Смерти; если видишь что-то очень уж страшное, всегда проще забыть. Считать, что это галлюцинация.

— Васеладо звать кого сам хотеть, — пояснил проводник. — Кто готов. — И спокойно добавил, осуждающе покачав головой: — Васеладо не люди.

Я обернулся к Хенрику, который прислушивался к разговору.

— Ты ему веришь, Хенрик? Черт, дока нет. Я никак не пойму, о чем он толкует.

— Я тоже, — мрачно ответил Хенрик, — но мне это не нравится.

— Ага... а я, по-твоему, в восторге.

— Курандейро со всем справляться, — твердил свое проводник, — но не с демонами. Нет.

Минут через пятнадцать док наконец вышел из-за ствола огромного дерева, где оборудовал свой полевой госпиталь. В ответ на вопросительный взгляд Хенрика, он лишь покачал головой.

— На всякий случай я впрыснул ему еще одну дозу вакцины. Но симптомов никаких. Да он ни на что и не жалуется.

— Как ты себя чувствуешь? — вновь спросил я Рамиреса.

— Нормально, — тот пожал плечами.

— Ладно, — сказал Хенрик, — после завтрака сворачиваем лагерь. Так куда, ты говоришь, теперь двигать?

— К горы, — сказал проводник. — Они там жить.

И, помолчав, добавил:

— Мы тоже там жить. Это раньше быть наша земля.

— И долго нам идти?

— Три день. Четыре. Как они хотеть. А вы им говорить — пусть убираться отсюда.

— Послушают они, как же, — вздохнул Хенрик.

— Почему бы вам не переселиться в какое-нибудь другое место, — спросил я, — если вы их так боитесь?

— Мы отходить, — пояснил он, — они идти за нами. Они везде.

— Хорошенькое дело, — грустно сказал Карс, — мы попали, как курва в щип.

— По форме ты не прав, но по существу так и есть.

...Мы продвигались дальше. Ветви деревьев нависали так низко, что приходилось идти пригнувшись. Земля была покрыта пружинистым ковром, и в этом сумраке я с трудом разглядел, что она сплошь поросла огромными грибами, белесыми и гладкими. Казалось, мы ступаем по головам скелетов, стоймя закопанных в землю.

Док немного обогнал нас, отколупнул кусочек от одного такого гриба и теперь возился со своим оборудованием.

— Они совсем не радиоактивные, — сказал он, когда мы подошли, — странно. Обычно

грибы аккумулируют всякую дрянь.

— Есть нельзя, — тут же встрял в разговор индеец, — плохо.

Похоже, он смотрел на мир в основном с точки зрения его съедобности.

— Ты их есть, — пояснил он доку, — твоя душа улетать из тела. Очень опасно. Может не вернуться.

— Наверняка галлюциногены, — задумчиво сказал док, — такие шутки росли в этой местности и до Катастрофы. Правда, не много. Их местные колдуны лопали.

— Странно, что тут так тихо, — сказал Хенрик, — я думал, отбою не будет от всякой живности.

— Уж больно поганое это место, — отозвался я, — кому охота тут жить? Я бы не стал, будь я даже мутант.

— Что значит — тихо? — удивился Рамирес. — Вы разве не слышите, что нас кто-то зовет?

Он напряженно озирался, сверкая в полумраке расширенными глазами.

Я насторожился. Прислушался, но вокруг царила мертвая тишина. Вот именно — мертвая. Даже наших шагов и то слышно не было — упругий покров заглушал их.

— Док?

— Может, он этой дрянью надыхался? — предположил док. — Ядовитые испарения...

— Почему я не надыхался? Кто тебя зовет, Рамирес?

— Не знаю, — растерянно отозвался тот, — но я отлично слышу. Оно... оно знает, как меня зовут. Все время окликает.

— Говорю тебе, с ним неладно, — настаивал Хенрик.

— Ты тоже ничего не слышишь?

— Как можно услышать чужую галлюцинацию? Ему все время что-то мерещится.

— Нехорошо, — зловеще каркнул индеец, — очень плохо.

— Док, да уйми ты этого прорицателя!

— Оставь! Он лучше знает, что к чему. Они жили в этих местах, еще когда ты под стол пешком ходил.

— Что он может знать? Он же дикарь! Ты погляди на него — картинка из детской книжки, да и только! А у этого щенка наверняка лихорадка. Вот ему и мерещится всякая дрянь.

— Говорю тебе, нет у него никакой лихорадки! Ничего у него нет! Физически он в норме. Я тоже, по-твоему, ни в чем не разбираюсь?

— Пошли быстрее, — вмешался я, — нам нужно выбираться отсюда. Ты только погляди вокруг — тут что угодно может примерещиться!

Но на душе у меня было беспокойно.

...Странная поросль, застилающая почву, внезапно кончилась, и мы очутились в роскошном тропическом лесу — Катастрофа его словно не затронула или сделала еще прекрасней; гибкие лианы оплетали стволы деревьев, в кронах горели яркие цветы, с ветки на ветку перепархивали крохотные птицы, такие маленькие, что поначалу я принял их за насекомых. Какой же красивой была Земля, пока с ней не стряслась эта гадость!

Наш проводник, выбравшись на зеленую, устланную мхом и папоротником почву, встряхнулся, точно собака, вылезшая из воды.

— Хороший лес, — сказал он, — добрый. Я иди кого-нибудь убивать.

— Очень добрый, — пробормотал Карс.

— Он имеет в виду, что тут можно поохотиться, — пояснил док, — скорее всего тут полно всякой дичи. И она вполне съедобна.

— В этом лесу нет омбре, — пояснил проводник, — мы не убивать омбре. Иначе их духи на нас обижаются. Убивать тех, кто животный.

— Они по-своему гуманисты, — усмехнулся док, — и не убивают ради пищи разумных тварей. Только настоящих зверей.

— Не понимаю, — сердито сказал Хенрик, — и то, и то — животные.

— Типичная точка зрения террориста! — вдруг возмутился Карс. — Если он не похож на тебя, его можно убивать, да? Кадаров, например!

— Тоже мне, — вспыхнул в свою очередь Хенрик, — нашелся ангел! Да у вас, у кадаров, на совести больше смертей, чем у всей нашей организации!

— Господи, — вмешался я, — вы хоть тут перестанете ругаться? Шесть человек в делянках Гиблых Земель, и то никак, понимаешь, поладить друг с другом не могут!

Проводник наш, расчехлив копье, пригнулся и нырнул в заросли, не обращая внимания на перебранку у себя за спиной.

— Ну и как же мы без него? — удивленно спросил Карс. — Куда он смылся?

— Он нас отыщет, — успокоил его док, — он в отличие от тебя тут дома.

— Ладно, — сказал я, — раз уж мы идем без него, нужно продвигаться осторожней.

— Почему бы нам просто не остановиться и не подождать его? — спросил Хенрик.

— К чему? — возразил я. — Все равно придется нагонять. Тем более в сумерках продвигаться труднее.

Идти по упругому зеленому ковру было почти приятно: радужные птицы выпархивали из-под ног при каждом шаге; с ветвей свешивались гибкие стебли, усеянные мелкими белыми цветами, источающими одуряющий аромат.

Даже Хенрик как-то смягчился, глядя на всю эту красоту.

— Красивый лес, — снисходительно произнес он, обращаясь к доку, — тут всегда так было?

— Черта с два, — сухо ответил док, — это же тебе не Юкатан. Тут вплоть до устья Рио-Гранде была сплошная пустыня. Жара. Кактусы. Вы что, книжек не читали?

— Делать мне нечего! — отрезал Хенрик.

— После Катастрофы выпало огромное количество осадков. Хватило бы лет на пятьсот. Плюс радиация. Плюс еще неизвестно что. Лес начал расти просто с фантастической скоростью. Да еще миграции животных по перешейку, из глубин Южного континента. Они сюда поперли просто со страшной силой, и тоже неизвестно почему.

— По нашим данным, численность многих видов после Катастрофы резко увеличилась, — вмешался Карс. — Они начали размножаться в бешеном темпе. И каждое новое поколение чем-то отличалось от предыдущего.

— Мутации, — вздохнул док.

Карс обогнал меня и теперь возглавил отряд — выносливость у кадаров просто потрясающая. Зато грациозностью они похвастаться не могут — он ломился, разрывая спутанные стебли папоротников, точно небольшой, но очень энергичный носорог.

Хенрик, который шел рядом со мной, что-то раздраженно бормоча себе под нос, вдруг резко затормозил и схватил меня за руку.

— Вели ему остановиться.

— Чего ради? Пусть себе идет первым, если ему нравится.

— Не в этом дело, — рассеянно возразил он. — Эй, Карс!

Он даже обогнал меня и, добежав до Карса, который пер себе дальше, не обращая внимания на нашу перебранку, схватил его за плечо и изо всех сил толкнул назад.

Карс, не ожидавший такой подлости, пошатнулся и без особого протеста сел на задницу.

— Ты что, — я догнал их, — совсем свихнулся? Да чем же он тебе так насолил, что ты ему проходу не даешь?

Но Хенрик, не обращая внимания на мои упреки, стоял, растерянно вглядываясь в зеленоватый сумрак. Здесь густые заросли зеленели как-то особенно ярко, а за ними мрачно возвышалась колоннада деревьев.

Карс поднялся с земли и тоже недоуменно вытаращился перед собой.

— Видишь там, сбоку, несколько камней, Карс? — сказал наконец Хенрик. — Возьми-ка тот, побольше.

— Хорошо, Хенрик, — покорно сказал мой напарник, — ты совсем сошел с ума, да?

Но без особого усилия поднял с земли здоровенный валун.

— Отлично. А теперь брось его в самую середину поляны.

Такой бросок был под силу только кадару; камень приземлился в намеченную точку, но вместо того, чтобы с гулом удариться о землю, ухнул куда-то вниз, и зеленые перья папоротников сомкнулись над ним.

— Дьявол, — пробормотал док, — что это там такое?

Хенрик, обломив с ближайшего дерева ветку подлиннее, осторожно раздвинул ею спутанные стебли. Там, в обнажившейся под зеленым покровом яме, сплошь устланной густым слоем слизи, ворочалось что-то огромное, бесформенное, тщетно пытаясь высвободиться из-под тяжелого валуна.

— Ну и ну! — сказал док со здоровым восхищением специалиста. — Такого я никогда еще не видел! Наверняка тоже какой-нибудь мутант!

— Да откуда они берутся-то все? — Я поглядел на Хенрика: — Послушай, приятель, Карс тебе должен спасибо сказать. Ты ведь ему жизнь спас.

— Похоже на то, — жизнерадостно признался Карс, свесившись над ямой.

Док внимательно посмотрел на Хенрика.

— А откуда вы знали, что здесь ловушка, Хенрик? — медленно спросил он.

Хенрик в недоумении поглядел на него, растерянно провел рукой по лицу.

— Черт, — сказал он наконец, — да я и сам не знаю. Просто... почувствовал, что там что-то неладно.

— И раньше так бывало?

— Никогда, — сердито ответил он, — я что, по-вашему, ненормальный?

— Какая разница? — вмешался я.

— Большая, — сухо сказал док, — у вас что, Матиссен, с логикой не все в порядке?

— Да иди ты...

Не знаю, куда бы я его послал, но тут ближайшие кусты затрещали, и оттуда появился наш проводник. Он приволок тушку какого-то животного, похожего на кролика, но раза в три крупнее.

Подойдя поближе, индеец мрачно заглянул внутрь ямы.

— А, это Пожиратель, Комедор, — сказал он. — Они тут раньше не водятся. Их трудно увидеть. Очень плохо.

— А вот он его увидел, — вмешался Карс, — хоть говорит, не знает как.

— Это лес, — спокойно ответил индеец. — В лесу никто ничего не знает. В лесу чувствовать. Вы идти еще немного, чувствовать еще больше. Много видеть.

— Я этого не понимаю, — медленно сказал Карс.

— Какие-то резервы человеческого организма нам до сих пор неизвестны, — ответил док, — возможно, они до поры скрыты, но здесь просыпаются.

— Почему?

— На них влияет какой-то неизвестный фактор.

— Это не объяснение.

Док пожал плечами.

— Другого у меня нет.

— Я приносить добыча, — проводник перевел разговор на более интересную тему. — Она безвредна. Ее можно есть.

— Хорошо, — сказал док, — остановимся. Только надо отойти подальше от этой твари. Ты уверен, что тут не водятся еще такие?

— Никто не может быть уверен в лесу, — мрачно ответил проводник. Потом поводити головой из стороны в сторону, словно принюхиваясь, и заключил:

— Но этот был один.

...Костер горел светло и ровно. Наши спутники уснули, даже Рамирес, который долго ворочался и стонал. Первую вахту, по уже заведенному порядку, стояли мы с Карсом. Мой напарник, присев поближе к костру, что-то сосредоточенно выводил своими каракулями в блокноте.

— Все еще трудишься? — спросил я его. — И о чем же ты пишешь? Прошли столько-то километров по вашему кадарскому счету, ты метким ударом камня убил страшного слизняка-Пожирателя... Только не пиши, что это был слизняк. Пиши, что у него было три пары челюстей и ядовитая кислота вместо крови. Так будет внушительней.

— Я пишу правдивый отчет, Олаф, — обиженно ответил мой напарник. — А как иначе мои соплеменники узнают, что тут происходит? Из нас так далеко еще никто не забирался.

— Ну-ну... одному тебе, получается, так повезло.

Он отложил блокнот и уставился на меня.

— Как ты думаешь, Олаф, зачем Глен на самом деле нас сюда отправил?

— Как — зачем? — удивился я. — На разведку. Если помнишь, он до нас посылал еще одну группу. Она не вернулась.

— Смешно думать, что мы выживем там, где пропали опытные рейнджеры.

— Наверное, поэтому он и отправил нас. Не как рейнджеров, а как боевиков.

Он покачал головой.

— Не знаю, Олаф. Что тут сделаешь, даже имея боевой опыт? Как можно драться, не видя противника? Тут не помогут никакие твои приемы. Даже оружие.

— Ну ладно, — сказал я неохотно, — а ты что думаешь? Скажи мне, раз ты у нас такой умный.

— Я думаю, — серьезно ответил Карс, — что он надеется на то, что кто-то сумеет выйти на контакт. Одни люди не подошли — он шлет других. Может, эти подойдут.

— Ты все-таки считаешь, что тут обосновался какой-то чуждый разум? Интересно где? В той воронке, которая осталась от взрыва установки? Там знаешь какая воронка!

— Может, и не там, — твердо сказал Карс, — но где-то он есть. Иначе бы...

— Иначе бы что?

— С нами не происходило бы того, что с нами происходит!

— А что, собственно, с нами происходит? Тащимся по Гиблым Землям — и все. Я больше ничего не заметил.

— Вот это, Олаф, — грустно сказал Карс, — меня и беспокоит.

* * *

Из отчета агента 18–15

То, что происходит тут, на Гиблых Землях, само по себе удивляет и сбивает с толку. Боюсь, что именно из-за этого легко проглядеть главное — мои спутники постепенно меняются. Иногда мне кажется, что они сами этого не замечают; но у них появляются какие-то новые качества, открываются скрытые способности. Я видел их раньше, знал до этой экспедиции — здесь это совсем другие люди. Пока вроде бы не меняется один только Олаф. Я знаю его давно — я бы заметил. Но что будет дальше? Это меня очень беспокоит — если такое наблюдается даже сейчас, хоть мы прошли не так уж много, то на кого они будут похожи в конце пути?

Мы идем, словно выполняя чью-то волю, сами того не замечая...

Гиблые Земли

8 ноября 2128 года

Я проснулся, словно меня что-то подтолкнуло, и сразу вскочил, еще не соображая, где нахожусь. Наконец в голове чуть-чуть прояснилось. Я огляделся. Вокруг царила глубокая ночь, но на пространстве, освещенном светом костра я увидел две темные фигуры, борющиеся на земле.

Рамирес и Хенрик.

— Черт! — сказал Хенрик (он перевернул Рамиреса лицом вниз и заломил ему руки за спину). — Да помогите же мне!

— Что ты вытворяешь, Хенрик! — возмутился Карс.

Он тоже проснулся, да и понятно — шум, который они подняли, разбудил бы и мертвого.

— Да ничего я не вытворяю! — сдавленно прохрипел Хенрик; Рамирес извивался у него под коленом, точно земляной червяк. — Этот сукин сын вдруг вскочил и не говоря ни слова направился в лес. А когда я попытался его остановить, начал толковать, что его кто-то позвал. Я еле приволок его обратно — он отбивался как сумасшедший. Да он и есть сумасшедший. Говорю вам, он свихнулся!

— Хорошенькое дело, — сказал я.

— Проклятие, — орал Хенрик, — сделайте же что-нибудь!

— Док! — я подскочил к доку, чтобы растолкать его, но тот уже и сам проснулся.

— Идите же сюда! Помогите! — надрывался Хенрик. — Мне с ним не справиться!

Карс без лишних слов шагнул к дерущейся парочке и навалился на Рамиреса. Тот хрипел и выкрикивал что-то неразборчивое, пытаюсь вырваться из объятий моего напарника.

— Веревку! — орал Хенрик. — Дайте веревку!

— Очень плохо! — мрачно высказался индеец, который стоял неподвижно, освещенный багровым светом костра, и наблюдал за схваткой.

Я вытащил из рюкзака веревку и кинулся к Рамиресу.

— Давай, Олаф, — пропыхтел Карс, — мы и вдвоем его не удержим! Он же дерется, как туг!

Пока Карс изо всех сил пригибал Рамиресу голову и плечи к земле, я скрутил парню руки за спиной. Но он продолжал отбиваться с такой силой, что пришлось связать ему и ноги.

Док подошел к Рамиресу, который лежал на земле, все еще невнятно бормоча что-то, и приподнял ему веко.

— Ну и что вы скажете? — спросил Хенрик.

Тот покачал головой.

— Понятия не имею, что с ним, — сказал он наконец.

— Что-то такое вроде было в тех сводках, что я просматривал, — вспомнил я.

— Да хрен с ними, с этими сводками, — раздраженно отмахнулся Хенрик, — нам-то что с ним делать?

— Вы тоже слышали, что его кто-то звал? — поинтересовался док.

— Нет, конечно, — отрезал Хенрик, — ему это все мерещится. Еще со вчерашнего дня.

Я же говорил, с ним неладно!

— Очень плохо, — вновь вставил индеец, — теперь он уходит.

— Послушай, как там тебя...

— Чоро! — подсказал доктор.

— Послушай, Чоро, хоть ты заткнись. Никуда он не уходит. Мы его вязать, понимай?

— Понимай. Ночью вязать, днем как? Очень плохо. Он все равно уходит.

— Вот дьявол! Послушай, док, — устало сказал Хенрик, — да сделай ты хоть что-нибудь!

— Я могу ввести ему успокаивающее, — задумчиво сказал док, — по крайней мере, хоть ночь пройдет спокойно.

— Ну ладно ночь, — вздохнул Хенрик, — а потом?

— Может, к утру он оклемается.

— Оклемается он! Как же!

Док порылся у себя в аптечке и извлек оттуда ампулу и шприц.

— На вашем месте я бы его не развязывал до утра, — сказал он, вгоняя иглу в предплечье Рамиреса. — А там видно будет.

— Как же мы пойдем-то, — сокрушенно спросил Карс, — если он связанный?

— Может, он к тому времени придет в себя. Если же нет...

— Тогда что?

— Развяжем ему ноги.

— Это демоны, — вставил Чоро, — он с вами не ходит. Он туда ходит.

— Ходить, ходить. Куда надо, туда и ходить.

Я подошел к Рамиресу. Успокаивающее, которое ввел ему док, уже начинало действовать — глаза у него были по-прежнему мутными, но дыхание стало ровнее.

— Представляешь, как он пойдет завтра с нами в таком виде? — сказал Хенрик.

— Нет... не представляю. Хоть знать бы, что с ним такое...

— Демон забирать его душа, — настаивал индеец.

...Ночь прошла паршиво. Да и наутро, когда мы тронулись в путь, к лучшему ничего не изменилось. Рамирес так и не пришел в себя. Он, правда, покорно поднялся и пошел за нами, но сделал это как-то механически, словно его мысли витали где-то далеко. На всякий случай Хенрик, который развязал веревки, стягивающие ему ноги, оставил ему связанными кисти рук.

Док, который осмотрел его перед выходом, сказал, что, может, Рамирес все еще находится под действием лекарства. Он по-прежнему не мог объяснить, что происходит с парнем. Видимых отклонений, сказал он, нет. Не знаю, что он имел в виду под видимыми отклонениями — может, если бы у Рамиреса начала отрастать третья нога...

Мы потащились дальше, вслед за Чоро, который, после того как мы неторопливо двигались все утро по пружинящей лесной подстилке, вдруг насторожился и стал нас поторапливать.

— Очень плохой место, — сказал он, — вы ходить быстрее.

— Чем ему тут не нравится? — спросил я. Местность вокруг выглядела точно так же, как и вчера, разве что лес стал гуще и почва болотистой.

— Да тут везде плохо, — ответил Хенрик. — Я вообще не понимаю, куда он нас тащит. Погоди.

Он достал из сумки карту и развернул ее, пытаясь сориентироваться.

— Что толку на нее смотреть? — спросил я. — Глен говорил, что после Катастрофы никто не составлял новых карт.

— Ну хоть как-то... сейчас я сверюсь с компасом, посмотрим.

Он достал компас и удивленно сказал:

— Вот дьявол!

Я склонился над нехитрым прибором. Светящаяся стрелка не стояла на месте: она выплясывала сумасшедший танец, рывками вращаясь на своей оси.

— Никогда не видел ничего подобного!

— Я слышал про что-то такое... — вмешался док, — магнитные аномалии...

— Ничего себе аномалия!

Индеец, который за это время успел уйти далеко вперед, обернулся и отчаянно замахал копьем.

— Зачем стоять! Уходить отсюда! Плохое место!

Хенрик пожал плечами, свернул карту и подтолкнул Рамиреса в спину.

— Ладно, пошли!

...Внезапно я понял, что вокруг стало гораздо темнее, чем раньше. Это была странная тьма — словно сам воздух вдруг перестал пропускать свет. По левую руку открылось еще одно болото — черная маслянистая грязь, из которой точно пальцы мертвецов торчали голые стволы деревьев с черными пучками листьев на верхушках. Между этими стволами вдруг вспучились и поползли бледные языки тумана, который испускал слабый свет.

— Не стоять, — вопил Чоро, размахивая копьем, — идти быстро! Очень плохо!

— А знаете, — вдруг сказал Хенрик, — тут по-своему даже красиво.

— Нырни туда, — посоветовал я, — оттуда, снизу, вид еще лучше.

— Иди ты к черту!

Не успел я сделать шаг, как Рамирес, который со связанными руками безразлично стоял рядом с доком, вдруг сделал резкий прыжок, метнувшись в сторону, точно заяц. Он перескочил через вывороченный корень огромного дерева, нависающего над маслянистой жижей, и ринулся вниз.

— О Господи! — Я в ужасе смотрел на фигуру, исчезающую в полосе тумана. — За ним!

— Куда за ним, — крикнул Хенрик, — там наверняка трясина!

Но я уже скатился с обрыва и перепрыгнул на островок, торчащий из черной воды. Потом еще на один. Спина Рамиреса маячила передо мной, то отдаляясь, то приближаясь.

— Рамирес! — позвал я.

Сзади донесся крик Карса:

— Олаф, осторожней!

Рамирес несся по болоту, каким-то шестым чувством угадывая места, где почва была относительно твердой. Мне не оставалось ничего, как следовать за ним. Пустое дело! Остановить его я не мог. Черт, не стрелять же ему в спину!

Стянутые веревкой руки мешали Рамиресу сохранять равновесие, и оттого он двигался рывками и неровными скачками. Несколько раз мне казалось, что он вот-вот упадет, но он каждый раз ухитрялся вновь выровняться и бежать дальше.

Я потерял из виду своих спутников — у меня просто не было времени оборачиваться, но хлопанье у меня за спиной подсказывало, что сзади тоже кто-то бежит. Я прибавил темп, след в след повторяя путь Рамиреса. Туман светился, и казалось, что его фигура, попадая в очередную полосу тумана, то сжимается, то разбухает до невероятных размеров. Даже со

связанными руками он бежал так быстро, что мне едва-едва удавалось поспевать за ним.

Наконец мне почти удалось нагнать его — он стоял на крохотной кочке, примеряясь для очередного прыжка. Мне там места не хватало. Я остановился и крикнул через разделяющую нас черную полосу воды:

— Рамирес!

Он даже не обернулся.

— Рамирес, вернись!

Видимо, следующий твердый участок был где-то далеко; он колебался. Казалось, он не знает, что делать.

Наконец он обернулся. Лицо его поразило меня; оно оставалось лицом Рамиреса, все черты были его, но по нему словно прошла чья-то неуловимая рука, стерев всякое выражение. Он нерешительно топтался на месте, не говоря ни слова.

— Рамирес! — вновь сказал я как можно мягче. — Все в порядке. Иди сюда.

Он молча смотрел на меня. Сначала мне показалось, что он меня не узнает, но потом он с видимым трудом разжал челюсти и выговорил:

— Я не могу...

— Глупости. Ты можешь. Давай. Я освобожу тебе место. Возвращайся назад.

— Мне нельзя!

— Не говори ерунды!

— Ты не понимаешь, — сказал он, — вы все не понимаете.

И вдруг, оттолкнувшись от своей кочки, прыгнул вперед. На какой-то миг мне показалось, что он завис в воздухе — наверное, тому виной был туман, ползущий по зеркальной черной поверхности. Но он тут же рухнул, стремительно погружаясь в черную грязь — сначала по пояс, потом по плечи...

Я перескочил на то место, где прежде стоял Рамирес, и протянул руку, пытаясь ухватить его, но он был слишком далеко. Связанные руки мешали ему — если бы ему удалось скинуть веревки, он сумел бы дотянуться до моей руки, но он лишь отчаянно извивался, безуспешно пытаясь сбросить путы. Еще немного — и на поверхности осталась лишь его голова с вытаращенными от ужаса глазами.

Я сделал шаг по направлению к нему, и тут же по горло провалился в липкую трясину. Тем не менее я почти сумел коснуться Рамиреса — еще немного, и я схватил бы его, но почва уходила у меня из-под ног. Я погружался все глубже.

Тем временем черная жижа уже заливала Рамиресу рот; над мрачной гладью светились лишь его глаза. Омут, в который он стремительно погружался, затягивало фосфорической полосой тумана.

Я еще раз попытался дотянуться до него, но болото, мягко ухнув, сомкнулось над его головой. На поверхность вырвался огромный радужный пузырь, беззвучно лопнул. И все...

Тут только я понял, что под ногами у меня больше нет опоры — я стремительно погружался в ту же черную жижу, которая только что поглотила Рамиреса. Отчаянным усилием я извернулся, пытаясь нащупать твердую почву островка, но ее не было. Перед глазами поплыли багровые круги.

— Руку, — услышал я чей-то голос, перекрывающий гул крови, пульсирующей у меня в ушах, — давай руку!

С трудом мне удалось высвободить из липкой грязи одну руку — от этого усилия я тут же погрузился еще глубже, — и тут почувствовал, как чьи-то пальцы ухватили меня за

запастье.

Резкий рывок — и под ногами у меня оказалась твердая опора. Я изо всех сил уперся в пружинящую почву, оттолкнулся от нее, и, точно пробка из бутылки, вылетел наверх.

Я стоял на четвереньках на крохотном островке твердой земли, по горло облепленный грязью, и пытался отдышаться.

— Какой ужас! — сказал Хенрик. Впервые я услышал в его голосе неподдельную скорбь. — Какая страшная смерть!

Я обернулся.

Там, где только что был Рамирес, лаково блестела черная гладь болота, и к этому месту со всех сторон, точно змеи, сползались полосы тумана.

— Олаф! — сказал Карс, который стоял рядом с Хенриком, чудом уместаясь на краю островка. — Ты и сам чуть не булькнулся внутрь!

— Я заметил, — устало ответил я, оттирая с лица липкую грязь.

Меня начало трясти. По телу пополз холод, точно болото все еще хватало меня своими мертвыми пальцами.

— Пойдем, — сказал Хенрик, — тут больше нечего ловить. Ему уже не поможешь.

— Такая нелепость...

Я вновь взглянул на черную гладь, которая чуть заметно подрагивала, и с трудом заставил себя отвернуться.

— Пошли, — повторил Хенрик. — Что поделаешь!

Мы побрели обратно. Идти оказалось гораздо труднее — преследуя Рамиреса, я и не заметил, что так далеко углубился в топи.

Наконец мы оказались у знакомого обрыва. Док с берега сбросил нам веревку, и мы вскарабкались наверх.

— Я все видел, — мрачно сказал док. — Как вы себя чувствуете, Матиссен?

— Никак, — устало ответил я.

— Вам нужно обогреться. Развести костер...

— Нет, — сказал я. Видеть эти полосы тумана, ползущие над водой, было невыносимо. — Нужно поскорей убираться отсюда. Чоро был прав — это плохое место. Обсохну на ходу.

— Это все ты, — вдруг сказал Хенрик доку, — это из-за тебя. Если бы ты с самого начала сообразил, что с ним было такое...

— Ну и что бы я мог сделать? — сухо спросил док. — Тем более я и по сию пору не понимаю, что это с ним произошло.

— Мы могли остановиться, выждать какое-то время.

— Здесь нигде нельзя останавливаться надолго, — устало сказал док, — неужели вы не понимаете?

— Чего не понимаю?

— С кем-нибудь еще стряслось бы что-то в этом роде.

Чоро с невозмутимым лицом наблюдал за перепалкой.

— Долго оставаться на одно место опасно, — сказал наконец он.

Я вздохнул.

— Что теперь говорить. Рамиреса не вернешь.

— Он не умереть, — возразил индеец, — он уходит.

— Глупости, — устало сказал Хенрик. — Ладно, пошли отсюда.

Мы продвигались дальше, оставив за спиной бездонную могилу Рамиреса и ползущий над ней туман. Постепенно пейзаж вокруг нас изменился, и вновь километр за километром потянулись заросли: спутанные лианы, которые приходилось рубить на месте; огромные ягоды, свисающие с искривленных веток. Из-за того, что приходилось продирается сквозь эту густую поросль, прошли мы не очень много.

Наконец Хенрик сказал:

— Ладно, отдохнем.

И устало сбросил на землю рюкзак.

— Давайте я вас осмотрю, Матиссен, — предложил док.

— Может, хватит? — отрезал Хенрик. — Рамиреса вы уже осматривали.

— Я, что ли, его в болото погнал? — пожал плечами доктор.

— Достаточно, — вмешался я, — так мы далеко не уйдем. Никто не виноват в том, что случилось с Рамиресом, Хенрик.

— Надо было проверить его на зет-соединение, — неожиданно сказал Карс, — а вдруг...

Док покачал головой:

— Я и сам об этом думал. Но для этого требуется сложное оборудование, а у меня его нет.

— Интересно, где мы находимся? — Хенрик развернул карту.

— Да брось ты возиться с этими картами, — сказал я. — Что в них толку?

— Мы приближаемся к городу, — ответил Хенрик. — До Катастрофы тут были населенные места.

— Ну какой тут город?

— Тоници. Раньше был. А что там сейчас — неизвестно.

— Плохое место, — вставил индеец.

— У тебя все места плохие.

— Вообще-то тут так трянуло, что от городов мало что осталось, — сказал док. — Многие из них Катастрофа просто сровняла с землей. Еще до того, как все поросло этой мерзостью. Но наш Бакстон наверняка захотел бы узнать, что там делается. Вдруг кто-нибудь уцелел?

— Разве что мутанты, — отозвался я.

— Город — хорошая штука, — мечтательно сказал Хенрик, — пусть даже это и не город, а так — поселок.

Я покачал головой.

— Хенрик, это же Гиблые Земли. Ну кто мог тут выжить?

— Кто-нибудь.

— Ладно, — вздохнул я, — проголосуем. Кто за то, чтобы пройти через Тоници? Я против.

— Я — за, — сказал Док.

— Я тоже, — отозвался Хенрик. — Может, мы хоть денек проведем спокойно?

— В Тоници? Парень, даже в Бергене и то невозможно провести день спокойно, а уж тут... Ладно... Карс?

— Я — за, Олаф, — ответил мой напарник.

— Ты что, свихнулся?

— Олаф, раз уж я тут очутился, то должен увидеть все, что можно. Я понимаю, это

опасно. Но если ты уж крикнул «а!»...

— Зачем?

— То должен крикнуть и «бэ!».

— А, теперь понял.

— Город очень плохо, — сказал Чоро.

— Вот видите! Он тоже против!

— Просто, кроме «очень плохо», он других слов не знает, — возразил Хенрик, — а потом, все равно получается три на два.

— Хорошо, — вздохнул я, — ваша взяла. Только потом не говорите, что я вас не предупреждал. Ну подумайте сами — ни сообщения с населенными районами, ничего. Они же наверняка вымерли в первые же годы от радиации. Или тут живут мутанты. Что еще хуже.

— Вот мы и посмотрим, — сказал Хенрик.

Я подумал, что вся беда в том, что Хенрик — человек городской. В Гиблых Землях ему было неуютно. А тут он вбил себе в голову, что сможет заночевать в городских стенах. Я тоже предпочел бы оказаться сейчас в любых самых паршивых трущобах Бергена, но ведь это не Берген...

— Завтра мы к нему выйдем, — сказал Хенрик, — а там посмотрим.

— Нам туда не надо, — настаивал индеец.

— Один день ничего не изменит, — возразил док. — А было бы глупо просто пройти мимо. Никто еще не бывал в городах поблизости от эпицентра Катастрофы.

— И правильно делали...

Темнело. Мы развели костер и пообедали остатками консервов — охотиться не было сил даже у Чоро. Лес вокруг стоял неподвижный и молчаливый. Эта тишина была страшной, словно кто-то невидимый смотрел нам в спину. Я вновь поймал себя на том, что меня преследует чей-то взгляд, и один раз даже украдкой обернулся. Сзади никого не было. Только обступающие нас со всех сторон стволы деревьев...

— Теперь мы не сможем дежурить по двое, — заметил док.

Хенрик пожал плечами:

— Я отстою свою вахту один. Какая разница?

Я сказал:

— Ладно, тогда поменяемся. Ты отстоишь первую вахту, а мы с Карсом тебя сменим. В первую все-таки дежурить легче. Поздняя ночь — самое паршивое время.

— Самое паршивое время — под утро, — вмешался док, — и оно постоянно достается мне.

— Да тут всегда паршиво, — вздохнул я, — и днем, и ночью. Ладно, что говорить... Может, хоть эта ночь пройдет спокойно. Хватит с нас.

* * *

Из отчета агента 18–15

Мы подходим все ближе к месту Катастрофы, и мне требуется все больше мужества, чтобы идти дальше. Но людям, я думаю, еще труднее. Я так до сих

пор и не знаю — может, мы, кадари, менее чувствительны к тем странным, неуловимым явлениям, которые люди иногда воспринимают чисто интуитивно, даже не умея объяснить, почему их, например, пугает то или иное место — как, скажем, нашего проводника. Даже если бы он лучше мог изъясняться на языке моих спутников, он все равно сказал бы что-то вроде «у меня мороз по коже» — и все. Может, мы, кадари, толстокожие какие-нибудь? Л ведь он, в сущности, дикарь, он не отличит космолета от пылесоса, но именно он обладает сверхчувственным восприятием, которое мне недоступно. Некоторых, правда, такое сверхчувственное восприятие приводит к ужасному концу — как, например, Рамиреса. Я уверен, он действительно что-то слышал — что-то такое, чему он не мог противиться...

А завтра мы окажемся в заброшенном городе — что мы там увидим?

Ни один человек не вернулся живым из этих мест. Сумеет ли вернуться кадар?

Гиблые Земли

9 ноября 2128 года

Кто-то тряс меня за плечо. В смутном свете костра надо мной маячило лицо Хенрика, и на какой-то миг мне показалось, что весь вчерашний день мне просто приснился, а теперь я наконец проснулся. Не может же одно и то же повторяться два раза!

— Рамирес! — прошептал Хенрик.

Выглядел он ужасно — я впервые видел неустрашимого террориста в таком состоянии. Если бы я не знал Хенрика раньше, я бы подумал, что он насмерть перепуган.

— Рамирес!

У меня мелькнула ужасная мысль, что теперь свихнулся и Хенрик.

— Ты ошибаешься, — сказал я, как можно мягче, — это же я, Олаф.

— Я еще не идиот, — злобно ощерился он, — во всяком случае, не такой, как ты. Говорю тебе, я только что видел Рамиреса. Он там...

— Где?

— Там, в темноте. Он стоит рядом вон с тем деревом!

Я послушно вытаращился во тьму, но никого не увидел.

— Хенрик, дружище, там никого нет. Тебе померещилось!

— Сказано тебе, он там! Он просто прячется! Стоит и прячется.

— Старик, успокойся! Рамиреса больше нет. Он утонул. Ты и сам видел.

— Он что, тоже свихнулся, да? — Карс сидел в своем спальном мешке, хлопая глазами и с ужасом наблюдая всю эту сцену.

Я сквозь зубы прошептал:

— Не знаю. Разбуди дока.

Хенрик сделал несколько неуверенных шагов в сторону, где, по его мнению, скрывался Рамирес, но я схватил его за плечо. Удержать его ничего не стоило — он, видимо, и сам не очень рвался встретиться с утонувшим рейнджером.

— Что там у нас? — устало сказал док, протирая глаза. Он, похоже, так привык, что его будят посреди ночи, что даже не удивился.

— Хенрик видел Рамиреса.

— Этого еще не хватало, — вздохнул док.

— Вы тоже думаете, что ему померещилось?

Док пожал плечами:

— А вы что думаете?

Я, к собственному своему удивлению, сказал:

— Не знаю. Но ведь той ночью все мы видели какого-то Скитальца, верно? Может, это опять он?

— Верите в оборотней? — спросил док.

— Тут что-то неладно, как это ни называй.

— Это Рамирес, — спокойно сказал Чоро. — Я вам говорить, он не умереть. Он просто уходит.

— Ничего себе...

— Чушь, — сердито возразил Хенрик, постепенно приходя в себя. — Не делайте из

меня идиота. Я отлично видел, что Рамирес утонул. Но... это и вправду был он. Я его узнал.

— Ты просто увидел кого-то в темноте, — сказал я, — и решил, что это — Рамирес. Может, нас кто-то преследует. Я и сам это чувствую.

— Как можно чувствовать, что тебя кто-то преследует, Олаф? — спросил Карс.

— Не знаю, дружище. Но мне целый день казалось, что кто-то наблюдает за нами.

— А! — воскликнул Хенрик. — Тебе тоже?

— Что значит «тоже»?

— Я не хотел говорить. Думал, это мне мерещится.

— За нами все время следить, — безразлично заметил индеец, — следить, как только мы выходить в лес.

— Что ж ты сразу не сказал, дурья голова?

— Какой есть разница? — невозмутимо ответил Чоро. — Вы сюда идти. Вы с ними говорить. Если они не хотят говорить, они вас убивать.

Хенрик, которого страх и ярость довели до белого каления, подскочил к Чоро и встряхнул его за плечи.

— Ты нарочно затащил нас сюда, сволочь? Чтобы перебить по одному?

Я оттащил его.

— Хенрик, не болтай ерунды. Мы отлично знали, на что шли. Да он и не скрывал, что тут опасно.

— Не доверяю я этому дикарю, — твердил Хенрик.

— Ты никому не доверяешь.

— Вы мне тоже. Так и будете утверждать, что я никого не видел?

— Принять в темноте куст или просто клочок тумана за фигуру человека не так уж трудно, — сказал наконец док, — особенно если учесть, в каком мы все состоянии...

— Той ночью все мы точно что-то видели, — возразил я, — и это был человек. — И неуверенно добавил: — Во всяком случае, нечто похожее.

Док вздохнул.

— Что толку гадать.

— Ложись спать, Хенрик, — сказал я. — Мы с Карсом отдежурим. Все равно скоро наша вахта.

— Не обращайтесь со мной как с идиотом, — вспылил Хенрик.

Я твердо сказал:

— Я тебе верю. Хватит с нас Рамиреса. Мы ему не очень-то поверили, и вот что случилось.

Всю ночную вахту, пока нас не сменили док с Чоро, я просидел, изо всех сил таращась в темноту, но ничего не увидел.

Наутро мы вновь тронулись в путь.

Хенрик развернул карту.

— Сегодня к вечеру мы должны выйти к городу, — сказал он, — если она не врет.

— Тогда карты не ввали, — возразил док, — их, между прочим, составляли по фотоснимкам со спутников.

— Хорошее было время, — мрачно заметил Хенрик.

Он взглянул на компас. Я вновь ожидал увидеть повторение вчерашнего цирка, но компас вел себя прилично — стрелка показывала строго на север, как ей и полагалось.

— Все правильно, — сказал Хенрик, сориентировавшись, — нам туда, на юг.

Даже по сравнению с предыдущими днями пути идти было тяжело. Земля то вздымалась, то образовывала гигантские рытвины, точно чья-то невидимая рука скомкала земную кору, как кусок полотна.

В рытвинах стояла черная вода, от которой поднималось омерзительное зловоние. Один раз мы набрали на остатки какой-то металлической конструкции — то ли опоры высоковольтной линии, то ли водонапорной башни. Понять было трудно — вверх торчали ржавые ребра арматуры, оплетенные тем же черным вьюнком, который буйствовал на окраинах Лос-Анджелеса.

— Он растет везде, где жили омбре бланка, — сказал Чоро, показывая острием копья на вьюнок. — Это вестник смерти.

— Значит, мы подходим к городу, — сделал жизнерадостный вывод Карс.

Чоро отошел к доку, и они начали о чем-то горячо спорить. Обычно невозмутимый индеец даже размахивал руками.

— Что там еще такое? — спросил я.

— Он говорит, что дальше не пойдет, — удрученно ответил док, — он говорит, их курандейро не велит заходить в заброшенные города. Плохое место.

— Хотелось бы побольше разнообразия в его лексиконе, — заметил Хенрик.

— Он говорит, что подождет нас на выходе из города. Будет ждать трое суток. Если нас не будет — уйдет к своим.

— А где там выход? — растерянно спросил Карс.

— Да где угодно. Но у него просто феноменальное чутье. Я думаю, он отыщет нас, где бы мы ни появились. На всякий случай я покажу ему карту.

— Рисунок, в который вы смотреть? — уточнил индеец.

— Да.

— Карта для омбре бланка. Нам она не нужна. Я находить омбре бланка, куда бы они ни шли.

И уточнил:

— Если они не мертвый.

— Вы еще не передумали идти в город? — спросил я.

— Какого черта? — ответил Хенрик. — Мы уже близко. А что, тебе самому неинтересно?

— Нет, — отрезал я.

Чоро окинул нас мрачным взглядом, сказал: «Адьюс, амигос», — и бесшумно скрылся в кустарнике.

— Эй... — растерянно окликнул его Карс, — погоди!

Но поблизости уже никого не было.

— Смылся, — вид у Карса был обескураженный.

— Ну и хрен с ним, — сказал Хенрик, — до города мы дойдем и без него.

— А знаешь, Хенрик, — задумчиво вздохнул Карс, — может, зря мы все это затеяли?

— Струсил, — презрительно сказал террорист. — Чего ждать от кадара?

— Кадары ничего не боятся, — неуверенно возразил Карс, — мы просто осторожны.

— Это одно и то же.

— Вам не надоело? — устало спросил док. — Нас осталось-то всего четверо, а вы двое так и норовите вцепиться друг другу в глотку.

— Ладно, — сердито сказал Хенрик, — пошли.

Кроны деревьев смыкались над головой так плотно, что двигались мы в мутном полумраке. Опять поднялся туман. Он возник неожиданно, потянувшись из черных, заполненных водой расселин. Туман чуть заметно мерцал — казалось, сам сумрак вокруг нас слабо фосфоресцирует.

Я вдруг почувствовал смутную тревогу, словно что-то вот-вот должно было произойти, и потому не удивился, когда Карс неожиданно схватил меня за руку.

— Олаф, за нами кто-то идет.

Я обернулся.

Сзади, в полосе тумана, маячила неясная фигура.

— Не хочу тебя пугать, Олаф, — тихо сказал мой напарник, — но, по-моему, он очень похож на Рамиреса.

Я вгляделся.

Силуэт, следовавший за нами, не приближался, но и не отдалялся, держась на одном и том же расстоянии.

Хенрик, который шел впереди, тоже остановился и, обернувшись, поглядел на темную фигуру идущего за нами по пятам человека.

— О Господи! — тихо сказал он.

Теперь, когда я пригляделся, мне тоже показалось, что я узнал Рамиреса, он, когда мы остановились, тоже остановился метрах в ста от нас.

— Рамирес! — окликнул я.

Он не пошевелился.

Хенрик сделал несколько неуверенных шагов в сторону молчаливой фигуры.

Доктор преградил ему дорогу.

— Не знаю, кто это, — твердо сказал он, — или что это, но это не Рамирес. Лучше не обращать на него внимания. Идемте.

Он единственный из всех ухитрился сохранить внешнюю невозмутимость.

— Доктор, — жалобно сказал Карс, — но это же абсурд! Если это не Рамирес, почему он так на него похож? Если же это Рамирес, почему он не подходит к нам? Почему идет сзади?

— Быть может, — задумчиво отозвался доктор, — он просто показывает нам то, что мы хотим увидеть?

Карс тихонько сказал мне:

— Олаф, ты же знаешь, у кадаров зрение лучше, чем у людей. Я рассмотрел его лицо. Это он.

— Не останавливайтесь! — торопил док. — Пошли! Посмотрим, пойдет ли он за нами.

Мы снова двинулись в путь, но идти, зная, что тебя по пятам преследует погибший рейнджер, было невыносимо. До тех пор пока я не попал сюда, в Гиблые Земли, я думал, что ничего не боюсь. Но сейчас мне было страшно.

Мы прошли еще несколько десятков метров и больше не выдержали — вновь остановились и обернулись.

Молчаливый силуэт по-прежнему следовал за нами, не отставая, но и не приближаясь.

Нервы у Хенрика сдали.

— Я больше не могу! — воскликнул он, и, развернувшись, пошел навстречу призраку.

Я подскочил к нему и схватил его за плечи.

— Хенрик, ты сошел с ума! Оставь его! Это не Рамирес! Рамирес погиб! Это вообще не

человек!

— Да, но... — растерянно сказал Хенрик, — почему он так на него похож?

— Не знаю! Это какое-то наваждение! Морок!

Хенрик, словно он больше не слышал меня, отбивался, порываясь кинуться назад — туда, где неподвижно стояла темная фигура.

— Черт! Карс, помоги мне! Не стой как столб! Держи его!

— Мы же не можем держать его вечно, Олаф, — тихо ответил Карс.

Тем не менее он двинулся мне на помощь.

Но, прежде чем он успел подойти, Хенрик выхватил пистолет и выпустил всю обойму в молчаливую фигуру.

Грохот выстрелов странно контрастировал с мертвой тишиной, царившей в сумраке леса.

На миг, когда вспышка выстрела разорвала мглу, мне показалось, что я отчетливо вижу лишенное всякого выражения смуглое лицо Рамиреса.

Еще миг — и силуэт исчез, точно превратился в окружающий его сумрак и ключья тумана.

— На вашем месте я не стал бы этого делать, Хенрик, — спокойно заметил док.

— Почему? — спросил Хенрик, опуская пистолет. — Это же не Рамирес. Это никто!

Док пожал плечами.

— Как знать!

— Ладно, — сказал Хенрик. — Ваше дело, а я не потерплю, чтобы у меня за спиной тащилась какая-то нечисть.

— Олаф! — тихонько позвал меня Карс.

Я устало сказал:

— Да?

— А вдруг это и вправду был Рамирес?

Я вздохнул.

— И ты туда же? Дружище, Рамирес утонул. Мы все это видели. Паршивая смерть, но все-таки смерть.

— А после смерти? По вашим преданиям...

— Оставь в покое наши предания. Мертвые не возвращаются.

— Хотел бы я быть в этом уверен, Олаф, — ответил Карс.

— Пошли отсюда, — сказал Хенрик. — Мы уже на подходе к городу. Ненавижу это место! Ненавижу! Тут даже дышать трудно!

Мы вновь начали продвигаться вперед, то карабкаясь по склонам, то спускаясь в расщелины, где на дне тускло отсвечивала густая черная жижа.

— Матиссен! — негромко окликнул меня доктор. — Присматривайте за Хенриком. Он мне не нравится. Вот-вот сорвется. Он уже на пределе.

Я вздохнул.

— Чего же вы хотите? Этого ни один человек не выдержит.

— Вам что-нибудь говорят такие слова, как «внушение» или «массовая галлюцинация»? Кому-то очень нужно, чтобы мы видели то, что видели.

— Доктор, — серьезно ответил я, — я, конечно, не больно-то разбираюсь во всяких тонкостях, но массовых галлюцинаций не бывает. Меня учили, что, если несколько человек видят одно и то же, независимо друг от друга, то их свидетельства можно считать надежным

показанием.

— Не так все просто, Матиссен, — рассеянно пробормотал доктор, — не так все просто.

Нам все чаще стали попадаться признаки того, что тут когда-то жили люди; черный вьюнок оплетал причудливую грудку металла, в которой я, приглядевшись, узнал проржавевшие останки автомобиля. Все вместе это здорово смахивало на абстрактную скульптуру вроде тех, что я видел в бергенском Музее искусств, куда меня как-то затащила одна знакомая девица; она, помню, все восхищалась, как, мол, экспрессивно — или перцептивно, что-то в этом роде, но в лесу эта штука смотрелась не в пример экспрессивней. Будь я организатором выставки, я бы все такие скульптуры из музея этого сюда перетащил — тут им самое место...

Потом мы наткнулись на разрушенные строения — стены; чудом уцелевшие оконные рамы с выбитыми стеклами; от одного из домов почти ничего не осталось, так, грудка развалин, но на крыльце сиротливо покачивалась качалка. Кресло было совершенно целым, если не считать того, что оно было сплошь оплетено все тем же вьюнком.

Мы так много усилий потратили, пробираясь меж рухнувших построек, что даже не заметили, как лес остался у нас за спиной. Он напоминал о себе, поднимаясь черной стеной на горизонте. Темнело. Больше всего мне хотелось остановиться, разжечь костер и отдохнуть. В кустах все время шныряла какая-то дрянь — никто, кроме Чоро, не мог бы с первого взгляда определить, годится ли она в пищу, но попытаться-то можно...

Потом я увидел огонек. Где-то далеко впереди горело одинокое окно... тут и вправду кто-то жил.

Когда я взобрался на остатки какой-то стены, я понял, что огонек этот не единственный — огни горели по меньшей мере в десятке домов... мирные, спокойные огни домашнего очага.

Я слез с насыпи.

— Похоже, ты был прав, — сказал я, обращаясь к Хенрику. — Тут остались жители.

— Ты уверен, что это люди, Олаф? — спросил Карс.

— Нет, — ответил я, — но мне кажется... Рамирес говорил, что мутанты не пользуются ночью освещением. Оно им не нужно.

— Теперь уже некого спросить. Может, доктор знает?

— Кажется, нет, — устало ответил док, — в Лос-Анджелесе нет, во всяком случае. Иногда по ночам странный свет в окнах — призрачный такой...

— Олаф! — Хенрик и впрямь выглядел паршиво. — Погляди... там, сзади, никого нет? Я уже себе не верю.

Я положил руку на кобуру и медленно огляделся. Никого... Ветки кустарника метрах в трехстах от нас слегка шевелились, словно от легкого ветерка; хотя ветви другого куста, рядом, были неподвижны. Да и ветра никакого не было.

— Нет, — твердо сказал я. — Никого.

Темнело так быстро, что дальний огонек, видимый даже отсюда, почти слепил глаза. Он притягивал к себе, я не мог отвести от него глаз — так, наверное, бабочки летят на огонь.

— А вдруг это все-таки люди? — спросил Карс.

— Тебе просто хочется, чтобы это были люди, — сказал я. — Может, кадары тебя бы и больше устроили, но, на худой конец, и люди подойдут.

— Я просто больше не хочу ночевать в лесу, — честно ответил Карс. — Ночью почему-то все время что-то случается.

— Он прав, — неожиданно мой напарник нашел себе подкрепление в лице Хенрика. — Мутантов бояться — в город не ходить.

— Ты что, от Карса заразился?

— Я тут не останусь, — отрезал террорист. — С меня хватит.

— Чего вы боитесь, Хенрик, — спросил доктор. — Мертвеца?

— Не твое дело, — огрызнулся Хенрик.

Я вздохнул.

— Ладно. Хватит препираться. Мы можем, по крайней мере, посмотреть, что там делается. В окно заглянуть, что ли... Но я хочу напомнить — Чоро говорил, что...

— Какая разница, что он говорил, — перебил меня Хенрик. — Чоро — дикарь. Мало ли что творится у него в голове?

Я поглядел на него в некотором замешательстве. Он вроде был неглупый человек, но, похоже, способен видеть только то, что имело для него значение в данную минуту. Видимо, он был напуган гораздо больше, чем это показывал, и сейчас хотел только одного — поскорей выбраться из этого проклятого леса. Он словно отказывался понимать то, что было ясно даже мне — ни одно человеческое поселение после Катастрофы просто не могло здесь сохраниться. Исследователи, прочесывавшие границы Гиблых Земель, не раз натыкались на деревни, даже на города, в которых никого не было, кроме крыс да мертвецов, чьи кости белели на порогах домов... Я-то был уверен, что выжить здесь без связи, без медицинской помощи, без подвоза продовольствия извне могли только мутанты... не люди... но попробуй сейчас втолкуй это Хенрику.

Преследующий нас по пятам мертвец страшил его сейчас гораздо больше, чем все мутанты в мире, вместе взятые.

Карсу просто надоело таскаться по лесу — кадары, привычные к технологическому окружению, вообще плохо чувствуют себя в примитивном и жестоком мире обезумевшей природы. Один только док сохранял видимость здравого смысла — но вот ему- то я как раз меньше всего доверял. Сам не знаю почему.

— Значит, так, — сказал наконец я, — мы с Карсом пойдем на разведку. А вам двоим советую укрыться тут в развалинах. Мы вернемся часа через два. Если чудом все же там остались какие-то люди — хорошо... Что, впрочем, очень маловероятно. Если же нет — заночуем на окраине.

— Почему вы с Карсом? — подозрительно спросил Хенрик.

— Потому что Карс хорошо видит в темноте. А я хорошо работаю с Карсом. Всем вместе рисковать смысла не имеет.

— А что нам делать, если вы не вернетесь через два часа, Матиссен? — спросил док, и в его голосе прозвучала чуть заметная насмешка.

— Ничего... проведете ночь тут, все равно деваться некуда, а завтра на рассвете уходите. Что тут еще можно сделать?

— Какое самопожертвование! — Насмешка в голосе стала явной.

Я машинально проверил, на месте ли пистолет, и кивнул Карсу:

— Пошли.

Тот опять засомневался:

— Может, не стоит, Олаф? Переждем тут до утра?

Я похлопал его по плечу:

— Не роняй честь своей расы, дружище! Сейчас преимущество у нас — мы их видим, а

они нас нет. Утром будет наоборот.

Он вздохнул и с неохотой поплелся за мной.

— Нет уж, — сказал я, — кто из нас лучше видит в темноте? Иди вперед. Лучше я буду тебя прикрывать.

— Удачи! — спокойно сказал нам вслед док. — Мы подождем тут.

— Если он не придет раньше, чем вы вернетесь, — зловеще проговорил из темноты Хенрик.

— Как вы, интересно, ухитрились достичь такого высокого положения в вашей организации, — насмешливо поинтересовался доктор, — при таких-то нервах?

— Умолкни, клистир!

— Пошли отсюда поскорей, — сказал я Карсу, — пока они глаза друг другу не выцарапали. Еще не хватало их разнимать...

Мы двинулись по направлению к огоньку, мерцавшему меж развалин. Неожиданно идти стало легче — мы выбрались на какое-то подобие улицы. Асфальт растрескался, сквозь него проросли головки бледных грибов и все та же вьющаяся дрянь, но потом растительность неожиданно исчезла, словно чьи-то заботливые руки расчистили нам дорогу. Дома по обеим сторонам улицы уже не казались развалинами, они высились неподвижными темными громадами, таращившимися на нас слепыми окнами, в которых тускло отсвечивали последние лучи заката.

— Ты видишь что-нибудь подозрительное, приятель? — спросил я напарника.

Тот покачал головой.

— Нет, Олаф. Все тихо. Слишком тихо.

— Вот именно.

Место вокруг нас все больше и больше напоминало обычный городской пейзаж — если не считать того, что города как такового, собственно, и не было. От Тоници осталось лишь несколько нетронутых пригородных кварталов да еще вот этот отрезок шоссе, по которому сейчас шли мы с Карсом.

Впрочем, было еще одно отличие от обычного города — уличные фонари не горели. Вокруг стояла полная тьма, лишь окошко дома, к которому мы подходили все ближе, светилось ровным теплым светом.

— Тише, Олаф, — вдруг произнес Карс.

Я резко остановился.

— Что такое?

— Мне показалось... нет...

— Да что?

— За нами кто-то идет.

Я покачал головой.

— Может, это просто ветер.

И впрямь подул легкий ветерок — теплый и нежный, он мягко оведал лицо, шевелился в придорожном кустарнике.

— Пошли, — сказал я. — Все спокойно.

Теперь стали видны и остальные освещенные окна — они мерцали, располагаясь в пределах нескольких уцелевших кварталов. Тут дома были чистые, аккуратные — ни бурьяна, ни зловещей черной поросли; дворики подметены, трава на лужайках около крыльца подстрижена. Слабый ветерок донес до меня запах благоухающих на грядках

цветов, а в четырехугольных конструкциях, возвышающихся на одном из задних дворов, я узнал пасеку. Кустарник живых изгородей был аккуратно подровнен чьими-то заботливыми руками.

...непривычная мирная картина прямо в сердце Гиблых Земель.

— Кажется, здесь действительно живут люди, Олаф, — сказал Карс.

Я сквозь зубы проговорил:

— Посмотрим.

И мы двинулись к ближайшему жилому дому.

Петли калитки даже не скрипнули, когда мы, осторожно отодвинув щеколду, прошли по усыпанной гравием дорожке к невысокому двухэтажному коттеджу — из тех, что раньше строили в пригородах для горожан среднего класса. Карс было направился к крыльцу, но я схватил его за руку.

— С ума сошел? Хочешь позвонить в дверь и представиться?

— А разве так не положено, Олаф? — удивленно прошептал он.

— Положено. Но не в Гиблых Землях. Откуда ты знаешь, кто откроет тебе дверь? Пойдем обогнем террасу. Там как раз можно заглянуть в окно.

Мы двинулись вдоль выкрашенной балюстрады, пока не оказались под самым окном. Оно начиналось почти от земли, и мы вполне могли заглянуть внутрь, в освещенную комнату.

Изнутри окно было задернуто ситцевой занавеской в цветочек, и розовая ткань окрашивала горящий в доме огонь в мирные румяные тона.

Я отодвинул Карса, припал к щелке между задернутыми занавесками и заглянул внутрь.

Картина, которая представилась моим глазам, была удивительной; я увидел уютно обставленную гостиную с камином, в котором тихо потрескивал огонь. Пожилая женщина в кресле-качалке вязала что-то, и спицы в ее руках поблескивали в свете пламени. На столе горела керосиновая лампа. Еще одна женщина, помоложе, убирала со стола оставшуюся после ужина посуду. Старик, расположившись в кресле у камина, курил трубку. Все выглядело настолько обыденно, что казалось неправдоподобным.

— Что там, Олаф? — нетерпеливо спросил Карс, который топтался и пыхтел у меня за спиной.

— Посмотри сам, — шепотом ответил я.

Он в свою очередь приник к окну.

Потом обернулся ко мне:

— Олаф, но этого же не может быть!

— Сам знаю, — сказал я.

Дверь скрипнула, и на веранде возник темный силуэт. Когда он попал в полосу льющегося из окна света, я разглядел молодого темноволосого мужчину с ружьем в руках.

— Кто здесь? — негромко спросил он.

Мы с Карсом не ответили. Прижавшись к стене дома, мы наблюдали за ним.

— Кто здесь? — повторил мужчина. — Не отзоветесь, я буду стрелять.

Я услышал, как в тишине щелкнул затвор ружья.

Карс не выдержал.

— Не стреляйте, — сказал он, — мы рейнджеры!

— Здесь не бывает никаких рейнджеров, — ответил владелец дома. — Выходите. Руки вверх, чтобы я вас видел.

— Спокойно, хозяин, — сказал я. — Не стреляйте. Мы выходим.

— Сколько вас?

— Двое.

Отделившись от стены, мы с Карсом медленно поднялись на крыльцо.

— Сюда, — мужчина показал стволом ружья на освещенный участок террасы.

Мы вышли на свет.

Он присвистнул.

— Вот это номер! Вы кто такой? — обратился он к Карсу.

— Кадар.

— Сроду таких не видел. Это что, те ребята, которые болтаются на орбите?

— Да.

— Мы иногда ловим передачи по радио. Правда, редко. Помехи тут сильные. А вы уверены, что вы не мутанты? Не из Гиблых Земель?

Я сказал:

— У меня в кармане лежит удостоверение. Мы — члены патрульного отряда.

— Положите ваше удостоверение на перила террасы и отойдите в сторону.

Я выполнил его приказ. Он взял удостоверение и внимательно его рассмотрел.

— Какого черта патрульный отряд забрался так далеко в лес?

— У нас спецзадание. Чего вы боитесь? Если я мутант, откуда у меня удостоверение?

— Говорят, они кому угодно могут запорошить глаза. При вас есть оружие?

— Пистолеты.

— Снимите их.

Карс вдруг уперся.

— Нет!

— Не валяйте дурака, ребята, — сказал хозяин. — Снимайте свои кобуры и кладите их в углу террасы. А не хотите — ступайте откуда пришли. Мне с вами болтать некогда.

Я неохотно отстегнул кобуру и положил ее на пол. Карс медлил.

— Ты, как тебя там? Имена у вас, у кадаров, имеются?

— Меня зовут Карс, — ответил он недовольно.

— Шевелись, Карс, пока я не передумал и не пристрелил тебя. Отлично. Вот и умница. Меня, кстати, зовут Гарсиа. А теперь давайте проходите в дом.

Мы двинулись к двери, которая была завешена противомоскитной сеткой. Хозяин двинулся за нами. Ствол его ружья все время был направлен мне в спину — не слишком приятное ощущение.

— Поглядите, кого я привел! — жизнерадостно сказал Гарсиа.

Мы очутились посреди гостиной под перекрестным огнем любопытных взглядов домочадцев.

— Надо же! — воскликнул старик. — Это откуда же взялось такое? Из леса?

Он явно имел в виду Карса.

— Я не «такое», — обиженно ответил Карс. — Я — кадар!

— Он из тех малых, которые, по слухам, высадились на Землю, — пояснил Гарсиа. — А я-то думал, что это враки. Мало ли что они там болтают по радио!

— Господи! — сказала пожилая дама. — Это сколько же вам, беднягам, пришлось намучиться!

Карс со скромным достоинством кивнул.

— А что тут делать кадару? — спросил Гарсиа. — Сюда-то вы зачем приперлись?

— Мы с базы в Ногалесе, — ответил я.

— Какой базы?

— Ну, там исследовательская лаборатория, патрульные отряды...

— Вы, наверное, устали, — сказала старуха, — садитесь к столу. Мы, правда, уже поужинали, но и для вас кое-что найдется. Пойду на кухню, скажу Розарии, чтобы она собрала вам поесть.

Я уже открыл было рот, чтобы объяснить, что нам нужно возвращаться на окраину города, но меня прервал стук в дверь.

Гарсиа вновь схватился за ружье.

Дверь отворилась, и, к своему удивлению, я увидел на пороге Хенрика с доктором.

— А эти еще откуда? — воскликнул хозяин.

— Это с нами, — ответил я и добавил, обернувшись к Хенрику: — Какого черта? Мы же договаривались!

— Это все наш бесстрашный террорист, — ответил доктор, демонстративно отстегивая кобуру и бросая ее на стул в прихожей. — Он сказал, что у него мурашки по коже бегают, что у него такое ощущение, что на него кто-то смотрит, что в кустах кто-то сидит, видите ли... Словом, он там не выдержал. Пошел за вами.

— Так это вы за нами крались? — удивленно спросил я.

— Ну да... мы... Поглядели, что все вроде в порядке, и решили: дай-ка, тоже зайдем.

— Вы ведь вроде говорили, что вас только двое? — подозрительно спросил Гарсиа.

— Нас и было двое. Этих мы оставили на окраине. Велели ждать, пока не вернемся.

— Что-то вы темните, ребята, — пожал плечами Гарсиа. — Ладно. Марта! Скажи там Розарии, пусть поставит еще два прибора!

— Черт! — сказал Хенрик, недоуменно оглядываясь. — Такого просто не может быть!

— Чего не может быть? — поинтересовался старик.

— Не думал я, что вы тут смогли выжить. Да еще так...

Гарсиа пожал плечами.

— А что нам оставалось, парень? Правительство бросило нас на произвол судьбы. Пришлось самим выкарабкиваться.

— Неплохо вы тут устроились, — заметил доктор. — А что, вас из Гиблых Земель никто не беспокоит?

— Вроде нет, — сказал Гарсиа. — Конечно, бывает, забредают сюда всякие... зверье странное... но довольно редко. А вот людей из большого мира тут не бывает. Что там делается?

— Где? — сухо спросил Хенрик.

— Да хотя бы в том же Ногалесе! У нас никто и понятия не имеет, что там в действительности творится. А по радио всякие страсти рассказывают!

— Радио работает? — удивился Хенрик.

— Иногда.

Вошла Розария с подносом, на котором громоздилась дымящаяся еда.

Я уже и не помнил, когда в последний раз ел с тарелки да еще при помощи вилки!

— Вы оголодали, наверное, — сочувственно заметила старуха.

Я молча кивнул.

— Сколько же вы шли? — любопытствовал Гарсиа, наблюдая, как стремительно

пустеют тарелки.

— Неделю, — ответил доктор. Он изящно орудовал ножом и вилкой, точно на дипломатическом приеме.

— Если вы так легко дошли сюда, почему никто больше тут не появлялся? — подозрительно спросил Гарсиа.

— Не так уж мы легко дошли, — ответил я. — Мы по дороге потеряли одного спутника, а проводник- индеец бросил нас на подходе к городу.

— Потеряли? Как?

— Утонул, — коротко ответил я.

Не имело смысла рассказывать этим людям о том кошмаре, который сопровождал гибели Рамиреса. Да я и сам теперь, в этой уютной комнате, сидя за столом, покрытым скатертью домашней вязки, перед потрескивавшим камином, уже почти не верил в то, что произошло.

Все, что случилось с нами в лесу, казалось страшной сказкой с хорошим концом, вроде тех, что рассказывают детям на ночь.

— Так как же вы выжили, — спросил Карс, — когда тут землетрясение все как рукой сняло?

— Ты что-то не так опять сказал, — устало заметил я, — а впрочем, у меня нет сил тебя поправлять...

— Почти никто и не выжил, — ответил Гарсиа. — Это единственный уцелевший район в радиусе многих сотен километров; горы защитили от взрывной волны... тряхнуло, правда, здорово. Но эта часть города уцелела. Поэтому люди сюда со всей округи сошлись. Паршивое время было. С тех пор немного обжились...

— Вот чего я не понимаю, — спросил Хенрик, придвигая себе поближе поднос с печеньем, — ведь проще было бы вам перебраться в цивилизованный мир, чем тут мучиться!

— Чего мы там не видели? — удивился Гарсиа. — Что мы, радио не слушали? А тут еще наши предки жили!

— С тех пор все немного изменилось, правда?

— Что с того? В большом мире тоже все немного переменялось.

— А что делается дальше, — спросил Хенрик, — за пределами Тоники?

Гарсиа пожал плечами.

— Понятия не имею. Кто туда пойдет, в здравом-то уме?

Вернулась Розария.

— Я постелила вам наверху, — сказала она, — там есть свободные комнаты.

Стоило ей сказать это, как я почувствовал, до чего устал. Эти несколько ночей в Гиблых Землях были сплошным кошмаром; я так и не смог ни разу как следует выспаться.

Хенрик двинулся было к сваленному на стуле оружию, но Гарсиа остановил его.

— Ну нет! Я тоже хочу спать спокойно. Завтра перед уходом получите ваши пушки. А пока никто их не тронет. Оставьте их здесь.

Не очень-то мне хотелось оставлять свой пистолет вот так, неизвестно на кого, но пререкаться с хозяевами мне хотелось еще меньше.

— Ладно, — сказал я, — мы двинемся в путь утром. Тогда все и заберем.

— Мы встаем рано, — ответил Гарсиа. — Розария соберет вам завтрак. И чего-нибудь в дорогу. У вас, наверное, уже все припасы вышли.

— А чем вы тут кормитесь? — поинтересовался Хенрик.

— Частично тем, что сами выращиваем. Птица, кролики... потом... когда-то Тоници был большим городом, в центральной части остались склады, магазины... Конечно, большая часть зданий обрушилась, но некоторые завалы удалось разобрать. А это — мука, консервы. Пока хватает.

— Почему вы все-таки не попытались связаться с Большой землей? — настаивал Хенрик.

— Поначалу пытались. Но радиосвязь тут не работает. Прием еще так-сяк. А вот передача... Меня удивляет, как вы сюда добрались — эти леса считаются непроходимыми. Несколько человек в свое время хотели выбраться отсюда. Потом они вернулись — те, что выжили. Двое, по-моему... Или трое. Но это было давно. Я тогда еще совсем маленьким был.

— Лет этак тридцать назад, — уточнил старик.

— Ладно, — устало сказал док, — что толку об этом сейчас говорить? Если мы вернемся, мы сообщим о вас на Большую землю. Возможно, они сумеют организовать эвакуацию. Хотя лично я в этом сомневаюсь. Да и потом, захотите ли вы сами уйти отсюда?

— Даже не знаю, — задумчиво ответил Гарсиа. — Интересно, конечно, поглядеть, что делается в большом мире... но тут наш дом. Был и остается. Впрочем, кому помешает, если вы расскажете своим, что в Тоници еще живут люди.

— Если сами вернемся, — мрачно заметил Хенрик.

— Раз уж вы дошли сюда, наверняка вернетесь.

Наконец разговоры сами собой стали стихать, и, пожелав спокойной ночи хозяевам, я отправился наверх, в одну из спален. Кровать уже была разобрана, на стуле у изголовья лежала аккуратно сложенная чистая рубашка; керосиновой лампы, как в гостиной, тут, правда, не было — ее заменила горящая на прикроватной тумбочке свечка в медном подсвечнике.

Комната была маленькая; кровать, стул да тумбочка, — но все аккуратно, уютное — лоскутное одеяло на кровати пестрело разноцветными квадратиками, на полу лежала плетеная циновка — все ручной выделки, все носило на себе отпечаток заботливых рук. Эта комнатка дышала покоем.

Я погасил свечку, поставил ее на тумбочку в изголовье кровати, а сам подошел к окну, распахнул его и стал вглядываться в ночь. Небо над головой было чистым, и непривычный мне узор южных созвездий сегодня пылал особенно ярко. Над горизонтом звезды резко обрывались, точно чья-то невидимая рука стерла их с небесного свода — там, вдали, черный лес сливался с черным небом. Ближе темнели на фоне звездного неба какие-то развалины; силуэты большого города, жалкие остатки былого величия, а еще ближе мерцали огоньки последних жилых кварталов. В этих забытых Богом местах все-таки жили люди!

Снизу еще доносились негромкие голоса и шаги, потом они затихли — и хозяева разошлись по своим комнатам. Я уж было потянулся, чтобы машинально проверить, положил ли я кобуру на стул рядом с одеждой, но потом вспомнил, что она осталась в гостиной вместе со всем остальным оружием. Это немного беспокоило меня, хотя Гарсиа и уверял, что твари из Гиблых Земель сюда почти не забредают; но я привык держать свой пистолет не далее вытянутой руки. Однако я слишком устал, чтобы дать волю этому беспокойству; все события последних дней, гибель Рамиреса, страхи и тяготы пути навалились на меня, стоило лишь прикрыть глаза. Я вновь подошел к окну и притворил ставни — больше по привычке, чем потому, что меня и впрямь беспокоило что-то, рухнул на жесткую постель, которая после нескольких ночевок в лесу показалась мне на удивление удобной, и тут же заснул как убитый.

*США, Ногалес, д-ру Глену Бакстону
от Свена Фьельхейма,
Берген, Норвегия
2 ноября 2128 года
Срочно*

Многоуважаемый доктор Бакстон!

Я доверенный помощник Антона Стаковски; в свое время он рекомендовал мне в экстренном случае связаться с вами лично. Боюсь, что сейчас такой момент настал.

Несколько дней назад на связь с Особым отделом вышел представитель организации «Свободная Земля». По его словам, им во время полевых наблюдений, удалось наткнуться на что-то важное — на нечто, очень их обеспокоившее. Насколько я понял, к кадарам это не имело отношения, во всяком случае, прямого. Единственным их условием было, чтобы Антон вышел на связь с ними лично.

Надо сказать, что в последние месяцы Особый отдел был загружен делами сверх меры — неприятности сыпались на нас со всех сторон, и возросшая частота нападений тугое еще не самая существенная из них. Поэтому, а может, из каких-то других соображений, Антон, когда я предложил приставить к нему надежного парня для скрытого сопровождения, отказался. Сказал, что он уже работал с этой организацией и никакого подвоха с их стороны не ожидает.

В девять ноль-ноль он вышел из управления. По полученным потом мной сведениям, в девять тридцать его видели в холле гостиницы «Норвегия», где у него и была назначена встреча. Он пробыл там около получаса, по всей видимости, встретившись с контактером, а затем вернулся в управление. Никто не видел, как он покинул здание. Никто не видел, чтобы он запирает кабинет. Камеры фиксировали его появление, но то, что он выходил из кабинета, они не зарегистрировали. Дверь была заперта изнутри, ключ торчал в замке. Окно было закрыто. Самого Стаковски мы нигде не обнаружили. С тех пор, вот уже две недели, от него нет никаких известий.

Я потерял человека, которого считал своим учителем, к которому был привязан как к собственному отцу. Но дело сейчас не в моих личных чувствах: насколько я знаю, вы и Антон были уполномочены в случае необходимости обратиться в комиссию ООН с запросом об объявлении чрезвычайного положения. Мне кажется, такой момент настал, и исчезновение самого Антона только подтверждает это. Быть может, существуют и другие люди, облеченные подобными полномочиями, но мне они неизвестны.

Доктор Бакстон, я полагаю, в свете того, что происходит, необходимо созвать экстренную сессию ООН. Человечество находится в опасности, масштабы которой мы не в состоянии себе даже представить! Прошу вас незамедлительно принять меры!

*Сотрудник Особого отдела
Свен Фьельхейм
Берген, Норвегия*

** * **

Письмо возвращено с пометкой:

*Почтовая служба Лос-Анджелеса, Ногалес Местонахождение адресата не
установлено.*

Гиблые Земли

Тоници

10 ноября 2128 года

Я заснул спокойно — впервые с тех пор, как мы оказались в Гиблых Землях. Но, возможно, это спокойствие было лишь кажущимся — иначе бы мне не приснился такой странный сон; я стоял посреди темной пустой равнины, низкое небо нависало над головой, чахлая трава стелилась под ветром. Я знал, что я тут совершенно один, что вокруг нет и не может быть ни одной живой души, но вдруг из темноты появилась одинокая фигура и стала приближаться ко мне. Я понимал, что мне нужно бежать, скрыться куда-то, но, как это часто бывает во сне, не мог даже пошевелиться.

Я просто стоял и ждал.

Фигура все приближалась, и теперь я совершенно точно знал, что это Рамирес — несмотря на то, что лицо у погибшего рейнджера было совсем непохожим на то, прежнее...

Скорее, он походил на Гарсиа, хозяина нашего нынешнего приюта.

— Я давно жду тебя, Олаф, — сказал он, не раскрывая рта, но я отлично слышал его голос.

— Что тебе от меня нужно? — спросил я. — Ты же умер!

— Что такое «умер»? — беззвучно спросил он.

— Умер! Окочурился! Утонул! Я сам видел!

— А ты, по-твоему, жив?

Почему-то я почувствовал страх и гнетущую тоску. Я хотел ему сказать, что я точно знаю, что я-то жив, но на этой равнине, где не было никого, кроме нас двоих, мы были совершенно равны — как тут понять, кто из нас кто?

Пока я в растерянности смотрел на него, лицо у него вновь стало меняться — теперь он очень походил на доктора.

— Не морочь мне голову, — решительно сказал я. — Это не ты, не Рамирес.

— Что такое «Рамирес»? Имя — это всего лишь слово.

— Ну нет! Это был человек. Такой же, как я.

— А откуда ты знаешь, кто ты?

Я хотел ответить, что это знает каждый человек, но не успел. Земля вокруг меня начала стремительно трескаться, точно лед на реке, и фигура, стоявшая напротив, все отдалялась — я уже не видел его лица... льдины или куски земной коры вращались, терлись друг от друга, ударялись с глухим стуком... глухим стуком...

Стук в дверь.

Я проснулся с ощущением, что видел нечто важное, но не успел осознать, что именно. Соскочив с кровати, я вновь машинально потянулся к оружию, не нашел его, выругался и босиком направился к двери.

Стук повторился — тихий, осторожный.

Я положил пальцы на щеколду, которую задвинул перед тем, как лечь в постель.

— Кто там? — спросил я тихо. Автоматически я занял привычную позицию — повернулся боком к двери, оказавшись под защитой дверного косяка.

— Олаф! — раздался знакомый голос. — Это я, Хенрик.

Я откинул щеколду.

— С ума сошел, — сказал террорист, бросив на меня беглый взгляд, — я что, стрелять в тебя буду?

— Привычка.

— Поговорить надо. — Хенрик, не дожидаясь разрешения, прошел в комнату и вновь запер дверь.

— Какого черта? Ты что, хоть одну ночь не можешь выспаться спокойно?

— Спокойно?

Он сел на единственный стул и мрачно сказал:

— Знаешь, что меня в тебе всегда удивляло? Как ты при такой работе умудрился сохранить эту трогательную наивность? Может, потому ты так хорошо и сработался со своим напарником? Он тоже бесхитростный, как этот вот стул, — для пущей убедительности он постучал пальцем по деревянной спинке стула.

— Он, по крайней мере, не будит меня посреди ночи, чтобы поговорить о моем характере, — устало возразил я. — Хенрик, мы уже столько ночей не могли выспаться. Может, оттого нам последнее время и мерещилось черт знает что. А когда нам единственный раз выпала возможность отдохнуть, тебя начинают обуревать какие-то идеи, которым почему-то нельзя подождать до утра.

— В том-то и дело, что нельзя. — Он рассеянно полез в карман за сигаретой. — Олаф, послушай! Не то чтобы мы с доком очень уж друг друга терпеть не можем, но он меня слушать не станет, это точно, а твой напарник дрыхнет как убитый. Я к нему тоже стучался, хотел, чтобы он присутствовал при этом разговоре, но он даже не проснулся. Никогда не думал, что кадры так храпят — из-за двери слышно. Но хоть ты-то можешь меня выслушать?

Я понял, что отделаться от него не удастся.

— Ладно, — ответил я, — валяй.

И потянулся, чтобы зажечь свечу, но он мне сказал:

— Не зажигай света.

— Да что стряслось-то?

Он в некотором затруднении подыскивал слова. Потом сказал:

— Олаф, ты же знаешь, я не ученый. Я боевик. Я себе всякими глупостями голову не забиваю. Док должен был бы сообразить, но он ведет себя так, словно ничего не видит.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— А вот к чему. В Гиблых Землях выжить нельзя. Иначе бы и тот, первый, отряд вернулся, и до него патрули смогли бы хоть что-то разведать, и мы сейчас не шли бы наугад, а хотя бы приблизительно знали, что тут делается.

— Допустим, и что дальше?

— Да то, что при том, что тут творилось в начале прошлого века, да и потом тоже, эти милые люди, которые так трогательно нас тут приютили, выжить просто не могли.

Я зевнул, хотя, честно говоря, мне стало несколько не по себе.

— Глупости! Индейцы-то выжили.

— Олаф! Индейцы — мутанты. И наш проводник — мутант. Он этого и не скрывает. И, кстати, не скрывает, что и они жить тут боятся. Все равно боятся — несмотря на все свои замечательные способности. А эти — ничего не боятся. Они даже двери на ночь не

запирают!

— Что значит «не бояться»? То-то этот Гарсиа мне в спину своей пушкой тыкал!

— А иначе бы ты ему не поверил! И не сложили бы мы тихо-мирно свое оружие там, внизу. Где твой пистолет, Олаф?

— Ну...

— Вот именно!

Я в затруднении таращился на него, и тень давешнего ночного кошмара коснулась меня, заставив похолодеть в теплой южной ночи.

— Черт возьми, что ты хочешь сказать? Что кто-то, или что-то, сумел настолько отвести нам глаза, что мы спокойненько разошлись себе по комнатам, бросили оружие...

— Ты на редкость проникателен, — сквозь зубы проговорил Хенрик.

Я медленно сказал:

— Быть может, это у тебя твоя обычная паранойя, но вдруг ты прав... на этот раз. Что же нам делать?

— Во-первых, пошли разбудим твоего придурка-напарника.

Я нашарил в темноте одежду, которую Хенрик смахнул со стула на пол, и начал одеваться.

— Шевелись, — поторопил Хенрик.

— Ладно, — сказал я, застегивая рубаху, — пошли. Где он дрыхнет?

— В соседней комнате.

В коридоре было темно. Половица у меня под ногой скрипнула, и я замер на месте... нет, все спокойно.

Дверь в комнату, где ночевал Карс, была заперта, и оттуда и впрямь доносился немелодичный храп. Наверное, нужно уж очень умотать кадара, чтобы он так храпел — я еще ни разу ничего подобного не слышал.

Я тихо постучал в дверь костяшками пальцев.

Никакой реакции.

Я постучал громче.

— Кто там? — раздался сонный голос моего напарника.

— Это я, Олаф! Открывай скорее.

— Сейчас!

Что-то грохнулось на пол; этот умник как нарочно умудрился наделать как можно больше шуму.

— Черт бы его побрал! — прошептал у меня за спиной Хенрик.

Наконец засов щелкнул, дверь приоткрылась, и на меня из темноты уставилась мрачная рожа.

— Опять что-то стряслось, да? — покорно спросил Карс.

Не успел я рта открыть, как Хенрик, стремительно выступив вперед, щелкнул перед носом у Карса зажигалкой.

Тот отпрянул от язычка пламени.

— Вы опять оба с ума сошли?

— Редкостный урод, но все же это он и есть, — проворчал Хенрик.

Карс оживился.

— В морду захотел, да?

Я устало сказал:

— Уймитесь вы, дурачье. Пошли за доком!

— Ты хоть знаешь, где его разместили?

Я покачал головой.

— Он вон в той комнате, — сказал Карс. — Ему вы тоже будете зажигалкой в пасть тыкать?

— Ты что-то разговорился, — угрюмо заметил Хенрик, — пошли.

— Куда мы идем? — удивился Карс.

Я сквозь зубы сказал:

— Потом...

И мы на цыпочках двинулись к комнате дока.

— Только я заснул, — тихонько жаловался Карс у меня за спиной, — только вздохнул спокойно...

— Умолкни.

Я подошел к двери и прислушался — оттуда не доносилось ни звука.

Я тихо постучал.

— Док! Эй, док!

Тишина...

— Док! Да открывай же, черт возьми!

Хенрик слегка нажал на ручку двери, и она плавно приоткрылась. В комнате было темно и совершенно тихо.

— Его тут нет, — сказал Хенрик.

— Да куда же он подевался?

— Он даже и не ложился. Постель не смята.

— Черт! Куда он делся?

— Нет времени, Олаф, — спокойно сказал Хенрик, — пошли.

Я нерешительно возразил:

— Но док... нам надо его дождаться.

— Если он внизу, мы найдем его там, — ответил Хенрик. — Но мне почему-то кажется, что его там нет.

— Да что происходит, Олаф? — жалобно спросил Карс.

— Мы уходим. Тихо и незаметно, как настоящие джентльмены.

— Я не настолько джентльмен, чтобы слинять до завтрака.

— Уж придется.

— И куда делся док?

— Уймись ты, Бога ради, — душевно попросил Хенрик, — пошли.

И мы начали осторожно спускаться по лестнице.

Хенрик шел первым. Я за ним. Он уже был на нижней площадке, когда я окликнул его.

— Хенрик!

Он застыл на месте.

— Без паники. Нас пока еще никто не тронул. Так что не делай глупостей.

— Что же мне, дожидаться, пока нам глотки перережут?

— До этого пока еще не дошло, верно?

— Дурак ты, Олаф, — грустно сказал Хенрик, — прекрасодушный дурак.

В гостиной было темно. Я наткнулся на стол — он почему-то стоял совсем не там, где вечером, но я что-то не помнил, чтобы его передвигали. Пока я, чертыхаясь, обходил его,

Хенрик миновал меня и направился напрямиком в угол, где стоял стул, на который мы вчера свалили оружие.

— Тут его нет, — сказал он почти в полный голос, — пусто.

— На стуле нет? Ну посмотри на полу.

— На стуле? Да тут и стула-то никакого нет.

Карс, который стоял рядом со мной, недоуменно оглядывался.

— Я ничего не понимаю, Олаф, — наконец сказал он.

— Кто из нас видит в темноте? Я, что ли?

— В том-то все и дело. Я не понимаю того, что вижу.

Хенрик оставил бесполезные поиски оружия, подскочил к камину и поднес зажигалку к дровам. Они вспыхнули, точно сухая солома, и пламя озарило комнату.

Комнату?

Я не увидел ни черта из того, что тут было вечером...

Не комната — скорее пародия на комнату, на дом; вместо давешних занавесок окно застилала какая-то рваная серая тряпка — подойдя поближе, я понял, что это плотная паутина. Покосившийся стол на трех ногах мрачно высился совсем не там, где он стоял вчера вечером. Проваленные половицы зияли черными дырами, точно челюсть с выбитыми зубами. В углу свалены какие-то бесформенные груды тряпья; дверь, провисшая на одной петле, медленно раскачивалась при полном отсутствии ветра.

У меня подкосились ноги.

— Что ты стал как столб? — прошипел Хенрик. — Хрен с ними, с пушками! Надс убираться отсюда!

Он наклонился и подобрал валявшуюся на полу у камина ржавую кочергу — в руках у террориста она вполне могла послужить грозным оружием.

— Что ты теперь скажешь? Все еще будешь утверждать, что все в порядке?

Я тоже оглянулся в поисках подручного предмета, но поблизости больше ничего не было... разве что открутить еще одну ножку у этого проклятого стола?

Я уже было двинулся к нему.

— Куда это вы так торопитесь, ребята? — раздался негромкий голос.

Я резко обернулся.

В дверях стоял Гарсиа. Освещенный пламенем камина, он спокойно наблюдал за нами, скрестив руки на груди.

— Ах ты, тварь! — тихо сказал Хенрик.

— Ну зачем же так грубо? Все было так хорошо, так спокойно...

— Ой, Олаф, — проныл у меня за спиной Карс, — где наши пистолеты?

— Оружие? — поднял брови Гарсиа. — Зачем вам оно? Тут вам оно ни к чему.

Надо бы заткнуть его, пока не сбежались остальные, подумал я. Мы тут такой шум подняли...

— Чем вы недовольны? Разве мы вас плохо встретили? У нас так редко бывают гости с Большой земли...

Горло у меня перехватило, я какое-то время не мог сказать ни слова. Наконец хрипло выдавил:

— Кто вы такие, черт подери?

— Как это «кто»? — удивился Гарсиа. — Мирные поселенцы, чудом уцелевшие в Гиблых Землях. Мы...

Хенрик с той стремительностью, которая просыпалась в нем в критическую минуту, ринулся вперед. Кочерга, прочертив дугу в воздухе, обрушилась на голову Гарсиа.

Тот даже не пробовал защищаться.

Я внутренне напрягся, ожидая услышать омерзительный хруст костей, но раздался лишь негромкий чавкающий звук, точно кочерга погрузилась в студень. По телу Гарсиа пробежала чуть заметная волна, и он, отступив на шаг, продолжал усмехаться из освещенного пламенем угла.

— Ой, как нехорошо, — сказал он. — Вот она, благодарность за гостеприимство.

— Сука! — выкрикнул Хенрик.

Я, подскочив к камину, ногой выбросил пылающие поленья на пол. Пламя, попав на сухие доски, тут же распространилось дальше — я никогда не видел, чтобы дерево горело с такой скоростью.

Хенрик бросился назад, к выходу, и теперь между нами и нашим хозяином метались и плясали языки огня.

Но Гарсиа, стоявший у подножия лестницы, не двинулся с места. Положив руку на перила, он ухмылялся нам из-за стены пламени.

— Черт! — сказал Хенрик. — Его ничто не берет! Пошли отсюда! Быстро!

— Но наши вещи! — вопил Карс. — Оружие!

— Нет наших вещей, — проорал в ответ Хенрик, подталкивая Карса к выходу. — Сматываемся, идиоты!

Я ринулся за ними и, уже стоя на пороге, на миг обернулся. Комната, освещенная пламенем пожара, на миг предстала мне такой же, как прежде, — розовые занавески лизал огонь, по белоснежной скатерти на столе плясали языки пламени...

Мы выбежали на террасу, промчались по двору и, миновав калитку, со всех ног понеслись по улице, пока не уперлись в какие-то развалины.

Лишь тут мы остановились отдышаться.

— Вот твари, — устало произнес Хенрик.

— Может, зря я этот фейерверк устроил, — я вздохнул. — Мы же теперь их всех на ноги подняли.

— Обернись...

Я оглянулся. Глухая предрассветная тьма навалилась на Тоници. Даже звезды исчезли.

— Ты видишь какой-нибудь пожар? А ведь там так все пылало, что зарево мы бы сейчас наверняка заметили!

— Нет... черт!

— Ты понимаешь, в чем весь ужас? — спросил Хенрик. — Ни в чем нельзя быть уверенным. То ли вправду мы устроили им карманное светопредставление... то ли нет... Они могут показать нам все, что угодно!

— Интересно, — неожиданно сказал Карс, — что мы ели вчера вечером?

Я с трудом сдержал тошноту.

— Вот дьявол!

— Ладно, — вздохнул Хенрик, — хоть не отраву. По крайней мере, пока-то мы живы.

— Ты уверен?

— Я уже ни в чем не уверен. Где все-таки док?

— Может, он сообразил, что к чему, и смылся еще раньше нашего?

— Что же он нам ничего не сказал?

— А может, ему показалось, что сказал? Может, он теперь считает, что сейчас с нами идет?

Меня вновь затрясло.

— Неужели все так далеко зашло, Хенрик? Что же тут делается? Кто они такие?

— Мутанты...

— Хенрик, это уже не мутанты. Это что-то другое. Ладно, они окопались здесь. А если бы они жили среди людей? Ты представляешь, на что они способны? Стоит одному такому внедриться куда-нибудь в правительство...

— А откуда ты знаешь, что их там нет?

Я уныло отозвался:

— Хороший вопрос. Ладно, пора двигаться. Пошли дальше.

— Мы в ловушке, — печально сказал Карс, — никуда нам отсюда не выбраться.

— Попробуем все же.

Хенрик нагнулся и подобрал что-то с земли.

— Что это ты тащишь?

— Да это все та же чертова кочерга!

— Ты так и бежал с ней все время?

— Да я и сам не заметил!

— Брось ее, — серьезно посоветовал Карс, — может, это вообще не кочерга!

Хенрик отшвырнул железяку, словно она вдруг обернулась ядовитой змеей.

— Так теперь и будем от всего шараться...

Мы наконец обогнули развалины. Идти было трудно — путь перегораживали рухнувшие балки, ямы, груды битого стекла. Даже Карс, который в темноте видел лучше нашего, и тот продвигался медленно.

Постепенно небо светлело. Черная стена леса все приближалась. Город остался за спиной. Он лежал в предрассветном сумраке — темный, безмолвный...

Несколько раз я оглядывался в беспомощном ожидании погони.

Но нас никто не преследовал.

Словно город и впрямь вымер.

— Чоро нас предупреждал, — ныл на ходу Карс, — не ходите сюда...

— Это же вы с Хенриком у нас были такие храбрые, — огрызнулся я. — Я вас тоже предупреждал!

— Что толку теперь говорить, — Хенрик стал на удивление покладист. — Дальше-то что будем делать?

Я вздохнул.

— Надо попытаться найти Чоро. Иначе нам крышка. Без него тут не выжить.

— И без оружия, без вещей, без припасов....

— Возвращаться надо, — сухо сказал Хенрик, — пусть он ведет нас назад. Это и есть его демоны. И никто с ними ничего не сделает. С ними вообще справиться невозможно. Ядерную бомбу бы скинуть на этот район.

Я возразил:

— Хенрик, либо она им все равно что комариный укус, либо они ее обезвредят еще в воздухе — при таких-то возможностях. Ты же знаешь — тут любая техника отказывает! Как ты думаешь, почему?

— Разве что с орбиты, — задумчиво бормотал Хенрик. — Карс, послушай, могут ваши с

орбиты долбануть по этому квадрату?

— Ага, как же! — возмутился Карс. — А вдруг они взорвут самую орбитальную базу? Дураков нет!

— Ну, не настолько же они всемогущи!

— Откуда ты знаешь?

— О чем вы спорите, придурки, — вмешался я. — Мы сейчас только и можем, что руками размахивать. Какая бомба? У нас и пистолетов-то нет!

— А странно, что нас никто не преследует, — задумчиво сказал Карс.

— Возможно, все еще впереди, — ответил Хенрик. — Ладно, пошли!

Лес все приближался. Развалины Тоници — жалкое напоминание о былом могуществе цивилизации — остались за спиной; опять потянулись заросли кустарника, скрывающие зияющие провалы в земле.

— Не будет он нас ждать, — мрачно сказал Хенрик, — не такой он дурак.

— Почему Чоро тебя так беспокоит? Почему тебя не беспокоит, куда делся док?

— Говорю тебе, он первым сообразил все и смылся. А нас оставил. Никогда я не доверял этим яйцеголовым.

— Мы постепенно всех теряем, — грустно заметил Карс, — сначала Рамирес... потом док... скоро и сами себя потеряем.

— Парень, да мы уже потерялись, — успокоил его я.

Кустарник сменился буйной растительностью — нас вновь обступили чудовищно разбухшие стволы деревьев, оплетенные лианами, и поросль папоротника с огромными листьями, трепещущими на слабом ветерке, словно страусовые перья.

Мы прошли еще километра два, как вдруг Хенрик сказал:

— Погодите.

Я насторожился.

— Откуда-то тянет дымом.

Я принялся. И вправду, ветер доносил откуда-то слева легкий запах костра.

— Ой, Олаф, — сказал Карс, — а вдруг это они?

— Ты имеешь в виду мутантов?

— Ну да.

— Кто бы это ни был, нам придется подойти и посмотреть. Если это они...

— Ну и что ты с ними сделаешь?

— Может, удастся застать их врасплох.

— Лучше скажи, что они с нами сделают, — поправил Хенрик, — ты что, голыми руками их передужишь?

Я многозначительно сказал:

— Посмотрим по обстоятельствам.

— Ладно, — сказал Хенрик, — пошли. Так и так погибать. Мы уже считай что мертвецы.

— Для мертвеца ты слишком много болтаешь, — заметил я.

Потратив еще с полчаса на то, чтобы продраться сквозь ветки, мы наконец очутились у подножия небольшого холма — деревья здесь расступались, окружив маленькую площадку и озеро, которое подпитывал стекавший со склона ручей. Меж корней огромного дерева потрескивал костерок. Я еще не успел присмотреться, как смуглая фигура, проскользнув меж зарослей, бесшумно вышла нам навстречу.

— А я думал, омбре бланка умирать, — сказал Чоро.

Я облегченно вздохнул.

— Это ты!

Не представлял себе, что способен так обрадоваться при виде какого-то дикаря.

— Я ждать омбре бланка тут, — пояснил Чоро, — думать, если они еще не мертвый, они хотеть есть.

Действительно, на вертеле над костром поджаривалась какая-то тушка.

— Вы терять свой вещи, — укоризненно заметил Чоро, — нехорошо.

— Ты попал в самую точку, — устало ответил я. — Эту воду можно пить, Чоро?

— Можно. Почти безвредно.

Я зачерпнул ладонями студеную прозрачную воду и жадно сделал несколько глотков.

— Омбре бланка раньше быть несколько, — заметил Чоро, поворачивая вертел, — куда вы девать догитир? Убивать?

— Сам не знай, — жизнерадостно ответил Карс, с размаху усаживаясь около костра.

— Омбре поесть, немного отдохнуть и идти дальше, — сказал Чоро. — Я вам говорить, город нехорошее место.

— Чоро, — спросил Хенрик, отрезая себе кусок жаркого позаимствованным у индейца ножом. — Кто там живет, в городе?

— Никто, — ответил Чоро. — Омбре там не жить. Давно уже не жить.

— А кто там живет?

— Не знаю.

— А где твои демоны?

— Везде, — коротко ответил индеец. — Это они убить догитир?

— Ума не приложу, куда он подевался, — вздохнул Хенрик. — Чоро, нам нужно назад, в Ногалес. С этими bestиями нам в одиночку не справиться. Тут нужна по меньшей мере армия.

Кошмар последней ночи постепенно отступал, и я наконец обрел способность соображать.

— Послушай, Хенрик, — сказал я, — есть кое-что, что меня очень беспокоит.

— Вот странно, — ядовито заметил Хенрик.

— Нет, погоди... Меня беспокоит как раз то, что они дали нам уйти.

— Они не дали нам уйти. Мы сами смылись. И то потому, что я оказался немногосообразительней, чем вы оба.

— Черта с два! Послушай, неужели ты так ничего и не понял? Они могли бы морочить нам голову сколько угодно... если бы хотели. Да и потом, когда ты с таким треском их разоблачил, что им стоило задержать нас или просто убить — безоружных?

— Значит, не так-то просто с нами справиться, — заметил Хенрик со скрытым самодовольством.

— Не обольщайся! Ты видел, что случилось, когда ты врезал ему этой кочергой по башке? Наверное, ты был в таком азарте, что ничего и не заметил! А я заметил! Он позволил себя ударить, даже не уклонился, а потом ты видел, что он сделал?

— Ну что?

— Он переместился на несколько метров. Не отбежал, а просто переместился. В один миг.

— В мановение ока, — подсказал Карс.

— Вот-вот. Это ты верно выразился.

— А по-моему, он опять что-то напутал, — устало сказал Хенрик.

— По сути верно. По сути он всегда выражается верно. Хенрик, да они просто выкурили нас оттуда, показав пожар. Но ведь не тронули. Не убили. Почему?

— Да зачем им нас убивать? Они просто бросили нас на погибель тут, посреди леса, без оружия, без снаряжения...

— У Чоро тоже нет оружия. Копье не в счет. Обломай палку и сделай себе такое же.

— Спасибо за совет. Ладно, Олаф, уже не важно, что там они на самом деле собирались с нами сделать. Важно — что нам делать дальше. Мне кажется, надо возвращаться.

— Вы не говорите с демоны? — удивился Чоро, который внимательно прислушивался к разговору, переводя взгляд своих непроницаемых темных глаз с одного собеседника на другого.

— Чоро, — задушевно сказал я, — с ними нельзя говорить.

— Вы не ходите в их город?

— Да ведь мы только что оттуда!

— Это не то место. Есть другой. Иногда мы его видеть, иногда нет. Он светится ночью.

— Ну уж нет! — покачал головой Хенрик. — Не хочу, чтобы вы считали меня трусом... а впрочем, хоть и так. Плевать.

Я с минуту поразмыслил. Хенрик прав. Мы явно были не в том положении, чтобы продолжать экспедицию.

— Нет, Чоро. Мы возвращаемся.

— Назад я не ходить, — сказал Чоро. — Омбре бланка назад идти сам. Я ходить к свое племя. Курандейро меня ждать. Я ему говорить — ничего не выйдет.

— Он прав, — уныло заметил я, — зачем ему обратно. Тут его дом, каким бы он ни был.

— Да как же мы без него доберемся? — воскликнул Хенрик.

— Может, ты ему еще угрожать будешь?

— Чем? Пальцем?

Вдруг он насторожился, уставившись в заросли. Я схватил его за плечо.

— Что там такое?

— Там кто-то есть!

Я автоматически потянулся к пистолету и, не найдя его, тихо выругался.

Хенрик, метнувшись вперед, подобрал лежавший на земле нож и мягким профессиональным движением зажал его в ладони.

— Эй, кто там? Выходи!

— Спокойней! — раздался насмешливый голос.

Кусты раздвинулись, и я, к своему удивлению, увидел, как оттуда появился док. Он выглядел как обычно — сдержанный, подтянутый.

— Так я и думал, что вы где-то поблизости. Услышал ваши голоса. Какого черта вы так орете? Это же не собрание организации «Свободная Земля»!

— Ничего себе, — сказал Карс, — а мы думали, ты погиб!

— Еще нет. Да и вы, насколько я вижу, живы.

— Ладно, — вмешался я, — теперь, когда мы собрались все вместе, может, нам стоит еще раз обсудить, что делать дальше? Эй, Чоро!

— Без толку, Олаф, — грустно заметил Карс, — обернись.

Я оглянулся.

Чоро нигде не было.

* * *

«Нью-Йорк таймс»
от 8 ноября 2128 года

...Как стало известно из конфиденциального источника, близкого к правительственным кругам, объявленное два дня назад чрезвычайное положение связано вовсе не с разгулом преступности и экономическими трудностями, как это говорилось в официальном сообщении, а с тем, что происходит на территории вблизи той полосы земли, которую до сих пор условно называют мексиканской границей, хотя Мексики как политической единицы давно уже нет и в помине. Сведения, поступающие из этого района, противоречивы и не поддаются проверке, но тем не менее, по слухам, именно с тамошними событиями официальные лица связывают загадочное исчезновение сразу нескольких крупных государственных деятелей.

Созвано экстренное заседание Совета Безопасности.

Из Лос-Анджелеса вот уже сутки нет никаких известий.

Гиблые Земли

10 ноября 2128 года

Полдень

— Опять смылся, — удрученно сказал Карс. — А как мы без него отсюда выберемся?

— Как-нибудь, — отозвался Хенрик. — Сейчас поедим, отдохнем немного и тронемся в путь.

— И куда вы собрались? — спросил док, усаживаясь у костра.

— Назад, куда же еще. Тут больше ловить нечего. Кстати, а с тобой-то что стряслось? Мы тебя повсюду искали.

Док пожал плечами.

— Вы что, все с ума посходили? Ты же сам подошел ко мне вчера вечером и велел ждать вас на окраине города! Сказал, что вы решили осмотреть окрестности, что, мол, у тебя имеются какие-то смутные соображения... я так и не понял, какие. Ну, я просидел, где мне было велено, несколько часов, потом решил, что мы разминулись, и отправился искать Чоро.

— Приятель, — медленно сказал Хенрик, — ничего такого не было. Если к тебе кто-то и подходил, то это был не я.

— Что значит «не ты»? А кто же?

— Откуда я знаю!

— Вместо того чтобы дать мне спокойно выспаться, — сердито проговорил док, — вы отправили меня среди ночи в какую-то мерзкую дыру, оставили там одного, а теперь уверяете, что вы тут ни при чем. Какого черта!

— Постой, — вмешался я, — пистолет при тебе?

— Конечно. Не такой я дурак, чтобы шляться ночью по этим развалинам без оружия.

— И где ты его взял?

— Там, где положил. Со стула. А, собственно, ваши-то пушки где?

— Ты, значит, не такой дурак, — вздохнул я, — а вот мы, похоже, оказались именно такими дураками.

— Вы их что, забыли, что ли? — изумленно вытаращился на меня док.

— Как же! Забыли! Да мы еле оттуда живыми ушли! Что же нам, носиться среди всего этого кошмара, пистолеты разыскивать?

— Какого черта? Кто на вас напал?

— Док, — терпеливо сказал Хенрик, — в Тоничи нет людей. Вообще. Кто бы там ни жил, это были не люди. А мы, как идиоты, купились на эту приманку.

— Если они ходят на двух ногах, разговаривают и готовят ужин, значит, это люди. Что ты выдумываешь?

— Жаль, тебя там не было, когда начался весь этот цирк! А то посмотрел бы, что это за люди!

— Значит, опять что-то стряслось, — заключил док. — Ладно, предположим. И теперь вы намерены возвращаться.

— А ты что предлагаешь? Ты же посмотри — оружие есть только у тебя, снаряжения нет вообще...

— Вот я и удивляюсь, как это вы ухитрились? Между прочим, мои вещи тоже там остались? Приборы, аптечка?

— Нет, мы их взяли! Пистолеты забыли, а твой чемоданчик, понимаешь, взяли!

— Не о том вы разговариваете, — рассудительно заметил Карс, — лучше скажите, как нам возвращаться? По тому же маршруту?

— Ну нет! Город надо обогнуть!

— Тогда надо отдохнуть немного и выступать в путь, — сказал Хенрик, — чтобы засветло успеть отойти подальше. А что там этот Чоро говорил про какой-то другой город?

— Если тут есть места еще хуже, чем это, — медленно произнес я, — то плохо наше дело.

— А что, — спросил доктор, — вас кто-то обидел?

— Нет... разумеется, нет... все в порядке. Если не считать того, что мы остались погибать посреди этого проклятого леса!

— Звучит неутешительно, — согласился док, — но пока мы еще вполне живы. Значит, вы полагаете, что мы уже сделали все, что могли, и теперь с полным правом поворачиваем назад?

— Именно так, приятель, — согласился я.

Карс внезапно насторожился.

— Эй! Что это там такое?

Теперь и я услышал где-то за горизонтом далекий шум, похожий на треск разрываемого полотна. Он все приближался. Я торопливо вскарабкался на утес, где ветви деревьев не заслоняли небо. Там, в высоте, треугольным строем над головой у меня пронеслись изящные и смертоносные сверхзвуковые бомбардировщики. Они мчались так стремительно, что я едва успел их сосчитать. Семь! Боевые машины уже скрылись за горизонтом, когда нас накрыла мощная звуковая волна.

Удар по барабанным перепонкам был так силен, что я на какой-то миг оглох. Потом в наступившей тишине услышал голос Хенрика:

— Неужели наши все-таки решились двинуть военную технику? Значит, далеко все зашло!

— Что же они, бомбить эти места собрались? — в ужасе спросил Карс. — А как же мы? Да тут же все сметет!

— Плевать им на нас!

— Ну и дела... — задумчиво проговорил док.

И тут где-то вдаль раздались глухие звуки ударов. Еще одно серебристое тело прочертило небо, стремительно приближаясь к земле. Скала у меня под ногами дрогнула. Над кронами деревьев поднялся черный столб дыма.

— Вот это номер! — пробормотал Хенрик. — Их сбили!

— Вас это удивляет? — спросил док.

— Но ведь на борту у них были ядерные бомбы!

— А что им эти бомбы! Наверняка они их обезвредили.

— Все равно им не выстоять. ООН задействует все свои ресурсы.

— Подумаешь, ООН! Да они эту ООН...

— Да что же стряслось, если наши решились сбросить ядерные бомбы? — проговорил я.

— Но они же не взорвались!

— Что с того? Главное — они решились!

— Карс прав. Если бы бомбы взорвались, тут все на сотни километров обратилось бы в пыль, — заметил док, — начиная с Ногалеса...

Я похолодел.

— О Господи! Ногалес!

— Что это он так занервничал? — поинтересовался док.

— У него там баба, — пояснил Хенрик. — Ну, помнишь, ее еще прикомандировали на твое место...

— А... ничего, симпатичная, — одобчительно сказал док.

— Ты прав, — обернулся я к Хенрику, — нам нужно назад. Немедленно!

— Валяй, — насмешливо ответил он, — ноги в руки...

Господи, подумал я, пока мы тут бродили, там наверняка стряслось что-то ужасное. Чтобы наши да вдруг отважились на еще один ядерный удар — после всего... да еще такая техника — это при том, что сейчас у многих стран не то что бомбардировщиков — пассажирских самолетов раз-два и обчелся... А у нас даже радио нет, чтобы узнать, что там делается! Правда, какой от него толк тут, в Гиблых Землях...

— Интересно все-таки, — задумчиво проговорил Карс, — что же произошло?

— Только бы добраться до Ногалеса, — отозвался я, — вот вернемся на базу, узнаем...

— Если она еще существует, эта база, — заметил Хенрик.

— Что ты такое говоришь!

— Олаф, будь мужчиной! Когда ты отправлялся в эту экспедицию, то ведь отлично понимал, что может случиться все, что угодно.

— Да, со мной! Но не с ней же, не с Сандрой!

— От него сейчас толку мало, — вступился за меня док, — вы же видите, в каком он состоянии. Собираем вещи и идем...

— Какие вещи, — устало сказал Хенрик, — где ты их видишь?

— Тем лучше. Значит, пойдем налегке. Компас- то хоть при тебе?

— Да...

Хенрик извлек из кармана компас. Видимо, на этот раз стрелка вела себя хорошо, потому что он, сориентировавшись, махнул рукой, указывая куда-то вправо.

— Если мы хотим оставить Тоничи в стороне, нам туда. Пошли.

— Опять «пошли», — печально сказал Карс, — да я в жизни столько не отмахал, сколько за последние дни...

— Ничего, космический бродяга. Потерпи. Доберемся до базы, отдохнем.

— Где она, эта база...

Упаковав остатки провизии, мы двинулись в обратный путь. Я боялся, что он будет нелегким — то ли загадочные обитатели Тоничи все-таки решатся нас преследовать, то ли сами Гиблые Земли ополчатся на нас, стремясь наконец разделаться с непрошеными гостями. А может, призрак Рамиреса вновь восстанет из своей мрачной могилы, чтобы дышать смертным холодом нам в спину... Но идти оказалось неожиданно легко — если не считать обычных сложностей пути: поверхность земли была неровная, да еще мешали какие-то заросли, напоминающие вымахавшие в человеческий рост одичавшие злаки.

— Хорошие места тут раньше были, — заметил доктор, — поля, луговины... А теперь вот что делается.

— Обратите внимание, — вмешался Карс, — тем не менее тут спокойно. Никаких хищников, никаких странных животных вроде тех, что тогда напали на нас в Долине Смерти.

— Те, из города, сами кого угодно распугают, — ответил Хенрик. — Эх, знать бы, что из себя на самом деле представляет эта мерзость... Неужели действительно пришельцы?

— Не думаю, — возразил доктор, — скорее все-таки мутанты. Про кварталы в Лос-Анджелесе, которые заняли мутанты, тоже рассказывают что-то в этом роде... не в тех масштабах, конечно.

— Что значит «в этом роде»?

— Мутанты обладают паранормальными способностями. Это уже доказано. Гипноз, телепатия... может быть, даже телекинез. Такой телепат и в одиночку, если вы находитесь в зоне его воздействия, может внушать вам все, что угодно, на протяжении нескольких часов, пока его психические ресурсы не истощатся, а уж если они действуют сообща...

— Что же, выходит, нас держал под контролем целый город?

— Достаточно и жителей одного дома, — ответил док, — может, это даже и не отдельные личности в нашем понимании, настолько они связаны телепатическими узами друг с другом.

— Что-то трудновато это себе представить, — заметил Хенрик.

— Почему? Вполне возможно.

— Но это все-таки люди? Или нет? — настаивал террорист.

— В нашем понимании, может, и нет.

— Новая разумная раса, — неожиданно вмешался Карс, — это все они. И нет никаких других пришельцев.

— Что-что?

— Просто за какие-то сто лет на глазах у человечества тут образовалась новая цивилизация, — пояснил Карс, — пока мы ушами хлопали. Новый вид разумных сверхсуществ. В этом-то все и дело. Это все они. И весь континент именно они под контролем держат. А мы все каких-то пришельцев ищем!

— А ведь кадар-то, похоже, прав, — медленно сказал Хенрик.

— Верно, — подхватил я, — они окопались тут, пока набирали силу... потому сюда и проникнуть никто не мог.

— Почему же они теперь нас не тронули? Почему так легко позволили уйти?

Вывод был неутешительным.

— А зачем? Просто им теперь уже нечего бояться! Что мы для них при всем их нынешнем могуществе? Не более чем мошки! Не станешь же ты убивать каждую мошку, которая пролетает мимо.

— Если мы все-таки правы, — сказал Хенрик, — и это действительно так, то мы просто обязаны вернуться и сообщить обо всем. Это уже не просто разведывательный рейд — тут на карту и впрямь поставлена судьба человечества!

— По-моему, не стоит так горячиться, — насмешливо заметил док, — судя по сегодняшней попытке ядерного удара, человечество и без тебя уже в курсе... а что толку?

— Неужели с ними невозможно справиться?

— Кто знает? Во всяком случае, чем закончилась эта попытка, мы уже видели.

— Все понятно, — вздохнул Хенрик, — мы опоздали. А ведь сумей кто-нибудь проникнуть сюда раньше, эту пакость удалось бы подавить в зародыше.

— Не смей, — возразил док, — они и пропустили нас только потому, что мы им уже не страшны. Раньше нам и шагу бы дальше мексиканской границы не удалось ступить.

По мере продвижения растительность вокруг постепенно скудела — и наконец перед

нами предстала пустынная холмистая равнина. Мы миновали изгиб высохшего русла реки с остатками дамбы, занесенными бурой пылью. Ветер свистел меж бетонных блоков.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Хенрик, — как цивилизация может выжить без технологии, без энергостанций... У них же ничего нет!

— И тем не менее они ухитрились сбить сверхзвуковые бомбардировщики и обезвредить ядерные заряды, — сказал док. — Возможно, наши электростанции им нужны не больше, чем программисту — каменный топор.

— Ветер поднимается, — вмешался я. — Не нравится мне эта пыль. Черт его знает, сколько тут рентген... Жаль, нет твоего дозиметра, док.

— Не волнуйся, — вмешался Хенрик, — все чисто.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— Не смейся.

Хенрик только пожал плечами.

— Чоро оставил нам свою флягу. По крайней мере, вода у нас есть. А остановиться все равно придется. Темнеет.

— Дежурить по двое мы уже не сможем, — сказал я. — Вот что плохо.

— Мы уже дежурили по двое, а что толку? Это ничего не меняет.

Над пустынным ландшафтом быстро сгущались сумерки. На горизонте клубились фиолетовые облака, и последние лучи заходящего солнца заливали лежащую перед нами искореженную поверхность земли, окрашивая ее в зловещий красный цвет.

— Что-то тут мрачновато, — заметил Карс.

— Надо же! Мрачновато! В лесу тебе больше нравилось?

— Мне и там не нравилось. И тут не нравится.

— Карс, — сказал я душевно, — что толку ныть? Я и сам бы отдал все, что угодно, лишь бы оказаться сейчас в Ногалесе. Но нам туда идти дней пять — при самом удачном раскладе. А сейчас давай отдохнем. Иначе, даже если ничего эдакого и не стряется, мы свалимся просто от усталости.

Мы отыскивали неглубокую лощину, в которой можно было укрыться от ветра, и разожгли костер. Хенрик отобрал четыре щепочки разной длины, чтобы распределить вахты, — если бы что-нибудь стряслось, дежурный тут же должен был разбудить всех остальных. Мне выпала вторая вахта, после Карса. Я улегся на землю, натянул на голову куртку, чтобы хоть как-то спрятаться от ветра, и заснул.

* * *

«Нью-Йорк таймс»

от 10 ноября 2128 года

Теперь уже достоверно известно, что чрезвычайное положение, объявленное в странах, находящихся под эгидой ООН, связано с тем, что прозвали «центральноамериканским кошмаром». Второй раз за последние полтора века человечеству угрожает опасность, исходящая из этого, ныне недоступного,

района земного шара. Ядерная атака, предпринятая объединенными военными силами Североатлантического блока, потерпела неудачу. Вчера на закрытую сессию ООН прибыла полномочная делегация кадаров, однако, какие переговоры велись за закрытыми дверями, нам неизвестно — журналистов туда не допустили. Тем не менее из достоверного источника мы получили сведения, что результаты переговоров оказались неутешительными и надежда на помощь извне не оправдалась.

Нашему корреспонденту удалось наконец прорваться в Лос-Анджелес. Согласно поступившему оттуда сообщению, город покинут жителями; однако неизвестно, эвакуировались они своими силами или же их исчезновение связано с теми странными, почти мистическими событиями, которые, по некоторым сведениям, наблюдаются во всем прилегающем к мексиканской границе районе от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Ситуация в крупных городах Севера вышла из-под контроля; обезумевшие люди возлагают вину за происходящее на каких-то мифических мутантов, которых готовы подозревать в каждом встречном. Уже отмечено несколько случаев стихийной расправы над предполагаемыми виновниками бедствий.

На всякий случай мы советуем своим читателям до прояснения обстановки поменьше выходить из дому даже до наступления комендантского часа. Власти, к сожалению, бессильны обеспечить личную безопасность граждан.

Гиблые Земли

11 ноября 2128 года

Я так привык к тому, что по ночам происходят какие-то очередные неприятности, что почти удивился, когда мое дежурство прошло спокойно. Сдав вахту Хенрику, я некоторое время дремал вполглаза, ожидая какого-то подвоха и вздрагивая при каждом шорохе. Наконец усталость взяла свое, а заунывный вой ветра довершил дело; я крепко заснул и проснулся лишь на рассвете, когда по долине побежали лиловые тени, а разбухший солнечный диск уже поднимался над горизонтом.

Док как раз ворошил ветки в костре, чтобы они скорее прогорели.

— Все в порядке? — спросил я его.

— Не стоит превращать ночные авралы в привычку, — ответил он. — Все спокойно.

— Это все-таки Гиблые Земли.

— Похоже, ваш приятель был прав — вокруг города чисто. Они не позволяют всяким тварям из леса беспокоить себя.

— Нас они тоже относят к этому разряду?

Доктор усмехнулся.

— А вы самокритичны.

— Просто не люблю неожиданностей. Такая уж у меня профессия.

— Мы с вами в чем-то похожи, — серьезно сказал док, — по роду своей работы мы оба имеем дело с отклонениями, чему бы они ни угрожали — здоровью отдельного человека или целого общества.

— Да здравствует союз медицины и полиции, — сказал Хенрик, потягиваясь, — первый раз за несколько дней мне удалось выспаться да еще, проснувшись, застать такую идиллию. Никто никому не вцепляется в глотку, все тихо, все благостно...

— Главный-то скандалист у нас ты, — огрызнулся я.

— По необходимости, приятель, по необходимости... буди своего напарника. Дрыхнет как убитый.

Карс и вправду храпел, уютно уткнувшись головой в какую-то кочку. Я потряс его за плечо.

— Эй, вставай.

Он помотал головой, стряхивая остатки сна.

— Что-нибудь опять случилось, да?

— Ничего, кроме того, что уже утро. Пора собираться в путь.

— А хорошо бы позавтракать, — сказал он мечтательно.

— Не надрывай мне сердце. Может, наткнемся на что-нибудь по дороге.

— Или на кого-нибудь, — мрачно добавил Хенрик.

Я вздохнул.

— Скажи спасибо, что хоть у дока есть пистолет.

— Пистолет — отличная штука, — охотно согласился Хенрик, — док, а ты хорошо стреляешь?

— Умеренно, — ответил док, — я же вам не террорист какой-нибудь. Вот когда я градусник ставлю, я всегда попадаю куда нужно.

— Дурацкое дело нехитрое, — холодно сказал Хенрик. — Слышишь, дай поносить твою пушку. Целее будет.

— Не думаю... Я-то в отличие от вас не забываю свое оружие где попало, — возразил док, — так что не тебе на мой счет прохаживаться. А впрочем, ладно, — он отстегнул кобуру и протянул ее Хенрику.

— Эй, — вмешался я, — а почему не мне?

— Разломайте его пополам, крутые парни, коль он вам так нужен.

— Просто, если что-нибудь случится, я среагирую раньше, чем он, — сказал Хенрик, застегивая кобуру.

— Боюсь, что это, — ехидно заметил док, — единственное ваше достоинство.

— Ладно, — сказал я, — пошли. Завали камнями костер, Карс, нам не нужно, чтобы кто-нибудь набрел на наш след.

— А то, ты думаешь, — возразил Хенрик, — эти, из города, не знают, где мы сейчас находимся?

— С чего бы им знать?

— Они же...

Неожиданно на горизонте опять что-то ухнуло, и к небу поднялся черный столб дыма.

— Здорово же наши за них взялись, — пробормотал Хенрик.

— Бесполезно... — отозвался я, — просто истощат последние ресурсы, вот и все. Как ты думаешь, Карс, кадры примкнут к этой операции?

— У нас же нет боевого флота, Олаф, — печально ответил Карс, — только транспортники...

— А ввали-то, ввали!

— Полюбуетесь теперь со своей базы на гибель человечества! — сказал сквозь зубы Хенрик. — Дождались своего!

— Что ты из нас прямо каких-то космических стервятников делаешь? Сами стали в лужу, а теперь обвиняете нас, да?

— А какого черта вы предлагали нам свою помощь, если вы такие лопухи?

— Мы думали — а вдруг справимся!

— Опять вы сцепились! Хенрик, ну что ты от него хочешь, скажи на милость! Он же старается!

— Да ничего я от него не хочу...

Неожиданно нам преградило путь узкое ущелье — когда-то по нему протекала бурная река, и даже теперь на дне журчал небольшой ручеек. Обрыв был почти отвесный, да и на том, противоположном берегу, скалы вздымались вертикальной стеной. Кое-где в трещинах топорщился колючий кустарник.

— Нам тут не перебраться, — сказал Хенрик, взглянув вниз, — будь у нас хотя бы веревка...

— Это — старая река, — вмешался док, — она текла тут еще до Катастрофы. Давай-ка посмотрим на твою карту, Хенрик, там она наверняка должна быть.

— Где я ее возьму? — огрызнулся тот.

— Ты хочешь сказать, и карта осталась со всеми нашими вещами? — удивился я.

— Доберемся до места, я вручу тебе приз за сообразительность, — мрачно сказал террорист.

— Жаль, — вздохнул док, — хотелось убедиться... по-моему, ниже по течению должен

быть мост.

— Наверняка он давно рухнул, — возразил я.

— У нас нет другого выхода. Выше мы уж точно не пройдем.

Мы двинулись вдоль русла, которое несколько раз круто изгибалось. Пейзаж вокруг по-прежнему был неприглядным — скалы, выжженная земля, бурая пыль... Иногда попадались огромные, выше человеческого роста, кактусы, напоминающие каких-то уродливых гигантов, застывших с растопыренными руками. Солнце поднималось все выше — скоро оно повиснет в зените, как раскаленный шар. Тени почти исчезли. Начало немилосердно припекать — невыносимая жара и слепящий солнечный свет обрушились на меня, точно удар кулака. Кровь стучала в висках при каждом шаге.

— В лесу и то было лучше, — пробормотал Карс.

— Нужно поторопиться, — подхватил Хенрик. — Если мы не найдем укрытия, солнце нас добьет.

Спустя полчаса доктор сказал:

— Вот он. Или это мне уже мерещится?

Я прищурился. В дрожащем мареве просматривался мост, переброшенный через ущелье. Он был ржавый, листы железной обшивки раскачивались, дребезжа на ветру, но опорные конструкции были все еще целы.

— Перебраться можно, — пробормотал Хенрик, — если очень постараться.

На той стороне ущелья громоздились изрытые ветрами скальные глыбы. Некоторые из них, казалось, чудом балансировали на неустойчивой опоре и тем не менее ухитрялись сохранять равновесие веками.

— Не очень-то мне нравится эта переправа, Олаф, — заметил Карс, с сомнением оглядев нависшую над пропастью хрупкую конструкцию.

— Тоже мне, космический странник! Ничего, зато там, похоже, есть спуск к воде. Наполним флягу, попьем, умоемся... потом отыщем какую-нибудь уютную пещеру...

— Пещеры не бывают уютными.

— А вдруг эта — исключение.

Теперь мы подобрались к самому мосту. Он выглядел неутешительно — перекрытия провалились, изъеденные ржавчиной ребра, казалось, грозили рухнуть при каждом порыве ветра. Уцелевшие брусья настила угрожающе скрипели, а внизу, под мостом, скалились со дна ущелья острые камни, обнажившиеся, когда ушла вода.

— Невесело будет падать с такой верхотуры, — сказал Хенрик.

— Ладно, — отозвался я, — я начинаю. Вы за мной.

— Почему ты?

— Люблю острые ощущения, понимаешь...

Я осторожно ступил на прогнивший настил. Железные перила были скрючены, словно кто-то упорно пытался выжать из них воду. Разогретый солнцем металл обжег ладонь. Я перебрался на боковое ребро, зияющее звездообразными дырами. Оно заскрипело, но выдержало.

— Что с ним вытворяли, с этим мостом? — пробормотал Карс, который двигался след в след.

— Наверное, кому-то показалось, что так он будет смотреться лучше. Не болтай, гляди под ноги.

В одном месте проржавевшие перила рассыпались в пыль, поперечный настил

провалился, и изъеденные временем балки повисли над пропастью. Несколько метров мне предстояло двигаться по ржавому ребру без всякой опоры. Это старый психологический трюк — виси этот брус в метре над землей, я прошел бы по нему не задумываясь, но меня и острые камни на дне разделяло по меньшей мере двадцать метров. Стараясь смотреть только под ноги, сосредоточив взгляд на узкой полоске ржавого металла, я осторожно сделал шаг. Потом еще один. Резкий порыв ветра ударил мне в лицо, я на миг потерял равновесие и с трудом выправился. Старые ригели скрипели и стонали, точно души грешников в аду, при каждом моем шаге вниз осыпались чешуйки ржавчины. Солнечный свет, льющийся вертикальным потоком, лишал все теней, придавая окружающему какой-то нереальный вид.

— Как ты, Олаф? — донесся сзади голос Карса, заглушаемый очередным порывом ветра.

— Прекрасно, — отозвался я сквозь зубы.

Наконец мне удалось схватиться за обломок перил, сиротливо торчавший над пропастью. Я подтянулся, перевел дух и сделал еще несколько шагов вперед. Черт, будь у нас веревка!

— Не люблю я высоту! — проорал Карс у меня за спиной.

Надо же! Столько лет болтаться на околоземной орбите, где и Земля-то кажется просто шариком, повисшим в пустоте, и при этом питать такое странное отвращение к воздушным перелетам и высотным переправам!

— Если хочешь поделиться со мной своими ощущениями, перебирайся сюда! Вниз только не смотри!

— Чего?!

— Я говорю, вниз не смотри!

— Куда же мне еще смотреть? На тебя, что ли?

— Хватит ныть, идиот! Давай!

Карс сделал несколько торопливых шагов и судорожно ухватился за обломок перил рядом со мной.

— Вот видишь! Вот что значит опыт жизни в космическом пространстве!

— На орбите все совсем по-другому, — начал оправдываться Карс, — там высота не ощущается.

— Изложишь это в своих мемуарах. Давай двигайся! Нам нужно освободить дорогу.

Еще несколько шагов, и мы оказались на противоположной стороне ущелья.

— Ну что? — проорал Хенрик с другого края моста.

— Опасно, но пройти можно.

— Ладно, мы пошли.

Он первым двинулся по ржавому ребру, док — за ним. Я наблюдал за их продвижением, заслонив рукой глаза — солнце палило просто невыносимо.

Сначала Хенрик шел хорошо, но, когда он добрался до самого опасного участка, в лицо ему ударил резкий порыв ветра. Террорист сделал неуверенный шаг назад в поисках опоры и соскользнул с балки. Падая, он успел ухватиться за ржавую укосину и теперь висел над пропастью в двадцати метрах от злобно оскаленных камней.

— Вот дьявол, — пробормотал я сквозь зубы, — оставайся здесь, Карс.

— Ты хочешь его вытащить? — с ужасом спросил мой напарник.

— Нет, просто сделаю ему ручкой.

Я, сжав челюсти, начал пробираться назад. При этом я отлично понимал, что повторной

такой авантюры уже не выдержу — колени у меня подгибались, перед глазами плыли багровые круги.

Док, который шел следом за Хенриком, ухватился одной рукой за ржавый швеллер и, сделав немислимый пируэт, ухватил террориста за локоть. Пока я пробирался к ним навстречу, он осторожно, сантиметр за сантиметром, ухитрился подтянуть Хенрика так, что тот смог навалиться на перекладину грудью.

— Стой там, — крикнул он мне, — я сейчас его вытащу.

Балансируя над пропастью, он помог террористу перебросить ногу. Теперь тот сидел на ржавой балке верхом, ухватившись за нее обеими руками.

В таком положении ему удалось проползти несколько метров, отделявших его от уцелевшего настила. Я подобрался вплотную и помог ему выбраться на доски.

— Проклятие, — сказал Хенрик, переведя дыхание, — я уж думал, мне конец.

Док шел за ним. Он перебрался на безопасный участок без приключений. Я подвинулся, освобождая ему место.

— Спасибо, — с явной неохотой буркнул Хенрик.

— Не за что, — вежливо ответил тот.

Карс оживленно сказал:

— Я такое видел только в вашем цирке.

— На себя посмотри, чучело, — автоматически огрызнулся Хенрик, — чем не клоун!

— Да хватит вам, — вмешался я, — надо найти удобный спуск к воде. Плевать, можно ее пить или нет — под таким солнцем мы раньше загнемся от жажды, чем от радиации.

— Олаф, — неожиданно сказал Карс, — ты только посмотри туда!

Я обернулся и взглянул на противоположный берег, который мы только что оставили за спиной.

Там, в раскаленном мутном мареве, воздвигался город.

Я видел великолепные сияющие здания, повисшие в воздухе без всякой опоры, ажурные мосты, арки, пышную зелень цветущих садов...

— Мираж... — пробормотал Хенрик.

Город плыл в воздухе, испуская свой собственный свет. Казалось, сквозь завывания ветра я слышу торжественную музыку, которая сопровождала его появление.

— Никогда не видел ничего подобного. — Карс, открыв рот, уставился на чудесное зрелище. — Он такой... вот бы там оказаться!

— Как там можно оказаться, — вздохнул я, — мираж он и есть мираж.

— Для миража он выглядит слишком достоверно, не правда ли, Матиссен? — задумчиво произнес док.

— Как будто он есть на самом деле, — грустно сказал Карс. — Но нам туда не попасть.

— В жару воздух вытворяет всякие штуки, — вмешался Хенрик, — образуются атмосферные линзы...

— Может статься, и так.

Чудесное видение дрогнуло, замерцало и погасло, и вновь перед нами предстала пыльная равнина, сливающаяся на горизонте с мутным небом.

— Обидно, — вздохнул Карс.

— Да, — подтвердил Хенрик, — в кино ходить не надо. Ладно, пошли.

И он начал спускаться к воде.

— Послушай, — окликнул я его, — а ведь я что-то такое читал в этих докладах...

Но он только рассеянно отмахнулся, скользя вниз по каменной осыпи.

Да и мне было не до размышлений — после проклятой переправы ныла каждая мышца, а бьющее в глаза солнце довершало дело.

Я предпочел последовать его примеру и с жадностью припал к воде.

— Не переусердствуйте, — предупредил док.

— К черту, — устало ответил я.

Док взглянул на часы.

— Видите тень под обрывом? Там можно переждать, пока жара не спадет.

Действительно, край обрыва чуть выдавался вперед, образуя козырек. Скучный ручей мирно журчал рядом, сообщая крохотному клочку тени особую привлекательность.

В ожидании, пока можно будет двинуться дальше, мы с наслаждением растянулись в тени.

— Не так уж все плохо, — Карс явно повеселел, — а вдруг мы все-таки выберемся отсюда, а?

— Ну тебя к черту, — мрачно сказал Хенрик, — еще сглазишь.

— Сглазишь? Как?

— Ну, из суеверия нельзя загадывать заранее, — пояснил я.

— А-а...

— А правда, Хенрик, мне покою не дает, что там делается. Из-за чего наши подняли такую бучу?

— Что толку гадать, — устало ответил он, — если выберемся, узнаем.

— И что потом? Вступите в ряды? — с интересом спросил док.

— Почему бы нет! Наша организация лучше других подготовлена к отражению опасностей такого рода.

— Только этим вы всю жизнь и занимались. Просто спутали и немножко не на тех наехали, да? А так все правильно!

— Не тебе нас судить, слышишь, ты...

— Хватит, — вмешался я. — Ни днем, ни ночью покоя нет.

— Да я что, — пожал плечами док, — это у него, видите ли, миссия спасителя человечества.

— Да я...

— Остынь, Хенрик, — сказал я убедительно, — попей водички, что ли. Вон речка течет.

Наконец возбужденные голоса рядом со мной стихли, и все погрузилось в полуденный сон. Тень от скального карниза расширилась, поползла дальше, прихватив небольшой участок речного русла; солнечные лучи изменили угол наклона, утратив часть былой ярости, и все вокруг приобрело мирный золотистый оттенок...

...Док взглянул на часы.

— Четыре пополудни. Пора двигаться дальше.

— Хорошо, что ты меня разбудил, — сказал Карс, — а то мне приснилось, что я все-таки упал в эту пропасть.

— Никогда не думал, что кадары настолько впечатлительны, — заметил Хенрик.

— Хватит расслаживаться, — сказал док, — пошли. Хочешь поделиться своими кошмарами, можешь сделать это по дороге.

Теперь, когда солнце клонилось к закату, идти стало легче. Под резкими порывами ветра пустыня стремительно остывала, отдавая накопившееся за день тепло. Скалы

отбрасывали фиолетовые тени, и вдруг оттуда, из густого сумрака, в глаза мне ударила яркая вспышка.

Я отступил чуть в сторону. Свет исчез.

— Эй, — сказал я, — погодите.

— Какого черта? — недовольно спросил Хенрик.

— Там что-то есть. Там, чуть в стороне, между скалами.

Я осторожно передвинулся на прежнее место. В глаза вновь ударил слепящий луч.

— На что это похоже? — вмешался Карс.

— На... точно. Солнце в чем-то отражается. В какой-то блестящей поверхности.

— Зеркало?

— Во всяком случае, стекло. Что-то там есть такое...

— Может, лучше обойти его крюком? — с надеждой спросил Карс.

— Крюком? Ну нет! Надо все-таки посмотреть, что там такое.

И мы двинулись по направлению к сияющему блику. Стоило лишь чуть изменить курс, как отблеск пропал, но через несколько сотен метров на площадке между двумя выветренными скалами стала просматриваться темная масса, постепенно, по мере приближения, приобретающая знакомые очертания; застывшие в прогретом воздухе лопасти, обтекаемая кабина с выпуклым передним стеклом...

Вертолет.

— Вот это да! — сказал Карс.

— Наверняка он неисправен, — отозвался Хенрик, — а впрочем... не мешает и осмотреть его. Вдруг уцелели какие-нибудь припасы.

— Или оружие, — подхватил я.

Теперь я отлично мог разглядеть безмолвную машину. Это был небольшой вертолет, вероятно патрульный, и, несмотря на то что патрули не летали над этими местами Бог знает сколько времени, выглядел он на удивление хорошо сохранившимся — словно ни дожди, ни песчаные бури даже не коснулись матово поблескивающей обшивки.

Хенрик, положив руку на позаимствованную у доктора кобуру, осторожно выступил вперед. Пододвинувшись вплотную к замершей в молчаливом ожидании машине, он осторожно открыл дверцу, которая распахнулась без всякого затруднения, и резко отскочил в сторону. Потом вновь приблизился.

— Олаф, — сказал он, — погляди-ка.

Я подошел ближе.

Вертолет выглядел так, как будто он только что совершил посадку на этой песчаной площадке: даже мельчайшая бурая пыль, которая ровным слоем покрывала все вокруг, не проникла в кабину.

Приборная доска была в порядке, индикатор топлива показывал чуть не полный бак, обшивка сидений была целехонька... все как надо, если не считать того, что из кресла пилота скалился на меня скелет в истлевшем комбинезоне.

— Что за черт, — пробормотал Хенрик.

— Судя по состоянию трупа, он пролежал здесь не один год, — заметил я.

— Тебе лучше знать.

Я снял с соседнего кресла пластиковое покрытие и осторожно переложил в него хрупкие кости. Они были совершенно чистые — словно дожди и песок отмывали их от остатков плоти, не тронув больше ничего в кабине. К нагрудному карману комбинезона была

приколота изъеденная временем пластиковая карточка.

Я отколол ее от ветхой ткани.

— «Патрульная служба Лос-Анджелеса», — прочел я.

— Все отделения патруля там прикрыли еще лет двадцать назад, — вмешался док.

— Значит, он пролежал тут больше двадцати лет, — с ужасом сказал Карс, — а почему вертолет цел?

— Откуда мне знать?

Хенрик мрачно рассматривал останки пилота.

— Он выглядит так, словно... словно его нарочно туда положили.

— Как бы он там ни оказался, он заслужил, чтобы его похоронили как должно, — сказал я, пряча карточку в карман. — Погляди, там в кабине наверняка должны быть какие-нибудь инструменты.

— Да, верно, — сказал Хенрик, вынырнув из кабины, — ломик, саперная лопатка... там, похоже, есть и сухой паек. Пилотов тогда неплохо снаряжали. По вкусу дрянь порядочная, но считалось, она не портится веками.

— Отлично. Но сначала займемся делом.

Отвалив несколько камней, мы вырыли могилу и, завернув останки несчастного все в тот же пластик, уложили его в этом саване технологической эры спать под высоким небом Мексиканского нагорья. Я поставил несколько камней друг на друга, соорудив пирамидальное надгробие.

— Покойся с миром, — сказал я.

— Ладно, — вздохнул Хенрик, — сантименты в сторону. Нам нужно подкрепиться и решить, что делать дальше. Этот вертолет...

— Думаешь, он исправен? — спросил Карс.

— По крайней мере, он так выглядит.

Мы расположились тут же, в тени вертолета. Солнце стремительно падало за горизонт, словно подбитая пылающая боевая машина.

Хенрик оказался прав — сухой паек был отвратителен на вкус, но вполне съедобен. Я запил его водой из фляги и почувствовал себя лучше.

— Умеешь управлять вертолетом, Матиссен? — спросил Хенрик.

— Я умею управлять всем, где есть хоть что-то отдаленно напоминающее рычаги управления. Справлюсь как-нибудь.

— Ну ладно, — сказал он, — тогда запускай. Лететь-то тут часов пять от силы.

— Скоро стемнеет, — предупредил я, — как мы тогда сориентируемся?

— Полетим по компасу. Альтиметр тут тоже должен быть.

— Да тут ни один прибор не работает!

— Пока не проверишь, не узнаешь.

— Может, все-такиждемся утра?

— Я лучше предпочту слепой полет, чем соглашусь пережить тут еще одну ночь, — сказал Хенрик, — видел, что случилось с этим пилотом?

— Понятия не имею, что с ним в действительности случилось. Может, он погиб еще в воздухе.

— А кто тогда посадил вертолет? Хватит, запускай.

Я полез в кабину. Садясь в кресло, где совсем недавно сидел скелет, я с трудом поборол дрожь, но, справившись с собой, положил руки на рычаги. К моему удивлению, двигатель

тихо заурчал, и лопасти несущего винта стали раскручиваться — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Я высунулся из кабины.

— Порядок! — прокричал я, перекрывая рев мотора. — Залезайте.

Карс открыл противоположную дверцу, чтобы сесть на сиденье рядом со мной.

— Погодите, — вдруг очень спокойно сказал Хенрик.

— Какого черта? Все работает! Полезай!

— Нет! — молниеносным движением он выхватил пистолет и нацелил его на доктора. — С этим я в кабину не полезу.

Док спокойно стоял поодаль. Лопасти подняли вокруг него тучи бурой пыли, но он даже не поморщился.

— Да он сошел с ума, — громко, но тоже спокойно сказал он, — я давно подозревал, что у вас паранойя, Хенрик.

— Какая, к черту, паранойя?!

Я сказал Карсу: «Оставайся здесь», — и выскочил из кабины. Этого еще, понимаешь, не хватало!

— Хенрик! Да приди же ты в себя!

— Я в полном порядке, — по-прежнему спокойно проговорил Хенрик, — а вот эта пададь — нет. Где, ты думаешь, он был, когда мы его искали в ту ночь?

— Откуда я знаю, где он был? Мало ли что могло с ним стрястись, в таком-то бардаке?

— И ты ему поверил?

— Да расскажи ты кому-нибудь, что тогда случилось с тобой, тебе тоже никто бы не поверил! Что я, должен подозревать всех подряд, когда такое творится?

— А не мешало бы! Вот ты этой ночью отстоял свою вахту и завалился дрыхнуть, а я следил за этой сукой! Ты знаешь, что он уходил от костра?

— Брось, Хенрик! Мало ли зачем он отходил? Да что ты как маленький!

— Да он отошел метров на двадцать и просто пропал! Исчез! А потом появился как ни в чем не бывало!

— И вы ему верите, этому психу? — спросил доктор.

Лопасти гудели, и я никак не мог сосредоточиться. Карс, высунувшись по пояс из кабины, недоуменно таращился на нас.

— Что происходит, Олаф? — проорал он.

— Понятия не имею! Оставайся на месте!

— Говорю вам, он мутант! — орал Хенрик. — Оборотень! Или его подменили там, в Тоници, или он всегда был таким! Это не человек — это подделка! Муляж!

— Хенрик, это же просто слова! У тебя нет никаких доказательств!

— Доказательства вам нужны? А как, вы думаете, он меня вытащил, когда я свалился с этого чертова моста? Ведь он же меня одной рукой вытащил!

— Чего со страху не примерещитесь, — заметил доктор. — И стоило его вытаскивать? Он же маньяк!

— Слушайте, вы, придурки, — заорал я, — вы мне уже хуже смерти надоели! Полезайте в кабину, вы, оба!

— Черта с два я ему позволю лететь обратно! Там и своего дерьма полно! Куда он ночью уходил? Почему вертолет оказался именно там, где нужно? Пилот прахом рассыпался, а чертова машина как новенькая!

— Скажи спасибо, что она еще летает, и садись в кабину!

— Да я сам тут костыми лягу, а ему лететь не позволю! Отойди от машины, ты, сволочь!

— Будете стрелять, Хенрик? — с интересом спросил доктор. Тут только я сообразил, что его голос без видимых усилий перекрывает шум мотора.

— Добром не отойдешь, буду!

— Матиссен! И вы пойдете на поводу у этого ненормального?

— Хенрик, хватит! — устало проорал я. — Лезь в кабину. Если он и вправду мутант, пусть на базе с ним разбираются. А нам сейчас не до того.

— Разберутся с ним, как же! Это он с ними разберется, дай ему только туда добраться!

— Вам что, какое-нибудь слово дать? — поинтересовался доктор.

— Слово? Да кто поверит твоему слову, ты, насквозь фальшивая тварь!

— Ну же, Хенрик, успокойтесь!

— Ты думаешь, я пистолет у тебя просто так взял?

— Ну что ж, — сказал док, — стреляйте!

До последнего мига я не верил, что Хенрик выстрелит. Но он навскидку выпустил в фигуру, смутно различимую за клубами дыма, две пули.

— Черт, — пробормотал я.

Док даже не пошевелился.

— Слишком вы любите стрелять, Хенрик, — наставительно заметил он, — это нехорошо.

— Ну что? — проорал Хенрик, обернувшись ко мне. — Теперь вы видите?

— Да... — медленно сказал я, — теперь вижу. Хватит, Хенрик, полезай в машину. Оставь его.

— Значит, вы так трогательно собираетесь бросить меня здесь, — заметил доктор со своей обычной насмешкой в голосе.

— А что еще с тобой делать? — вздохнул я. — Если тебя пули не берут, то и тут с тобой ничего не случится. Не знаю, кто ты или что ты, но лучше уходи.

Док не двинулся с места. Глаза его сверкнули в сумерках, точно две слепящие точки.

Я вспрыгнул обратно на сиденье пилота.

— Давай в кабину, Хенрик! Скорее!

Хенрик, не сводя взгляда с неподвижной фигуры, пятясь, полез в кабину.

— После того, что мы столько пережили вместе, — насмешливо продолжал док, — прошли столько миль бок о бок...

— Умолкни, ты, сука!

— Знаешь, почему ты так горячишься, Хенрик? — спросил док, спокойно наблюдая за ним. — Потому что не уверен в том, кто ты такой на самом деле? Ты никогда не задумывался — а что, если...

Хенрик, не дав ему договорить, судорожно нажал на курок. На какой-то миг я увидел спокойное, без выражения, лицо доктора, потом все пропало. Только столбы пыли, поднятые лопастями вертолета, крутились меж скалами.

Хенрик почти упал на сиденье и резко захлопнул дверцу.

— Ну что, — устало сказал я, — поехали?

И врубил форсаж. Лопасты винта слились в сплошной диск, машина дрогнула и стала медленно подниматься в воздух.

**«Нью-Йорк таймс»
от 11 ноября 2128 года**

Все попытки связаться с президентом начиная со вчерашнего дня оказались безуспешными. Известно, что, удалившись в свою резиденцию, президент созвал экстренное совещание, после которого намеревался выступить со специальным обращением к народу. Но ожидаемого выступления не последовало. Официальные лица отказываются давать какое-либо объяснение этому факту, но, похоже, эта таинственность вызвана тем, что сами они находятся в полнейшей растерянности. Обстановка полностью дестабилизирована. Попытки связаться с полномочным представителем ООН тоже не дали никакого результата. Аналогичным крахом закончились попытки связаться с Европейским сообществом — со вчерашнего дня отказали все средства межконтинентальной связи. Похоже, нашим гражданам предстоит рассчитывать только на себя. На улицах полно самозваных проповедников, утверждающих, что наступил конец света. Быть может, так оно и есть?

Гиблые Земли — Ногалес

12 ноября 2128 года

Гиблые Земли проплывали под нами — темное непроглядное покрывало ночи окутывало их. Ни огонька, ни признака человеческого жилья — под кабиной вертолета тянулись километры и километры безмолвной земли. В кабине тоже царил сумрак, который не могли развеять слабые огоньки, горящие на приборной доске.

Я сверился с компасом — мы шли прямо на Ногалес. К утру, если нам удастся прорваться, мы опустимся на посадочную площадку рядом с базой.

Если не считать шума двигателей, первые полтора часа мы летели в полном молчании, словно говорить больше было не о чем. Впереди нас ждала неизвестность — не меньшая, чем та, которую мы оставили за спиной.

Наконец Карс, сидевший рядом со мной, беспокойно пошевелился и сказал:

— Как ты думаешь, они нас пропустят?

Я обернулся к нему:

— Думаю, да. Если бы они хотели нас остановить, они давно бы это сделали. Сам видел, на что они способны!

— Ты все еще думаешь, что они не тронули нас просто потому, что мы не представляем для них опасности?

— Наверняка... что их еще могло удержать?

Он покачал головой:

— Не знаю, Олаф. А зачем они к нам приставили этого? Они, получается, подменили его еще в Тоници?

Не очень-то мне хотелось разговаривать на эту тему.

— Не думаю... скорее всего Хенрик прав. Он с самого начала был одним из них. Что-то вроде резидента на базе в Ногалесе.

— Ты и теперь так думаешь, Хенрик?

Хенрик, который с начала полета не произнес ни слова, даже не повернул головы.

— Отцепись от меня, — произнес он сквозь зубы.

— Что это с ним? — недоуменно спросил Карс.

— Понятия не имею, — устало ответил я. — Хенрик, ты в порядке?

— Как тут можно быть в порядке?! — огрызнулся тот. — Да и что теперь в порядке? Вы что, так ничего и не поняли?

— Чего не поняли?

— Конец человечеству. Всему конец. Эти уже повсюду.

— Олаф, может, он сердится из-за того, что ему этот доктор сказал?

— А что он сказал?

— Он сказал, что...

— Да умолкните вы ради Бога! — взорвался Хенрик. — Не хочу больше об этом слышать!

— Да, — пробормотал я, — паршивое дело. Хоть бы до Ногалеса добраться в целости, пока все окончательно с ума не сошли.

— Где мы летим, Олаф? — поинтересовался Карс.

— Над лесом. Будем в Ногалесе еще до рассвета.

— Хорошо бы, — вздохнул он, — я что-то немножко устал.

— Расслабься... Это же я веду машину, не ты...

— Не могу я расслабиться. Что-то мне все это не нравится.

— Хоть раз бы ты что-нибудь новенькое выдумал для разнообразия.

— Я серьезно, Олаф. Наверное, мы, кадары, и вправду толстокожие. Но у меня какое-то дурное предчувствие.

— Ладно, — я взглянул на альтиметр. — Отложим на время. Какие бы ни были у тебя предчувствия, сейчас не до них.

Гиблые Земли внизу все тянулись и тянулись, и не было им конца... Я вглядывался в ночь, тщетно пытаюсь увидеть хоть один огонек, но вокруг стояла Глухая непроглядная тьма.

— Сколько мы уже летим, Олаф? — беспокойно спросил Карс.

Я взглянул на светящийся циферблат хронометра.

— Четыре часа.

— Должны уже попадаться фермы. Помнишь, Рамирес говорил, что на границе Гиблых Земель еще остались фермерские усадьбы?

— Рамиреса больше нет. Спросить не у кого.

— Ни единого огонька, Олаф. Ни одного.

— Мы, наверное, летим все еще над Гиблыми Землями.

— Может, спустишься пониже?

— Опасно, в такой-то темноте.

Постепенно небо на востоке светлело, хотя поверхность земли все еще была погружена во мрак. Глядя в боковое стекло, я уже мог разглядеть темную стену леса на горизонте. Впереди по курсу, смутно различимые в рассветных сумерках, горбились безлесные холмы.

— Тут что-то не так, Олаф, — сказал Карс.

— Что не так?

— Я же вижу в темноте лучше тебя. Так вот, мы уже миновали лес. Мы только что пролетели над фермерской усадьбой.

— Не заметил... огни-то не горят.

— Вот именно. А фермеры, по-моему, встают с рассветом.

Я сверился по карте, найденной в кабине. Все верно. Мы уже подлетали к Ногалесу.

Вот и база — темные, еле различимые в лиловых сумерках строения, окруженные высоким частоколом. Слева от них располагалась посадочная площадка для вертолетов. На ней и сейчас стояло несколько машин, молчаливо замерших на ровной поверхности, точно глубоководные рыбы на дне океана, погребенные под толщей темной воды. Обычно, насколько я помнил, посадочную площадку по ночам освещали мощные прожекторы. Сейчас они не горели.

— Ну что, Олаф? — спросил Карс.

— Ты прав. Что-то неладно.

— Может, не стоит нам тут садиться? В баке достаточно горючего, чтобы долететь до Лос-Анджелеса.

— Ну нет!

Я сделал круг над базой и начал снижаться.

— Что? — встрепенулся Хенрик. Он, видимо, остаток пути подремал в своем кресле. — Уже подлетаем?

— Да. Мы на базе.

— А почему огни не горят?

— Не знаю, — ответил я горько, — ничего не знаю.

Вертолет мягко коснулся земли. Мотор сбавил обороты, лопасти вращались все медленнее.

Я отстегнул ремни и распахнул дверцу.

Меня окружила тишина.

Полная тишина, какая бывает только в дурных снах. Ни звука шагов, ни окрика часового на дежурной вышке. Я взгляделся — по-моему, она вообще пустовала. Страшное предчувствие медленно овладевало мной.

— Ну что? — мои спутники тоже вылезли из вертолета и теперь стояли, озираясь в этом жутком безмолвии.

— Не знаю. Пошли. Держи пистолет наготове, Хенрик.

И я двинулся в направлении темных приземистых зданий базы. Сначала я шел быстрым шагом, потом сорвался на бег.

— Осторожней, Олаф! — крикнул у меня за спиной Карс.

Я только махнул рукой.

Дверь была открыта — не распахнута настежь, просто открыта, и внутри царила такая же безмолвная тьма, как и снаружи — никаких признаков человеческого присутствия.

Я наугад распахнул ближайшую дверь. Это была комната, где размещались патрульные. В мертвенном свете наступающего утра проступал ряд аккуратно заправленных коек.

Никого.

В коридоре раздался звук торопливых шагов — в этой звенящей тишине он показался мне почти громом.

Я поспешно бросился обратно, но это были всего-навсего Хенрик и Карс.

— Ну что, — спросил Хенрик, — никого нет?

— Никого... пусто! Куда они могли все подеваться?

— Ни следов стрельбы, ничего?

— Вроде нет. Нужно осмотреть всю базу.

Внезапно меня захлестнула шальная надежда.

— Может быть... может быть, они эвакуировались?

— Тогда они должны были забрать с собой личные вещи, — сказал Хенрик, — хотя бы по минимуму.

— Нужно проверить.

И мы вновь двинулись прочесывать пустые комнаты. Солнце поднялось над горизонтом, и сквозь окна проникал холодный утренний свет.

По пути я свернул в столовую — она тоже была пустынна; пластиковая поверхность столов отсвечивала в солнечных лучах, вокруг столов застыли аккуратно расставленные стулья.

— Никаких следов борьбы? — спросил Хенрик.

Я покачал головой:

— Нет. Может... надо осмотреть лабораторию.

— Все еще надеешься, что она там?

— Ни на что я больше не надеюсь.

Лаборатория располагалась в другом крыле здания. Мы шли туда по молчаливым

коридорам, и наши шаги гулким эхом отдавались в этой абсолютной пустоте.

Дверь была распахнута настежь.

Металлические детали оборудования сверкали холодным блеском, солнце отражалось в застывших рядах пустых пробирок... на стуле лежал аккуратно сложенный белый халатик Сандры.

Ни записки, ничего.

— Не хотелось бы мне тебя расстраивать, Олаф, — сказал Хенрик, — но такое ощущение, что здесь и вправду никого нет. На них не напали, они не эвакуировались... просто исчезли.

— Верно, — с трудом выговорил я, — иначе она бы оставила мне хоть какую-то записку. Она же знала...

Горло у меня перехватило, я больше не мог выговорить ни слова.

Хенрик неловко похлопал меня по плечу.

— Ну-ну, дружище, успокойся.

— Что мы будем дальше делать, Олаф? — вмешался Карс. — Я не понимаю...

Я не ответил.

— Насколько я помню, у них тут была радиостанция, — сказал Хенрик.

— Что ты хочешь делать? Дать SOS?

— Не уверен, сумеем ли мы с кем-нибудь связаться. Сами знаете, радиосвязь тут, рядом с Гиблыми Землями, никакая, но, может, радио хоть на прием работает.

— Что ты надеешься услышать?

— Да хоть официальные сообщения какие-нибудь. Мы же не знаем, что в остальном мире делается!

Я вздохнул.

— Какая разница?

— Нет, Олаф, так не пойдет. Мы не для того вернулись живыми, чтобы теперь опустить руки и вообще отказаться от борьбы. А потом... вдруг мы все-таки выясним хоть что-нибудь, что поможет тебе отыскать ее?

— Маловероятно. Я же читал в сводках про такие случаи. Люди просто исчезают, и все.

— Так не бывает. Никто не может просто пропасть. Он может пропасть куда-то.

Я устало сказал:

— Оставь меня в покое. Делай что хочешь.

— Надо же, — тихо заметил Карс, обращаясь к Хенрику, — никогда не видел, чтобы Олаф так переживал из-за девушки. Да он всегда сам их бросал — и ничего...

— Уймись, чучело, — огрызнулся я, — что ты понимаешь со своим графиком производства?

— Пойдем, Олаф, — повторил Хенрик, — что толку стоять посреди комнаты?

Он подтолкнул меня к выходу, и мы двинулись к радиостанции. Крохотное помещение было таким же безлюдным, как и все остальные.

Я взглянул на молчавшее оборудование.

— Генератор-то не работает!

— По-моему, он исправен, — возразил Хенрик, — просто отключен. Но, по крайней мере, у приемника должен быть запасной источник питания. Ага... вот он.

Он повернул тумблер, и шкала радиоприемника зажглась мягким желтым светом.

Хенрик осторожно начал вращать верньер.

— На длинных волнах ничего, — сказал он наконец. — Лос-Анджелес молчит.

Из динамика доносился лишь неразборчивый гул да потрескивание атмосферных разрядов.

— Может, приемник просто не работает, — с надеждой спросил я, — тут так бывает!

Хенрик покачал головой:

— Не уверен... такое ощущение, что все передачи просто прекращены. Попробуем поймать север.

Он вновь повел стрелку вдоль шкалы.

— Сильные помехи... похоже, опять магнитная буря. Ага, вот. Нью-Йорк. Кажется, я что-то поймал. Вот послушайте.

Он прибавил громкости.

Еле слышимый из-за треска атмосферных разрядов голос возбужденно говорил:

— Это распространяется во все стороны от Мексиканского нагорья, точно взрывная волна. Происходит это всегда одинаково: сначала отдельные люди начинают вести себя странно, уверяют, что видят или слышат что-то необъяснимое, отмечены случаи, когда на глазах у родных и друзей некоторые внезапно теряют привычный облик и превращаются в нечто не поддающееся описанию. Так до сих пор и не удалось установить, происходит ли это на самом деле или же это всего-навсего галлюцинации, вызванные воздействием какого-то прежде неизвестного фактора. Затем начинается цепная реакция загадочных исчезновений; пустеют целые кварталы, города... Те немногие уцелевшие, которые оказались непосредственными свидетелями происходящего, находятся в таком глубоком шоке, что от них ничего нельзя добиться. Нью-Йорк уже практически опустел. Из Вашингтона тоже нет никаких известий. Белый дом молчит. Мы, группа репортеров, забаррикадировались в здании телецентра, но, полагаю, эта волна докатится и до нас. Тревожные сообщения поступают из Европы...

Голос вдруг захрипел и прервался, уступив место оглушительному треску атмосферных разрядов.

Хенрик еще несколько раз повернул верньер, потом обернулся к нам.

— Пожалуй, это все, — сказал он. — Может, кто-нибудь еще пытается связаться, но здесь принимаются лишь передачи большой мощности.

Он обхватил голову руками и замер в кресле.

— Как ты думаешь, Олаф, — тихонько спросил Карс, — а передатчик работает?

— Не знаю, — устало ответил я, — почему бы нет. А с кем ты хочешь связаться?

— С нашим консульством в Нью-Йорке.

— Нет больше никакого консульства.

— Я все-таки попробую. Хенрик, уступи мне место.

Хенрик встал, вид у него был еще мрачнее, чем обычно.

— Пропало, — сказал он, — все пропало...

— Я не понимаю, что происходит, Хенрик.

— А что тут понимать? Они захватили всю Землю. Не знаю, что они сделали с людьми... с человечеством... чем мы им так уж помешали?

— А бомбить их кто пытался?

— Да потому и пытались, что больше ничего сделать не могли! И то — без толку! А теперь... Ну что нам теперь делать?

Я покачал головой.

— Не знаю, Хенрик.

— Может, мне удастся связаться со своими, — сказал Карс, настраивая передатчик. —

Они заберут нас отсюда. Пришлют за нами свой транспорт. Должны прислать...

— Ладно, — сказал я, — валяй. Только лететь-то нам некуда. Везде одно и то же. Но ты давай связывайся. А я тут еще похожу.

— Нам лучше сейчас держаться всем вместе, Олаф, — предупредил Хенрик.

— Ничего со мной не станется.

Я побрел прочь из радиорубки — весело мерцающие огоньки на приборной панели казались издевательской насмешкой. Усталость, накопившаяся за время многодневного перехода, навалилась на меня. Все бесполезно — к чему стремиться куда-то, пытаться разрешить неразрешимую загадку... да, мы принесли отчет о том, что происходит в Гиблых Землях. Но его даже некому выслушать.

Кабинет Глена, примыкавший к помещениям лаборатории, также был пуст — никаких следов поспешной эвакуации, все на своих местах; заспиртованные двухголовые уродцы и странные создания по-прежнему слепо таранились на меня из своей стеклянной тюрьмы. Я пристроился в кресле и рассеянно стал перебирать кипу бумаг и писем, лежавших на столе. Отчеты рейнджеров, переписка с калифорнийской биологической станцией, дневники лабораторных исследований... Взяв в руки один из надорванных конвертов, я внезапно увидел знакомый почерк, и сердце у меня заколотилось быстрее. Я перевернул конверт — действительно, на обороте красовался норвежский адрес нашего управления.

Я извлек из конверта сложенный вдвое листок, исписанный аккуратным почерком Антона. Письмо явно не предназначалось для посторонних глаз, на нем стояла пометка «профессору Бакстону, лично», но какая теперь разница?

Привет, старина!

Новости у меня неутешительные. Наконец-то эксперты сумели дать мало-мальски связное объяснение тем сведениям, которые наш отдел накапливал вот уже несколько десятилетий. Я, помнится, писал тебе, что кадары, которых поначалу считали виновниками всех обрушившихся на нас бедствий, оказались ни при чем — и расшифровка их переговоров с орбитальной базой подтвердила это. Если бы они только не были такими перестраховщиками, если бы не разводили эту дурацкую игру в прятки, мы бы сумели вовремя сориентироваться и принять соответствующие меры. Теперь, боюсь, уже поздно. Человечество неуклонно и неумолимо движется к своему концу — во всяком случае, к концу привычной нам цивилизации. В Центральной Америке, под влиянием какого-то до сих пор неизвестного нам фактора, началось превращение людей во что-то иное — и теперь этот процесс распространяется по всему миру. Помнится, ты полагал, что причиной всех мутаций в Гиблых Землях является взрыв установки; я и сам так считал, но теперь думаю, что вся эта история с установкой была просто отвлекающим маневром, который на время сделал недоступными для нас целые территории и позволил там, в дебрях радиоактивного леса, без помех вызревать тем подспудным процессам, которые сейчас охватили весь мир.

Сначала я подумал, что вся эта история с тугами была таким же отвлекающим маневром, как взрыв установки, — пока мы с ними возились, у нас

не было времени задуматься о том, что делается там, в непроходимых дебрях Центральной Америки. Эволюция вообще штука жестокая — что для нее сотни и тысячи жертв? Пусть по всему миру невинным людям перерезают глотки, вся Служба безопасности сбивается с ног, и ни у кого нет ни времени, ни сил обращать внимание на всякие загадочные случаи, которые все чаще и чаще происходят у всех под носом. Но теперь, просмотрев все данные, я склонен полагать, что появление тугое — просто побочный эффект процесса. Зет-соединение, которое и вызывает всю эту радикальную перестройку организма, к моменту метаморфозы должно достичь определенной пороговой концентрации. Появляясь же в сравнительно небольших дозах, оно влияет на поведение людей, вызывая несколько типов отклонений от нормы, к одному из которых и относятся туги. Самое странное то, что зет-соединение уже найдено и в организме многих животных — вероятно, этим и объясняется появление множества странных форм и возникновение сразу нескольких новых видов разумных существ — что до сих пор приводило в недоумение наших биологов. Животные тоже эволюционируют — но человек меняется еще быстрее.

Человечество меняется, Глен, и меняется с такой скоростью, что люди, превращаясь в нечто иное, даже не успевают осознать, что с ними происходит. Думаю, этот процесс уже охватил всю планету. Какими они или мы будем, мне не известно. Знаю только, что человек и сверхчеловек все-таки не одно и то же, и приобретая какие-то новые потрясающие качества, мы можем потерять что-то очень важное из того, что у нас имелось прежде.

Глен, такой размах происходящего заставляет меня предположить, что процесс этот не случаен, а инспирирован какой-то внешней силой — вероятно, подобное происходит на всех планетах, где имеются цивилизации, достигшие определенного уровня развития, — история кадаров служит тому подтверждением. Кто бы это ни был, действует он, надо сказать, довольно жестоко, но, похоже, судьба человечества как такового его не интересует — для него важно лишь то, что из нас, людей, получится после метаморфозы, а вот этого мы как раз и не знаем! Всемогущие создания, способные силой мысли переноситься из одной точки Вселенной в другую? Существа, которым предстоит войти в семью таких же сверхсуществ, образовав сообщество разумов, которое мы и представить себе не можем? Нам остается только гадать и ждать — возможно, мы получим ответы на эти вопросы гораздо раньше, чем полагали.

Теперь я жалею, что послал ребят в самый центр этой заварухи. Я-то надеялся, что они сумеют вступить в контакт с загадочными инициаторами всех этих событий, но, вполне возможно, те просто не показываются на Земле, предоставив процессу идти своим ходом. Я возлагал определенные надежды на кадара — полагал, что он заметит то, чего не заметили мы, люди, просто потому, что не даст себе так легко заморочить голову. Они вообще не слишком-то восприимчивы; боюсь, что те, кто остался от их расы, просто жалкие последыши, по каким-то причинам не способные пройти процесс метаморфозы — может, в каждой расе найдутся отдельные представители, обладающие неким иммунитетом к воздействию зет-соединения? Не знаю, стоит ли им

позавидовать или мы должны сокрушаться об их дальнейшей участи. Но теперь это не важно. Маховик раскручен, и не нам пытаться остановить колесо эволюции.

Завтра иду на переговоры с представителями организации «Свободная Земля». Кажется, до них, как и до нашего ведомства, наконец дошло, что происходит, но, боюсь, они сделали несколько неправильные выводы и теперь собираются уничтожить всех сверхсуществ (не знаю, как их называть), которые попадутся им на пути. Не думаю, что это разумный шаг. Ничего, кроме ненужных смертей, он не принесет, тем более что те, против кого они выходят на тропу войны, умеют за себя постоять, в чем мы уже успели убедиться. Попробую отговорить их делать глупости...

*Быть может, мы с тобой еще увидимся при совсем других обстоятельствах.
Антон.*

Я, все еще держа в руке листок, растерянно уставился в пространство. В голове у меня царил какой-то сумбур. Метаморфоза? Сверхлюди? Человечество, в считанные дни превратившееся во что-то другое и исчезнувшее — куда? Куда-то за пределы привычного пространства и времени, куда постепенно переходят все разумы Вселенной? В сказочные города, которые мы способны видеть лишь на краткий миг, точно повисший в небе мираж?

И что теперь делать нам?

Мы-то остались.

Все еще сжимая письмо в руке, я направился обратно в радиорубку. Оба моих спутника по-прежнему были там. Карс обернулся ко мне.

— Мне удалось вызвать своих, Олаф, — сказал он, — почему-то связь очень хорошо работает. Они обещали выслать за нами транспортник. Может, если мы окажемся в Нью-Йорке, мы сможем хоть кого-нибудь разыскать...

Я отрицательно покачал головой.

Он вопросительно взглянул на меня, но я только махнул рукой. Прочитав письмо, он вновь, с еще большим недоумением, поглядел на меня.

— Не с кем больше связываться, — сказал я.

— Что там? — спросил Хенрик.

— Возьми. Прочитай.

Он взял у Карса письмо. По мере того как он скользил глазами по строчкам, на лице его читалась все большая безнадежность.

— Я подозревал что-то в этом роде, — сказал он наконец. — Не думал, правда, что все люди...

Голос его прервался, и он умолк.

Я бесцельно вышагивал по тесному помещению.

— Да хватит ходить взад-вперед! — взорвался Хенрик.

— Не представляю, как мы теперь... что делать дальше...

— Наверное, уже ничего, Олаф, — серьезно сказал Карс, — завтра утром придет транспортник. А пока, я думаю, нам нужно отдохнуть.

— Да... наше путешествие закончилось.

— Может, — возразил он, — все еще только начинается?

Я вздохнул.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но в одном ты прав. Я слишком устал, чтобы об этом думать.

Хенрик медленно поднял голову.

— Там, — сказал он, — за дверью...

— Что «за дверью»?

— Там кто-то есть.

— Тебе показалось, — неуверенно ответил я.

Но он уже молниеносно выхватил пистолет.

— Эй, кто там! Выходи!

С ужасом и удивлением я увидел, что дверь медленно распахнулась.

На пороге стоял Рамирес.

Он выглядел точно так же, как обычно. Нет, подумал я, почти так же... было в его облике что-то... что-то новое.

Хенрик направил на него пистолет.

— Опять ты, сволочь, — сказал он, — мало ты нам покоя в Гиблых Землях не давал.

— Во-первых, ты забыл поздороваться, — заметил Рамирес.

Это прозвучало настолько нелепо, что я с трудом подавил нервный смех.

Сзади послышался какой-то грохот. Это Карс, вскочив, опрокинул кресло.

— Но... — сказал он нерешительно, — ведь ты же умер!

— Это не совсем так, — спокойно возразил тот, — я не могу умереть. Никто из нас не может.

— Ты хочешь сказать, — вмешался я, — что вы бессмертны?

— Что-то в этом роде.

— Какого черта тебе тут надо? — медленно спросил Хенрик.

— Просто... захотелось вас повидать. Мы столько прошли вместе. За что ты нас так ненавидишь, Хенрик?

— Вы... — Хенрик задохнулся от ярости, — вы еще спрашиваете, нелюди?

— Ты всегда ненавидишь то, чего не можешь понять? Но это уже не имеет значения. Пойми, в том, что сейчас происходит, нет ничьей вины. Ни моей... ни твоей.

— А кто виноват? Я, что ли? Это я, по-вашему, распространял повсюду эту чертову заразу?

— Опомнись, Хенрик. Ты что же, думаешь, это эпидемия какая-нибудь?

— А что же еще? — угрюмо спросил Хенрик.

Рамирес глядел на него с мягкой усмешкой, и лицо его на миг изменилось. Он вдруг стал похож на дока — даже манера говорить стала другой.

— Это эволюция, мой милый. А эволюция всегда происходит скачком. Когда приходит ее время. Да, конечно, сначала изменения затрагивают немногих... исподволь, незаметно... Потом начинают накапливаться... для стороннего наблюдателя все еще выглядит как обычно... Но мир вокруг начинает меняться... подспудно... скрытно... А потом наступает цепная реакция. И бац... динозавры вымирают, а их место занимают другие, более совершенные виды.

— И кто же мы, по-твоему, — устало спросил Хенрик, — динозавры?

— Просто-напросто люди... самые обычные люди. Не Думаешь ли ты, что человечество появилось на Земле... да и на других планетах... чтобы существовать вечно? Рано или

поздно все должно отойти в сторону, чтобы уступить дорогу чему-то новому... Просто на этот раз эволюция оказалась милосердней, чем обычно. Динозавры вымерли. Люди — нет. Они скачком перешли в иное состояние, пройдя метаморфозу. Фигурально выражаясь, все мы были гусеницами, Хенрик... ползали по земной поверхности, не видя ничего вокруг себя, кроме своего жалкого маленького мирка...

— Метаморфоза? У всего человечества? Поголовно?

— У всего... или почти у всего...

— Что вы сделали с Сандрой? — вмешался я.

— Ничего... разумеется, ничего.

По его лицу вдруг прошла странная рябь, черты его на миг поплыли, и что-то чуждое, непредставимое, проступило сквозь привычную внешнюю оболочку.

Но только на миг.

— Еще не научился владеть собой, — заметил рейнджер, — трудно удерживаться в прежнем облике.

— Убирайся, ты, тварь, — прохрипел Хенрик, — пока я не пристрелил тебя.

— Я же говорю, — терпеливо повторил тот, — ты не можешь меня пристрелить. Это невозможно сделать.

Он обернулся ко мне:

— Послушай, Матиссен... мне очень жаль.

— О чем ты? — спросил я сквозь зубы. — Если ты о Сандре...

— Да нет! При чем тут она? С ней все в порядке.

Он чуть заметно щелкнул пальцами, и письмо Антона, которое Карс уронил на пол, задрожав, поднялось в воздух, проплыло мимо меня и мягко легло ему в руку.

Он развернул сложенный вдвое листок, бегло просмотрел его.

— Да, — сказал он, вновь обернувшись ко мне, — все верно... или почти верно.

Потом обратился к Карсу:

— Вы, кадары, лучше улетайте. Вам тут делать больше нечего.

— Вы нам угрожаете? — спокойно спросил Карс.

— Нет... я не сказал, что вам тут оставаться опасно. Просто — зачем?

— Это не мне решать, — ответил Карс.

— Я думаю, мы наведем ваше представительство в Нью-Йорке. Да они и сами понимают. Транспортники сейчас отовсюду свозят кадаров туда — завтра вечером с базы придет челнок.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами:

— У нас свои источники.

Потом вновь обернулся ко мне:

— С ними проще. Все-таки Земля так и не стала им домом. А вот как быть с той одной сотой процента, которая оказалась невосприимчивой к зет-соединению?

— Кого ты имеешь в виду?

Сердце у меня заныло от какого-то тоскливого предчувствия.

— Разумеется, мы не хотим никому причинять вреда... Они могут устраивать свою жизнь как хотят. Но легко ли им будет жить в изменившемся мире? Подумайте над этим, Матиссен.

— Ты хочешь сказать...

— Тут я бессилен. Мне жаль. Мне действительно жаль.

На его лице тем не менее не отражалось никаких чувств, в том числе и жалости.

— Ладно, — сказал он, — у меня не так уж много времени. Пошли, Хенрик. Хватит дурака валять.

— Умолкни, паскуда, — палец террориста дрожал на курке. — Никуда я с тобой не пойду.

— Пошли, нас ждут.

— Убирайся, ты, сволочь, пока я не всадил в тебя всю обойму!

— Никак не хочешь примириться с очевидным? Ну, как знаешь...

Он неторопливо оглядел нас.

— Мне пора. А вы... что ж, осталось не так уж много времени. Кстати, Матиссен, Антон передает тебе привет.

— Ты хочешь сказать...

Он усмехнулся:

— Вот именно.

Я не сводил с него глаз, но даже при этом не успел заметить, как он исчез. Только что он стоял тут, перед нами, — и через миг его уже не было.

— Вот это номер, — пробормотал Карс.

— Что он имел в виду, этот ублюдок, — тихо спросил Хенрик, — зачем он меня звал?

Я покачал головой:

— Не знаю... Может быть... может быть, ты теперь тоже один из них, Хенрик?

— Нет! — отчаянно выкрикнул он. — Нет! Это ложь! Это он нарочно!

— Ну, конечно, ложь, Хенрик, — примирительно сказал Карс, — успокойся.

— Что ты понимаешь, ты, чурбан?!

— Ладно, — вздохнул я, — что толку гадать. Пошли в столовую. Там наверняка остались какие-то запасы. Хоть поедем за столом, как приличные люди.

— Я очень вымотался, Олаф, — пожаловался Карс.

— Я тоже.

Усталость, которая подтачивала меня, не имела ничего общего с физическим утомлением. Она шла откуда-то изнутри. Все потеряло смысл. Привычная жизнь осталась позади, а те неведомые дали, в которые шагнуло человечество, похоже, были для меня закрыты. Конечно, Земля большая, и, если верить Рамиресу, на ней должны были остаться еще люди... такие, как я. Но какое мне до них дело, если я потерял всех, кого любил? Они ушли куда-то далеко, и я больше не мог до них дотянуться.

В полном молчании мы пообедали в пустой столовой. Потом разошлись по комнатам. Вокруг стояла такая оглушительная тишина, что ее было страшно нарушать даже разговором — казалось, все вокруг вот-вот разобьется на мелкие осколки.

Или, может, уже все разбилось, и теперь я в недоумении стоял среди обломков моей прежней жизни.

Ногалес — Нью-Йорк

13 ноября, 2128 года

Я проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел в рассветных сумерках физиономию Карса. На миг мне показалось, что мы все еще бредем по Гиблым Землям и все, что случилось потом, — просто дурной сон. Но первые же его слова разбили эту иллюзию.

— Собирайся, Олаф, — сказал мой напарник, — сейчас транспортник прилетит.

— Откуда ты знаешь?

— Я только что из радиорубки. Они сядут на посадочную площадку снаружи.

— Куда мне лететь? И зачем?

— Не выдумывай, Олаф! Я тебя тут одного не оставлю.

Похоже, он был настроен решительно, и я не стал с ним препираться. К чему?

— Ладно, — сказал я, — уговорил. Видишь, какой я покладистый.

— Пойдем сходим за Хенриком. Он с вечера так и не показывался. — И добавил, покачав головой: — Не нравится он мне. Совсем рассыпался.

— Расклеился?

— Какая теперь разница, Олаф?

И вправду, подумал я, какая разница...

Дверь крохотной каморки, где устроился на ночлег Хенрик, была заперта. Я постучал.

— Хенрик!

Молчание.

— Хенрик, открой. Это мы!

Никакой реакции.

Я сильнее нажал на дверь. Она была заперта изнутри.

— Очень меня это беспокоит, Олаф, — пробормотал Карс, — мало ли что...

— Надеюсь, он простит нашу назойливость.

Я разбежался и плечом ударился о дверь. Хлипкий замок легко поддался. Комната была пуста.

— Куда он делся? — удивленно спросил Карс. — На окнах-то решетки.

Я устало ответил:

— Туда... к ним. Он ведь один из них, понимаешь. Как бы он ни сопротивлялся...

— Что же теперь делать, Олаф? — недоуменно спросил Карс.

— А что мы можем сделать? Его уже не вернешь. Ты вроде хотел куда-то лететь...

Мы вышли во двор и побрели к посадочной площадке, расположенной за наружной оградой. Пустынные помещения базы заливал серый утренний свет, вертолеты застыли, точно огромные черные насекомые, а на горизонте в тумане чернела стена леса.

Потом раздался отдаленный звук, такой странный в этом молчаливом мире. Небольшой юркий транспортник кадаров вынырнул из низких облаков и завис над площадкой, выбросив хрупкую конструкцию трапа.

— Пошли, Олаф, — сказал Карс.

Я все еще медлил.

Он подтолкнул меня к трапу, и я покорно полез вверх по перекладинам. Молчаливый

пилот-кадар кивнул нам в знак приветствия и, обращаясь к Карсу, что-то сказал на чужом языке.

— Что он говорит? — спросил я.

— Он говорит, что объявлена всеобщая эвакуация, Олаф. Сегодня вечером из нью-йоркского космопорта отходит последний челнок. Мы улетаем. К завтрашнему утру на Земле больше не останется ни одного кадара.

— Все-таки Хенрик добился своего, — заметил я, — хотя ему, наверное, теперь все равно...

— Мы снимаемся с орбиты, Олаф, — сказал Карс, — и сворачиваем базы на Луне и на Марсе. Мы уходим. Совсем уходим.

— И тебе не жалко? Все-таки ты тут так долго прожил... Опять странствовать по космосу...

— Жалко, Олаф. Но что поделаешь? Это уже решено.

Трап втянулся, и транспортник стал быстро набирать высоту. Под нами промелькнули знакомые очертания базы, потом ее заслонили серые облака.

Что-то сдавило мне горло, и я, отвернувшись, чтобы Карс не заметил, украдкой вытер слезу.

Транспортники кадаров летают быстро; — уже через два часа машина опустилась на посадочную площадку перед Манхэттенским торговым центром, где располагалась основная миссия кадаров.

Мы выбрались наружу.

— Ну что, Олаф, — обернулся ко мне Карс, — пойдём? Побудешь со мной там, внутри?

Я покачал головой.

Пилот, который отстегнул ремни и теперь, спрыгнув на землю, стоял рядом с Карсом, вновь произнес какую-то непонятную фразу.

— Он говорит, что последний челнок на базу уходит сегодня в восемь вечера по местному времени, — пояснил Карс. — Мне бы хотелось, чтобы ты проводил меня до самого корабля.

Я кивнул.

— Хорошо, дружище. Я буду ждать тебя тут. Вместе и двинемся. Провожу тебя до стартовой площадки.

Он нерешительно топтался, не отваживаясь оставить меня одного.

— Иди-иди, — сказал я, — я приду. Даю слово.

— Ты обещал, — угрожающе сказал он и вслед за пилотом направился к зданию.

Я огляделся.

Повсюду сновали кадары — высаживались из все прибывающих юрких машин, деловито топтали в здание... я как-то раньше не осознавал, что их на Земле так много.

Ни единого человека поблизости не было.

Я повернулся и неторопливо побрел по 42-й авеню. Стоило лишь немного отойти от резиденции кадаров, как вся суета стихла и вокруг меня застыл пустынный, точно вымерший город. Окна небоскребов, в которых отсвечивало тусклое пасмурное небо, слепо глядели на меня; на перекрестке стояло несколько брошенных автомобилей. За квартал от того места, где я находился, к небу поднимался черный столб дыма — горело какое-то здание, и никому не было до этого дела.

Засунув руки в карманы плаща, я продолжал брести по улице, не слишком задумываясь,

куда иду.

Один, раз мне показалось, что в полете между домами мелькнула смутная человеческая фигура, но она исчезла прежде, чем я успел сделать несколько торопливых шагов ей навстречу.

Я зашел в маленький бар на углу и, шагнув за пустой прилавок, взял на себя обязанность бармена и налил единственному посетителю — то есть себе — коньяку. Сейчас я в нем особенно нуждался. В баре было полутемно, музыкальный автомат в углу игриво подмигивал разноцветными лампочками. Я выбрал мелодию повеселее и опустил в щель монетку. Бар наполнился разухабистым громом механической музыки, но в этой пустоте и она звучала как-то нелепо. Когда песня закончилась, я не стал запускать новую, а обслужил себя еще раз. Я пытался собраться с мыслями, но в голове у меня было пусто... мелькали лишь какие-то отрывки воспоминаний: Сандра в моих объятиях... отчаянные глаза Рамиреса... насмешливое лицо дока, ухмыляющееся мне сквозь завесу пыли, поднятой лопастями вертолета... Хенрик в радиорубке, напряженно вслушивающийся в голоса агонизирующего мира... Они все исчезли, ушли неизвестно куда, в неведомые дали, куда мне путь был заказан... Почему-то я чувствовал странную обиду, словно ребенок, перед носом которого захлопнулись двери в освещенную комнату, где полным-полно нарядных оживленных людей. Окно бара было зашторено, но я прекрасно знал, что там, снаружи, — неприятный пустой город, залитый мелким морозящим дождем...

У меня за спиной хлопнула дверь.

Я не обернулся, продолжал сидеть, сгорбившись, вертя в пальцах пустую рюмку.

— Лучшего занятия ты себе не нашел, — прозвучал знакомый голос.

Я вскочил так поспешно, что чуть не опрокинул стул.

— Сиди, сиди.

Антон отодвинул стул и подсел к моему столику.

Выглядел он как обычно — словно сидел за рабочим столом в управлении, а не в заброшенном баре города, где на многие мили вокруг не было ни единого человека.

— Что-то ты мне не нравишься, — заметил он.

Я уныло ответил:

— Я сам себе не нравлюсь... Антон, но это же больше не ты!

— Чушь, — ответил мой шеф. — Послушай, Олаф... Паршиво все получилось. Когда вся эта заваруха начиналась, были у меня кое-какие соображения, но я и понятия не имел, во что это выльется...

— Что же происходит, Антон? — нерешительно спросил я. — Я не понимаю...

— Будь я проклят, если сам понимаю, — заметил он. — Есть у меня, правда, кое-какие догадки на этот счет...

— А я думал... вы все знаете... Рамирес... или тот, кем он стал, толковал что-то... про эволюцию... про метаморфозу какую-то...

— Олаф, никакая эволюция не действует столь молниеносно.

— Но я читал твое письмо... ты сам писал — понадобилось более ста лет...

— Более ста лет понадобилось, чтобы где-то, в одном-единственном, скрытом от посторонних глаз месте зет-соединение достигло таких концентраций, что смогло запустить нечто вроде цепной реакции по всей планете. Но это не все объясняет, Олаф. Если ты хорошенько поразмыслишь... впрочем, это всегда было не самой сильной твоей стороной...

Еще несколько дней назад я бы привычно возмутился, но сейчас молча проглотил

обиду.

— Все странные явления, все отклонения от нормы, которые мы наблюдали за последние сто лет и частота которых все увеличивалась, были связаны с этим постепенным распространением зет-соединения. Думаю... что оно проявляло себя и раньше, у отдельных людей — нечто вроде эволюционного прорыва...

— Телепатия, ясновидение, все такое?

— Да. Все такое. Но, Олаф, вспомни, с чего все началось.

Я покачал головой. Похоже, Антон был прав — я потерял всякую способность соображать.

— Я до сих пор больше чем уверен, что Катастрофа была неслучайна. Мало того — вспомни, что рассказывал Карс. Ведь в их мире стряслось то же самое... и перед тем, как их планета опустела, на ней тоже произошло несколько подобных катаклизмов... А это уже закономерность.

— И в других мирах, про которые он рассказывал...

— Вот именно. Механизм происходящего один и тот же по всей Вселенной. А это значит, что там, во Вселенной, есть нечто, чего пока не способны постичь даже мы.

— Высший разум?

— Не знаю... Но какая-то высшая сила — безусловно. Некто... или нечто... помогающее разумным видам разом, одним скачком преодолеть эволюционный барьер... открыть неведомые ранее способности... Слепой закон природы? Или действительно высший разум? Или нечто большее, чему у нас пока нет никаких аналогий? Тебе кажется, что ты остался в арьергарде эволюции... Но и мы столкнулись с чем-то, чего не способны понять... Вселенная неизмерима, Олаф. Мы сделали всего лишь шаг вперед... И перед нами лежит бесконечный путь...

Я вздохнул.

— Все это очень красиво, Антон. Но меня это уже не касается.

— Ты ведешь себя просто глупо, — сухо сказал он. — Вбил себе в голову, что ты больше никому не нужен.

— А разве это не так?

— Нет. Не так. Послушай, Олаф, я не могу с тобой долго разговаривать. Для этого мне приходится оставаться в той личине, к которой ты привык, а я еще не освоился как следует. Но, если вкратце, думаешь, ты один такой несчастный? Ведь даже если метаморфозу прошли девяносто девять и девять десятых процента всего человечества, то остается еще одна десятая. Сколько это? В масштабе всей Земли? Им нужна помощь, поддержка не меньше, чем тебе. Нужно собрать их всех, утешить, объяснить, помочь наладить жизнь... Слишком много уже было трагедий... Вероятно, мне придется какое-то время заниматься именно этим. Почему бы тебе не подключиться? В качестве моего помощника?

— Как в старые добрые времена?

— Да. Как в старые добрые времена.

Я покачал головой.

— Нет, Антон... старые времена кончились. А я... я очень устал.

— Ты просто раскис, дружище, — сказал мой шеф.

— Не называй меня так. Мы больше не можем быть друзьями. Мы больше никем не можем быть... Что я для вас теперь такое? Нечто вроде... говорящего животного? Или трехлетнего несмышленьша?

Он пожал плечами и поднялся.

— Тем не менее я советую подумать над моим предложением. Может, когда ты придешь в себя, все-таки вспомнишь о том, что еще на службе. И никто тебя не освобождал. У тебя есть долг и ответственность.

— Мне больше не перед кем отчитываться. И не за кого.

Он направился к выходу.

— И все-таки подумай. Я тебя разыщу, где бы ты ни был. Уж на это у нас способностей хватает.

— Спасибо, Антон, — сказал я в удаляющуюся спину. — Я подумаю.

Но он меня уже не слышал. Хлопнула дверь. Я ожидал, что за шторой снаружи, удаляясь от бара, промелькнет силуэт. Но на улице было совершенно пусто. Он просто исчез и все.

Как все они...

А я остался. Я сидел там, пил и думал. Антон — мой шеф. И он никогда не ошибался. Даже раньше, когда был просто человеком. Что же, мне теперь предстоит новая работа... на опустевшей Земле, где время от времени передо мной будут появляться странные создания, бывшие когда-то людьми... появляться, когда им вздумается... уходить, когда им вздумается... Возможно, они действительно не такие уж плохие... и их и вправду беспокоит участь тех, кто остался... Они даже согласны уделить нам минутку своего драгоценного времени... А потом уйдут и займутся своими загадочными, недоступными нам делами... Антон нашел мне занятие просто потому, что по старой памяти хотел, чтобы его бывший подчиненный и, смею надеяться, даже друг не чувствовал себя одиноким и заброшенным. На самом-то деле они прекрасно справятся и без меня.

После пятой рюмки я уже точно знал, что я буду делать дальше.

...Посадочная площадка перед Манхэттенским центром была запружена кадарами; они грузились в гигантский аэробус-вертолет, который должен был доставить их к космопорту. Сейчас, спяну, я не мог различить их — все они казались мне на одно лицо: чужая деловитая толпа, погруженная в свои собственные заботы.

Тем не менее от нее отделился один кадар и направился ко мне.

— А я уж боялся, что ты не придешь, Олаф, — сказал мой напарник. Потом подозрительно оглядел меня.

— Что ты пил?

— Коньяк. Причем самый лучший. Знаешь, сколько раньше стоила одна бутылка такого коньяка?

— Может, не надо было?

— Какого черта? — огрызнулся я. И, помолчав, добавил: — Вот что, Карс... я тут думал-думал и решил. Ваши не будут против, если с ними полетит один несчастный человек?

Никогда не думал, что на этой роже может просиять такая улыбка.

— Ты правда решил полететь с нами, Олаф?

— В общем, да. Точно — решил. А вообще куда вы, кстати, направляетесь?

— Вселенная большая. И цивилизаций в ней хватает. Теперь, когда мы знаем, что происходит... ведь все не так уж плохо, Олаф! Наша раса вовсе не погибла! И ваша тоже! Наоборот! Думаю, где-то на просторах Вселенной они встретятся и пойдут рука об руку. Но и для нас найдется много дел. Мы будем помогать тем, кто еще не поднялся на эту ступень. Будем собирать тех, кто остался. Таких, как ты. И таких, как я... А может, именно нам и

предстоит обнаружить ту скрытую силу, что стоит за всем этим... и кто знает, какие чудеса нас ждут?

— Отлично, — сказал я, — вот вместе и выясним.

Нью-Йорк, космопорт

13 ноября 2128 года

...Над стартовой площадкой моросил мелкий дождь. Вереница кадров медленно поднималась по трапу застывшего в ожидании корабля. Это был последний челнок. Остальные уже ушли. Скоро я, первый и единственный человек за последние полтора века, испытаю на себе, что это значит — быть в невесомости, увидеть Землю из иллюминатора космического ковчега перед тем, как покинуть ее... быть может, навсегда... и отправиться странствовать вместе с этими космическими бродягами по бесконечным просторам космоса.

Я на миг задержался, чтобы бросить взгляд на бетонные плиты космопорта, на пучки травы, пробивающейся в трещинах меж плитами, на подернутые дымкой очертания небоскребов на горизонте... Карс стоял рядом со мной. Вдруг он схватил меня за руку.

— Олаф, смотри!

И тут я увидел Сандру.

Она стояла на взлетной полосе, ее бронзовые волосы теплым костром пылали под этим сумрачным небом.

Я подбежал к ней, обнял за плечи.

— Дорогая моя!

— Я пришла проводить тебя, Олаф, — сказала она.

— Я так беспокоился... чуть с ума не сошел. Все думал — как ты?

— Со мной все в порядке, Олаф. Не думай об этом. Вообще не думай больше обо мне. Обещаешь?

Я покачал головой.

— Нет, любимая. Этого я тебе обещать не могу. Она обняла меня, и на меня повеяло знакомым теплом, смолистым ароматом соснового леса.

— Я так рада, что ты летишь с Карсом, Олаф, — сказала она, — он за тобой присмотрит.

Карс ухмыльнулся.

— Уж присмотрю.

— Мы прощаемся навсегда? — нерешительно спросил я.

Она высвободилась из моих объятий, улыбнулась.

— Кто знает, Олаф? Все еще впереди.

И пропала. Только дождь плясал на том месте, где она только что стояла.

Я вздохнул и двинулся к трапу.

— Ничего, Олаф, — бубнил у меня за спиной Карс, — теперь я буду за тобой присматривать. Не расстраивайся.

— Вот спасибо, — горько ответил я.

Дойдя до трапа, я в последний раз обернулся. Может, надеялся увидеть ее еще раз...

— Эй! — раздался знакомый голос. — Куда это вы собрались? Когти, значит, рвете? Не ожидал, Олаф, не ожидал...

— Хенрик! — воскликнул я. — А я думал, теперь тебе и дела-то до нас нет!

— Конечно, нет, — ответил Хенрик, — очень мне нужны всякие паршивые кадры.

Разве что они согласятся прихватить с собой одного вашего общего знакомого?

Я недоуменно уставился на него.

— Но ты же... а я думал, что ты теперь с ними со всеми...

— Да пошли они, — жизнерадостно ответил Хенрик, — чего я там не видел? Не настолько уж они хороши, чтобы бросать ради них старых друзей.

— Ой, не знаю, Хенрик, — с сомнением произнес Карс, — будут неприятности...

— Интересно, какие? А если и будут, нам не привыкать! Почему бы нам не повидать свет, не посмотреть, где что творится? Что, боевики больше нигде спросом не пользуются?

— Ты и вправду собрался с нами? — недоверчиво переспросил Карс. — Имей в виду, на борту одни сплошные кадары. А ты их терпеть не можешь!

— Ничего. Привыкну как-нибудь. А там, как знать, кого нам еще доведется встретить? Может, и вправду какую-нибудь прекрасную принцессу?

— Но я должен поговорить с начальством...

— Ничего, — зловеще сказал Хенрик, — уж я сумею их убедить.

— Ладно, — вздохнул Карс, — что с тобой сделаешь? Пошли!

...За нами захлопнулся входной люк. Мощные двигатели работали почти бесшумно, и я понял, что мы оторвались от земли, лишь потому, что перегрузка вдавила меня в кресло. Я не мог обернуться, но знал, что по обе стороны от меня сидят мои друзья, а рядом еще сотни и сотни таких же кресел, в которых, как в коконах, расположились остальные кадары, эти космические странники. Впереди по курсу лежала повисшая на чудовищной высоте над Землей орбитальная база, а за ней в черной пустоте мерцали сотни миров, которые нам еще только предстояло увидеть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Волна жестоких убийств, совершаемых мутантами-тугами, захлестнула планету. А тут еще и исчезновения тысяч людей в разных уголках земного шара. Кому поручить расследование всей этой чертовщины? Конечно же, инспектору Олафу Матиссену, обладающему уникальной способностью притягивать к себе самые немислимые неприятности. И вот он вместе с напарником-инопланетянином отправляется в Гиблые Земли – эпицентр ядерной катастрофы, так страшно изменившей облик планеты.

